

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ГРИВОЉДОВА

Exchange
Account

891.72

G841

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
А. С. ГРИБОЋДОВА.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 354: QUANTUM MECHANICS

Изображено у Ф. А. Вильяма 25. Января 1854

Handwritten signature in cursive script, likely reading "F. A. Williams".

Полное собрание
сочинений

А. С. ГРИБОѢДОВА.

Под редакцией Арс. И. Введенскаго.

Содержитъ восемь очерковъ и портретовъ А. С. Грибоѣдова, составленныхъ изъ бумагъ Ф. Д. Брокгаузона въ Лейпцигѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1892.

с

Portrait of a Gentleman
Wm. L. G. L.

Griboïedov, A. S.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
А. С. ГРИБОЋДОВА.

Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго.

Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ А. С. Грибоѣдова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1892.

Дозволено цензурою. СПб: 11 июля 1892 г.

320294

~~~~~  
Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъическая, д. № 1.  
~~~~~

Предисловіе.

Сочиненіямъ Грибоѣдова посвящены многочисленныя и тщательныя изысканія. Изданія ихъ, сдѣланныя Серчевскимъ, Гарусовымъ, Ефремовымъ, и особенно въ послѣднее время (1889 г.) приватъ-доцентомъ Шляпкинымъ, исчерпали все, что изъ написаннаго Грибоѣдовымъ было разбросано въ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ или могло быть добыто въ рукописяхъ. Послѣднее изданіе особенно цѣнно обширнымъ собраніемъ какъ текстовъ произведеній Грибоѣдова, такъ и библиографическихъ данныхъ. Задача наша была тѣмъ совершенно упрощена.

Но, назначая наше собраніе сочиненій Грибоѣдова для обыкновенныхъ читателей, которымъ, тѣмъ не менѣе, не чужды стремленія ближе ознакомиться съ личностью творца „Горя отъ ума“ и характеромъ его творческой дѣятельности, мы должны были нѣсколько иначе воспользоваться собранными матеріалами. Мы расположили произведенія по родамъ, что съ особенною силою обнаруживаетъ свойства ума и таланта Грибоѣдова. Мы нашли излишними въ изданіи официальныя письма и донесенія Грибоѣдова, которыя онъ писалъ въ качествѣ чиновника, и оставили только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отразились свойства личности нашего автора. Мы исключили различныя „путевыя замѣтки“ и т. п., заключающія въ себѣ просто названія мѣстностей, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, или смутныя указанія на факты, которые онъ намѣренъ былъ, вѣроятно, позже описать,—все это имѣетъ значеніе сырого біографическаго матеріала; но мы напечатали „историческія замѣтки“ Грибоѣдова, потому что въ нихъ сказался сильный и пытливый духъ ихъ автора. Мы не могли включить въ наше изданіе и такія статьи, какъ „Письмо о взятіи Карса“, принадлежность котораго Грибоѣдову болѣе чѣмъ сомнительна. Затѣмъ въ наше изданіе вошло всё, что принадлежитъ перу Грибоѣдова.

Тексты произведеній Грибоѣдова взяты нами тѣ, которые, по нашему мнѣнію, болѣе авторитетны. Мы не почли нужнымъ также удерживать орфографическія особенности, несвойственныя современному русскому правописанію, и тѣмъ болѣе не сохранили ошибокъ въ правописаніи и въ разстановкѣ знаковъ препинанія; неправильности эти произошли просто отъ невниманія или незнанія переписчиковъ.

А. В.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

(Биографическій очеркъ).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, выѣхавшаго въ Московское царство изъ Польши. Дворянина Михаила Ефимовича Грибоѣдова «жаловалъ» царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «за ево многія службы» царю Василю Ивановичу «во нужное и во прискорбное время». При царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ выдвигается нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Грибоѣдовъ, сынъ Яна Гржибовскаго, подписавшій, въ числѣ пяти составителей, «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича. Эта послѣдняя отрасль фамиліи, вѣроятно, была въ близкомъ родствѣ съ первою; полагаютъ, что Ѳеодоръ Ивановичъ былъ вызванъ царемъ съ родины, въ качествѣ свѣдущаго законника, для составленія названнаго памятника русскаго законодательства, и быть-можетъ, именно по указанію своихъ родственниковъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка Грибоѣдовы сдѣлались чисто русскими.

Александръ Сергѣевичъ былъ представителемъ обоихъ этихъ родовъ. Отецъ его, секундъ-майоръ Сергѣй Ивановичъ, потомокъ Яна Гржибовскаго, женился въ 1793 году на Настасѣѣ Ѳеодоровнѣ Грибоѣдовой, происходившей отъ рода Михаила Ефимовича. Отъ этого брака и родился знаменитый творецъ «Горя отъ ума», 4 января 1795 года, въ Москвѣ. Родители его принадлежали къ высшему московскому обществу, которое Грибоѣдовъ имѣлъ, поэтому, возможность хорошо узнать еще въ юные годы. Настасья Ѳеодоровна постаралась дать своему сыну основательное образованіе. Первымъ воспитателемъ Грибоѣдова былъ Петрозилюсъ, замѣчательный ученый энциклопедистъ, затѣмъ Богданъ Ивановичъ Юнъ, докторъ правъ, знатокъ классиковъ, который основательно познакомилъ своего воспитанника съ древними языками. Зная съ ранняго возраста нѣсколько иностранныхъ языковъ, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность близко ознакомиться и съ новѣйшими литературами. Онъ очень любилъ му-

зыку, впоследствии зналъ прекрасно теорію этого искусства и былъ извѣстенъ даже какъ превосходный импровизаторъ на фортепьяно.

Въ 1810 году Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскій университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета (нынѣшній юридическій факультетъ) вольнослушателемъ и слушалъ лекціи профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнхардта, Шлецера, Снегирева. Особенное вліяніе имѣлъ на него профессоръ исторіи и эстетики Буле, занимавшійся съ нимъ на дому философскими и политическими науками. Время, проведенное въ университетѣ, Грибоѣдовъ всегда вспоминалъ съ любовью и благодарностью. Уже тогда онъ пристрастился къ литературѣ и началъ писать; есть извѣстіе, что будто бы 17-лѣтнимъ студентомъ онъ читалъ уже Юну и товарищамъ отрывки изъ «Горя отъ ума»; но, конечно, это раннее произведеніе, если оно и существовало, было далеко отъ того, которое обезсмертило имя Грибоѣдова.

Годъ Отечественной войны вызвалъ Грибоѣдова на другое поприще. Вслѣдствіе воззванія правительства къ студентамъ Московскаго университета, онъ, выдержавъ экзамень на кандидата, поступилъ корнетомъ въ Московскій гусарскій полкъ, который формировался тогда изъ аристократовъ графомъ Салтыковымъ. Полкъ этотъ составлялся медленно, а скоро, за смертью Салтыкова, и совсѣмъ распущенъ; тогда Грибоѣдовъ перешелъ въ Иркутскій гусарскій же полкъ. Участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона ему, однако, все-таки не пришлось: Иркутскіе гусары были причислены къ резервамъ, и дальше Брестъ-Литовска не пошли. Въ это время Грибоѣдовъ познакомился и близко сошелся съ адъютантомъ при генералѣ Кологривовѣ, С. Н. Бѣгичевымъ, дружба съ которымъ связывала его потомъ всю жизнь. Бездѣйственная, разгульная жизнь, господствовавшая среди офицеровъ того времени, не осталась безъ вліянія на Грибоѣдова, и страстная натура нерѣдко увлекала его далеко за предѣлы благоразумія. Такъ, съ Бѣгичевымъ они вѣхали однажды во второй этажъ дома, гдѣ былъ балъ; другой разъ Грибоѣдовъ забрался во время богослуженія на хоры церкви какого-то католическаго монастыря на мѣсто органа, превосходно импровизировалъ церковные гимны, и затѣмъ вдругъ началъ играть «камаринскую». Внутренно Грибоѣдовъ чувствовалъ ненормальность подобной жизни и впоследствии писалъ: «я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ какъ не могу попасть на путь истинный».

Бѣгичевъ былъ, однако, не участникомъ только въ затѣяхъ Грибоѣдова. По всѣмъ даннымъ, это былъ человекъ выдающагося ума; онъ

скоро понял Грибоѣдова и постарался отвратить его отъ празднои, разгульной жизни; сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, прямо называла Бѣгичева «провидѣніемъ» своего брата. Относящееся къ тому же времени знакомство съ извѣстнымъ драматическимъ писателемъ, княземъ Шаховскимъ, тоже служившимъ въ военной службѣ, осталось не безъ вліянія на литературныя стремленія Грибоѣдова. Уже изъ Бреста онъ послалъ въ «Вѣстникъ Европы» письма «О кавалерійскихъ резервахъ» и о праздникѣ въ честь генерала Кологривова, получившаго тогда награду. Вѣроятно къ тому же времени относится переводъ Грибоѣдовымъ пьесы «Le Secret du ménage», подъ заглавіемъ «Молодые супруги».

Военная жизнь, между тѣмъ, теряла для Грибоѣдова привлекательность; онъ стремился въ Петербургъ. И въ 1815 году мы видимъ его уже въ столицѣ. Черезъ князя Шаховскаго Грибоѣдовъ близко сошелся съ кружкомъ писателей и драматурговъ, между прочимъ съ П. А. Катенинымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Гречемъ. Онъ страстно увлекся театромъ, и при тогдашней строгости относительно театровъ, доходившей до запрещенія выражать неодобреніе актерамъ, не разъ рисковалъ, какъ говорятъ, серьезно поплатиться за свои увлеченія, если бы его не удерживалъ извѣстный позже поэтъ князь А. И. Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ подружился въ то время. 29 сентября 1815 года поставлена на петербургской сценѣ въ первый разъ и переводная пьеса его самого: «Молодые супруги». Въ началѣ слѣдующаго, 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Свѣтская жизнь, которую велъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни, отвлекла его отъ литературы; тѣмъ не менѣе, появившаяся въ срединѣ года статья его «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой Леноры», обратившая на себя вниманіе, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, съ которымъ относился онъ къ литературнымъ явленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣчательной независимости мысли, объ опредѣленности и ясности представленій о литературѣ. Имя Грибоѣдова появляется въ то же время въ спискѣ членовъ мазонской ложи *Des amis réunis*. По свидѣтельству Бѣгичева, Грибоѣдовъ написалъ въ этомъ году нѣсколько сценъ «Горя отъ ума», въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ была между прочимъ жена Фамусова, сантиментальная поклонница моды, позже со всѣмъ исключенная изъ комедіи.

Въ слѣдующемъ, 1817 году Грибоѣдовъ опредѣлился на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ декабрѣ произведенъ въ переводчики коллегіи. Въ это время случилось обстоятельство, оставившее въ жизни его довольно яркій слѣдъ. Грибоѣдову, жившему

тогда въ одной квартирѣ съ гр. Завадовскимъ, случилось какъ-то пригласить къ себѣ на чай извѣстную тогда балетную актрису Истомину. Кавалергардскій офицеръ Шереметевъ, пользовавшійся ея особеннымъ расположеніемъ, и ревновавшій ее къ Завадовскому, по совѣту А. П. Якубовича, вызвалъ Грибоѣдова на дуэль. Грибоѣдовъ отказался, но выразилъ готовность стрѣляться съ Якубовичемъ. Дуэль состоялась между Шереметевымъ и Завадовскимъ, и первый былъ убитъ. По просьбѣ отца убитаго, всѣ участники дуэли были прощены и только одинъ Якубовичъ сосланъ на службу на Кавказъ, и съ нимъ, какъ увидимъ позже, должна была состояться дуэль Грибоѣдова.

Между тѣмъ умъ и исключительное образованіе Грибоѣдова, владѣвшаго нѣсколькими языками, обратили на него вниманіе министра иностранныхъ дѣлъ, который и предложилъ ему мѣсто секретаря при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персію, Мазаровичу. Неохотно, но согласился Грибоѣдовъ на это назначеніе, оказавшееся позже фатальнымъ для него. Въ октябрѣ 1818 года онъ былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ стрѣлялся съ Якубовичемъ, былъ раненъ въ руку, и отъ этой раны у него свело мизинецъ на рукѣ— признакъ, по которому узнали его изуродованное тѣло.

Въ началѣ 1819 года Грибоѣдовъ уѣхалъ въ Персію. Повѣренный въ дѣлахъ, Мазаровичъ, не отличался качествами хорошаго дипломата, особенно для азіатской страны: онъ унижался передъ персидскими властями. Совершенно иное направленіе, насколько позволяло ему официальное положеніе его, далъ русской политикѣ въ Персіи Грибоѣдовъ. Представившись въ Тавризѣ наслѣднику персидскаго престола, Аббасу-Мирзѣ, и шаху въ Тегеранѣ, онъ дѣятельно занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ — послѣдняго, какъ служащаго основаніемъ для многихъ нарѣчій Востока, — а также правовъ и характера персіянъ. Держалъ онъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже со стороны враждебной Россіи англійской миссіи въ Тавризѣ и благосклонность Аббасъ-Мирзы, но въ то же время и ненависть нѣкоторыхъ персидскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ лицѣ Грибоѣдова Персія получила сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Найдя въ Персіи множество русскихъ, вступившихъ тамъ въ войска шаха, Грибоѣдовъ уговорилъ многихъ изъ нихъ воротиться въ Россію. Несмотря на интриги и препятствія со стороны персіянъ, онъ послѣдовательно провелъ это дѣло до конца и ему поручено было проводить отряды переселенцевъ въ русскія границы. Не разъ рисковалъ Грибоѣдовъ жизнью на этомъ тревожномъ пути, среди озлобленныхъ персіянъ, которымъ не могли быть пріятны дѣйствія

энергичнаго секретари мисіи, по знаніи персовъ и тактъ помогли Грибоѣдову безпрепятственно исполнить порученіе и даже не потерять при этомъ расположенія Аббаса-Мирзы и шаха, пожаловавшихъ ему орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Часы досуга отъ дипломатической дѣятельности Грибоѣдовъ посвящалъ любимымъ занятіямъ: музыкѣ, литературѣ и чтенію. По словамъ Булгарина, «Горе отъ ума» начато именно въ Тавризѣ. «Будучи въ Персію въ 1821 году, — рассказываетъ онъ, — Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. Онъ легъ спать въ кіоскѣ, въ саду, и видѣлъ сонъ, представившій ему любезное отечество со всѣмъ, что осталось въ немъ милого для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горя отъ ума» и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія сія заняла всѣ его досуги и онъ окончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году». Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрія подробности этого разсказа, въ немъ, надо думать, есть зерно истины: вдали отъ родины, рисуя себѣ въ воображеніи картины московской жизни, Грибоѣдову всего естественнѣе было создать тотъ окончательный планъ комедіи, который мы знаемъ, и отказаться отъ первоначальныхъ, создававшихся подъ непосредственными, частными и мелкими, впечатлѣніями московской и петербургской жизни.

Въ ноябрѣ 1821 года мы находимъ Грибоѣдова въ Тифлисѣ. На пути туда изъ Тавриза онъ опасно переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, не найдя доктора, вынужденъ былъ обратиться къ первому, который могъ подать ему помощь. Въ результатъ рука его срослась неправильно, такъ что онъ не могъ владѣть ею, и въ Тифлисѣ пришлось снова сдѣлать переломъ для приданія ей правильнаго положенія. Вхатъ въ Персію, гдѣ въ опасной болѣзни своей онъ могъ не найти помощи, Грибоѣдову было невозможно; да внутренно онъ и не желалъ возвращаться въ эту азіатскую страну, полную опаснаго коварства. И Грибоѣдовъ переведенъ былъ «секретаремъ по иностранной части» въ распоряженіе тогдашняго начальника Кавказскаго края, А. П. Ермолова. Человѣкъ большаго ума, Ермоловъ умѣлъ цѣнить Грибоѣдова; привязался къ нему и Грибоѣдовъ, былъ при немъ безотлучно и даже сопровождалъ его въ военныхъ экспедиціяхъ. Въ Тифлисѣ служилъ въ то время впоследствии знаменитый Н. Н. Муравьевъ (Барескій); Грибоѣдовъ познакомился съ нимъ близко, училъ его

по-персидски, самъ участвъ у него турецкому языку. О впечатлѣніи, которое произвелъ Грибоѣдовъ на Муравьева, можно судить по словамъ послѣдняго: «Образованіе и умъ его (Грибоѣдова) необыкновенны». Берже въ одной изъ своихъ статей сдѣлалъ слѣдующее характерное описаніе тогдашняго образа жизни Грибоѣдова въ Тифлисѣ: «Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда отерываются предгѣрья главнаго Кавказскаго хребта, А. С. Грибоѣдовъ болѣею частью оставался у себя, одѣтый по обыкновенію въ туземномъ архалукѣ. Всегда и всѣмъ любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ... Дома занимался музыкой... Онъ усердно продолжалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ хорошаго руководителя: это былъ содѣржатель одной изъ тифлисскихъ бань...»

Въ мартѣ 1823 года Грибоѣдовъ взялъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца; но остался онъ на родинѣ почти два года. Это было время самое плодотворное для него въ отношеніи литературной дѣятельности. Въ Москвѣ, въ домѣ матери и сестры, Грибоѣдовъ въ главныхъ основахъ сдѣлалъ «Горѣ отъ ума» тѣмъ произведеніемъ, которое обезсмертило его имя. Онъ появлялся въ московскомъ обществѣ, и возвращаясь поздно домой, писалъ и передѣлывалъ сцены, по словамъ Бѣлларина, по ночамъ. Въ 1824 г. Грибоѣдовъ получилъ разрѣшеніе ѣхать за-границу для лѣченія и отправился въ Петербургъ. За-границу онъ, однако, не поѣхалъ, и около года прожилъ въ сѣверной столицѣ. Въ это именно время безсмертная комедія его начинаетъ приобретать извѣстность, и онъ долженъ былъ многократно читать ее въ средѣ тогдашнихъ литературно-образованныхъ людей и литераторовъ. Изъ писемъ его видно, однако, что онъ неоднократно принимался и въ эти дни за ея исправленіе. Кругъ знакомства его расширился, и онъ познакомился и сошелся съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, — Бестужевымъ-Марлинскимъ, съ Д. Завалишинымъ и другими. Ноябрьское наводненіе въ Петербургѣ дало поводъ Грибоѣдову описать свои впечатлѣнія въ статьѣ: «Частные случаи Петербургскаго наводненія», по цензурнымъ условіямъ не появившейся въ печати. Онъ жилъ тогда въ квартирѣ Одоевскаго на Торговой, гдѣ вода достигла значительной высоты.

Отказавшись отъ мысли ѣхать за-границу, Грибоѣдовъ рѣшилъ возвратиться въ Грузію продолжать службу. Въ мав 1825 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга и, черезъ Кіевъ и Крымъ, моремъ поѣхалъ въ Имеретію, а оттуда въ Ермолу.

Осенью Грибоѣдовъ былъ въ экспедиціи противъ горцевъ съ генераломъ Вельяминовымъ; свои впечатлѣнія онъ выразилъ въ стихотвореніи «Хищники на Чегемѣ». Декабрскія событія 1825 г. въ Петербургѣ не могли не отразиться на немъ, по близкому знакомству его съ декабристами, и въ январѣ 1826 года Ермоловъ получилъ приказаніе арестовать его. Рассказываютъ, что, получивъ депешу въ Екатериноградской станицѣ, за ужиномъ, гдѣ былъ и Грибоѣдовъ, Ермоловъ вызвалъ его въ другую комнату и посоветовалъ ему сейчасъ же идти домой съечь все, что могло бы его скомпрометировать, и когда черезъ часъ явился арестовать его, то, естественно, у Грибоѣдова ничего не нашли. Въ февралѣ Грибоѣдова привезли въ Петербургъ и сдали подъ арестъ. По слѣдствію не найдено никакихъ основаній привлечь его къ дѣлу о декабристахъ, и въ мартѣ, въ половинѣ, онъ былъ уже свободенъ.

Въ дни заключенія Булгаринъ имѣлъ случай оказать ему нѣсколько услугъ, и Грибоѣдовъ, прежде отказавшійся было совсемъ отъ его знакомства, теперь опять подружился съ нимъ. Получивъ свободу, онъ даже поселился съ нимъ на дачѣ, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ, видаясь только съ близкими людьми и проводя время въ чтеніи и дружескихъ беседахъ. По разказу Булгарина, тогда Грибоѣдовъ «часто бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности. «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». ...У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о бесплодной почвѣ нашей словесности. «Въ жизни народа, какъ въ жизни человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «словесность—мысль народа объ изящномъ. Греки, римляне, евреи не погибли оттого, что оставили по себѣ словесность, а мы... мы не пишемъ, а только переписываемъ!..» Грибоѣдовъ—продолжаетъ Булгаринъ,—чрезвычайно любилъ простой народъ и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, не испорченныхъ еще некательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особенное наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патріотизма: «Любезный другъ!» говорилъ онъ мнѣ: «только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди, думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви—я въ отечествѣ, въ Россіи! Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Влад-

мірѣ, Дмитрій Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новгородѣ, Москвѣ: что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ цѣркви, а я хочу быть русскимъ».

Освобожденіе Грибоѣдова отъ обвиненія по дѣлу декабристовъ остановило на немъ вниманіе императора Николая Павловича. А. С. представился государю и съ чиномъ надворнаго совѣтника вновь получилъ назначеніе въ Грузію. Въ іюлѣ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, побывалъ проездомъ у родныхъ въ Москвѣ, и къ концу августа былъ въ предѣлахъ Кавказа. Въ то время уже началась Персидская война, и Грибоѣдовъ засталъ въ Грузіи Паскевича, приходившагося ему по женѣ близкимъ родственникомъ. Извѣстно, что Паскевичъ появляется въ Закавказьѣ съ особыми полномочіями отъ императора и стремленіемъ занять мѣсто Ермолова, и Грибоѣдовъ поставленъ былъ въ крайне недовое положеніе между глубоко уважаемымъ имъ начальникомъ съ одной стороны, и столько же уважаемымъ родственникомъ съ другой. Отсюда вышли нареканія на него въ двуличности, фактически, однако, ничѣмъ не оправдываемыя. Въ январѣ 1827 года Ермоловъ отрѣшенъ отъ должности, и Грибоѣдовъ становится подчиненнымъ Паскевича, который и предписалъ ему принять въ свое вѣдѣніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей. Онъ былъ безотлучно при главнокомандующемъ, переносилъ все труды и лишения военного времени. Есть извѣстіе, что онъ принималъ участіе даже въ составленіи плана кампаніи.

Во время войны былъ случай, показывающій необыкновенную силу воли Грибоѣдова. Вообще самъ онъ утверждалъ, что власть человѣка надъ самимъ собой ограничена только непреоборимыми силами природы, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно. И вотъ, когда разъ ядро съ неприятельской батареи разразилось подлѣ кн. Суворова, и Грибоѣдовъ, бывшій съ нимъ, почувствовалъ невольное чувство страха, то самая мысль, «нестерпимая для порядочнаго человѣка», что онъ трусъ, оскорбила его, и онъ рѣшился вылѣчить себя отъ робости; при первомъ же случаѣ, онъ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ неприятельскихъ батарей, сосчиталъ заранее назначенное самому себѣ число выстрѣловъ, и потомъ тихо повернулъ лошадь и спокойно отѣхалъ прочь. «Знаете-ли, — говорилъ онъ послѣ, — что это прогнало мою робость! Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся я чувству страха, оно усилилось бы и утвердилось бы во мнѣ».

Рядъ пораженій, понесенныхъ персіянами, заставилъ ихъ просить мира; для переговоровъ Паскевичъ назначилъ къ Аббасу-

миръ Грибоѣдова. Донесеніе Грибоѣдова объ этихъ переговорахъ (см. стр. 348) показываетъ, съ какимъ тактомъ выполнилъ онъ трудное порученіе. Наконецъ, заключенъ былъ и Туркманчайскій договоръ. Представленіе его государю досталось на долю опять Грибоѣдова. Онъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ Св. Анны 2-й степени съ алмазами и 4,000 червонныхъ. Грибоѣдова, впрочемъ, не манили награды, и онъ мечталъ выйти въ отставку и зажить кабинетною жизнью. Но судьба судила иначе... Въ мартѣ 1827 года онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ апрѣль, по волѣ императора Николая Павловича, онъ уже получилъ назначеніе полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдовъ, самъ же предложившій учрежденіе этого поста, но совсѣмъ не ожидавшій для себя назначенія на него, по относительной незначительности своего чина, съ недобрыми предчувствіями думалъ о Персіи, зная, сколько враговъ теперь имѣлъ онъ тамъ среди сановниковъ шаха, и между ними особенно вліятельнаго Аллаяръ-хана. «Насъ тамъ непременно всѣхъ перерѣжутъ», сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему тотчасъ послѣ полученія назначенія. — «Аллаяръ-ханъ мой личный врагъ; не подарить онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата». То же самое повторилъ онъ Бѣгичеву, съ которымъ видѣлся уже на пути въ Персію. Предчувствія его оказались вѣщими.

Въ началѣ іюня Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга, и въ половинѣ іюля былъ уже въ Тифлисѣ. Здѣсь счастье на недолгіе дни улыбнулось Грибоѣдову. Еще въ Петербургѣ онъ говорилъ о своей любви къ дочери генерала Чавчавадзе, Нинѣ Александровнѣ; теперь онъ сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Тогда шла война съ Турціей; Паскевичъ, котораго Грибоѣдову необходимо было видѣть, былъ въ дѣйствующей арміи, а къ ней проѣхать было затруднительно, потому что ей въ это время угрожала чума, свирѣпствовавшая уже въ турецкихъ войскахъ. Эти обстоятельства задержали Грибоѣдова въ Грузіи. Тѣмъ не менѣе, обвинявшійся съ Ниней Александровной, Грибоѣдовъ въ первыхъ числахъ сентября могъ выѣхать въ Тавризь. Резиденція наслѣдника персидскаго престола, Аббаса-мирзы, Тавризь, была мѣстомъ, назначеннымъ для европейскихъ миссій; въ немъ предстояло жить и Грибоѣдову. Но предварительно онъ долженъ былъ представиться шаху, и съ этою цѣлью, оставивъ жену въ Тавризѣ, онъ въ первыхъ числахъ декабря уѣхалъ въ Тегеранъ. Тамъ его ожидала ужасная смерть.

Грибоѣдова приняли въ Тегеранѣ со всѣми почестями, должными русскому посланнику. Но вскорѣ неизбѣжно возникли недоразумѣнія и недовольство со стороны персіянъ. По Туркманчай-

скому договору Персія обязалась освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ отечество, и уже на пути въ Тегеранъ Грибоѣдову пришлось неоднократно рѣшать дѣла этого рода. Справедливость его произвела благоприятное впечатлѣніе въ населеніи. Но въ Тегеранѣ обстоятельства скоро приняли характеръ тревожный. Посланника преслѣдовали просьбами объ освобожденіи различныхъ, насильно удерживаемыхъ въ гаремахъ русскихъ плѣнницъ. Дѣло коснулось до гаремовъ весьма влиятельныхъ лицъ Персіи. Не избѣжалъ, наконецъ, того же и самый шахскій дворецъ: нѣкто Мирза-Якубъ, внучекъ, уроженецъ Эривани, нѣкогда, при Цициановѣ, попавшій въ плѣнъ и теперь занимавшій важную должность казначея и главного хранителя богатствъ шахскаго гарема, явился къ посланнику съ заявленіемъ, что и онъ желаетъ возвратиться на родину. Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ положеніе крайне затруднительное: отказывать плѣннымъ въ покровительствѣ, сообразно желаніямъ персіянъ, значило бы отказать отъ правъ, предоставленныхъ Россіи договоромъ, и тѣмъ унижить ея достоинство; настаивать на исполненіи договорной статьи во всей ея дѣлности—значило раздражать персіянъ. Грибоѣдовъ предпочелъ, однако, послѣднее.

Между тѣмъ розыски плѣнныхъ поселяли въ населеніи Тегерана все большій и большій ропотъ. Самъ шахъ не допускалъ и мысли отпустить изъ Персіи Мирзу-Якуба, который могъ разгласить тайны шахскаго гарема; и сановники шаха употребляли всѣ средства, чтобы задержать Якуба. Все это кончилось открытымъ возмущеніемъ тегеранской черни, возбуждаемой магометанскимъ духовенствомъ и, вѣроятно, не безъ тайнаго подстрекательства со стороны Аллаяръ-хана. Огромная толпа осадила домъ, гдѣ помѣщался русскій посланникъ, требуя выдачи Мирзы-Якуба и двухъ женщинъ. Тщетно стража посланника пыталась сдержатъ напоръ осаждающихъ, осыпавшихъ домъ камнями; нѣсколько убитыхъ ею персіянъ, тотчасъ же отнесенныхъ съ торжествомъ въ мечеть, только усилили неистовство черни. Толпа ворвалась во дворъ, перелѣзла черезъ стѣны. Стража была перебита, убійцы прошли во внутренніе покои, и Грибоѣдовъ со всею своею свитою палъ въ неравную борьбу подъ ударами персидскихъ княжаловъ, и бездыханное тѣло его въ теченіе трехъ дней было игралищемъ тегеранской черни. Спасся тогда, и только благодаря счастливому случаю, одинъ первый секретарь посольства, Мальцевъ.

Послѣ долгаго розыска, въ грудѣ труповъ, передъ окнами квартиры посольства, нашли обезображенное тѣло Грибоѣдова, узнанное, какъ уже сказано выше, только по сведенному пальцу на рукѣ отъ раны, нѣкогда полученной на дуэли съ Якубо-

вичемъ. Торжественно перевезли его въ Тифлисъ и тамъ похоронили.

На западной сторонѣ Тифлиса возвышается священная для грузинъ гора Мтацминда. На одномъ изъ уступовъ ея построены женскій монастырь Св. Давида. Съ террасы монастыря открывается очаровательный видъ: Тифлисъ разстилается глубоко внизу, на востокъ сверкаетъ Бура, за нею, вдали—синія горы Бахетин. Мѣсто это особенно нравилось Грибоѣдову. Уѣзжая изъ Тифлиса, томимый мрачными предчувствіями, онъ просилъ жену не оставлять костей его въ Персіи, а похоронить въ монастырь Св. Давида. Молодая вдова свято исполнила волю покойнаго мужа, памяти котораго она осталась вѣрна всю свою долгую жизнь (она умерла въ 1857 году), завѣщавши и похоронить себя съ нимъ рядомъ. Подъ монастырской террасой, съ восточной стороны церкви, въ склепѣ за полукруглой аркой, огражденной рѣшеткою, возвышается памятникъ изваянный въ Москвѣ извѣстнымъ художникомъ Кампіони. На высокомъ пьедесталѣ стоитъ распятіе; колѣнопреклоненная скорбная женская фигура склоняется къ кресту, у подножія котораго лежитъ книга съ надписью: «Горе отъ ума». На пьедесталѣ, подъ медальоннымъ портретомъ Грибоѣдова, золотыми буквами написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года, января 4-го дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30-го дня». На одной изъ сторонъ выбито: «Незабвенному его Нина»; а съ противоположной стороны трогательныя слова: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!».

А. В.

ГОРЕ ОТЪ УМА.

Судьба — проказница, шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павель Аванасъевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.

Софья Павловна, дочь его.

Лиза, служанка.

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.

Александръ Андреевичъ Чацкій.

Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.

Наталья Дмитріевна, молодая дама }
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея } Горичевы.

Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми.

Графиня-бабушка }
Графиня-внучка } Хрюмины.

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Репетилонъ.

Г. Н.

Г. Д.

Петрушка и нѣсколько говорящихъ слугъ.

Офиціанты Фамусова. Швейцарь. Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакеевъ при разъѣздѣ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова.

Горе отъ ума.

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

(1823).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы; справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышно фортепьяно съ флейтою, которыя потомъ умолкаютъ; Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ кресель.

(Утро. Чуть день брезжится).

Лиза (вдругъ просыпается, встаетъ съ кресель, оглядывается).

Свѣтаетъ!.. Ахъ, какъ скоро ночь минула!

Вчера просилась спать—отказъ:

Ждемъ друга; нуженъ глазъ да глазъ!

Не спи, покудова не скатись со стула.

Теперь вотъ только что вздремнула—

Ужъ день!.. Сказать имъ. *(Стучится къ Софьи).*

Господа!

Эй, Софья Павловна! бѣда!

Зашла бесѣда ваша за ночь.

Вы глухи?.. Алексѣй Степанычъ!

Сударыня!.. И страхъ ихъ не беретъ! *(Отходитъ отъ дверей).*

Ну, гость неприглашенной,

Быть-можетъ, батюшка войдетъ!

Прошу служить у барышни влюбленной! *(Опять подходитъ къ дверямъ).*

Да расходитесь.—Утро.—Что-съ?

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось.

Софья (*изъ своей комнаты*).

Который часъ?

Лиза.

Седьмой... осьмой... девятый.

Софья (*оттуда же*).

Неправда.

Лиза (*прочь отъ дверей*).

Ахъ, амуръ проклятый!

И слышать,—не хотять понять;

Ну, что бы ставни имъ отнять!

Переведу часы; хоть, знаю, будетъ гонка;

Заставлю ихъ играть.

(*Льзетъ на стулъ, передвигаетъ стрѣлку. Часы бьютъ и играютъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!

(*Останавливаетъ часовую музыку*).

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!

Не могъ придумать я, что это за бѣда—

То флейта слышится, то будто фортепяно:

Для Софьи слишкомъ было-бъ рано...

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай; за вами примѣчай,

Такъ вѣрно съ умысломъ...

(*Жметъ къ ней и замиряетъ*).

Охъ, зелье, баловница.

Лиза.

Вы баловникъ; къ лицу-ль вамъ эти лица?

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ

Проказъ и вѣтру на умъ.

Лиза.

Пустите, вѣтреники сами!..
Опомнитесь, вы старики...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ,—куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти?

Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ.

Сейчасъ? А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь, прихоти какія завелись!

Лиза.

Все по-французски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится

И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ;

Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,

А мнѣ отъ русскихъ больно спится.

Лиза.

Что встанетъ, доложу-сь.

Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,

На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза *(какъ можно громче)*.

Да полноте-сь!

Фамусовъ *(зажимаетъ ей ротъ)*.

Помилуй, какъ кричишь!

Съ ума ты сходишь!

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того...

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать, вы не ребенокъ.
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,—
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь—
Все слышутъ...

Фамусовъ.

Все ты лжешь.

Голосъ Софьи.

Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тсъ! (*Крадется вонъ изъ комнаты на цыпочкахъ*).

Лиза (*одна*).

Ушелъ!.. Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовъ.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лиза, Софья со свѣчкою въ рукѣ, за ней Молчалинъ.

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?

Шумишь...

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело?
До свѣта запершись, а кажется все мало?

Софья.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!

(*Тушитъ свѣчу*).

И свѣтъ, и грусть!.. Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите, знай,—со стороны нѣтъ мочи:
Сюда вашъ батюшка пришелъ—я обмерла;
Верглась передъ нимъ, не помню что врала...
Ну, что же стали вы? поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... сердце не на мѣстѣ...

Смотрите на часы, взгляните-ка въ окно:

Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте—ваша власть,

А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попастьъ.

Софья (*Молчалину*).

Идите!.. цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза.

Богъ съ вами!.. прочь возьмите руку!..

(*Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Лиза, Софья, Молчалинъ, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ, ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

Зачѣмъ-же здѣсь? и въ этотъ часъ?

И Софья!.. Здравствуй, Софья! что ты

Такъ рано поднялась?.. а? для какой заботы?

И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свель?

Софья.

Онъ только что теперь вошелъ.

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки...

Фамусовъ.

Другъ! Нельзя ли для прогулокъ

Подальше выбрать закоулокъ?

А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ—

Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятъ для дѣвицы!

Всю ночь читаешь небылицы,—

И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!

А все Кузнецкй мостъ и вѣчные французы,

Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,

Губители кармановъ и сердець!

Когда избавить насъ Творецъ

Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шилекъ, и булавокъ,

И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... кружится голова...

Я отъ испуга духъ перевозжу едва.

Изволили вбѣжать вы такъ проворно—

Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно:

Я скоро къ нимъ вбѣжалъ!

Я помѣшалъ! я испугалъ!

Я, Софья Павловна, разстроены самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха, мечусь, какъ словно угорѣлый;

По должности, по службѣ хлопотня,
Тотъ пристаегь, другой,—всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обмануть?

Софья (*сквозь слезы*).

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ стануть,

Что безъ толку всегда журю!

Не плачь: я дѣло говорю.

Ужъ объ твоемъ-ли не радѣли

Объ воспитаньи съ колыбели!

Мать умерла—умѣлъ я принаять

Въ мадамъ Розѣ вторую мать,

Старушку-золото въ надзоръ къ тебѣ приставилъ:

Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ.

Одно не къ чести служить ей:

За лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей

Сманить себя другими допустила.

Да не въ мадамѣ сила:

Не надобно иного образца,

Когда въ глазахъ примѣръ отца.

Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньемъ,

Однако бодръ и свѣжъ, и дожилъ до сѣдинъ;

Свободенъ, вдовъ, себѣ я господинъ...

Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ!..

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!

Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!

Всѣ умудрились не по лѣтамъ,

А пуще дочери!.. Да сами добряки—

Дались намъ эти языки!

Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,

Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—

И танцамъ, и пѣнью, и вѣжностямъ, и вздохамъ,

Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, къ чему?
 Безроднаго пригрѣлъ и ввелъ въ мое семейство,
 Далъ чинъ ассесора и взялъ въ секретари;
 Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
 И будь не я, коптѣль бы ты въ Твери!

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
 Онъ въ домѣ здѣсь живетъ—великая напасть!—
 Шель въ комнату, попалъ въ другую...

Фамусовъ.

Попалъ или хотѣлъ попасть,—
 Да *вмѣстѣ* вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно...

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
 Какъ давеча вы съ Лизой были здѣсь,
 Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
 И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложить:
 Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревог!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожить.
 Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разказать?

Фамусовъ.

Ну, да. (*Садится*).

Софья.

Позвольте... видите-ль... сначала
 Цвѣтистый лугъ, и я искала
 Траву

Какую-то... не вспомню на-яву.
 Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
 Увидимъ—будто вѣкъ знакомы—
 Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
 Но робокъ... Знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ, матушка, не довершай удара!
 Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все: дуга и небеса.
 Мы въ темной комнатѣ... Для довершенья чуда,
 Раскрылся полъ—и вы оттуда,
 Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!
 Тутъ съ громомъ распахнулись двери,
 Какіе-то не люди и не звѣри
 Насъ врознь—и мучили сидѣвшаго со мной...
 Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ!
 Хочу къ нему—вы тащите съ собой!..
 Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ!
 Онъ вслѣдъ кричить!
 Проснулась... кто-то говорить:
 Вашъ голосъ былъ—что, думаю, такъ рано?
 Вѣгу сюда—и васъ обоихъ найду.

Фамусовъ.

Да, дурень сонъ, какъ погляжу;
 Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
 И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты.
 Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ...

Фамусовъ.

Забавно!

Далея имъ голосъ мой! и какъ себѣ исправно
 Всѣмъ слышится и всѣхъ сзываетъ до зари!
 На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же?.. Говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да, ихъ не доставало!

Помилуйте, что это вдругъ припало

Усердье къ письменнымъ дѣламъ? *(Встаетъ).*

Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ;

Бываютъ странны сны, а на-яву страннѣе:

Искала ты себѣ травы,

На друга набрела скорѣе...

Повыкинь вздоръ изъ головы!

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

Поди-ка, лягъ, усни опять. *(Молчалину):*

Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для доклада,

Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчья есть, и многое не дѣльно.

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ;
Дай волю вамъ—оно бы и засѣло;
А у меня, что дѣло, что не дѣло,
Обычай мой такой:

Подписано, такъ съ плечъ долой.

(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Софья, Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! ну, вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:
Въ глазахъ темно и замерла душа;
Грѣхъ не бѣда, молва нехороша.

Софья.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судить,
Да батюшка задуматься принудить:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скорь.
Такой всегда, а съ этихъ поръ...
Ты можешь посудить...

Лиза.

Сужу-съ не по рассказамъ.
Запретъ онъ васъ,—добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой.

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже—съ рукъ сойdetь;
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья...
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуete никогда,
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?

Твердила я: въ любви не будетъ этой прока

Ни во вѣки вѣковъ.

Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:

Желалъ бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,

А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами;

Ну, разумѣется, къ тому-бъ

И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы;

Вотъ, напримѣръ, полковникъ Сгалозубъ—

И золотой мѣшокъ, и мѣтить въ генералы.

Софья.

Куда какъ миль! и весело мнѣ страхъ

Выслушивать о фронтѣ, о рядахъ!

Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.

Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчисть, а больно не хитерь.

Но будь военный, будь онъ статскій,

Кто такъ чувствителенъ, и весель, и остеръ,

Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!

Не для того, чтобъ васъ смутить,—

Давно прошло, не воротить...

А помнится...

Софья.

Что помнится? Онъ славно

Пересмѣять умѣеть всѣхъ,

Болтаеть, шутить—мнѣ забавно:

Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только, будто бы? Слезами обливался,

Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.

«Что, сударь, плачете? живите-ка смѣясь».

А онъ въ отвѣтъ: «Недаромъ, Лиза, плачу:

Кому извѣстно, что найду я воротясь,

И сколько, можетъ быть, утрачу!»

Вѣдняжка, будто зналъ, что года черезъ три...

Софья.

Послушай, вольности ты лишней не бери:

Я очень вѣтрено, быть-можетъ, поступила,

И знаю, и вижусь; но гдѣ же измѣнила,

Кому, чтобъ укорять невѣрностью могли?

Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли,

Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно

Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ
 Онъ сѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
 И рѣдко посѣщала нашъ домъ;
 Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
 Взыскательнымъ и огорченнымъ...
 Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
 Въ друзьяхъ особенно счастливъ—
 Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко...

Охота странствовать напала на него...
 Ахъ, если любить кто кого,
 Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко?

Лиза.

Гдѣ носится? въ какихъ краяхъ?
 Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ,
 Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки—то вѣришь!

Софья.

И вѣрно счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣ.
 Кого люблю я—не таковъ:
 Молчаливъ за другихъ себя забыть готовъ,
 Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, несмѣло...
 Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провести?
 Сидимъ, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.
 Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть,
 Сударыня! мое ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ,
 Изъ глубины души вздохнетъ,
 Ни слова вольнаго—и такъ вся ночь проходитъ.
 Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводить...
 Смѣешься? Можно ли! чѣмъ поводъ подала
 Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ... ваша тетушка на умъ теперь пришла:
 Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому,
 Голубушка! хотѣла схоронить
 Свою досаду—не сумѣла:
 Забыла волосы чернить
 И черезъ три дня посѣдѣла.

(Продолжаетъ хохотать).

Софья (съ огорченіємъ).

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ

Лиза.

Простите: право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софья, Лиза, Слуга (за нимъ Чацкій).

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Софья, Лиза, Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ—ужъ на вогахъ, и я у вашихъ ногъ!

(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).

Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите!

Что-жъ, рады? нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите.

Удивлены? И только? Вотъ пріемъ.

Какъ будто не прошло недѣли,

Какъ будто бы вчера, вдвоемъ

Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли.

Ни на волосъ любви! куда какъ хороши!

А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,

Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,

Верстъ больше семисотъ пронесся!.. вѣтеръ, буря..

И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—

И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада.

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!

Однако искренно кто-жъ радуется эдакъ?

Мнѣ кажется, что напоследокъ,

Людей и лошадей знобя,

Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями,

Ей-Богу, нѣтъ пяти минутъ,

эп.
 Какъ поминали васъ мы тутъ.
 Сударыня, скажите сами.

Софья.

Всегда, не только что теперь;
 Не можете мнѣ сдѣлать вы упрека:
 Кто промелькнетъ, отворить дверь,
 Проѣздомъ, случаемъ, изъ чужа, изъ далека—
 Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ:
 Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положите, что такъ!
 Блаженъ, кто вѣруеть, тепло ему на свѣтѣ!
 Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
 Въ Москвѣ! у васъ! да какъ же васъ узнать!
 Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
 Когда, бывало, въ вечеръ длинный
 Мы съ вами явился, исчезнемъ, тутъ и тамъ
 Играемъ и шумимъ—по стульямъ и столамъ?..
 А тутъ вашъ батюшка съ мадамой, за пикетомъ;
 Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ...
 Вы помните? Вздогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...

Софья.

Ребятчество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
 Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
 Неподражаемо, и это вамъ извѣстно—
 И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
 Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать отвѣтъ,
 Безъ думы; полноте смущаться.

Софья.

Да хоть кого смутятъ
 Вопросы быстрые и любопытный взглядъ...

Чацкій.

Помилуйте: не вамъ—чему же удивляться?
 Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
 Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
 Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ промахъ;
 Все тотъ же толкъ и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ.

Софья.

Гоненье на Москву! что значить видѣть свѣтъ!
 Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ.

Ну, что вашъ батюшка? все Англійскаго клоба

Старинный, вѣрный членъ до гроба?

Вашъ дядюшка отпрыгалъ ли свой вѣкъ?

А этотъ... какъ его?.. онъ турокъ или грекъ...

Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,

Не знаю, какъ его зовутъ...

Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,

Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?..

А трое изъ бульварныхъ лицъ,

Которые съ полвѣка молодятся?

Родныхъ миллионъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ

Со всей Европой породнятся.

А наше солнышко, нашъ кладъ?

На лбу написано: театръ и маскарадъ;

Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи...

Самъ толстѣ, его артисты тощи...

На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ

За ширмами, въ одной изъ комнатъ посекретнѣй,

Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ—

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.

А тотъ, чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,

Въ ученый комитетъ который поселился

И съ крикомъ требовалъ присягъ,

Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?..

Опять увидѣтъ ихъ мнѣ суждено судьбой!

Жить съ ними надоѣсть, и въ комъ не сыщешь пятенъ?

Когда-жъ постранствуешь, воротись домой,

И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкой свести,

Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечестъ!

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?

Все фрейлиной Екатерины Первой?

Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?

Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:

Что нынче такъ же, какъ издревле,

Хлопочутъ набирать учителей подки,

Числомъ побольше, цѣною подешевле?

Не то, чтобы въ наукѣ далеки:

Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,

Намъ каждаго признавать велятъ
Историкомъ и географомъ!

Нашъ менторъ—помните, колпакъ его, халать,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ,—
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напрімѣръ?

Софья.

Танцмейстеръ! можно ли?

Чацкій.

Что-жъ? онъ и кавалеръ.

Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,

А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?

На създахъ, на большихъ, по праздникамъ приходскимъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ

Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено одинъ изъ нихъ скрывать, какъ вашъ.

Чацкій.

По крайней мѣрѣ не надутый.

Вотъ новости! я пользуюсь минутой,

Свиданьемъ съ вами оживленъ,

И говорливъ, а развѣ нѣтъ времянь,

Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?

Еще ли не сломилъ безмолвія печати?

Бывало, пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь

Увидить — пристасть: пожалуйте списать.

А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ —

Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

Софья (въ сторону).

Не человекъ, змѣя!

(Громко и принужденно):

Хочу у васъ спросить:

Случалось ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?

Хоть не теперь, : въ дѣтствѣ, можетъ-быть?

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?

На что же такъ давно? вотъ доброе вамъ дѣло:

Звонками только что гремя

И день, и ночь по снѣговой пустынь,

Спѣшу къ вамъ, голову сломя,

И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!

Вотъ полчаса холодности терплю!

Лицо святѣйшей богомолки!

И все-таки я васъ безъ памяти люблю. (*Минутное молчаніе*).

Послушайте, ужель слова мои всѣ колки

И клонятся къ чьему-нибудь вреду?

Но если такъ — умъ съ сердцемъ не въ ладу:

Я въ чудакахъ иному чуду

Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:

Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

Софья.

Да, хорошо — сгорите, если-жъ нѣтъ?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Софья, Лиза, Чацкій, Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!

(*Уходитъ*).

Фамусовъ (*ей вслѣдъ вполголоса*).

Проклятый сонъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Фамусовъ, Чацкій (*смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла*).

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку!

Три года не писалъ двухъ словъ

И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ!

(*Обнимаются*).

Здорово, другъ! здорово, братъ, здорово!

Разсказывай, чай у тебя готово

Собрание важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй! (*Садятся*).

Чацкій (*разсѣянно*).

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.

Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдовать...

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

«Сонъ въ руку» — мнѣ она изволила шепнуть —
Вотъ ты задумалъ...

Чацкій.

Я? ничуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ;
Вѣкъ не встрѣчалъ — подписку дамъ —
Что бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да расскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откуда теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли.

(*Встаетъ постыжно*).

Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду,
Вамъ первымъ, вы потомъ рассказывайте вѣду.

(*Въ дверь*).

Какъ хороша!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Фамусовъ.

Который же изъ двухъ?

«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»

И говорить мнѣ это вслухъ!

Ну, виновать. Какого-жъ даль я крику!

Молчалинъ давеча въ сомнѣнье ввелъ меня;

Теперь... да въ полмя изъ огня:

Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель

Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ...

Что за комиссія, Создатель,

Быть взрослой дочери отцомъ! *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,—

Съ разодраннымъ локтемъ! Доставай-ка календарь.

Читай, не такъ, какъ пономарь,

А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Постой-ка. На листѣ черкни на записномъ

Противу будущей недѣли:

Къ Прасковѣ Ѳедоровнѣ въ домъ

Во вторникъ званъ я на форели.

Куда какъ чудень созданъ свѣтъ!

Пофилософствуй — умъ вскружится!

То бережешься, то обѣдъ:

Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится.

Отмѣть-ка: въ тотъ же день... Нѣтъ, нѣтъ...

Въ четвергъ я званъ на погребенье.

Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,

Что всякій самъ туда же долженъ лѣзть,

Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.

Но память по себѣ намѣрень кто оставить

Житьемъ похвальнымъ — вотъ примѣръ:

Покойникъ былъ почтенный камергеръ,

Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;

Богатъ, и на богатой былъ женатъ;

Переженилъ дѣтей, внучать;

Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминуютъ;

Кузьма Петрович! миръ ему!
 Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
 Пиши, въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
 А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу, —
 Я долженъ у вдовы, у докторши крестить.
 Она не родила, но по расчету,
 По моему, должна родить.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фамусовъ, Слуга, Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ! Просимъ,
 Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ (*слутъ*).Поди. (*Слуга уходитъ*).

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ;
 Забудется, того гляди.

Чацкій.

Вы что-то не веселы стали;
 Скажите, отчего? Пріѣздъ не въ пору мой?
 Ужъ Софья Павловна какой
 Не приключилось ли печали?
 У васъ въ лицѣ, въ движеняхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
 Не веселья!.. Въ мои лѣта
 Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ;
 Я только что спросилъ два слова
 Объ Софьи Павловнѣ: быть-можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тѣфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
 Твердить одно и то же!
 То Софья Павловна на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
 То Софья Павловна больна!
 Скажи, тебѣ понравилась она?
 Обрыскалъ свѣтъ, — не хочешь ли жениться?
 Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни, —
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, во-первыхъ: не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное — поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ — прислуживаться тошно!

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всё вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы?

Учились бы, на старшихъ глядя.

Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ дѣдалъ; сто человекъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!

Тогда не то, что нынѣ, —

При государынѣ служилъ Екатеринѣ.

А въ тѣ поры всё важны, въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнуть.

Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и шиль и ѣлъ иначе.

А дядя! что твой князь, что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ!
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.

На куртагѣ ему случилось оступиться —

Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.

Старикъ захохалъ; голосъ хрипкой!..

Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой —

Изволили смѣяться. Что же онъ?

Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ —

Упалъ вдругорядъ — ужъ нарочно!

А хохоть пуще. Онъ и въ третій такъ же точно.

А? какъ по-вашему?.. По-нашему, смысленъ:

Упалъ онъ больно — всталъ здорово.

За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?

Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми знаетъ почетъ?

Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводить кто и пенсія даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да! Вы, нынѣшніе, нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій —

→ Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнула шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ —
Стучали объ поль, не жалѣя!

Кому нужда — тѣмъ спесь, лежи они въ пыли,
А тѣмъ, кто выше, лезть какъ кружево плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю!

Я не объ дядюшкѣ объ вашемъ говорю, —
Его не возмутимъ мы праха, —
Но между тѣмъ, кого охота забереть,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ,
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,

Чай приговаривалъ: ахъ, если бы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшить и держать стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи.

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣ всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говорить! — и говорить, какъ пишеть!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служить дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣль подвѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я, наконецъ, вамъ отдыхъ дамъ.

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно, —
Предоставляю вамъ во власть:

Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ придачу, —
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю.

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши.

Чацкій.

На что-жь? Я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ *(скороговоркой)*.

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!..

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Слуга.

Слуга (*входитъ*).

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ (*ничего не видитъ и не слышитъ*).

Тебя ужь упекутъ

Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человекъ съ докладомъ.

Фамусовъ.

Не слушаю—подъ судъ! подь судъ!

Чацкій.

Да обернитесь—васъ зовутъ.

Фамусовъ (*оборачивается*).

А? бунтъ? Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

Фамусовъ (*встаетъ*).

Ослы! сто разъ вамъ повторять?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,

Что очень радъ. Пошелъ же, тороннсь!

(*Слуга уходитъ*).

Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:

Извѣстный человекъ, солидный,

И знаковъ тьму отличій нахваталъ!

Не по лѣтамъ и чинъ завидный—

Не нынче, завтра—генераль!

Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько.

Эхъ, Александръ Андреичъ! дурно, братъ!..

Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;

Я всякому, ты знаешь, радъ.

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:

Вотъ будто женится на Софьюшкѣ. Пустое!

Онъ, можетъ-быть, и радъ бы былъ душой,

Да надобности самъ не вижу я большой

Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ, власть Господня.
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.

Однако нѣтъ его! какую бы причину...

А! знать ко мнѣ пошелъ въ другую половину.

(Постынно уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Чацкій.

Какъ суетится! что за прятъ!

А Софья? Нѣтъ-ли впрямь тутъ жениха какого.

Съ которыхъ поръ меня дичится какъ чужого!

Какъ здѣсь бы ей не быть?

Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредить.

А можетъ-быть не только что отецъ...

Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,

Кто на три года въ даль уѣдетъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Чацкій, Фамусовъ, Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда-съ,

Прошу покорно, здѣсь теплѣе;

Прозябли вы—согрѣемъ васъ;

Отдушничекъ откроемъ поскорѣе.

Скалозубъ *(пустымъ басомъ).*

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,

Самимъ!.. Мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

Фамусовъ.

Неужто для друзей не сдѣлать мнѣ ни шагу?

Сергѣй Сергѣичъ дорогой!

Кладите шляпу, скиньте шпагу;

Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣться.

(Садятся всѣ трое; Чацкій поодаль).

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:

Позвольте намъ своими счестья,

Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.

Не знали вы,—а я подавно,—

Спасибо, научилъ двоюродный вашъ братъ,—

Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-сь, виновать:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!

При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.

Какъ станешь представлять къ крестинку или къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадытъ родному человѣчку!..
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тѣмъ по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да! счастье у кого есть такой сынокъ!
Имѣеть, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа: засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ.

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!.. читать!.. а послѣ хватъ!..
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ—
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ, моего счастливѣе везеть.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ напьемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего недостаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонѣ-ль за полкомъ?
Зато, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянутся.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣ меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятого служу.
Да, чтобъ чины добыть есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу—
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровье вамъ
И генеральскій чинъ; а тамъ—
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести объ генеральствѣ?

Скалозубъ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жь? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,

На все свои законы есть:

Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется,

Что по отцу и сыну честь;

Будь плохенькій, да если наберется

Душъ тысячки двѣ родовыхъ,

Тотъ и женихъ.

Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,

Пускай себѣ разумникомъ слыви,
 А въ семью не включатьъ, на насъ не подиви.
 Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ!
 Да это-ли одно?.. Возьмите вы хлѣбъ-соль:
 Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь,
 Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
 Особенно изъ иностранныхъ,
 Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ—
 Для насъ равнехонько—про всѣхъ готовъ обѣдъ.
 Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
 На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
 Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
 На юношей, сынковъ и внучатъ:
 Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
 Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
 А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
 Засудятъ о дѣлахъ: что слово—приговоръ!
 Вѣдь столбовые все; въ усъ никому не дуютъ
 И объ правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
 Что если-бъ кто подслушалъ ихъ... бѣда!
 Не то, чтобъ новизны вводили—никогда,
 Спаси насъ, Боже!.. Нѣтъ... А придерутся
 Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
 Поспорятъ, пошумятъ—и... разойдутся.
 Прямые канцлеры въ отставку по уму!
 Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
 Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
 А дамы?—сунься кто, попробуй, овладѣй;
 Судьи всему вездѣ, надъ ними нѣтъ судей;
 За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ—
 Дай Богъ терпѣніе! вѣдь самъ я былъ женатъ.
 Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
 Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
 Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
 Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
 А дочекъ кто видать, всякъ голову повѣсь!
 Его величество король былъ прусскій здѣсь:
 Двигался не путемъ московскимъ онъ дѣвицамъ—
 Ихъ благоправію, не лицамъ.
 И точно, можно-ли воспитаніе быть!
 Умѣютъ же себя принарядить
 Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
 Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;

Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.
Рѣшительно скажу: едва

Другая сыщется столица, какъ Москва.

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Не поминайте намъ, ужъ мало-ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предрасудки стары.

Порадуйтесь, не истребятъ

Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ:

Просилъ я помолчать—не велика услуга. (*Скалозубу*):

Позвольте, батюшка, вотъ-съ, Чацкаго, мнѣ друга,

Андрея Ильича покойнаго сынокъ;

Не служить, то-есть въ томъ онъ пользы не находить;

Но захоти, такъ былъ бы дѣловой.

Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,

И славно пишетъ, переводить.

Нельзя не пожалѣть, что съ такимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?

И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ—всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?.. За древностію лѣтъ,

Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;

Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ

Время Очаковскихъ и покоренья Крыма;

Всегда готовые къ журбѣ,

Поютъ все пѣснь одну и ту же,

Не замѣчая о себѣ,

Что старѣе, то хуже.

Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,

Которыхъ мы должны принять за образцы!

Не эти-ли, грабительствомъ богаты,
 Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
 Великолѣпныя соорудя палаты,
 Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
 И гдѣ не воскресять кліенты иностранцы
 Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
 Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
 Обѣды, ужины и танцы?

Не тотъ-ли, вы къ кому меня еще съ пелень,
 Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
 Дитей возили на поклонъ?
 Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
 Толпою окруженный слугъ?

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
 И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
 На нихъ онъ вымѣнялъ борзыхъ три собаки!
 Или вонъ тотъ еще, который для затѣй,
 На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
 Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
 Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
 Заставилъ всю Москву дивиться ихъ красѣ;

Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:

Амуры и зефиры всѣ
 Распроданы по-одиночкѣ!

Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
 Вотъ уважать кого должны мы на безлюдь!
 Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!

Теперь пускай изъ насъ одинъ,
 Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій,
 Не требуя ни мѣсть, ни повышенья въ чинъ,
 Въ науки онъ вперить умъ, алчущій познаній;
 Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
 Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ, —

Они тотчасъ: разбой! пожар!

И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.
 Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
 Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
 Ихъ слабодушіе, разсудка нищету;

И намъ за ними въ путь счастливый!

И въ женахъ, дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
 Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
 Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть,

Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?

Когда изъ гвардіи, иные отъ двора,
 Сюда на время прїѣзжали,
 Кричали женщины: ура!
 И въ воздухъ чепчики бросали!
 Фамусовъ (*про себя*).
 Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду. (*Громко*):
 Сергій Сергѣичъ, я пойду,
 И буду ждать васъ въ кабинетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Скалозубъ, Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ
 Искусно какъ коснулись вы
 Предубѣжденія Москвы
 Къ любимцамъ, къ гвардіи, къ гвардейцамъ, къ гвардіонцамъ.
 Ихъ золоту, шитью дивятся будто солнцамъ!
 А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
 Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
 И офицеровъ вамъ начтемъ,
 Что даже говорятъ иные по-французски.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Скалозубъ, Чацкій, Софья, Лиза.

Софья (*бѣжитъ къ окну*).Ахъ, Боже мой! упала! убился!.. (*Падаеть въ обморокъ*).

Чацкій.

Кто?

Кто это?

Скалозубъ.

Съ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху.

Скалозубъ.

Да кто? откудава?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза (*хлопочеть около барышни*).

Кому назначено—не миновать судьбы!

Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,

А лошадь на дыбы—
Онъ объ землю—и прямо въ темя.

Скалозубъ.

Поводья затянулъ; ну, жалкій же вздохъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ? Скажи скорѣе.

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

(Чацкій бѣжитъ и приноситъ. Все слѣдующее вполголоса
до того, какъ Софья очнется).

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налить.

Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей укусомъ потри,
Опрыскивай водой. Смотри:
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно—

Молчаливъ на ногахъ давно!

Бездѣлица ее тревожить.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ:

Со стороны смотрѣть не можетъ,

Какъ люди падаютъ стремглавъ.

Чацкій.

Опрыскивай еще водою.

Вотъ такъ... Еще... Еще.

Софья (съ глубокимъ вздохомъ).

Кто здѣсь со мною?

Я точно какъ во снѣ... (Торопливо и громко).

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Скажите мнѣ.

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею,—

Вась чуть было не уморилъ.

Софья.

Убийственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ.

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!..

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?

Да правда: не свои бѣды для васъ забавы,
Отець родной убейся—все равно. (*Лиза*).
Пойдемъ туда, бѣжимъ...

Лиза (*отводитъ ее въ сторону*).

Опомнитесь! куда вы?

Онъ живъ, здоровъ; смотрите здѣсь въ окно.

(*Софья высовывается въ окошко*).

Чацкій.

Смятенье! обморокъ! поспѣшность! гнѣвъ испуга!..

Такъ можно только ощущать,

Когда лишашься единственнаго друга.

Софья.

Сюда идти. Руки не можетъ онъ поднять!..

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться...

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Софья, Лиза, Чацкій, Скалозубъ, Молчалинъ (*съ под-
вязанной рукой*).

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ! рука

Ушибена слегка;

А впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ; простите, ради Бога.

Скалозубъ.

Ну, я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ irritація—опрометью вбѣжали,

Мы вздрогнули, вы въ обморокъ упали—

И что-жь?—весь страхъ изъ ничего.

Софья (*не глядя ни на кого*).

Ахъ! очень вижу: изъ пустого—

А все еще теперь дрожу.

Чацкій (*про себя*).

Съ Молчалинымъ—ни слова!

Софья (*попрежнему*).

Однако о себѣ скажу,

Что не труслива. Такъ бываетъ,

Карета свалится, поднять—я опять

Готова съизнова скакать;

Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,

Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,

Хоть незнакомый мигъ—до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій (*про себя*).

Прощенья просить у него,

Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, расскажу вамъ вѣсть:

Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,

Наѣздница, вдова—но нѣтъ примѣровъ,

Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—

На-дняхъ расшиблась въ пухъ;

Жокей не поддержаль—считалъ онъ, видно, мухъ.

И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа,

Теперь ребра недостаетъ,

Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ, Александръ Андреичъ! вотъ,

Явитесь вы вполне великодушны:

Бъ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ

Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,

И прысканьемъ, и оттираньемъ...

Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.

(*Беретъ тляпу и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе, друзья
Потанцовать подь фортепяно.
Мы въ трауръ, такъ бала дать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайти я обѣщался...
Откланяюсь.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ *(жметъ руку Молчалину)*.
Вашъ слуга. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья, Лиза, Молчалинъ.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣль остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога!
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно?

Скажите, что у васъ съ рукой?

Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлите къ доктору: пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ—не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу, не нужно перевязки;
А то не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ;

И Скалозубъ, какъ свой хохоль закрутить,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ—вѣдь нынче кто не шутить!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?

Хочу—люблю, хочу—скажу.

Молчалинъ! будто я себя не принуждала?

Вошли вы—слова не сказала;

При нихъ не смѣла ядохнуть,

У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны...

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ прыгнуть.
Да что мнѣ до кого? до нихъ? до всей вселенной?
Смѣшно!—пусть шутятъ ихъ; досадно?—пусть бранятъ.

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Неужто на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страннѣе пистолета...

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ кабы вы порхнули въ дверь
Съ лицомъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ—съ нимъ
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разказахъ;
Улыбочка и пара словъ—
И кто влюбленъ—на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю. (*Цѣлуетъ ей руку*).

Софья.

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слезъ;
Боюсь, что выдержать притворства не смѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Молчалинъ, Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!

Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее

По должности, тебя... (*Хочетъ ее обнять*).

Лиза.

Отъ скуки?

Прошу подальше руки!

Молчалинь.

Есть у меня вещицы три:

Есть туалетъ—прехитрая работа!

Снаружи зеркальце и зеркальце внутри,

Кругомъ все прорѣзь, позолота;

Подушечка, изъ бисера узоръ,

И перламутровый приборъ:

Игольничекъ и ножнички—какъ милы!

Жемчужинки, растертые въ бѣилы!

Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;

Съ духами сткляночки: есть резеда, жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;

Скажите лучше, почему

Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинь.

Сегодня боленъ я; обвязки не сниму.

Приди въ обѣдъ, побудь со мною,

Я правду всю тебѣ открою.

(Уходитъ въ боковую дверь).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Софья и Лиза.

Софья.

Была у батюшки,—тамъ нѣту никого.

Сегодня я больна и не пойду обѣдать.

Скажи Молчалину, и позови его,

Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.

(Уходитъ къ себѣ въ комнату).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Лиза.

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!

Она къ нему, а онъ ко мнѣ!

А я... одна лишь я любви до смерти трушу!

А какъ не полюбить буфетчика Петрушу!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чацкій, потомъ Софья.

Чацкій.

Дождусь ея и вынужу признанье:

Кто наконецъ ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?

Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ!..

Жалчайшее созданье!

Ужъ развѣ поумнѣлъ?.. А тотъ—

Хрипунъ, удушенникъ, фаготъ,

Созвѣздіе маневровъ и мазурки!

Судьба любви—играть ей въ жмурки.

А мнѣ...

(Входитъ Софья).

Вы здѣсь? я очень радъ,

Я этого желать.

Софья *(про себя)*.

И очень невпопадъ.

Чацкій.

Конечно не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ!

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли,

Хоть и не кстати, нужды нѣтъ:

Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Есть многіе родные.

Чацкій.

Всѣ болѣе меня?

Софья.

Иные.

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено!

Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно.

Софья.

Хотите-ли знать истины два слова?

Малѣйшая въ комъ странность чуть видна—

Веселость ваша не скромна:
У васъ тотчасъ ужъ острога готова,
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? не правда-ли, смѣшонъ?

Софья.

Да! грозный взглядъ, и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна,
А надъ собой гроза куда не бесполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ—
Молчалинъ, напримѣръ...

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы;
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда удаюсь.

Чацкій (*удерживаетъ ее*).

Постойте же! (*Въ сторону*): Разъ въ жизни притворюсь.
(*Громко*):

Оставимте мы эти преня.

Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ;
Быть-можетъ онъ не то, что три года назадъ:

Есть на землѣ такія превращенья
Правленій, климатовъ, и нравовъ, и умовъ;
Есть люди важные, слыли за дураковъ,
Иной по арміи, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать... но признано всѣмъ свѣтомъ,
Особенно въ послѣдніе года,

Что стали умны хоть куда!

Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,

Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый

Казался прахъ и суета?

Чтобъ сердца каждое биенье

Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ

Душою—вы, вамъ угожденье?

Самъ это чувствую, сказать лишь не могу;

Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуеть, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу.

А онъ?.. смолчить и голову повѣсить.

Конечно смиренъ—всѣ такіе не рѣзвы;
 Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
 Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
 Чѣмъ голова его вѣкъ не была набита.

Быть-можетъ, качествъ вашихъ тьму,
 Любуясь имъ, вы придали ему:
 Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ, вы во сто разъ грѣшнѣе.
 Нѣтъ, нѣтъ! пускай уменъ, часъ отъ часу умнѣе,
 Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
 Чтوبъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,
 Какъ человѣку вы, который съ вами взросъ,
 Какъ другу вашему, какъ брату,
 Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ;

Потомъ

Отъ сумасшествія могу я остеречься;
 Пущусь подалѣе простыть, охолодѣть,
 Не думать о любви; тамъ буду я умѣть,
 Теряясь по свѣту, забыться и развлечься.

Софья (*про себя*).

Вотъ нехотя съ ума свела! (*Вслухъ*):
 Что притворяться?

Молчаливъ давеча могъ безъ руки остаться,
 Я живо въ немъ участие приняла;
 А вы, случась на эту пору,
 Не позаботились расчестъ,
 Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору;
 Но можетъ истина въ догадкахъ вашихъ есть,
 И горячо его беру я подъ защиту:
 Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
 Такъ невоздержну на языкъ?
 Въ презрѣнны къ людямъ такъ нескрыту,
 Что и смиришшему пощады нѣтъ?.. Чего!—
 Случись кому назвать его—
 Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
 Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станеть?..

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
 Которымъ цѣль всей жизни смѣхъ?
 Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
 А чаще съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно это вы относите къ другимъ:

Молчалинъ вамъ наскутилъ бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій (*въ жаромъ*).

Зачѣмъ же вы его коротко такъ узнали?

Софья.

Я не старалась. Богъ насъ свелъ.
Смотрите, дружбу всѣхъ онъ въ домѣ приобрѣлъ.

При батюшкѣ три года служить,
Тотъ часто безъ толку сердить,

А онъ безмолвіемъ его обезоружить,
Отъ доброты души простить;

А между прочимъ
Веселостей искать бы могъ—

Ничуть: отъ старичковъ не ступить за порогъ;

Мы рѣзвимся, хохочемъ,—

Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ!

Молчитъ, когда его бранять!.. (*Въ сторону*):

Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что гений для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивить,

Который свѣтъ ругаетъ наповаль,

Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ.

Да этакой-ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира и мораль смыслъ этого всего? (*Въ сторону*):

Она не ставитъ въ грошъ его.

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства

Онъ наконецъ: уступчивъ, скромень, тихъ,

Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,

И на душѣ проступковъ никакихъ;

Чужихъ и вкривъ и вкось не рубить—

Вотъ я за что его люблю.

Чацкій (*въ сторону*).

Шалить! она его не любить. (*Вслухъ*):

Докончить я вамъ пособлю

Молчалина изображенье.

Но Скалозубъ? Вотъ заглядѣнье!
За армію стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ?

ЯВЛЕНИЕ II.

Чацкій, Софья, Лиза.

Лиза (*шопотомъ*).

Сударыня, за мной сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите, надобно идти мнѣ поскорѣй.

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прикмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ.

Софья.

Щипцы простудить.

Чацкій.

Пускай себѣ...

Софья.

Нельзя, ждемъ на вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! остаюсь опять съ моей загадкой.

Однако, дайте мнѣ зайти хотя украдкой

Къ вамъ въ комнату на нѣсколько минутъ;

Тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно!..

Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ

Воспоминанія объ томъ, что невозвратно!

Не засижусь, войду, всего минуты двѣ...

Потомъ, подумайте, членъ Англійскаго клуба,

Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ

Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается;
за нею Лиза).

ЯВЛЕНИЕ III.

Чацкий, потомъ **Молчалинъ**.**Чацкий**.

Ахъ, Софья! Неужли Молчалинъ избранъ ей!

А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало;

Но чтобъ имѣть дѣтей,

Кому ума не доставало?

Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.

(Входитъ Молчалинъ).

Вотъ онъ, на цыпочкахъ, и не богатъ словами...

Какою ворожкой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть!

(Обращается къ нему):

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами

Не удалось сказать двухъ словъ.

Ну, образъ жизни вашъ каковъ?

Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

Попрежнему-съ.

Чацкий.

А прежде какъ жилали?

Молчалинъ.

День за день, нынче какъ вчера.

Чацкий.

Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера?

И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,

Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,

Три награжденья получилъ.

Чацкий.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкий.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:

Умѣренность и аккуратность.

Чацкий.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины, по службѣ неуспѣхъ?

Чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

Молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

Чацкій.

Какое-жъ диво тутъ?

Молчалинъ.

Жалѣли васъ.

Чацкій.

Напрасный трудъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею не знакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.

Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это полно та-ли-съ?

Татьяна Юрьевна!.. извѣстная.. Притомъ

Чиновные и должностные

Всѣ ей друзья и всѣ родные.

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ

Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!

Балы даетъ, нельзя богаче,

Отъ Рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ, — я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться, — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тѣма искусниковъ; я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ, тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ома Омичъ — знакомъ онъ вамъ?

Чацкій.

Ну, что-жь?

Молчалинъ.

При трехъ министрахъ былъ начальникъ отдѣленья;
Переведенъ сюда...

Чацкій.

Хорошъ!

Пустѣйшій человѣкъ, изъ самыхъ безтолковыхъ!

Молчалинъ.

Какъ можно? слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ!
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтець,
А нуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть;
Не сочинитель я...

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть...

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте, мы съ вами не ребята;
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависть отъ другихъ.

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій *(почти громко)*.

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимь!.. Обманщица смѣялась надо мною!

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ).

Слуги суетятся, одинъ изъ нихъ, Главный, говоритъ:

Эй, Филька, Фомка, ну, ловчій!

Столы для картъ, мѣль, щетокъ и свѣчей!

(Стучится къ Софьѣ въ дверь).

Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:

Наталя Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу

Еще подъѣхала карета.

(Расходятся, остается одинъ Чацкій).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чацкій, Наталя Дмитріевна *(молодая дама)*.

Наталя Дмитріевна.

Не ошибаюсь ли?.. Онъ точно, по лицу...

Ахъ, Александръ Андренчъ, вы ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы;

Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталя Дмитріевна.

Я полагаю васъ далеко отъ Москвы.

Давно ли?

Чацкій.

Нынче лишь.

Наталя Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.

Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?

Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;

Моложе вы, свѣжѣе стали;

Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

Наталья Дмитриевна.

Я замужемъ.

Чацкий.

Давно бы вы сказали.

Наталья Дмитриевна.

Мой мужъ—предестный мужъ, вотъ онъ сейчасъ войдетъ;

Я познакомлю васъ, — хотите?

Чацкий.

Прошу.

Наталья Дмитриевна.

И знаю напередъ,

Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкий.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Наталья Дмитриевна.

О, нѣтъ-съ! не потому,

Самъ по себѣ, по нраву, по уму,

Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!

Теперь въ отставку, былъ военный,

И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,

Что съ храбростью его, съ талантомъ,

Когда бы службу продолжалъ,

Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитриевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкий.

Ба!

Другъ старый! Мы давно знакомы! Вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкий, братъ!

Чацкий.

Платонъ любезный, славно!

Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ:

Московский житель и женатъ.

Чацкий.

Забуть шумъ лагерный, товарищи и братья?

Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ, есть таки занятя:

На флейтѣ я твержу дуэть

А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

Платонъ Михайловичъ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь!
Отъ скуки будешь ты свистѣть одно и то же.

Чацкій.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно ли?

Наталья Дмитріевна.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движеня болѣе. Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубить?

Чацкій.

Москву и городъ... Ты чудакъ!

А помнишь прежде?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ; теперь не такъ...

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, мой дружокъ!

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ;
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый,—застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ (*равнодушно*).

Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди.

Платонъ Михайловичъ (*глаза къ небу*).

Ахъ, матушка!

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди;

Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!

Не въ третьемъ ли году, въ концѣ,

Въ полку тебя я зналъ? лишь утро,—ногу въ стремя

И носишься на борзомъ жеребцѣ;

Осенній вѣтеръ дуй хой спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ (*вздыхаетъ*).

Эхъ, братецъ, славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, князь Тугоуховскій и княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна (*тоненькимъ голоскомъ*).

Князь Петръ Ильичъ, княгиня! Боже мой!

Княжна Зизи! Мими!

(*Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ*).

1-я княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна.

Какія складочки!

1-я княжна.

Обшито бахромой.

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, если-бъ видѣли мой тюрлюрлю атласный.

3-я княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна.

Ахъ, да! — барежевий!

5-я княжна.

Ахъ, прелестъ!

6-я княжна.

Ахъ, какъ миль!

Княгиня.

Ссъ? Кто это въ углу, — вошли мы, — поклонился?

Наталья Дмитриевна.

Привзжій, Чацкій.

Княгиня.

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь, князь! сюда — живѣе!

Князь (*къ ней оборачиваетъ слуховую трубку*).

О-хмъ!

Княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе Натальи Дмитриевны знакомаго; вонъ онъ!

Князь.

И-хмъ!

(*Отправляется, вѣется около Чацкого и покашливаетъ*).

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!

Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ:

Танцовщики ужасно стали рѣдки!..

Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитриевна.

Нѣтъ.

Княгиня.

Богатъ?

Наталья Дмитриевна.

О, нѣтъ!

Княгиня.

Князь! князь! назадъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня-внучка.

Ахъ, grand'maman! ну, кто такъ рано пріѣзжаетъ?

Мы первыя! (*Пропадаетъ въ боковую комнату*).

Княгиня.

Вотъ насъ честить!

Вишь первая, а насъ за никого считаетъ!

Зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее простить!

Графиня-внучка (*вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ*).

Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе!

Чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

Графиня-внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня-внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?

О! нашихъ тѣма, безъ дальнихъ справокъ,

Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ

Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны-ль упреки несть

Отъ подражательницъ модисткамъ

За то, что смѣли предпочесть

Оригиналы спискамъ?

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья отъ себя выходитъ; всѣ ей навстрѣчу.

Графиня-внучка.

Eh, bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,

Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente.

Загорѣцкій (*Софья*).

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ.

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся

Другой вамъ услужить. За то

Куда я ни кидался?

Въ контору—все взято,

Къ директору—онъ мнѣ пріятель—

Съ зарей въ шестомъ часу, и кстатн-ль?

Ужъ съ вечера никто достать не могъ;

Къ тому, къ сему,—всѣхъ собилъ я съ ногъ.

И эготъ, наконецъ, похитилъ уже силой

У одного: старикъ онъ хилой,

Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ,—

Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,

А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе юсти. Между тѣмъ временемъ Загорѣцкій отходитъ къ мужичинамъ).

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ!..

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь.

Я правду объ тебѣ поразкажу такую,

Что хуже всякой лжи. *(Чацкому):* Вотъ, братъ, рекомендую!

Какъ этакихъ людей учтивѣ зовутъ,

Нѣжиѣ? Человѣкъ онъ свѣтскій,

Отъявленный мошенникъ, плутъ—

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.

При немъ остерегись: переноситъ горазды!

И въ карты не садись: продасть!

Загорѣцкій.

Оригиналъ! брозгливъ, а безъ малѣйшей злобы!

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы...

Окромѣ честности есть множество отрады:

Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ

Вездѣ, а всюду принимаютъ. *(Загорѣцкій мѣшается въ толпу).*

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова (*Софья*).

Легко ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?.. Мученье!
Часъ битый фхали съ Покровки—силы нѣтъ!

Ночь—свѣта преставленье!

Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку-дѣвку, да собачку.
Вели ихъ накормить ужю, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Гнягиня, здравствуйте! (*Сла*). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!

Курчавая, горбомъ лопатки!

Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!

Да какъ черна! да какъ страшна!

Вѣдь создалъ же Господь такое племя!

Чортъ сущій! въ дѣвичьей она...

Позвать ли?

Софья.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ какъ звѣрей выводятъ напоказъ.

Я слышала, тамъ... городъ есть турецкій...

А знаешь ли, кто мнѣ припасъ?

Антонъ Антониъчъ Загорѣцкій.

(Загорѣцкій выставляется впередъ).

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;

(Загорѣцкій исчезаетъ).

И отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говорить,—чай, въ карты сплutowаль;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій *(со смѣхомъ Платону Михайловичу)*.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлестова.

Что этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вотъ этотъ? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала,
Я за уши его дирала,—только мало.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ (*громко*).

Ждемъ князь Петръ Ильича,
А князь ужъ здѣсь!—а я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человекъ замѣтный,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой! оглушили: звончѣ всякихъ трубъ!

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали!

(*Подводитъ къ Хлестовой*):

Моя невѣстуха, которой ужъ давно

Объ васъ говорено.

Хлестова (*сидя*).

Вы прежде были здѣсь... въ полку... въ томъ... гренадерскомъ?

Скалозубъ (*басомъ*).

Въ его высочества, хотите вы сказать,

Ново-землянскомъ мушкатерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменныя есть отлички:

Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ (*Скалозубу*).

Пойдемте, батюшка, тамъ васъ я поемѣшу:

Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прощу!

(*Его и князя уводитъ съ собою*).

Хлестова (*Софьѣ*).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!

Вѣдь полоумный твой отецъ:

Дался ему трехъ сажень удалецъ,
Знакомить, не спросясь, приятно ли намъ, нѣтъ ли?
Молчалинь *(подаетъ ей карту)*.

Я вашу партію составила: мосьё Кокъ,
Ома Омичъ и я.

Хлестова.

Спасибо, мой дружокъ! *(Встаетъ)*.

Молчалинь.

Вашъ шницъ—предестный шницъ! не болѣе наперетка!
Я гладила все его: какъ шелковая—шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной!

(Уходитъ, за нею Молчалинь и многіе другіе).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе дѣйствія расходятся.

Чацкій.

Ну, тучу разогнать...

Софья.

Нельзя-ль не продолжать!

Чацкій.

Чѣмъ васъ я напугать?

За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить...

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:

Старушки всѣ народъ сердитый;

Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый

Тутъ былъ какъ громовой отводъ,—

Молчалинь!—Кто другой такъ мирно все уладить?

Тамъ моську во время погладить,

Тутъ въ пору карточку вотреть;

Въ немъ Загорѣцкій не умереть!

Вы давеча его мнѣ исчисляли свойства,

Но многія забыли—да...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Софья, потомъ Г. Н.

Софья *(про себя)*.

Ахъ, этотъ человекъ всегда

Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть,—завистливъ, гордъ и золь!

Г. Н. (*подходитъ*).

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. Н.

Какъ его нашли по возвращенья?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

Г. Н.

Ужли съ ума сошелъ?

Софья (*помолчавши*).

Не то, чтобы совсѣмъ...

Г. Н.

Однако есть примѣты?

Софья (*смотритъ на него пристально*).

Мнѣ кажется...

Г. Н.

Какъ можно, въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть! (*Въ сторону*):

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XV.

Г. Н., потомъ Г. Д.

Г. Н.

Съ ума сошелъ! Ей кажется... вотъ на!

Не даромъ, стало-быть... съ чего-бъ взяла она?

Ты слышалъ?

Г. Д.

Что?

Г. Н.

Объ Чацкомъ?

Г. Д.

Что такое?

Г. Н.

Съ ума сошелъ.

Г. Д.
Пустое!

Г. Н.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. Д.

А ты разславить это радъ?

Г. Н.

Пойду, осифдомлюсь; чай, кто-нибудь да знаетъ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Г. Д., потомъ Загорѣцкій.

Г. Д.

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ, и тотчасъ повторяетъ!

Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?..

Г. Д.

Съ ума сошелъ!

Загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышала.

Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:

Его въ безумные упрятали дядя-шутъ.

Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. Д.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ.

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи, стало-быть, спустили.

Г. Д.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газеть,

Пойду-ка я, расправлю крылья,

У всѣхъ повыспрошу. Однако, чуръ, секретъ!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Загорѣцкій, потомъ графиня-внучка.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ?.. Извѣстная фамилья..

Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?

Графиня-внучка.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ: онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Графиня-внучка.

Знаю,

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:

Онъ сумасшедшій...

Графиня-внучка.

Что!

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума!

Графиня-внучка.

Представьте! Я замѣтила сама!

И хоть пари держать,—со мной въ одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тѣ же и графиня-бабушка.

Графиня-внучка.

Ah, grand'maman! вотъ чудеса! вотъ ново!

Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?

Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!..

Графиня-бабушка (*шепелявитъ*).

Мой другъ, мнѣ уши заложило;

Скажи погромче...

Графиня-внучка.

Время нѣтъ!

(*Указываетъ на Загорѣцкаго*):

Il vous dira toute l'histoire...

Пойду, спрошу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Загорѣцкій и графиня-бабушка.

Графиня-бабушка.

Что? что? Ужъ нѣтъ ли здѣсь пожара?

Загорѣцкій.

Нѣтъ, Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ.

Сошелъ съ ума отъ раны.

Графиня-бабушка.

Что? Къ фармазонамъ въ клобъ?

Пошелъ онъ въ басурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь. (*Уходитъ*).

Графиня-бабушна.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!..

И онъ бѣжить, все въ страхъ, виопыхахъ.

ЯВЛЕНИЕ XX.

Графиня-бабушка и князь Тугоуховскій.

Графиня-бабушна.

Князь, князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышитъ!

Князь, слышали?

Князь.

А-хмъ?

Графиня-бабушка.

Онъ ничего не слышитъ!

Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э-хмъ?

Графиня-бабушна.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкого схватилъ?

Князь.

И-хмъ?

Графиня-бабушна.

Тесакъ ему да ранецъ,

Въ солдаты! Шутка ли,—перебѣнзиль законъ!

Князь.

У-хмъ?

Графиня-бабушна.

Да!.. въ басурманахъ онъ!

Ахъ, окаянный волтерьянецъ!

Что? а? глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.

Охъ, глухота большой порокъ!

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, графиня-внучка, княгиня ея дочери, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ? прошу покорно!

Да невзначай! да какъ проворно!

Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всё!

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всё, такъ вѣришь поневолѣ;

А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ *(входя)*.

О чемъ, о Чацкомъ, что ли?

Чего сомнительно? Я первый, я открылъ!

Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ.

Попробуй о властяхъ, и не-вѣсть что наскажеть!

Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,

Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ,

Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!

Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтоваль въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня-внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ даль жить въ деревнѣ.

Загорѣцкій.

Безумный по всему!

Графиня-внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:

Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!

Въ его лѣта съ ума прыгнулъ!

Чай, ниль не по лѣтамъ?

Нягиня.

О, вѣрно...

Графиня-внучка.

Безъ сомнѣнья.

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитриевна.

Бутылками-съ—и пребольшими.

Загорѣцкій (*съ жаромъ*).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.

Фамусовъ.

Ну, вот! великая бѣда,

Что выпьеть лишнее мужчина!

Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,

Что нынче пуше чѣмъ когда

Безумныхъ развелось людей, и дѣль, и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ, отъ однихъ,

Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ... какъ бишь ихъ?

Да... отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ

Пе-да-го-гическій—такъ, кажется, зовутъ?..

Тамъ упражняются въ расколахъ и въ безвѣрьи

Профессора! у нихъ учился нашъ родня

И вышелъ,—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!

Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!

Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—

Князь Федоръ, мой племянникъ.

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,

Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:

Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два!

А книги сохранять такъ, для большихъ okazji.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! ужъ коли зло пресѣчь,—

Забрать всѣ книги бы, да сжечь.

Загорѣцкій (*съ кротостью*).

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь. А если-бъ, между нами,

Былъ цензоромъ назначень я,

На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!

Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!

Кто что ни говори.

Хоть и животныя, а все-таки цари.

Хлестова.

Отцы мои, ужъ кто въ умѣ разстроень,

Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль;

А Чацкаго мнѣ жаль.

По-христіански, такъ, онъ жалости достоинъ;
 Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь.

Фамусовъ.

Четыреста.

Хлестова.

Нѣтъ, триста!

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста, прошу понять.

Хлестова.

Нѣтъ, триста, триста, триста!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же всѣ и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ!

Графиня-внучка.

Шшъ!

Всѣ.

Шшъ! *(Пятятся отъ него въ противную сторону).*

Хлестова.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ

Затѣеть драться онъ, потребуеть къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! *(Опасливо):*

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ!

Съ дороги нужень сонъ. Дай пульсъ. Ты нездоровъ.

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ.

(Подходитъ къ Софьѣ):

Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.

Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! (дѣлаетъ знакъ Софьѣ).

Гмъ, Софья!—Не глядите!

Софья (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвить?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,

И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ, и нашель, что ласкамъ нѣтъ конца,
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ: будто бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды...

Онъ радъ, но мы не рады.

Умолкъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ

Тоска, и оханье, и стоны:

«Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!»—

Рѣшили двѣ княжны-сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натвержень.

Куда дѣваться отъ княженъ!

Я одалъ возсылалъ желанья,

Смиренныя, однако вслухъ,

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,

Кто могъ бы словомъ и примѣромъ

Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Пускай меня отъявят старовѣромъ,
 Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ,—
 И нравы, и языкъ, и старину святую,
 И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
 Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
 Движенія связаны и не краса лицу.
 Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки!..
 Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!..
 Ахъ, если рождены мы все перенимать,
 Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
 Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
 Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,

Чтобъ умный, добрый нашъ народъ

Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
 «Какъ европейское поставить въ параллель

Съ національнымъ—странно что-то!

Ну, какъ перевести мадамъ, мадмуазель?
 Ужли—сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то...

Вообразите, тутъ у всѣхъ

На мой же счетъ поднялся смѣхъ.

«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!

Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!»

Я, разсердясь и жизнь кляня,
 Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
 Но всѣ оставили меня.

Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый.

Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,

Что человекъ изъ города Бордо

Лишь ротъ открылъ, имѣетъ счастье

Во всѣхъ княженъ вселять участие.

И въ Петербургъ, и въ Москвѣ,

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,

Въ чьей, по несчастью, головѣ

Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—

Глядь...

(Оглядывается; всѣ въ вальсъ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старикъ разбрелся къ карточнымъ столамъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

У Фамусова въ домѣ парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкають многія побочныя изъ антресолей; внизу, справа (отъ дѣйствующихъ лицъ) выходъ на крыльцо и швейцарская жога; слѣва, на одномъ же планѣ, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освѣщеніе. Лакеи — иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графиня-бабушка, графиня-внучка, впереди ихъ лакей.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Графиня-внучка (*покуда ее укутываютъ*).

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей назвать!

Какіе-то уроды съ того свѣта,

И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать.

Графиня-бабушка.

Поѣдемъ, матушка! мнѣ право не подь силу!

Когда-нибудь я съ бала да въ могилу.

(Объ утѣшаютъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна.

Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъезда кричитъ:

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангель, жизнь моя,

Безцѣнный, душечка, что смотришь такъ уныло?

(Цѣлуетъ мужа въ лобъ).

Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я,

До нихъ смертельный неохотникъ,

А не противлюсь—твой работникъ:

Дежурю за полночь; подчасъ,

Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,

Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься, и очень неискусно;

Охота смертная прослыть за старика!

(Уходитъ съ лакеемъ).

Платонъ Михайловичъ (*хладнокровно*).

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька;

И кто жениться насъ неволить?

Вѣдь сказано-жъ, иному на роду...

Лакей (съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ, и гнѣваться изволить.

Платонъ Михайловичъ (со вздохомъ).

Иду, иду!

(Ужьсаютъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Чацкій и лакей его впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали. (Лакей уходитъ).

Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ

Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ

Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли...

Чего я ждалъ? что думалъ здѣсь найти?

Гдѣ прелесть эта встрѣчь? участие въ комъ живое?

Крикъ! радость! обнялись!.. Пустое!..

Въ повозкѣ такъ-то, на пути,

Необозримою равниной, сидя праздно,

Все что-то видно впереди:

Свѣтло, сине, разнообразно...

И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво

Домчались къ отдыху. Ночлегъ. Куда ни взглянешь,

Все та же гладь и степь, и пусто, и мертво...

Досадно! мочи нѣтъ! чѣмъ больше думать станешь...

(Лакей возвращается).

Готово?

Лакей.

Кучера-съ нигдѣ, вишь, не найдуть.

Чацкій.

Пошелъ, ищи. Не ночевать же тутъ.

(Лакей опять уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Чацкій, Репетиловъ вбѣгаетъ съ крыльца; при самомъ входѣ падаетъ со всѣхъ ногъ и успѣшно оправляется.

Репетиловъ.

Тьфу, оплошалъ!.. Ахъ, мой Создатель!

Дай протереть глаза... Откудова, прятель?..

Сердечный другъ! любезный другъ! mon cher!

Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,

Что пустомеля я, что глупъ, что суетвѣрь,

Что у меня на все предчувствія, примѣты.

Сейчасъ... растолковать прошу,—
 Какъ будто зналъ, сюда спѣшу—
 Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою,
 И растянулся во весь ростъ.
 Пожалуй, смѣйся надо мною,

Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
 А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
 Любовь какая-то и страсть.

Готовъ я душу прозакласть,
 Что въ мирѣ не найдешь себѣ такого друга,
 Такого вѣрнаго, ей-ей;
 Пускай лишусь жены, дѣтей,
 Оставлень буду цѣлымъ свѣтомъ,
 Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
 Да разразитъ меня Господь...

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть.

Репетиловъ.

Не любишь ты меня—естественное дѣло:
 Съ другими я и такъ, и сякъ,
 Съ тобою говорю несмѣло;
 Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!..

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Ругай меня; я самъ клянусь свое рожденье,
 Когда подумаю, какъ время убивальъ.
 Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться.
 Коли явился ты на балъ,
 Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣлы дня
 Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
 Читалъ ли ты?.. есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня.
 Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ—
 Я это имя заслужилъ:

Людьми пустыми дорожилъ,
 Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ!
 Объ дѣтяхъ забывалъ! обманывалъ жену!
 Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взять указомъ!
 Танцовщицу держалъ, и не одну—
 Трехъ разомъ!

Пилъ мертвую! не спалъ ночей по девяти!
 Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру.
 Есть отъ чего въ отчаянье придти.

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
 Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ.

Чацкій.

Вотъ нынче, напрымѣрь?

Репетиловъ.

Что, ночь одна не въ счетъ!

Зато спроси, гдѣ былъ.

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:

Чай, въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ Англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать,—

Изъ шумнаго я засѣданья...

Пожалуйста молчи — я слово далъ молчать...

У насъ есть общество, и тайныя собранья

По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ...

Чацкій.

Ахъ, братецъ, я боюсь!

Какъ? Въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,

Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:

Вслухъ, громко говоримъ — никто не разберетъ.

Я самъ, какъ схватятся о камерахъ, присяжныхъ,

О Байронѣ, ну, о матеряхъ важныхъ,

Частенько слушаю, не разжимая губъ;

Мнѣ не подъ силу, братъ; я чувствую, что глупъ.

Ахъ, Alexandre! У насъ тебя не доставало.
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Повѣдемъ-ка сейчасъ; мы благо на ходу.

Съ какими я тебя сведу
Людьми! Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! Сокъ умной молодежи.

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскочу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь?... Домой! — я спать хочу.

Репетиловъ.

Э, брось! кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій.
Рѣшись, а мы!.. у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!

Кричимъ — подумаешь, что сотни голосовъ!..

Чацкій.

Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,

Но государственное дѣло.

Оно, вотъ видишь, не созрѣло, —

Нельзя же вдругъ...

Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій

Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,

Чудакъ единственный! насъ со смѣху морить!

Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка

И такъ же онъ сквозь зубы говорить,

И такъ же коротко обстриженъ для порядка.

Ты не знакомъ? О познакомься съ нимъ.

Другой—Воркуловъ Евдокимъ.

Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!

Послушай, милый, особливо

Есть у него любимое одно:

«А нонъ ла-шгьяръ ми, но-но-но!»

Еще у насъ два брата:

Левонъ и Боринька—чудесные ребята!

Объ нихъ не знаешь что сказать.

Но если генія прикажете назвать, —

Удушевъ Ипполитъ Маркелычъ!

Ты сочиненія его

Читаль-ли что-нибудь? хоть мелочь?
 Прочти, братец! Да онъ не пишетъ ничего!
 Вотъ этакихъ людей бы съѣ-то
 И приговаривать: писать, писать, писать!
 Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
 Его отрывокъ: Взглядъ и Нѣчто.
 Объ чемъ бишь Нѣчто?—обо всемъ,
 Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
 Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
 Не надо называть, узнаешь по портрету:
 Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
 Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
 И крѣпко на руку нечистъ.
 Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!
 Когда-жъ объ честности высокой говорить,
 Какимъ-то демономъ внушаемъ,
 Глаза въ крови, лицо горитъ,
 Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ...
 Вотъ люди, есть-ли имъ подобные? Наврядъ.
 Ну, между ними я конечно заурядъ,
 Немножко поотсталъ, лѣнивъ,—подумать ужась!
 Однако-жъ я, когда, умишкомъ понатужась,
 Засаду—часу не сижу,
 И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
 Другіе у меня мысль эту же подцѣпять,
 И вшестеромъ, глядъ, водевильчикъ сѣпять;
 Другіе шестеро на музыку кладуть,
 Другіе хлопаютъ, когда его дають...
 Братъ, смѣйся, а что любо—любо!
 Способностями Богъ меня не наградилъ,
 Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ,
 Совру—простятъ...

Лакей (у подъезда).

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и Скалозубъ спускается съ лѣстницы.

Репетиловъ (къ нему навстрѣчу).

А! Скалозубъ, душа моя!

Постой, куда же? сѣдай дружбу!

(Душитъ его въ объятія).

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?

(Входитъ въ швейцарскую).

Репетиловъ (Скалозубу).

Слухъ объ тебѣ давно затихъ;

Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.

Знакомы вы?.. (Ищетъ глазами Чацкаго). Упрямецъ усекалъ!

Нѣтъ нужды. Я тебя нечаянно смыскалъ,

И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ:

У князь-Григорія теперь народу тьма;

Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.

Фу! сколько, братецъ, тамъ ума:

Всю ночь толкуютъ—не наскучать;

Во-первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,

А во-вторыхъ, такимъ вещамъ научать,

Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;

Сликай другихъ; а если хочешь,

Я князь-Григорію и вамъ

Фельдфебеля въ Волтеры дамъ:

Онъ въ три шеренги васъ построитъ,

А пикните, такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умъ! Mon cher, гляди сюда:

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,

Какъ можетъ-быть никто и никогда.

По статской я служилъ. Тогда

Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,

А я

Къ нему въ зятя

Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;

Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,

Ему и ей такія суммы

Спустилъ, что Боже упаси!

Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,

Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!..

Женился наконецъ на дочери его,

Приданого взялъ—шишь, по службѣ—ничего.

Тестъ нѣмецъ, а что проку?

Боялся, видишь, онъ упреку

За слабость будто бы къ роднѣ!

Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?

Секретари его всё хамы, всё продажны,
 Людишки, пишущая тварь,
 Всё вышли въ знать, всё нынче важны:
 Гляди-ка въ адресь-календарь...

Тьфу! служба и чины, кресты—души мытарства.

Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говорить,

Что радикальныя потребны тутъ лекарства,

Желудокъ больше не варить... *(Останавливается,
 увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто
 Скалозуба, который покудава утхалъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Репетиловъ, Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать; вамъ искренно признаюсь,

Такой же я, какъ вы, ужасный либераль!

И отъ того, что прямо и смѣло объясняюсь,

Куда какъ много потерялъ!

Репетиловъ *(съ досадой).*

Всё врознь, не говоря ни слова!

Чуть изъ виду одинъ—гляди, ужъ нѣтъ другого:

Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.

Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякіе турусы,

И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...

Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль!

Мы съ нимъ... у насъ... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ

Въ умѣ серьезно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всё этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ.

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

Репетиловъ.

Дичь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь и княгиня съ шестью дочерьми, немного погодя Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны, пожалуйста, скажите ваше мнѣнье,
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1-я княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2-я княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ.

3-я княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Варлянскіе, Скачковы!..

4-я княжна.

Ахъ, вѣсти старья. Кому же онѣ новы?

5-я княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣрить...

6-я княжна (Репетилову).

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсье Репетиловъ! вы?—Мсье Репетиловъ! что вы?

Да какъ вы?—Можно-ль противъ всѣхъ?—

Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ (затыкаетъ себѣ уши).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!

Давно бы запереть пора:

Послушать, такъ его мизинецъ

Умнѣ всѣхъ и даже князь-Петра!

Я думаю, онѣ просто якобинецъ,

Вашъ Чацкій... Ъдемте. Князь, ты везти бы могъ.

Катишь или Зизи: мы сядемъ въ шестимѣстной.

Хлестова (съ лестницы).

Княгиня! карточный должокъ?

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ (другъ къ другу).

Прощайте!

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорыцкій тоже).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Репетиловъ, Хлестова, Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь небесный!

Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ!

Что нашъ высокій умъ и тысячи заботы!

Скажите, изъ чего на свѣтъ мы хлопочемъ!

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ,

Полечать—вылечать авось!

А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось.

Изволилъ во время явиться!

Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой.

Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой.

(Молчалинъ уходитъ къ себѣ въ комнату).

Прощайте, батюшка; пора перебѣситься. (Уѣзжаетъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Репетиловъ (со своимъ лакеемъ).

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?

А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.

Поди, сажай меня въ карету,

Вези куда-нибудь!

(Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Чацкій (выходитъ изъ швейцарской).

Что это? слышала я моими-ли ушами?

Не смѣхъ, а явно злость. Какими чудесами,

Черезъ какое колдовство

Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?

И для иныхъ какъ словно торжество,

Другіе будто сострадають...

О! если-бъ кто въ людей проникъ,
 Что хуже въ нихъ—душа или языкъ?
 Чье это сочиненье?

Повѣрили глупцы, другимъ передають,
 Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
 И вотъ общественное мнѣнье!
 И вотъ та родина!.. Нѣтъ, въ нынѣшній прїѣздъ,
 Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣсть.
 А Софья знаетъ-ли?—Конечно, рассказали.
 Она не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
 Потѣшилась, и правда, или нѣтъ—
 Ей все равно; другой-ли, я-ли—
 Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожить.
 Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
 Нервъ избалованность, причуда?
 Возбудить малость ихъ, и малость утишить...
 Я признакомъ почель живыхъ страстей... Ни крошки!
 Она конечно бы лишилась такъ же силъ,
 Когда бы кто-нибудь ступилъ
 На хвостъ собачки или кошки.

*Софья (надъ лестницей во второ-
 ромъ этажѣ, со свѣчою).*

Молчалинъ, вы? *(Постынно опять дверь притираетъ).*

Чацкій.

Она! она сама!

Ахъ, голова горитъ, вся кровь моя въ волненьи.
 Явилась! нѣтъ ея! неужели въ видѣньи?

Не впрямь-ли я сошелъ съ ума?
 Къ необычности я точно приготовленъ;
 Но не видѣнье тутъ—свиданья часъ условленъ.
 Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
 Звала Молчалина—вотъ комната его.

Ланей (съ крыльца).

Каре...

Чацкій.

Ссъ! *(выталкиваетъ его вонъ).*

Буду здѣсь, и не смыкая глазу
 Хоть до утра. Ужь коли горе пить,
 Такъ лучше сразу,
 Чѣмъ медлить, а бѣды медленьемъ не избыть!
 Дверь отворяется!.. *(Прячется за колонну).*

ЯВЛЕНИЕ XI.

Чацкій спрятанъ; **Лиза**, со свѣчкой.

Лиза.

Ахъ, мочи нѣтъ! робюю!

Въ пустыя сѣни, въ ночь! боишься домовыхъ!

Боишься и людей живыхъ.

Мучительница барышня, Богъ съ нею!

И Чацкій какъ бѣльмо въ глазу;

Вишь, показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу.

(Осматривается).

Да, какъ же! по сѣнямъ бродить ему охота!

Онъ, чай, давно ужъ за ворота,

Любовь на завтра поберегъ,

Домой—и спать залегъ.

Однако вѣрно къ сердечному толкнуться.

(Стучится къ Молчалину):

Послушайте-съ! извольте-ка проснуться:

Васъ кличетъ барышня!.. васъ барышня зоветъ!..

Да поскорѣй, чтобъ не застали...

ЯВЛЕНИЕ XII.

Чацкій за колонною, **Лиза**, **Молчалинъ** потягивается и зѣваетъ, **Софья** крадется сверху.

Лиза.

Вы, сударь, камень! сударь, ледь!

Молчалинъ.

Ахъ, Лизанька! ты отъ себя-ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,

Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ

Любви еще румянецъ не игралъ!

Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ?

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣсть,

Не нѣжится и не зѣвать бы:

Пригожъ и милъ—кто не доѣстъ

И не доспигъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? Съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинь.

Поди!

Надежды много впереди,—
Безъ свадьбы время проволочимъ.

Лиза.

Что вы, сударь! да мы кого-жъ
Себѣ въ мужа другаго прочимъ?

Молчалинь.

Не знаю. А меня такъ пробираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аванасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!.. Да что?.. открыть-ли душу?
Я въ Софѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато.
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбить какъ его.

Мой ангельчикъ, желалъ бы въ половину
Къ ней то же чувствовать, что чувствую къ тебѣ;
Да нѣтъ: какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь—и простыну.

Софья (*съ стороны*).

Какія низости!

Чацкій (*за колонною*).

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинь.

Мнѣ завѣщалъ отецъ:

Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собака дворника, чтобъ ласкова была.

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинь.

И вотъ любовника я принимаю видъ
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,

А иногда и чиномъ награждать?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей кради.
Дай, обвиню тебя отъ сердца полноты. (*Лиза не дается*).
Зачѣмъ она не ты?

(*Хочетъ идти, Софья не пускаетъ*).

Софья (*почти шопотомъ; вся сцена вполголоса*).

Нейдите далѣе! Наслушалась я много...
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнь стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!.. Софья Павловна!

Софья.

Ни слова, ради Бога!

Молчите,—я на все рѣшусь!

Молчалинъ (*бросается на колѣна, Софья отталкиваетъ*).

Ахъ, вспомните! не гнѣвайтесь, взгляньте!..

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!

Воспоминанія!.. какъ острый ножъ онѣ...

Молчалинъ (*ползаетъ у ногъ ея*).

Помилуйте...

Софья.

Не подличайте, встаньте!

Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:

Сожжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!..

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

Молчалинъ.

Шутиль, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софья.

Отстаньте, говорю; сейчасъ

Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ

И погублю себя и васъ!

(*Молчалинъ встаетъ*).

Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.

Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ

Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ;

Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!..

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софья.

Иначе разскажу

Всю правду батюшкѣ съ досады.

Вы знаете, что я собой не дорожу.

Подите... Стойте!.. Будьте рады,

Что, при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши,

Держались болѣе вы робости во нравѣ,

Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ.

Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.

Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала:

Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,

Какъ давеча, когда я въ обморокъ упала, —

Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій (бросается между ними).

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза и Софья.

Ахъ! Ахъ!..

(Лиза роняетъ свѣчу съ испугу;

*Молчалинъ скрывается къ себѣ
въ комнату).*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ! — теперь оно въ порядкѣ:

Важнѣе давишной причина есть тому.

Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!

Вотъ я пожертвованъ кому!

Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ!

Глядѣлъ и видѣлъ — и не вѣрилъ!

А милый, для кого забыть

И прежній другъ, и женскій страхъ и стыдъ,

За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ.

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?

Людей съ душой гонительница, бичъ! —

Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья (вся въ слезахъ).

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!

Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коварень!

Лиза.

Стукъ! шумъ! Ахъ, Боже мой, сюда бѣжитъ весь домъ!
Вашъ батюшка! Вотъ будетъ благодарень!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Чацкій, Софья, Лиза, Фамусовъ, толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда! за мной, скорѣй! скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ва! знакомыя всѣ лица;
Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,
Какъ мать ея, покойница жена:
Бывало, я съ дражайшей половиной
Чуть врознь — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога! Какъ? чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла...
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ?..

Чацкій (Софья).

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ, не финти! не дамъ я въ обманъ!
Хоть подеритесь — не повѣрю.
Ты, Филька! ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чувствуетъ ничего!..
Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?
Съней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказы!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми, —
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;
Подальше отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,
За пядьцами сидѣть, за святцами зѣвать.

А васъ, сударь, прошу я толкомъ,
Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюсь, въ набать я приударю,
По городу всему надѣлаю хлопоть,

И оглашу во весь народъ;
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

Чацкій (*посль нѣкотораго молчанія*).

Не образумлюсь... виновать!

И слушаю — не понимаю!

Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотять...

Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю... (*Съ жаромъ*):

Стѣпецъ! я въ комъ искалъ награду всѣхъ трудовъ?

Спѣшилъ!.. летѣлъ!.. дрожалъ!.. вотъ счастье, думалъ, близко!

Предъ кѣмъ я давеча такъ страстно и такъ низко

Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!

А вы! о, Боже мой! кого себѣ избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли?

Зачѣмъ меня надеждой завлекли?

Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,

Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,

Что память даже вамъ постыла

Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,

Которыя во мнѣ ни даль не охладила,

Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!

Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ непрерывно!

Сказали бы, что вамъ внезапный мой приѣздъ,

Мой видъ, мои слова, поступки — все противно:

Я съ вами тотчасъ бы сношенія пресѣкъ,

И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,

Не сталъ бы очень добиваться,

Кто этотъ вамъ любезный человекъ... (*Насмѣшливо*):

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ:

Себя крушить, и для чего?

Подумайте, всегда вы можете его

Веречь, и пеленать, и посылать за дѣломъ.

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ жениныхъ пажей —

Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Довольно!.. съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣнныи счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.

Другой найдется, благонаправный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.

Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было сряду
На дочь и на отца,

И на любовника-глушца,

И на весь мѣръ излить всю желчь и всю досаду.

Съ кѣмъ быть? Куда меня закинула судьба?

Всѣ гонять! всѣ клянуть! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,

Разсказчиковъ неукротимыхъ,

Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,

Старухъ злобѣщихъ, стариковъ,

Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..

Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ —

Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,

Кто съ вами день пробить успѣетъ,

Подышетъ воздухомъ однимъ,

И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздохъ.

Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

Карету мнѣ, карету! (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ (*долгое время стоитъ въ
остолбенѣннѣи*).

Ну что? Не видишь ты, что онъ съ ума сошелъ?

Скажи серьезно!

Безумный! что онъ тутъ за чепуху молоть!

Низкопоклонникъ! тесть! и про Москву такъ грозно!

А ты меня рѣшила уморить!

Моя судьба еще ли не плачевна?

Ахъ, Боже мой, что станеть говорить

Княгиня Марья Алексѣвна!

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ *).

(1828).

(Отрывки из трагедіи).

I.

(Кормилица (Т.), какъ надо судить, уже успѣла объявить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль. Князь (К.) отвѣчаетъ).

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали...

*) Содержаніе этой трагедіи, по объясненію Булгарина: «Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, напоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ, по княжескому обычаю, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азиатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели (*должно быть* Али), злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера; но Али несуть пулю въ сердце его дочери. Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она требуетъ ружья, чтобы поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ Небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ, и познаетъ цѣну потери дѣтища; злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила мстью; они гибнутъ въ отчаяніи. Трагедія, основанная на народной Грузинской сказкѣ, если-бъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной Русской, но всей Европейской литературы. Грибоѣдовъ читалъ намъ наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедія сія погибла вмѣстѣ съ авторомъ.»

Т.

Ругаться старостью — то въ лютыхъ вашихъ правахъ.
 Стара я, да, — но не отъ лѣтъ однихъ!
 Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ,
 Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.

Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
 Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
 Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
 Когда-жъ былъ многія години въ заточеньи,
 Безславью преданный въ отеческомъ краю,
 И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
 Вынашивала я, кормила дочь твою.
 Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
 Колѣвъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
 Которыя въ щекахъ моихъ изрыты

Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
 Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!..
 А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
 Полсердца вырвалъ изъ утробы!
 Что мнѣ твой гнѣвъ? Гроза твоей руки!
 Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы..
 И кочеть, если взять его птенца,
 Кричить, крылами бьеть съ свирѣпостью борца,
 Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
 А мнѣ передъ тобой не можно умолчать, —
 О сынѣ я скорблю: я человекъ, я мать..
 Гдѣ громъ Твой, власть Твоя, о, Боже Вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету
 И на главу мою всѣ ужасы природы:
 Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
 Гдѣ бурный Ксанъ крутитъ сѣдыя воды;
 Терпѣть разбойникомъ гоненья, голодь, страхъ,
 Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
 Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить,
 И злость души, и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилишь:
 Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
 Подумай, — самъ отецъ, и сына ты лишенъ.

Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесень,
 И ты въ послѣдній разъ, прощаясь съ трупомъ милымъ,
 Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
 И оживить хотѣлъ потухшій взоръ;
 Весь воздухъ потрясала дѣтей и женъ вой дикій,
 И вторили раскаты этихъ горъ
 Съ утра до вечера пронзительные крики, —
 Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
 Но взятый смертію вовѣкъ невозвратимъ!
 Когда же бь искупить ты могъ его изъ плѣна,
 Какой тогда казны бы пожалѣлъ?
 На чей бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
 Ты чьи тогда не обнялъ бы колѣна?

К.

 И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!..
 Я помню о людяхъ, о Богѣ,
 И сына твоего не далъ бы безъ нужды,
 Но честь моя была въ залогѣ.
 Его цѣной я выкупилъ коня,
 Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
 Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня..
 Тотъ подлѣ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Г.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
 Никто изъ слугъ твоихъ любимыхъ
 Такъ вѣрой-правдою тебѣ не послужилъ,
 Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
 Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
 За славу твоего онъ княжескаго дома
 Сто разъ бы притупилъ и саблю, и кинжалъ,
 Не убоился бы онъ язвъ и пушекъ грома.
 Какъ матерью его ты былъ не разъ спасень,
 Такъ на плечахъ своихъ тебя бы вынесъ онъ.

К.

 Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
 Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
 И не терзай мнѣ жалобами слуха,
 Безвремененъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
 Ужъ сынъ твой — рабъ другаго господина,
 И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,

Онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной...

Г. (падаетъ на колѣни).

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба, — зачѣмъ же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!..
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы — вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка,
Сядь надъ пропастью, бесѣдуй свысока
О сынѣ съ мраками ночными,
И степь буди стѣнаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Г.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяжанье!
Какъ ловчіе, — ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ не удержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Шокуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падеть,
Истекшій кровію и пѣной, —
Пушкой истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пушкой преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной,
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего.
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божию взирая!
Твой прахъ землѣ не предадутъ!
Лишь путники произнесутъ

Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чакаламъ плотояднымъ...
А тамъ, — передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

II.

(Кормилица (Т.) призываетъ въ помощь своей мести Али, злыхъ духовъ Грузіи).

I.

О, люди! Кто назвалъ людьми исчадіи зла,
Которыхъ отъ кровей утробныхъ
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!..

Ночныя чуда! Али! Али!
Явите мнѣ свою приязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душой преступнымъ и безсильнымъ!
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный —

Вотъ пять волосъ

Отъ васъ унесъ

Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ... *) онъ блуждалъ,

На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А нынѣ кинутой быть горько сиротой.
Равны страданія въ сей жизни или въ той?..

Слетайтесь, слетайтесь,

Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья,
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груди тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Останки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой привѣтъ не отзовутся!

*) Неразобранный слогъ.

Лишь тучи на небѣ несутся
И воет вѣтръ... Ахъ, вотъ опѣ!
(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ.)
Али (плаваютъ въ туманъ у
подошвы горъ).

Въ парахъ вечернихъ, передъ восходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хорОВОДОМъ
Изъ недозримой глубины.

Т.

Робѣть духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной!..

Али.

Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья;
Но тотъ, чей замыселъ не скрыть,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды во вѣкъ не утолить
Нетерпѣливый мститель.

Т.

.
.
Настанетъ день и часъ пробѣть.

Али.

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтеть
И ближній ближняго лишится. (Молчаніе).
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжить отъ глазъ успокоенье.

Одна изъ нихъ.

Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

Другія.

А мы въ за-горскіе края,
Гдѣ ниръ пируютъ кровопійцы.

Послѣдняя.

Тамъ замокъ есть... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ.

Комедія въ одномъ дѣйстви, въ стихахъ.
Передѣланная съ французскаго (Le Secret du ménage).
(1815).

ДѢЙСТВУЮЩЕ:

Аристь.
Эльмира.
Сафиръ.

(Гостиная въ Аристовомъ домѣ).

ЯВЛЕНИЕ 1-е: Аристь (входитъ).

Сегодня завернулъ не кстати я домой,
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее по чести;
Межъ тѣмъ прятнѣе, когда мы съ ней не вмѣстѣ;
Однако впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣсть одно и все одно.

ЯВЛЕНИЕ 2-е: Аристь и Эльмира въ простомъ утреннемъ платьѣ

Эльмира. А! здравствуй, милый мой, здоровъ-ли?
Аристь. Понемногу.

А ты здорова-ли, мой другъ?
Эльмира. Я слава Богу.

Аристь (въ сторону).

Веселый разговоръ. (Вслухъ): Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?

Какъ взаперти пробыть весь день—не понимаю.

Эльмира. Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.

Аристь. Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?

И нынѣ способы къ тому не отняты.

Эльмира. Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,

Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;

Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

- Аристь.** Но отчего же я отъ свѣта не отсталъ?
А дорожу тобой все болѣе и болѣ.
- Эльмира.** Пожалуй выѣзжать я буду поневолю.
- Аристь.** Притомъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ;
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно,
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей.
Безъ мыслей матушка проронить два, три слова,
Что дочка будто ей дарить рисуночекъ новый,
Едва лезя выпросить на диво посмотреть;
Выносить наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно-ль, какъ вы скромны?
А чай работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать,
За фортепьяны; тутъ не смѣютъ и дышать,
Дивятся, ахаютъ, рукъ столь бѣглою, гибкой,
Межъ тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрипкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,
Въ загонъ живописи, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межъ нами не для ссоры.
- Эльмира.** Заслуживаю-ль я подобные укоры?
Я думала, къ пѣнью прошла моя пора;
Въ удобность же тебѣ, я буду пѣть съ утра,
На балѣ проведу всю ночь.
- Аристь.** Забудемъ это,
Помыслимъ о другомъ,—уже подходитъ лѣто.
- Эльмира.** Какія мѣры брать располагаешь ты?
- Аристь.** Какія могутъ быть тобою приняты.
- Эльмира.** Оставимъ городской шумъ вѣчный, пыль и сиплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтніи.
- Аристь.** Пожалуй.
- Эльмира.** Но боюсь, не скромнень сей приютъ,—
Непрошенныя насъ близъ города найдутъ;
Притомъ соудство тамъ ужасно какъ наскучить.
- Аристь.** Куда-жъ поѣдемъ мы?
- Эльмира.** Меня страхъ это мучить.
- Аристь.** Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ-нибудь.
- Эльмира.** На все согласна я.
- Аристь.** Куда-жъ направимъ путь?
- Эльмира.** Въ Крымъ или на Кавказъ?
- Аристь.** Куда тебѣ угодно.
- Эльмира.** Куда угодно мнѣ—вотъ это безподобно!
- Аристь.** Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего-бъ хотѣла ты?
- Эльмира.** Мнѣ право все равно.
- Аристь.** Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.
- Эльмира.** Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы,—мнѣ радость и забавы.
Я, право, всегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.
- Аристь.** И я признателенъ.

Эльмира. Нѣтъ! я такъ замѣчала,
 Что скучно все тебѣ.
 Аристь. Мнѣ скучно?
 Эльмира. Да.
 Аристь. Ни мало.
 Эльмира. По крайней мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
 Что сидя ты со мной не въ духѣ...
 Аристь. Никогда.
 Эльмира. О, если-бъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!
 Аристь. Я радъ съ тобою быть... Однако, гдѣ газеты?
 (*Въ сторону*):

Надъ ними все-таки пристойнѣе зѣвать.
 Эльмира. Онъ завячь чтеніемъ, мнѣ тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ 3-е: Пржевніе и Сафиръ.

Сафиръ. За чтеніемъ мужъ съ женой; видъ важной и степенной..
 Примѣрная чета! боюсь, не опѣенно!
 Аристь. Ахъ! какъ ты милъ, Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ!
 Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.
 Сафиръ. Непозволительно и утренней пороку
 Скучать, любезный мой, съ супругой молодою.
 Эльмира. Мой мужъ вѣдомостями былъ занятъ, а не мной.
 Аристь. Что рано съ балу такъ уѣхалъ ты домой?
 Досадно, по тебѣ мы поздно спохватились.
 Сафиръ. Я крѣпко задремалъ.
 Аристь. А мы такъ все рѣзвились.
 Въ Аглаю, знаешь, какъ Сердаликовъ влюбленъ;
 Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ,
 Съ Аглаей все шепталъ и танцевалъ нарочно,
 А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ, ну точно
 Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.
 Сафиръ. Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.
 Аристь. Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.
 Эльмира (*въ сторону*). А я здѣсь лишняя. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е: Аристь и Сафиръ.

Сафиръ. Теперь объ этомъ мимо;
 Въ присутствіи жены поосторожнѣй будь.
 Ба! да она ушла.
 Аристь. Богъ съ ней, счастливый путь.
 Сафиръ. Не совѣстно-ль тебѣ съ женою столько нѣжной
 Вести себя, какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?
 Аристь. Да, очень совѣстно, пожалуй поборани.
 Сафиръ. Въ уединеніи она проводить дни,
 До утра твоего ждать съ бала возвращенья.
 Аристь. А мнѣ что за нужда, какія утѣшенья?
 Что съ ней я, что одинъ, не все-ли мнѣ равно?
 Хожу по комнатѣ, глазию съ часъ въ окно;
 Скажу ей что-нибудь,—она мнѣ потекаетъ,
 И рѣчь въ устахъ моихъ, не кончась, замираетъ.
 У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
 Не розы, мой другъ, а маковы цвѣты.

- Сафиръ.** И тягостно тебѣ согласіе домашне...
- Аристъ.** Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне.
 Зачѣмъ она молчить, и убѣгаетъ свѣтъ?
 Причиной спесь или лѣнь? Ума въ ней что-ли нѣтъ?
 О! пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
 И дарованій тѣма—она ихъ всѣ скрываетъ;
 Прекрасная собой—одѣта не къ лицу!..
 Я впрямъ былъ вѣдъ себя, когда мы шли къ вѣнцу,
 Какъ въ первой разъ меня Эльмира обнимала...
 Нѣжны ласки тѣ божественны сначала,
 А въ продолженіи весьма надоѣдаютъ.
- Сафиръ.** Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.
- Аристъ.** По справедливости, три мѣсяца—три вѣка!..
 Съ Эльмирой можно близъ тѣнистаго просѣка
 Подъ свѣсомъ липовымъ на бархатномъ лужку
 Любится, нѣжится, какъ надо пастушку,
 И таятъ весь свой вѣкъ въ безмолвьи, неразлучно;
 Все это весело въ стихахъ, а въ прочемъ скучно.
- Сафиръ.** Ты правъ: на что она скромна, тиха, мила?
 Нѣтъ, лучше, чтобъ она кокеткою была.
- Аристъ.** Кокетка!.. Знаешь-ли, ужасно только слово.
- Сафиръ.** Кромѣ значенія, нѣтъ ничего худаго.
- Аристъ.** Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
 Но любить лишь меня,—и я доволенъ тѣмъ.
- Сафиръ.** Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
 Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
 Потомъ, какъ врозь она привыкнетъ быть съ тобой,
 Не мудрено, что ей понравится другой.
 Потомъ—какъ раза два она тебя обманетъ,
 Глядь, въ очередь свою, виновный охатъ станеть.
- Аристъ.** Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ:
 Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
 Беретъ любовника. Единобразъ скушно,
 И мужъ на то глядѣтъ обязанъ равнодушно.
 Все это обыточно, все это быть должно
 Со мною, какъ съ другимъ—такъ разъ заведено.
 Однако, до тѣхъ поръ хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ
 Всѣ видѣть способы искусства, средства въ мірѣ
 Рядиться, нравиться—приятной, ловкой быть;
 А болѣе еще, чтобъ таковой прослыть,
 Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
 Но ею презрѣнный, рой жалкій и несчастной;
 А я бы думать могъ на этотъ балъ смотря:
 Старайтесь кругъ ее, а наслаждаюсь я.
- Сафиръ.** Ребячество, мой другъ! ребячество большое!
 И скрашивать на что сужденіе пустое;
 Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
 Не въ силахъ качества жены своей цѣнить.
- Аристъ.** Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье...
 Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье.
 Прощай, любезный мой.
- Сафиръ.** Съ Аглаей?
- Аристъ.** Точно такъ.

Сафиръ. Ну можно-ль предпочесть ее женѣ?
 Аристъ. Никакъ.
 Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
 А у вертушки той я, можетъ-быть, десятый;
 Но съ нею въ забытїя я время провожу,
 Съ женою-жъ разговоръ едва-ли нахожу.
 И, наконецъ, тебѣ довѣрить можно смѣло,
 Что нынѣ, какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло
 И можетъ приберуть имѣніе къ рукамъ,
 Я вмѣсто, чтобъ скакать по стряпчимъ, по судамъ
 Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
 А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй! (*Уходитъ*)
 Сафиръ. Поди, сударь, къ женѣ. Вотъ сущій вѣтрогонъ!
 Чему-жъ дивиться намъ, что мало вѣрныхъ женъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-е: Сафиръ и Эльмира, одѣтая съ большимъ вкусомъ прежде.

Эльмира. Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальной были слышны;
 Къ увѣщеванію слова, труды излишни,
 И горести мои извѣстны намъ однимъ,
 Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
 Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.

Сафиръ. Онъ виновать кругомъ; но вовсе-ли вы правы?

Эльмира. Ужъ вы все знаете, судите вы меня.
 Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ не смотря
 На частыя его отсутствїя, холодность,
 Я дѣлаю-ли что Аристу въ неудобность?
 Противорѣчу-ли? мѣшаю-ль въ чемъ-нибудь?
 Иль жалуюсь когда, ропщу? ахъ! нѣтъ, отнюдь.
 Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ,
 Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ;
 Что бъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу,
 И воли собственной имѣть я не хочу.
 Вотъ всѣ вины мои.

Сафиръ. И что же? очень худо:

Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда.
 Ея же претворить одинъ мертвящій взоръ
 Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ
 И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы:
 Примѣры этому и многи, и не новы.

Эльмира. Итакъ, не должно мнѣ покорной мужу быть?

Сафиръ. Нѣтъ; дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
 Тотъ мужъ, мы, напримѣръ, какимъ Ариста знаемъ,
 Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
 Что ясныхъ дней его ничто не помрачить,
 Въ безопасности благой живетъ, какъ Сибаритъ:
 Вседневны ласки онъ съ холодностью прїемлетъ,
 Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
 Ему ничто не впрокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
 Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
 Вы легкомысленнѣй и больше прихотливы,—
 Увидите, какой онъ будетъ боязливый,

Едва опомнится, что может потерять
 Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать;
 Съ супругой-ангеломъ, въ любви минутахъ тайныхъ,
 Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
 И, образумясь, вамъ покорень будетъ вновь.

Эльмира.

Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

Сафиръ.

Но возвратить ее нѣтъ способа другаго.

Эльмира.

Хоть нынѣ умереть я за него готова.

Сафиръ.

Не надо умирать, приличнѣй средство есть,
 Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

Эльмира.

И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
 Мой мужъ въ разсыяніи дѣла свои оставилъ,
 Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
 У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была;
 На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
 Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
 У мужа тяжба есть по дѣлу одному,
 И производится невѣдомо ему;

Хотя на сторонѣ его и справедливость,
 Въ неправоту ему вмѣнили-бъ нерадивость.
 Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.
 Сегодня жданный день рѣшенія настаетъ,—
 Я ѣду, чтобъ узнать, успѣшно-ль окончанье;
 Увидить пусть Аристъ мое объ немъ старанье.

Сафиръ.

Возможно-ль, чтобъ онъ былъ неблагоприятенъ вамъ!
 Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ.
 Но ахъ!..

Эльмира.

Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

Сафиръ.

Вы возвратите-ль симъ любви его потерю?
 Конечно, скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ,
 Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
 Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью,—
 Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

Эльмира.

Или намѣрены меня вы убѣдить,
 Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить,
 Что сердца я его лишаясь невозвратно?
 Такъ должно вѣрить мнѣ сему, хоть неприятно.
 Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
 Являя которыя, искавъ моей руки;
 Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны, такъ сладки,
 Онъ все любилъ во мнѣ—и даже недостатки.

Сафиръ.

О! въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять...
 Какъ васъ не полюбить! вамъ суждено плѣнять.
 Но узниковъ своихъ чтобъ приучить къ неволѣ,
 На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;
 Онѣ, сударыня, для васъ не мудрены.
 Зачѣмъ обросили свои таланты вы?
 Искусствомъ правиться, пренебрегать не надо.
 Вы хороши собой хотя и безъ наряда,—
 На что вы, какъ теперь, одѣты не всегда?
 Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
 Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?

- Тамъ возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ
Хвалы, съ которыми къ вамъ всякой поспѣшить,
Ручаюсь, что Аристъ ихъ дорого цѣнить.
- Эльмира. Ужели кисей, надѣтая удачно,
Ему замѣнить взоръ мой ласковой, безмрачной?
Ужели не искренній восторгъ, похвальный бредъ,
Который такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячностью тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною?
- Сафиръ. О, нѣтъ! конечно, нѣтъ. Но, видя каждый разъ
Вездѣ угольниковъ, вздыхателей кругъ васъ,
Самъ будетъ угождать, къ своему привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.
- Эльмира. Довольно. Вѣрьте мнѣ, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась отъ людей
Не для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной,—
Любить веселье мнѣ, подобно всѣмъ, прилично.
Утѣхи, счастье, всѣхъ радостей соборъ
Въ Аристъ мнѣ одномъ мечтались до сихъ поръ...
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими.
Съ теперешней поры и я прощаюсь съ ними,
Родъ жизни я моей перемѣняю весь,
И сѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ.
- Сафиръ. Вотъ удивите вы весь свѣтъ!
- Эльмира. Такъ удивлю же.
- Сафиръ. И симъ поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ и даже свойства, мнѣнья;
Но, кстати, вы теперь зачните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте въ добрый часъ;
Пусть Музы, Аполлонъ и словомъ весь Парнасъ
Благопріятствуютъ успѣшному началу.
- Эльмира. Давно не пѣла я.
- Сафиръ. Попробуйте.
- Эльмира. Пожалуй.

(Садится за фортепiano и поетъ):

1.

Боги! Лида унывая
Въ грусти вошетъ своей:
Ахъ, красавица какая
Въ мирной естъ долинь сей,
Что отъ жалкой Лиды кроясь
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она Венеринъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?

* * *

- Пристойнѣ бы мнѣ совсѣмъ не зачинать.
И таковой талантъ вы можете скрывать?
- Сафиръ. Какъ дурно скромничать не къ мѣсту! Продолжайте.
- Эльмира. Смотрите-жь, за глаза меня не осуждайте.

2.

Вдругъ, какъ вѣтерокъ привѣя,
 Лель ей на ушко шепнуть:
 Ты пастушекъ всѣхъ милѣе;
 Но Филонъ едва вздохнулъ.
 Отъ тебя все получаетъ,
 Для того не ищетъ вновь—
 Гдѣ желанье умолкаетъ,
 Умолкаетъ и любовь.

* * *

Что ежели Аристь пришелъ бы сей порой?

Сафирь. Не знаю, что бы онъ, а я ужь самъ не свой.

ЯВЛЕНІЕ 6-е: Эльмира, Сафирь и Аристь (*входитъ и оста-
 навливается въ дверяхъ*).

3.

Эльмира. И подшедь Филонъ къ прекрасной,
 Ей не встрѣченъ въ первый разъ;
 Просить поцѣлуй напрасно,—
 За отказомъ вслѣдъ отказъ;
 Въ просьбахъ и сопротивленьи
 Длится иѣги сладкій часъ,
 И любовникъ въ упоеньи
 Счастливъ—будто въ первый разъ.

* * *

Ей Богу ваше мнѣ сужденіе опасно.

Аристь. Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира. Я не замѣтила тебя: давно-ль ты здѣсь?

Аристь. Что-жь дѣлать! гдѣ талантъ, бываетъ также спѣсь.
 Но чьимъ обязанъ я всеильнымъ убѣжденьямъ,
 Кто приманилъ тебя къ забытымъ упражненьямъ?
 Ты думала-ль меня пріятно удивить?

Эльмира. О! благодарностью ты можешь не спѣшить;
 Вотъ упросилъ меня.

Аристь. Сафирь?

Эльмира. Да, онъ.

Аристь. Измѣна!

Я сколько приставалъ и падалъ на колѣна,

И все не могъ тебя на это преклонить.

Эльмира. Какъ будто бы мужья умѣютъ попросить...

Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походить,

А повелѣніе до сердца не доходить.

Сафирь. Аристь! тебѣ урокъ.

Аристь. Старательный уборъ!

А принужденія не замѣчаетъ взоръ!

Платочекъ на груди какъ вѣтерокъ навѣялъ!

Эльмира. Я ѣхать собралась.

Аристь. Ты ѣдешь?

Эльмира. Въ магазинъ!

Аристь. И въ магазинъ?

Эльмира. Да.

- Аристь. Не вѣрю я ушамъ.
 Эльмира. Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
 И падо кое-что для нынѣшняго балу.
- Аристь. Для балу!
 Эльмира. Точно такъ.
 Аристь. Но объяснись, пожалуй:
- Пустынническій духъ ужели впрямъ исчезъ?
 Тебя ли слушаю? Давно ли до небесъ
 Уединеніе ты мнѣ превозносила?
- Эльмира. И это помнишь ты? Я право позабыла.
 Аристь. Забыла правила любимы черезъ часъ!
 И вотъ, о женщины!—не обижая васъ,
 Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!
- Эльмира. Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ странныхъ
 Сафиръ противу ихъ меня охолодилъ.
- Аристь. И все-таки Сафиръ?
 Эльмира. Тебѣ онъ угодили:
 Онъ сдѣлалъ, что твою уважила я мнѣнья.
 Ты вѣрно очень радъ?
- Аристь (сухо). Я нѣмъ отъ восхищенья.
 Да какъ послушалась Сафировыхъ ты словъ
 Такъ скоро, невзначай?
- Эльмира. И безъ большихъ трудовъ.
 Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
 Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны,
 Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
 Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ!
 Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ,
 Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.
- Сафиръ. За что такая честь! я право ужъ боюсь,
 Что краснорѣчіемъ неволью возгоржусь.
- Эльмира. Не даромъ,—въ полчаса вы совершить умѣли
 То, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли.
- Аристь. Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой!
 Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдемъ мы съ тобой.
- Эльмира. И, нѣтъ! тамъ многіе въ сужденіи торопливы,
 Безвинно посвящать тебя въ мужья ревнивы
 Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ;
 Я жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
 Старалась по сихъ поръ быть сколько можно дагѣ.
- Аристь. Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балѣ,
 Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить!
 Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ зачинаеть быть.
- Эльмира. Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
 Купить бы шляпку мнѣ?
- Сафиръ. Малиноваго.
 Аристь. Нѣту.
- По мнѣ небеснаго.
- Эльмира. Нѣтъ, нѣтъ.
 Аристь. А почему?
 Эльмира. Не вѣрю иногда я вкусу твоему.
 Аристь. Подписанъ приговоръ: мой вкусъ уже порочень.
 Эльмира. Порочень, не скажу, а перемѣчивъ очень.

Но съ вами, не хотя, я время упущу.
Прощайте. Ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафирь! желайте мнѣ успѣха.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 7-е: Аристь и Сафирь.

Аристь. Что за диво?
Сафирь. Каковъ съ Аглаей ты?—Она тебя нашла
Иль ты ее сыскалъ?
Аристь. (не внимая ему). При всемъ томъ какъ мила!
Сафирь. Надѣюсь для тебя всего милѣе свѣта.
Увы! надолго ли?
Аристь. Какъ хорошо одѣта!
Сафирь. О! этимъ славится не безъ причинъ она;
Что болѣе въ ней есть?
Аристь. Жива, ловка, умна!
Сафирь. Приятно сладостныхъ часовъ воспоминанье.
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что сдѣлалось съ тобой? Какъ ты задумчивъ.
Аристь. Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда.
Сафирь. Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая,
Скажи по совѣсти?
Аристь. Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.
Сафирь. Уже другая! я какъ вкопанный стою!
Аристь. Да, я влюбился вновь.
Сафирь. Въ кого?
Аристь. Въ жену мою.
Сафирь. Вотъ новости еще!

ЯВЛЕНИЕ 8-е: Презнѣ и Эльмира.

Эльмира. Какъ будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада?
Аристь. А что случилось?
Эльмира. Что? вы бѣ это не свесли.
Аристь. Быть-можетъ; но скажи...
Эльмира. Вы бы съ ума сошли.
Аристь. Я вѣрю; но скажи, въ чемъ происходить дѣло?
Эльмира. Ужели о пустомъ я такъ бы зашумѣла!
Аристь. Печальное пришло извѣстье?
Эльмира. Охъ, не то!
Мнѣ плакать хочется!
Аристь. Не умеръ ли ужъ кто?
Эльмира. Не можетъ развѣ быть несчастья инова?
Аристь. Да что же сдѣлалось!
Эльмира. Карета не готова.
Аристь. Загадки этой я не разрѣшилъ бы вѣкъ.
Эльмира. Васъ это веселить, счастливый человекъ!
Въ забаву для себя все обратитъ умѣтъ!
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ?
То я не знаю, въ чемъ ужъ на балѣ быть.
Аристь. Ужо? такъ перестань мой другъ себя крушить!

Едва ты явишься, и, позабывъ наряды,
 На красоту твою всё обратятся взгляды.
 Эльмира. Удачно мадригаль вы, сударь, мнѣ сплели;
 Аглаѣ лучше бы его поберегли.
 Аристь. Какъ! что это?
 Эльмира. Сафирь, пожалуй, подойдите.
 Сафирь. Чего изволите?
 Эльмира. Рукавчикъ завяжите;
 Послушайте меня. *(Тихо ему)*: Аристь не долженъ знать
 Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.
 Сафирь. Я умолчалъ о томъ.
 Эльмира. Я этого страшилась,
 И только для того сюда къ вамъ воротилась.
 Аристь *(въ сторону)*. Они съ ней шепчутся.
 Эльмира *(громко)*. Благодарю.
 Сафирь. За что жь?
 Аристь. У васъ таинственность; а я на что похожь?
 Эльмира. И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.
 Аристь. Сафирь, прошу сказать.
 Эльмира. Сафирь, ахъ! ради Бога.
 Сафирь. Не бойтесь, не скажу.
 Аристь. Я угадаю самъ.
 Эльмира. Ломайте голову, я позволяю вамъ.
 А вы надѣлайте, Сафирь, ему разказы,—
 Пора ужъ отомстить мнѣ за его проказы.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е: Аристь и Сафирь.

Аристь. Конечно, ежели сего лишь захотять,
 И Ангела съ пути прямого совратять;
 Не правда ли, Сафирь?
 Сафирь. Мнѣ это непонятно.
 Аристь. Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.
 Сафирь. Пожалуй, объяснись.
 Аристь. Иль славно поступилъ
 Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?
 Сафирь. Кто, я!
 Аристь. Да, ты.
 Сафирь. Аристь!
 Аристь. Сознайся, что не кстати
 Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ,
 Коль вѣтреность мою такъ можно называть.
 Сафирь. Аристь!
 Аристь. Когда же мнишь любовь ее снискать,
 То лучше отложи всё ковы въ долгой ящикъ.
 Такой ли женщи́нѣ пріятенъ пересказчикъ?
 Сафирь. Ужь это черезчуръ! вотъ на, рука моя,
 Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.
 Аристь. Да кто же ей сказалъ.
 Сафирь. Кто?—Мнѣ какое дѣло?
 Аристь. Но только что не я, могу увѣрить смѣло.
 Ужели у меня есть скрытые враги,
 Привыкшіе мои извѣдывать шаги?..

- Сафирь. Ты все колеблешься; я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.
- Аристь. Довольно.—Извини, прости меня, Сафирь.
- Сафирь. Какъ могъ подумать ты?
- Аристь. Ну, миръ.
- Сафирь. Пожалуй, миръ.
- Аристь. Я очень чувствую, что это быть не можетъ;
Не знаю нынѣ, что весь день меня тревожить
- Сафирь. А поводъ къ этому?
- Аристь. Эльмира... Посуди:
Блаженство обрѣталъ я на ея груди;
Смиранный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,
Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ;
Я такъ увѣренъ былъ, безпечень, что, ей-ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней!
Внезапно кротость та пожертвована вздору,
Эльмира виѣ себя отъ шляпки, отъ убору,
Она собирается на балъ, а я, сказать стыжусь,
И въ провожатые ужъ болѣ не гожусь.
- Сафирь. Ну, что-жь? ей, можетъ-быть, единообразе скучно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.
- Аристь. Я это говорилъ, я точно не былъ правъ,
Еще не зналъ тогда я ревности отравъ.
- Сафирь. А нынѣ чувствуешь?
- Аристь. Не точно ревность...
- Сафирь. Что же?
- Аристь. А что-то на нее ужасно какъ похоже.
- Сафирь. Мой другъ, не вовсе ль ты разсудокъ потерялъ?
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣтскости не столько хладнокровна,
Уже ты виѣ себя, уже она виновна.
- Аристь. Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто вѣрился, какъ я, блаженству своему.
Постой: что давече она тебѣ шептала?
- Сафирь. Вотъ, видно на меня опять сомнѣнье пало...
Весь толкъ о шляпкѣ былъ, ты вѣрно слышалъ самъ.
- Аристь. Не правда, выдумка, я вижу по глазамъ;
Скажи мнѣ истину сейчасъ—или ни слова.
- Сафирь. По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такого,
Что неприятность бы могло тебѣ подать.
- Аристь. Къ чему жъ таинственность?
- Сафирь. Я обѣщала молчать.
- Аристь. Довольно.
- Сафирь. Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился...
- Аристь. Тебѣ знать чудится.
- Сафирь. Ну, право, разсердился.
- Аристь. Я—ничего.
- Сафирь. Постой, куда же ты пошолъ?
- Аристь. Я такъ...
- Сафирь. Куда? скажи.
- Аристь. Здѣсь воздухъ мнѣ тяжолъ.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 10-е: Сафиръ (одинъ).

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!
 Такъ вертопрахамъ онъ примѣръ вездѣрчивымъ:
 Блаженства сущностью они не дорожатъ;
 Его утративши, по немъ же загрустятъ.

ЯВЛЕНИЕ 11-е: Сафиръ и Эльмира.

- Сафиръ. Вы скоро съѣздили.
 Эльмира. Не правда ль, торопливо?
 Не менѣ того мой выѣздъ пресчастливый,
 И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
 Что въ пользу дѣло все Ариста рѣшено.
 Прочтите,—съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался,—
 Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.
 Сафиръ. Я поздравляю васъ.
 Эльмира. А что Аристъ?
 Сафиръ. Пропалъ;
 Отчаянно брызгливъ и недověрчивъ сталъ,—
 Любезныя черты ревнивца онъ являетъ.
 Эльмира. Что неожиданно его перемѣняетъ?
 Сафиръ. Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.
 Эльмира. Какіе случаи бывають иногда!..
 Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ:
 Мой мужъ ревнивъ!
 Сафиръ. И какъ!
 Эльмира. Сафиръ, что это значить?
 Сафиръ. То значить, что ему досталось унывать.
 Эльмира. О! я берусь его достойно наказать:
 Отъ дядюшки письмо я утаю до срока,
 Его промучаю весь день.
 Сафиръ. Ахъ! какъ жестоко!
 Эльмира. Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены,—
 Съ ума его сведу.
 Сафиръ. По милости жены,
 Не первый попадетъ въ число онъ сумасшедшихъ.
 Эльмира. Нѣтъ,—а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
 Ручаюсь вамъ за то.
- ЯВЛЕНИЕ 12-е: Пржегнѣ и Аристъ (въ дверяхъ).
- Сафиръ. Признаться, что Аристъ
 Предъ вами совѣстью своею не очень чистъ,
 И наказанія примѣрнаго достоинъ.
 Эльмира. И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.
 Сафиръ. А чѣмъ? не этимъ ли письмомъ?
 Эльмира. Чѣмъ Богъ послалъ;
 Отдайте мнѣ его, чтобъ онъ не увидалъ.
 Аристъ. И такъ, сбьились мои правдивыя сомнѣнья!
 Скажи, безсовѣстный, еще въ недоумѣнья,
 Не знаю, какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
 Помощникъ что ли ты, иль обольститель самъ?
 Сафиръ. Къ кому такая рѣчь?
 Эльмира. Замѣшаны мы оба.

- Аристь. Ужъ боѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ—сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.
- Сафирь. Обдумайся, Аристь.
- Эльмира. Онъ въ полномъ ли разсудкѣ?
- Аристь. О! бросьте наконецъ безвременныя шутки!
Скажи, сударь!—Иль нѣтъ, оставь покуда насъ,
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ;
Тогда произойдетъ короче объясненья.
- Сафирь. Но что ввело тебя въ такое изступленье?
Скажи причину намъ.
- Аристь. Оно у ней въ рукахъ.
- Сафирь и Эльмира. Письмо!
- Аристь. Неужели вы ощутили страхъ?
- Сафирь. Дай мнѣ тебѣ сказать...
- Аристь. Мнѣ слушать не досужно.
- Сафирь. Одно...
- Аристь. Не надобно.
- Сафирь. Лишь слово дай...
- Аристь. Не нужно.
- Эльмира. Вы видите, Сафирь, онъ кажется въ бреду;
Подите, пусть его упрямятся.
- Сафирь. Иду.
- Аристь. Онъ, право, жалокъ мнѣ.
- Ужимки бросьте эти;
Еще ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій.
(Сафирь уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 13-е: Аристь и Эльмира.

- Эльмира. Чего хотите вы? вотъ мы наединѣ.
- Аристь. Не вамъ разспрашивать, сударыня, а мнѣ.
- Эльмира. Чего хотите вы?
- Аристь. Чего? вопросъ забавной.
Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской чести вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забыть, поруганъ, оскорбленъ.
- Эльмира. Поруганъ! оскорбленъ!—Какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья
И не отдамъ письма.
- Аристь. Должны его отдать;
Иль бѣшенство мое хотите испытать?
- Эльмира. Подумайте, — читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.
- Аристь. Я, кажется, вамъ мужъ.
- Эльмира. Я, сударь, вамъ жена,
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.
- Аристь. Вамъ свято что-нибудь... не я ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.
- Эльмира. Нѣтъ, право, не отдамъ.
Читаю-ль я когда, что пишеть часто вамъ

- Любезная для васъ прелестная Аглая
И можетъ-быть еще прелестница другая?
- Аристь. Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать!
Мои суть шалости, а ваши — преступленья.
- Эльмира. Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?
- Аристь. Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ:
Я вамъ невѣренъ былъ на нѣсколько часовъ.
А доказательство здѣсь для моей очистки, —
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.
(Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ).
- Эльмира. Ахъ! доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще въ сердцу моему,
И бесполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.
- Аристь. Въ глаза мнѣ говорить, что точно измѣнила!
Простительно-ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать
По недостаточной какой-нибудь причинѣ;
Нѣтъ, поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ,
А перемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.
- Эльмира. Что вы замѣтили?
- Аристь. То, что... Но все равно.
Я тысячу могу вамъ случаевъ исчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить;
Довольно было бы смѣшно не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами;
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вамъ выѣзжать со мной! —
Сегодня поутру, на что искать мнѣ далѣ,
Въ смятеннѣ были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ;
Конечно скоро бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ — на дѣло не похоже!..
Является Сафиръ, я ухожу, — и что же?
Откуда все взялось на бѣдствие мое:
Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки;
Я въ дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ!
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ,
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ,
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ,
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманулъ!
Но болѣе меня обманывать не станулъ.
Что вы потушили глаза, — вы смущены?
Подайте-жъ мнѣ письмо.
- Эльмира. Мой Богъ! какъ вы смѣшны!
- Аристь. И очень чувствую; однако не пристойно
Вамъ это замѣчать.

- Эльмира.** Правъ самой безпкойной;
 Мнѣ право кажется, что вы больны — въ жару.
 Не сами-ль нынѣ вы твердили поутру,
 Чтобъ одѣвалась я наряднѣй, выѣзжала,
 Чтобъ дарованьями не столь пренебрегала?
 По волѣ вашей я за это принялась, —
 И вышло невпопадъ. Какъ угодить на васъ?
 Откуда прихотей вы набрались?
- Аристъ.** Откуда?
 Я впрямъ несправедливъ — и былъ, и есмь, и буду.
 Но дайте мнѣ письмо!
- Эльмира.** Пора объ немъ забыть.
- Аристъ.** Какъ можете еще такой спокойной быть?
- Эльмира.** Да это оттого, что нравъ имѣю ровной.
- Аристъ.** Пожалуй говорить я стану хладнокровно.
 Письмо я требую, прошу его отъ васъ
 Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
 Повсюду разглашать вашъ стыдъ, мое безчестье.
 И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье,
 Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изостритъ,
 Печальну истину раскраситъ, распестритъ,
 Еще похвалитъ васъ, что мужа обманули.
 Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули —
 Одну бездѣльнику, другую для себя.
- Эльмира.** Какъ хладнокровно!
- Аристъ.** Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,
 Скажите, — я могу-ль такъ вдругъ возненавидѣть?
 Подайте мнѣ письмо!.. ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
 Вамъ точно ли всегда другой казался милъ,
 Все притворялись вы, я все обманутъ былъ.
 Вы смѣхаетесь, — кто смѣху здѣсь предметомъ?
- Эльмира.** Я думала теперь ей-Богу не объ этомъ.
- Аристъ.** Не будемъ долѣе комедію играть;
 Подайте мнѣ письмо, — вѣдь надобно-жъ отдать!
 Подайте, — право, я за васъ боюсь.
- Эльмира.** Не бойтесь.
- Аристъ.** Подайте.
- Эльмира.** Полноте.
- Аристъ.** Подайте.
- Эльмира.** Успокойтесь.
- Аристъ.** Возьмите, вотъ оно. Что буду я читать? (*Читаетъ*):
 «Не надлежало-бъ такъ Ариста баловать,
 Эльмира, милый другъ, но такъ и быть, — и дѣло
 Онъ нынѣ выигралъ; ты этого хотѣла!
 Прощай, я остаюсь усердной дядя твоей. N.»
 Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой.
- Эльмира.** Насилу сдѣлались опять вы справедливы!
- Аристъ.** Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
 Какія клеветы произносилъ съ сердцовъ!
 Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

ЯВЛЕНИЕ 14-е: *Прежніе и Сафирь.*

Сафирь. Вотъ неожиданность, хоть бы въ волшебныхъ тѣняхъ:
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ, —
Раскаянье, любовь, согласіе, — что братъ?

Аристь. Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виновать.
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безразсудно.
Конечно, мнѣ къ тебѣ его-питать бы трудно,
Но мой неправый гнѣвъ, но и проступокъ сей
Не есть ли вѣрный знакъ къ тебѣ любви моей?

Эльмира. Нѣтъ! — безпорочной мнѣ была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Аристь. Что требуешь? скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь; и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.

Эльмира. Такія жертвы я, конечно, откажу:
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.

Аристь. Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ
Съ тобою дома я всегда сижу отнынѣ —
Днемъ, утромъ, вечеромъ, и въ полдень, и въ полночь;
Всѣ вертопрашества и суетности прочь.

Эльмира. Но дома не всегда меня ты видѣть будешь.

Аристь. Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафирь. Или прикажете мнѣ къ вашимъ насть ногамъ?

Эльмира. Прощаю, — пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.

(Аристу):

Такъ если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодари, — онъ и меня наставилъ,
Чтобъ вкусамъ я твоимъ старалась снисходить,
Затѣмъ чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить,
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ,
Затѣмъ чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ.
Такъ онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ,
Старался сколько могъ — и, можетъ-быть, успѣлъ.

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ *).

(1817).

Comptable de l'ennui dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.
Gilbert.

Эй! Господа!

Сюда! сюда!

Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тѣма у насъ оказій разныхъ, —

*) Памфлетъ на Загоскина. См. письмо къ Катенину отъ 19 октября 1817 г.

Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ...
 Взойдите къ намъ.
 Добро пожаловать... Кто баринъ тароватый,
 Извольте видѣть: вотъ
 Рогатый, нерогатый —
 И всякій скотъ.
 Вотъ господинъ Загоскинъ,
 Вотъ весь его причетъ:
 Княгини и
 Княжны,
 Князь Фольгинъ и
 Князь Влесткинъ;
 Они хоть не смѣшны,
 Да самъ за то ужъ онъ —
 Куда смѣшонъ!
 Водиться съ нимъ — ей Богу, праздникъ!
 Вотъ вамъ его Проказникъ.
 Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ
 Да и не всталъ;
 Но авторъ таковымъ примѣромъ
 Не наученъ — грѣшить передъ партеромъ,
 Проказить до сихъ поръ, —
 Что видить и что слышать,
 Онъ обо всемъ исправно вздоръ
 И говорить, и пишеть.
 Вотъ Богатовъ вамъ, — особенно онъ милъ...
 Богаты чужимъ добромъ — все крадетъ, что находитъ, —
 Съ Гранжирина кафтанъ стащилъ
 Да въ немъ и ходить.
 А свѣтскій тонъ
 Не только онъ —
 И вся его бесѣда
 Переняли у Буйнаго Сосѣда.
 Что-жъ вы?.. Неужто по домамъ?..
 Ужъ надобно вамъ?
 И кстати-ль?
 Вотъ вамъ Загоскинъ — наблюдатель,
 Вотъ «Сынъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель:
 Одинъ напишетъ вздоръ,
 Другой на то разборъ, —
 А разобрать труднѣе,
 Кто изъ двоихъ глупѣе.
 Что вы смѣтаетесь, господа?
 Писцу насмѣшка не бѣда:
 Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
 Да ужъ давно махнулъ рукою, —
 Махнулъ перомъ — отдалъ сыграть.
 А вы, пожалуй, разсуждайте!
 Махнулъ перомъ, — отдалъ въ печать
 А вы читайте!

ПЯТЬ СЦЕНЪ

изъ 2-го дѣйствія комедіи

„СВОЯ СЕМЬЯ ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВѢСТА“ *).

(1817).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Варвара Савишна, Любимъ, Наташа.

Любимъ. Да! я обѣгаль всю почтенную родню,
И счастья своего покаместъ не виню:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной. — За то ужъ отъ нея досталось!
Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ:
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную, — тамъ въ очахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только-что держись:
Увѣщеванія рѣкою полились.
И все печатное, что только вышло вноуѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ,
Ну, такъ и сыплеть вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,

*) Кн. Шаховскаго. Написанныя Грибоѣдовымъ пять сценъ были напечатаны въ «Сынъ Отечества» 1817 г., причемъ самимъ Грибоѣдовымъ въ слѣдующихъ словахъ передано содержаніе комедіи: «Любимъ, молодой человекъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Фекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны (Вельдюзевой), которая всѣхъ добрее, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею мужниной роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и поправиться, и въ томъ успѣваетъ.—Это содержаніе одной комедіи князя А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ втораго акта. Вотъ онъ:»

Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... А я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взявъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глушь? зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

Варвара Сав. Вотъ такъ-то! поздравляю!

Всѣ виноваты мы...

Любимъ. Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ

Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы да я.

Варвара Сав. Повѣрь мнѣ: помаленьку

На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-майоромъ; ну,
Полюбить также всѣ они твою жену,—
Дай срокъ.

Наташа. Ахъ, дядюшкѣ понравиться не трудно;

Онъ весель, добръ и милъ,—и, право, даже чудно,
Какъ онъ напоминалъ Любима мнѣ.

Любимъ. А чѣмъ?

Наташа. Да кромѣ лѣтъ, лица и воспитанья, всѣмъ.
Ты точный дядюшка, мой другъ, подъ старость будешь.

Любимъ. Вотъ на!

Наташа. Ты никогда гусарить не забудешь.

Все станешь вспоминать съ восторгомъ старину,
И молодечество, и службу, и войну.

Я вижу ужъ тебя: ты, въ дядюшкины годы,
Какъ онъ въ сѣдыхъ осахъ, про славные походы,
Про Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ безъ памяти кричишь;
Безъ милосердія все новое бранишь;
Свой полкъ, своихъ друзей, свои проказы славилъ,
Повѣсамъ будущимъ себя примѣромъ ставилъ
И сердился за то, что рано устарѣлъ.

Любимъ. А ты въ углу ворчишь: онъ все еще пострѣлъ:

Когда ты, батюшка, дурачиться уймешься?
И вслухъ меня бранишь, а внутренно смѣешься.
Не правда-ли, мой другъ?

Наташа. Да, можетъ быть легко;

Но, къ счастью, до того еще намъ далеко.

Варвара Сав. Сестра сюда идетъ.

Наташа. Ахъ, Боже мой! какая?

Варвара Сав. Охъ! Оекла Савишна!

Любимъ. Крикуша и скупая.

Наташа. Да гдѣ-бы платица найти мнѣ попростѣй?

Варвара Сав. У Груньки ты возьми передникъ поскорѣй.

Уйдите-же: она ужъ подошла къ порогу.

Наташа (*уходя*).

Любимъ!

Любимъ. Я за тобой. (*Уходятъ вмѣстѣ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е: Оекла Савишна, Варвара Савишна.

Оекла Сав. Скажи-ка: слава Богу!

Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!

Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
 Да вишь, пожаловалъ въ тотъ самой часъ, въ который
 Къ вечернѣ я хожу. Охъ, эти мнѣ проворы!
 Я чай, развѣдывать, когда-де побывать?
 Когда потрафитъ такъ, чтобъ дома не застать?

Варвара Сав. Ну, можно-ли...

Фекла Сав.

Чего? Онъ развѣ малой путной!

Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
 Меня не наградилъ; а то у нихъ такой
 Обычай водится въ столицахъ, объ Святой
 И въ Рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость та-же:
 Знатнѣйшіе дома—и родственниковъ даже
 Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
 Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
 Какъ будто господинъ; обрыскаетъ край свѣта,
 Швыряетъ карточки!.. Спасибо, мерзость эта
 Что не дошла до насъ: помиловалъ Господь!
 Да и племяннику нельзя глаза колотъ:
 Что самъ онъ заходилъ, я отъ Потапки знаю;
 А все-таки спѣсивъ! увижу—разругаю.
 Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчаса... бѣда,
 Никакъ нельзя, спѣшить. Спроси его: куда?
 Небось не думаетъ удобность сдѣлать теткѣ;
 А въ Петербургѣ бы къ какой-нибудь красоткѣ...

ЯВЛЕНИЕ 3-е: Тѣ же и Наташа.

Наташа. Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

Варвара Сав.

Ничего.

Фекла Сав. Кто это? здѣшняя?

Варвара Сав.

Нѣтъ; мужа моего

Покойнаго родня, прѣхала недавно.
 Знакома вамъ была Федосья Николаевна?

Фекла Сав.

Твоя золовка?

Варвара Сав.

Да, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.

Вотъ дочь ея.

Фекла Сав.

Она?—Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!

Невѣста хоть куда.—Мы вмѣстѣ выросли
 Съ твоею матушкой, друженонько живали,
 И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ;
 При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ,
 Ахъ! на семь свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
 Ты съ нами долго-ли пробудешь? а?

Наташа.

Не знаю-съ;

Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

Варвара Сав.

Мнѣ, другъ мой?

Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.

(Обращаясь къ Феклѣ Савиной):

Въ глаза и за глаза скажу: неприхотлива,
 И угодительна, ловка и бережлива;
 Желаю всякому такую дочь имѣть.

Наташа.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть,
 Тамъ приготовила для васъ одно и блюдо?

Варвара Сав.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.

Сестрица, кажется, не гости вы у насъ,
Не взмычете, а я назадъ приду сейчасъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е: Фекла Савишна, Наташа.

- Фекла Сав.** Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпасть теперь?
- Наташа.** Къ обѣду не успѣло;
Хватились поздно мы, такъ какъ-то не пришлось.
- Фекла Сав.** Какое-жъ кушанье?
- Наташа.** Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.
- Фекла Сав.** Твоей?— Оно-бъ не худо,
Да, вѣдь, пирожное затѣйливое блюдо;
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составить счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.
- Наташа.** Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.
- Фекла Сав.** Ну, сахаръ входитъ-же?
(*Наташа качаетъ голову*).
Хоть крошечка?
- Наташа.** Отнюдь.
- Фекла Сав.** Какъ, сахаръ? шутка-ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.
- Наташа.** Да! согрѣшили мы, крутыя времена!
Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому приучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.
- Фекла Сав.** Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ!
Въ иной и въ пожилой тавого смысла нѣтъ.
- Наташа.** Помилуйте...
- Фекла Сав.** Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней!—зачѣмъ? кому на диво?
- Наташа.** А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не роскошно, а чай, и вамъ извѣстно.
- Фекла Сав.** Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!
- Наташа.** Однако странность я одну вамъ раскажу.
- Фекла Сав.** Какъ, другъ мой? что?—Садись.
- Наташа.** Вотъ что...
- Фекла Сав.** Да сядь!
- Наташа** (*сѣвши на краешекъ стула*). Сяду.
- Вотъ что... спросить у васъ позвольте: вы давно-ли
Разстались съ матушкой?
- Фекла Сав.** Лѣтъ двадцать пять, поболь;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
- (*Со вздохомъ*):
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!
- Наташа.** Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случилось

Объ томъ, что въ Ладовой, графиня, я попалась
На воспитаніе?

Фекла Сав.
Наташа.

Нѣтъ, не слыхала я.
Ужъ странность подлинно! Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ.
Не знаю, между ихъ какъ случай связя составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте-же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ,
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцевальной,
А завтра что-нибудь другое.—Натурально,
Вы можете судить, что въ такомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

Фекла Сав.
Наташа.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортить жизнь такая.
Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами—
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли! что лучше-бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпанкѣ-бы ходила,
Да лишь-бы суетно такъ время не губила?

Фекла Сав.

Ужли голубушка! да какъ же это ты?
Я, я сверглася-бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).

Фекла Сав.

Вѣдь, и булавочка намъ можетъ пригодиться.
Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу
И слушаю тебя, ума не приложу,—
Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты-ли не водилась
Съ большими барями, а все съ пути не сбилась!

Наташа.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графиня только-бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроять и то, и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьяцы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь-же, вѣрите-ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы—
Вотъ ни на эстолько.

(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

Фекла Сав.

Помилуй, другъ мой, что ты?

Наташа.

Кладь сушій,—и тебѣ подобной не смскаать!
Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ дѣнь и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышью, продаю; работою своею
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Фекла Сав.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—Чѣмъ?—Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!

(Обнимаются).

Вотъ, если-бъ нашъ Любимъ былъ человѣкъ толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ случай здѣсь готовый!
И услужилъ-бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился-бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму-бы разуму его ты научала,
Любила-бы его, мотать-бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашель!
Преаккуратная голубушка, я чаю.
А почему-же знать?

Наташа.

Какъ почему?—Я знаю.

Фекла Сав.

Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.
Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она не понутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалатся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить;
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко-ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ доведось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!

(Остается мѣкаетъ отъ избытка чувствъ).

Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда-бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла-бъ за него,
Не расточила-бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опратно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?
Умѣю нѣсколько.

Наташа.

И! вѣрно мастерица.

Фекла Сав.

Имъ только надобно...

ЯВЛЕНІЕ 5-е: Варвара Савишна, Фекла Савишна, Наташа.

Фекла Сав.

Послушай-ка, сестрица!

Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда-ли, она
Любиму нашему, вѣдь, по всему жена?

Варвара Сав.

Я то-же говорю.

Фекла Сав.

Ты говоришь... Я знаю,

Что это быть должно, я этого желаю,

На этомъ настою. Какъ хочеть онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ Петербургскія всѣ шашни позабудеть.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай:
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чѣмъ.—Прости!

(Обращаясь къ Наталіи):

Ахъ! жаль, что недосужно
А то-бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать,
И что, мой свѣтъ, сидѣть не любишь склавиши руки.
Такъ я тебѣ найду заняться чѣмъ отъ скуки.
На это мастерство у насъ есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь:—загляденье!
Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ!

(Варвара Савиинъ):

Скажи-жь Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхаль-бы ко мнѣ.—Быть-можетъ и безъ брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВѢРНОСТЬ.

Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Переведена съ французскаго («Les fausses infidélités», Barthe'a)
А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. *)

(1818).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Эледина, молодая вдова.	Ленскій.
Лиза, сестра ея.	Блестовъ.
Рославлевъ.	Лакей.

(Комната въ домъ Элединой).

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Ленскій, Рославлевъ.

Ленскій. Ну нѣтъ! любить, какъ ты, на бѣшенство похоже.
Рославл. А такъ любить, какъ ты, и не любить—все то же.
Ленскій. Кто съ Лизою твою всѣ ссоры перечтеть?
Рославл. За то съ ея сестрой ты холоденъ какъ ледъ.
Ленскій. Подумай, какъ вчера ты съ нею обходился:
Ты дулся и молчалъ, бѣсился и бранился
Богъ знаетъ изъ чего, кричалъ, ужъ такъ кричалъ,
Что я со стороны куда уйти не зналъ.

*) Жандру принадлежать только XII и XIII сцены; онъ печатаютъ
здѣсь для связи—другимъ шрифтомъ.

- Какъ Лиза ни добра, ей это надоѣло,
Она разсорилась съ тобою,—и за дѣло.
- Рославл. Она же ссорится! и я же виноватъ!
И мнѣ пріатели признаться въ томъ велятъ!
Отъ этихъ женщинъ мы чего не переносимъ?
А кончится однимъ: что мы прощенья просимъ.
- Ленскій. При всякомъ случаѣ готовъ ты ихъ бранить.
Онѣ неспосны?—Да?—Зачѣмъ же ихъ любить?
Нѣтъ, право, за тебя становится мнѣ стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивымъ незавидно,
А многіе куда какъ рѣзко говорятъ
И громко...
- Рославл. На мой счетъ?
Ленскій. На твой.
- Рославл. Я очень радъ.
Ленскій. Всѣмъ кажется, что ты брюзгливъ и своенравенъ,
И нѣжностью смѣшонъ, и ревностью забавенъ;
А въ свѣтѣ толковать о странностяхъ другихъ
Вездѣ охотники.
- Рославл. Кто-жь говорить объ нихъ?
Прелестницы, съ толпой вздыхателей послушныхъ,
И общество мужей, къ измѣнѣ равнодушныхъ,
И тѣ любезники, которыхъ нынче тѣма,—
Безъ правилъ, безъ стыда, безъ чувствъ и безъ ума,
И въ дружбѣ, и въ любви равно непостоянны.
Вотъ люди!. И для нихъ мои поступки странны,
Я не похожъ на нихъ, такъ чуденъ всѣмъ кажусь.
Да, я пустыхъ людей насмѣшками горжусь;
А ты-бъ, я чай, хотѣлъ, чтобъ имъ я былъ угоднымъ,
Чтобъ также слѣдовалъ сужденьямъ новомоднымъ
И передѣлался на ихъ бы образецъ,
Или на твой;—вѣдь ты таковъ же наконецъ!
Ленскій. Ты хочешь, чтобъ и я на женщинъ воружился;
Однако-жь я пока на это не рѣшился.
Мнѣ съ ними весело, имъ весело со мной,
А сверхъ того еще, вотъ вѣры я какой:
Что въ добродѣтеляхъ намъ должно брать уроки
У нихъ,—мы сами же заводимъ ихъ въ пороки.
Немножко вѣтрены, невѣрны иногда,—
Ну что-жь?
Рославл. Какъ иногда?—Всегда, сударь, всегда!
Ленскій. Всегда, ты говоришь, и нѣтъ не виноватыхъ?
Какъ это мнѣнне пріятно для женатыхъ!
А впрочемъ, насъ съ тобой никто не согласитъ:
Меня, вотъ, напримѣръ, все въ свѣтѣ веселитъ,
А ты не можешь жить безъ горести и муки.
Рославл. Ты разсудителенъ! и если бы отъ скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ленскій. Ты восхищался бы находкою такой.
А ты какъ думаешь? мнѣ надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? съ любезною разстаться,
И все-таки потомъ вездѣ ее слѣдить
И всѣхъ бояться?

- Рославл. Всѣхъ,—всѣ могутъ милы быть.
Ленскій. А пуше, кто умомъ и прелестями украшенъ.
Я признаюсь тебѣ, мнѣ Блестовъ очень страшень.
Рославл. Шути; а зтотъ фравтъ—я не терплю его!
Ленскій. И дѣльно: онъ собой затмить хотъ бы кого!
Рославл. Пустая голова! Что шагъ, то принужденье!
А здѣсь, у двухъ сестрицъ, объ немъ иное мнѣнье.
Вчера же съ ними онъ весь вечеръ проболталъ—
Ты видѣлъ... Я сперва совсѣмъ не ревновалъ,—
Да Блестовымъ онъ такъ много занимались,
Что насъ забыли, съ нимъ все время просмѣялись.
Ленскій. Онъ смѣялся и слушали его.
Не равнодушно же смотрѣть имъ на того,
Кто въ обществахъ всегда всѣхъ женщинъ забавляетъ?
И какъ ты думать могъ, что онъ ихъ завлекаетъ?
Кто-жъ Блестовъ? Старый фравтъ! Онъ слпншкомъ въ с
рокъ дѣтъ
- Вездѣ волочится, прельщаетъ пѣлый свѣтъ,
Острится надо всѣмъ, а самъ всего смѣшнѣе;
Не вовсе безъ ума, и отъ того глушѣе;
Охотно въ дураки отца бы посвятилъ,
Лишь бы съ улыбкою сказали: какъ онъ милъ!
Рославл. И несмотря на то, какъ это мнѣ ни больно,
Я бьюся объ закладъ, что женщинъ есть довольно,
Кому онъ нравится.
- Ленскій. Конечно, для иныхъ
Не безъ достоинства такой, какъ онъ, женихъ:
Богатъ и всѣмъ родня.
- Рославл. (съ досадою). Ну, такъ онъ и правы!
Ленскій. Э, полно! здѣсь его лишь любить для забавы.
Рославл. Насмѣшки ихъ надъ нимъ—уловки противъ насъ!
Видалъ насмѣшницъ я, какъ ладили подъ часъ
Съ людьми, которые казались имъ противны.
Да что и говорить?—Мнѣ въ женщинахъ не дивны
Увертки, хитрости, лукавство противъ всѣхъ,
Обманы вѣчныя, притворный плачь и смѣхъ;
И только одному нельзя не подивиться,
Какъ люди до сихъ поръ имѣютъ духъ жениться!
- Ленскій. Да успокойся.
Рославл. (съ сердцемъ). Я спокоенъ.
- Ленскій. Такъ поди
Къ своей возлюбленной.—Клянися ей, тверди,
Что ты навѣкъ у ней въ слѣпомъ повиновеньи.
Рославл. Я? къ ней пойду?
Ленскій. Да, ты.
Рославл. Хорошъ!—я въ огорченны,—
А ты... Изъ дружбы онъ смѣется надо мной!
- Ленскій (хохочетъ). Тебѣ же въ пользу я стараюсь..
Рославл. Богъ съ тобой!
Вотъ каковы друзья:—хоть плачь я, хоть бѣсися,
Онъ будетъ хохотать!

Ленский. Эй, съ Лизой помирися!
 Поди у ногъ ея ты долженъ общать,
 Что ей хотя дни два не станешь докучать;
 Ну, отправляйся же.

(Рославлевъ, увидя Влестова, отвращивается и поспынно уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 2-е: Ленскій, Влестовъ.

Влестовъ (всмѣхъ Рославлеву). Экъ онъ заторопился!
 Я въ двери, онъ бѣжать,—ушелъ, не поклонился.
 Ахъ, Ленскій, здравствуйте!—Вашъ другъ не въ духѣ?

Ленскій. Да.

Престранный человекъ! Забудьте, что всегда
 Онъ тотчасъ убѣжить, гдѣ только васъ завидитъ.
 Скажите мнѣ, за что меня онъ ненавидитъ?

Влестовъ. Причина ясная: онъ васъ боится.

Ленскій. Что?

Влестовъ. Вотъ вздоръ!
 Вы женщинамъ такъ милы, какъ никто;
 И милы такъ давно.

Ленскій. Зло! очень зло!—Однако,
 Кто-жъ нынче имъ не милъ? безъ исключенья всякой:
 Сначала всѣ онъ какъ будто далеки,
 А послѣ...

Ленскій. Да, для васъ успѣхи въ нихъ легки:
 Назвать до дюжины... до сотни можно смѣло...
 Да что и называть?—побѣды ваше дѣло.

Влестовъ. Помилуйте!

Ленскій. И вотъ, не далеко искать:
 Рославлеву и мнѣ нельзя не ревновать;
 У васъ съ обѣими на что-то ужъ похоже.

Влестовъ. Вы думаете?

Ленскій. Да.
 Вы другъ ему?

Влестовъ. Ну, что же?
 Скажите искренно, какъ поступилъ бы онъ,
 Когда бы кто ему былъ Лизой предпочтень?

Ленскій. А развѣ?
 Ничего,—одно предположенъе;
 Клянусь вамъ, ничего.—Ну, вотъ и подозрѣнье!

Влестовъ. Я и не думалъ.
 Нѣтъ?—Гдѣ вамъ меня провестъ!—

(Разспынно):

А впрочемъ, хоть и я плѣняю какъ ни есть,
 Хоть Лизѣ нравиться и нѣтъ большаго чуда,
 Но все, я вамъ боюсь, что съ ней еще погуда
 Мы на учтивостяхъ—и болѣе никакъ.

Ленскій. Я вѣрю безъ божбы.
 Влестовъ (значительно). А если бы не такъ,
 На что-бъ рѣшился онъ?

Ленскій. Онъ съ Лизой бы простился;

Влестовъ. А тамъ и съ вами бы конечно объяснился.
 Стрѣляться бы онъ сталъ?—Стрѣляться не бѣда!

- Но быть ревнивымъ?—о! въ немъ вовсе нѣтъ стыда.
Отстаньте отъ него и будете друзьями;
Давно замѣтили я тѣму сходства между нами.
- Ленскій. Я не таковъ, какъ онъ, а васъ боюсь;—ужли
Вы баловнемъ любви невинно прослыли?
- Блестовъ. Кто счастливъ не бывалъ?—Но я вамъ дамъ присягу,
Что въ жизнь для этого не дѣлывалъ ни шагу.
- Ленскій. Безчувственный! и вотъ плѣняете вы чѣмъ!
- Блестовъ. Ва!—Не плѣняется въ нашъ вѣкъ никто, никѣмъ,—
Все дѣло прихоти и случая слѣпова.
А люди есть еще: не скажутъ вамъ ни слова,
Чтобы удачу своихъ въ любви не приплести;
Признаться, этого я не могу снести!
И какъ рассказывать о томъ, что такъ ничтожно?
Съ одной я, напримѣръ, едва повѣрить можно,
Совсѣмъ не думавши, не знаю, какъ успѣлъ;
Я даже говорить съ ней вовсе не хотѣлъ,—
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтобъ только отомстить—и ахъ! сама попалась.
Другой понравился съ такимъ же я трудомъ,
Ну, отгадайте, чѣмъ?—любезностью, умомъ?
Нѣтъ!—блѣдностью лица!—Я былъ жестоко боленъ.—
За то болѣзнию потомъ какъ былъ доволенъ!
Одну имѣлъ я связь серьезную,—въ нее
Вмѣшалось нѣсколько достоинство мое;
Вотъ это было какъ...
- Ленскій. Простите, поневолѣ
Я съ вами расстаюсь,—мнѣ здѣсь нельзя быть болѣ;
Хозяйки милыя такъ долго никогда
Не заставляли ждать.—Вы остаетесь?..
- Блестовъ. Да.
- Ленскій. Такъ дружбу мнѣ свою на дѣлѣ докажите,
И хоть Эледину, жестокой, пощадите. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е: **Блестовъ** (*одинъ*).

Шути, мой другъ, острись!—Я, въ очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебую;
Да и Рославлевъ твой порядочной цѣною
За неучтивости поплатится со мною.
И дѣльно!—въ дураки попасть имъ легче всѣхъ:
Одинъ все хмурится, другому же все смѣхъ.
Нѣтъ! женщинъ надо знать, такъ знать, какъ я ихъ зна
Однако-жъ я и самъ недовко поступаю:
Къ обѣимъ вдругъ сестрамъ я письма написалъ,—
Къ обѣимъ объ любви?—Ну, какъ въ бѣду попалъ?
Да что? развязка тутъ не самая-ль плохая,
Что отъ одной отказъ,—не та, такъ все другая;
Вотъ дурно, ежели онѣ одна другой
Хвалятся вздумаютъ короткостью со мной!
Да нѣтъ! не можетъ быть: онѣ не разболтаютъ,
Въ любви и женщины, что надобно скрываютъ.
А вотъ онѣ идутъ!—Однако-жъ не могу
Съ обѣими теперь быть вмѣстѣ,—убѣгу! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е: Эледина, Лиза.

Лиза. Какъ можно цѣлый часъ смѣяться до упада?

Эледина (*хохочетъ*).

Нѣтъ силъ!

Лиза. Да что съ тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина (*хохочетъ*).

Ахъ! что за милое письмо мнѣ принесли!

Лиза. Письмо?

Эледина. Отъ Блестова.—Какъ нѣжно!

Лиза. Неужли?

Онъ и ко мнѣ писалъ сегодня же.

Эледина. Забавно!

Да гдѣ-жъ твое письмо?—Дай посмотрѣть... Вотъ славно!

Прочти, пожалуйста: онъ любить насъ равно,

Изъ слова въ слово въ нихъ написано одно,

Каковъ?

Лиза (*прочитавъ*). Ну что-жъ, такъ намъ обѣимъ незавидно.

Эледина. Ужъ Блестовъ вздумалъ насъ обманывать; обидно!

Нѣтъ, баловать его не надо,—и къ чему?

Садись, пиши.

Лиза. Зачѣмъ?

Эледина. Чтобы отомстить ему.

Повѣса въ сорокъ лѣтъ!—Ахъ, другъ мой! какъ счастливо!

Тебѣ нерѣдко вѣдь скучаетъ твой ревнивой;

А мой возлюбленный, чтобъ онъ ни говорилъ,

Своей холодностью ни мало мнѣ не милъ;

Твой слишкомъ любить, мой почти любви не знаетъ,—

А это намъ въ мужьяхъ добра не обѣщаетъ.

Ну, что же?

Лиза. Къ Блестову напишешь ты отвѣтъ,

Эледина. Для шутки, такъ, чтобы онъ былъ ни да, ни нѣтъ.

Какъ можно?

Лиза. Напиши; ты страхъ меня обяжешь!

Эледина. А если всё потомъ узнаютъ, что ты скажешь?

Лиза. Пусть знаютъ. Я сама хочу къ нему писать,

Эледина. Вотъ тутъ-то онъ начнетъ мечтать, мечтать, мечтать,

Лиза. Зазнается,—и вдругъ: глаза ему откроемъ.

Эледина. Представь себѣ, какъ мы Рославлева разстроимъ!

Услышитъ, взбѣсится, взревнуетъ, а потомъ,

Какъ ты сама ему признаешься во всемъ,—

Немного надобно имѣть ему разсудка,

Чтобы увѣриться, что это просто шутка.

Ну, если шалостью исправимъ мы его?

А мнѣ не сдѣлать ужъ ревнивымъ своего,

Такъ я хочу его заставить разсердиться,

Чтобъ онъ хоть разъ узналъ, какъ весело мириться.

Ну, милая, рѣшишь,—пиши; я пособлю.

Лиза. Нѣтъ, я не напишу, что я его люблю.

Эледина. Вотъ, какъ теперь гляжу, какъ Блестовъ будетъ славить.

Лиза. Ревнивица обмануть?

Эледина. Да, чтобъ его исправить;

Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

- Лиза. Да какъ?
- Эледина. Ахъ! полно.
- Лиза. Я боюся не шутя.
- Эледина. А время между тѣмъ уходить.—Ну, скорѣе!
- Лиза. Что будетъ?
- Эледина. Ничего. (Лиза садится). Вотъ такъ, начни смѣлѣе.
- Лиза. Ахъ! что я дѣлаю!
- Эледина. Повѣрь мнѣ, не тужи.
- Лиза. Что онъ подумаетъ?
- Эледина. Пусть думаетъ.—Пиши:
(диктуетъ):
«Не знаю, хорошо-ль, что я вамъ отвѣчаю...»
- Лиза. Ужъ какъ нехорошо, я это очень знаю.
- Эледина (продолжая).
«И не рѣшилась бы я домо,—но со мной
Рославлевъ, какъ на зло, несносный сталъ такой...»
- Лиза. Несносный, что за вздоръ?
- Эледина. Ну, безпокойный...
- Лиза. Точно.
- Эледина. Пиши: «Онъ ревностью, какъ будто бы нарочно,
Надопдаетъ мнѣ».
- Лиза. И все не надоѣсть!
- Эледина. «Надопдаетъ мнѣ.—Пусть ищетъ же невѣсть
Потерпѣливше; а я не въ силахъ болѣ,
Сносить всѣ странности его;—я вѣкъ въ неволю;
Его мученья...» (Лиза бросаетъ перо). Ну?
- Лиза. Помилуй, отчего
- Эледина. Ты рада выдумать все злое на него?
- Лиза. А не сама-ли ты сто разъ мнѣ повторяла,
Что даже часто съ нимъ терпѣние теряла!
- Эледина. Какая разнища! то было на словахъ;
А это я пишу къ другому.
- Лиза. Дурно страхъ!
- Эледина. Ну, да пожалуй я смягчу изъ сожалѣнья;
Прочти, что у тебя?
- Лиза. Сейчасъ. (Читаетъ): «Его мученья...»
- Эледина (диктуетъ).
«Такъ надоѣли мнѣ, что словомъ хотѣ кого
Готова я любить, да только не его...»
- Лиза. Нѣтъ! этого писать я вѣкъ не соглашуся.
- Эледина. Что за ребячество!
- Лиза. Ну, право, не рѣшуся.
- Эледина. Ты шутишь. Да сважи, чего бояться тутъ?
Вѣдь этого письма лишь двое не поймутъ,—
Рославлевъ съ Влестовымъ; Рославлевъ, какъ ревнивый,
А Влестовъ, какъ дуракъ.
- Лиза (дописавши). Отвѣтъ краснорѣчивый.
Неужли онъ теперь повѣритъ, что въ него
Влюбилась я!
- Эледина. Кто? онъ?—Онъ вѣрилъ до того...
Какъ знаю я мужчинъ! Ахъ! всѣ безъ исключенья
Какого объ себѣ они большаго мнѣнья!
Самолюбивы какъ! почти не меньше насъ!

Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
 А между тѣмъ тебѣ ужъ надо притворяться,
 Что ты съ Рославлевымъ не хочешь вовсе знаться.
 Пусты-жь меня. (*Садится*). Теперь мнѣ очередь писать.
 Представь, какъ будемъ мы надъ ними хохотать!
 Ахъ! вдругъ троихъ мужичинъ помучить какъ приятно!
 Что тутъ пріятнаго, мнѣ право непонятно!

Лиза.

ЯВЛЕНІЕ 5-е: Ленскій, Рославлевъ, Эледина, Лиза.

- Лиза. Ахъ! вотъ они!—Куда все это намъ дѣвать?
 Спрячь эти глупости.
- Эледина (*нарочно громко*). Вотъ стану я скрывать;
 Ты знаешь, что во всемъ я скрытность ненавижу.
- Рославл. Смотри, что такъ она прилежно пишетъ!
- Ленскій. Вижу.
- Рославл. (*Лизѣ*).
 Я ждалъ васъ давеча до половины дня;
 Или рѣшились вы бѣгать отъ меня?
- Лиза. Да, сударь, съ вами я всё ссоры прекращаю;
 Вы не ошиблись: я васъ точно убѣгаю.
- Рославл. Не убѣжите же: я васъ вездѣ найду.
 (*Лиза перебѣгаетъ и становится за Элединою*).
- Эледина (*въ сторону*).
 Вотъ любить истинно! А на мою бѣду,
 Мой Ленскій самая холодная особа.
 (*Ленскому*):
 Ахъ! да вы здѣсь. Давно?
- Ленскій. Сейчасъ вошли мы оба.
 Не помѣшаю-ли я вамъ?
- Эледина (*продолжая писать*). Нѣтъ, ничего.
- Рославл. Конечно, нечего бояться вамъ его:
 Вы можете при немъ всегда писать свободно,
 Хоть бы къ соперникамъ его—къ кому угодно;
 Онъ изъ учтивости не будетъ вамъ мѣшать.
- Эледина. Хоть бы къ соперникамъ его,—почемъ же знать?
 Я точно нѣжное письмо пишу.
- Ленскій. Прекрасно!
 Да я скажу, къ кому.
- Эледина. Къ кому-жь?
- Ленскій. Ко мнѣ.
- Эледина. Напрасно.
 (*Въ сторону*):
 Какъ можно столько быть увѣреннымъ въ себя!
 Ахъ! позавидуетъ весь свѣтъ того судьбѣ,
 (*показывая на письмо*):
 Кто нѣжности отъ васъ такія получаетъ!
 Я вижу по глазамъ, что чувство вамъ внушаетъ.
 (*Эледина складываетъ письмо*).
 И будто кончили? не лучше-ль продолжать?
 Расположенія такого долго ждать.
- Эледина (*въ сторону*).
 Смѣется?—Если-бъ я въ сердцахъ не разсуждала,

Любовное письмо не въ шутку-бъ написала.

(*Кмичетъ*):

Кто тутъ? (*Лаксей входитъ*). На, вотъ письмо; поди, отдай тому, Кому надписано...

Ленскій. Куда-жь итти ему?

Я здѣсь покаместъ.

Эледина. Нѣтъ; ужъ вы домой подите;

Тамъ лучше прочитать. (*Уходитъ*).

Ленскій (*съ улыбкой*). Вы этого хотите... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е: *Лиза, Рославлевъ.*

(*Лиза хочетъ уйти*).

Рославл. И вы?

Лиза. Позвольте.

Рославл. Нѣтъ.

Лиза. Я вздоровъ не терплю.

Рославл. Вы сердитесь за то, что я васъ такъ люблю!

Лиза. Все это лишнее; на что намъ объясняться!

Конечно, прежде въ васъ могла я ошибаться;

Я все надѣялась вашъ нравъ перемѣнить;

Но больше не хочу игрушкой вашей быть.

Вчера еще...

Рославл. Вчера... да будьте безпристрастны!

Я жду, вы входите; вы были такъ прекрасны!

Я видѣлъ васъ однѣхъ! опять какой же слѣдъ

Вамъ замѣчать меня, гдѣ тьма народу?—нѣтъ!

Вы милы, веселы,—для всякаго друга!

Со всѣми ласковы, со мною—ни полслова!

Вдругъ Влестовъ съ значущей улыбкой къ вамъ присталъ,

Болталъ, болталъ, и такъ собою заслонялъ,

Что долго я за нимъ не могъ васъ видѣть послѣ.

Макао начался; вы съѣли, Влестовъ возлѣ.—

Меня упрятали покаместъ за бостонь...

Бостонь-ли на умъ! я безъ того забѣшонъ;

Играю скверно; всѣ другіе, что играютъ,

Кричатъ и сердятся, бранятъ меня, ругаютъ;

А вы хохочете—и вы, и вашъ чудакъ.

Лиза. Да не одна я, всѣ смѣялись.

Рославл. Точно такъ!

Не вы однѣ, весь свѣтъ смѣется изъ пуста!

Зато же сыщете вы гдѣ меня друга?

Кто чувствуетъ, какъ я? Кто нынче есть съ душой?

Кто любить истинно?.. Я, право, самъ не свой:

Твержу въ нашъ вѣкъ, чтобы кокетство позабыли,

Хочу, чтобъ женщины—не женщинами были.

Лиза. Вотъ оправданіе ревнивца!—Признаюсь!

Нѣтъ, какъ хотите вы, я съ вами разстаюсь.

Да и чего мнѣ ждать? При васъ неосторожно

Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;

Нельзя ни встать, ни сѣсть, ни выйти, ни войти,—

Всему вы толкъ иной умѣете найти.

Письмо читаю я... тотчасъ ужъ подозрѣнъ;

Танцую-ли съ другимъ... и тутъ вамъ огорченъ;

Получше-ли къ кому одѣнусь... все бѣда!
 Все виновата я,—и съ вами брань всегда.
 Хоть съ Блестовымъ когда я говорю учтиво,
 Ужь слышу тамъ ногой стучать нетерпѣливо...
 Нѣтъ, дучше вовсе бы меня вамъ не любить.
 Вотъ радость! замужемъ невольницей мнѣ быть.
 Невольницей!—Тогда!—Ахъ, нѣтъ! избави Боже,
 Чтобъ я осмѣлился..

Рославл.

Лиза.

Тогда все будетъ то же,
 И точно то терпѣть я буду, что терплю:
 Мы не поладимъ вѣкъ.

Рославл.

Зачѣмъ я васъ люблю?
 Безъ этой глупости я васъ бы ненавидѣлъ!
 Мы не поладимъ вѣкъ!—Да, я давно ужъ видѣлъ,
 Что есть другой, съ кѣмъ вы поладите скорѣй!
 Ну, что-жъ? такъ я пойду дорогою своею.
 Знакомы съ Вельской вы?—добра, умна, прекрасна.
 Такъ знайте-жъ: за меня итти она согласна;
 А съ нею вѣкъ могу я счастливо прожить.
 И—вы принудите меня ее любить.

Лиза.

Извольте-жъ къ ней сейчасъ отправиться,—подите!

Рославл. (*хочетъ итти*).

Я васъ послушаюсь,—иду сейчасъ. (*Воротаясь*): Скажите,
 Кто этотъ счастливой, что вами предпочтенъ?

Лиза.

Зачѣмъ вамъ имя знать его?

Рославл.

Затѣмъ, что онъ

Лиза.

Заплатить дорого... да!

Рославл.

Какъ?

Лиза.

Я васъ боюсь... (*Убѣгаетъ*).

Рославл.

Не бойтесь!

Какая мнѣ нужда до васъ и до него,
 И какъ его зовуть..

ЯВЛЕНИЕ 7-е: Рославлевъ (*одинъ*).

Вотъ, взбѣсить хоть кого!
 Да и меня-жъ потомъ ревнивымъ называютъ!
 (*Ходитъ взадъ и впередъ*).
 Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кого предпочитаютъ?
 (*Въ это время Блестовъ показывается*).
 Кто знаетъ, можетъ быть и онъ соперникъ мой?
 И точно!—нынче онъ доволенъ такъ собой!

ЯВЛЕНИЕ 8-е: Рославлевъ, Блестовъ.

Блестовъ. Вы здѣсь, Рославлевъ?—Ну, опять сердить? Скажите:
 За что?—Вы влюблены, любимы.

Рославл.

Извините!

Вы шутите, а я.. я вовсе не шучу.
 Да кстати, я давно спросить у васъ хочу;
 Прошу покорно мнѣ сказать чистосердечно,
 Какъ честный человѣкъ.

Блестовъ.

Вы спросите, конечно,
 Что не намѣрень-ли у васъ я перебить?

- Рославл. Однажды навсегда прошу мнѣ объявить,
Съ какими видами такъ часто, постоянно
Сюда вы ѣздите?
- Блестовъ. Съ какими?—Очень странно!
Я видовъ не имѣлъ ни на кого отнюдь.
А если...
- Рославл. Ихъ на васъ имѣть кто-нибудь...
- Блестовъ. Ну, кто-жъ?
- Блестовъ. Когда-бъ отъ васъ хотѣли допытаться,
Вы не сказали бы конечно?
- Рославл. Можетъ статься.
- Блестовъ. Но вы? вы скажете?—не правда-ли?
- Блестовъ. Богъ мой!
Какъ этакъ приставать? Вотъ человѣкъ какой!
И даже помолчать онъ не даетъ свободы!
Пусть такъ: вы смущены, я—жалостливъ съ природы.
- Рославл. Безъ предисловія.
- Блестовъ. Прошу же скромнымъ быть.
(*Забавляется вниманіемъ его*):
- Однако, этого не должно-бъ говорить.
- Рославл. (*съ бѣшенствомъ*).
Теперь все говорить,—ну, говорите-жъ.
- Блестовъ. Милой!
Вы слишкомъ горячи! А если-бъ что и было,
И если даже есть, такъ вамъ нѣтъ нужды въ томъ;
Ну, понимаете, что вы тутъ ни-при-чемъ.
- Рославл. Ужли Эледина?—Вотъ это будетъ ново!
- Блестовъ. А что-жъ?
- Рославл. Вы шутите.
- Блестовъ. Да нѣтъ.
- Рославл. Честное слово?
- Блестовъ. Честное слово.—Вотъ, всегда бѣдамъ чужимъ
Смѣялся Ленскій вашъ! Ну, смѣйтесь же надъ нимъ.
Я отъ Элединой давно терплю нападки...
- Рославл. Да, да!
- Рославл. Но, можетъ быть, все это лишь догадки,
Безъ основанія?
- Блестовъ. Однѣ догадки? Вотъ?
А если дѣло-то серьезнѣе пойдетъ,
На доказательства!.. Что? это васъ тревожить?
- Рославл. Нѣтъ! потому что ихъ и быть у насъ не можетъ.
- Блестовъ. Не можетъ, точно такъ. Да какъ у насъ и быть?
(*Внимаетъ бумажникъ и ищетъ въ немъ*).
А если, напримѣръ, здѣсь можемъ мы найти,
Между такими же другими письмедами..
Оно?—Нѣтъ, не оно.—А, вотъ!—прочтите сами.
(*Показываетъ Рославлеву письмо. Тотъ хочетъ схватить его, но
Блестовъ не даетъ, и Рославлеву читаетъ съ жадностію*).
Замѣьте, что Амуръ лукавое дитя:
Все это писано какъ будто бы шутя;
Всегда въдъ женщины съ насмѣшекъ начинаютъ,
А тамъ привяжутся, а тамъ и обожаютъ,
А тамъ...

(*Хочоветъ*). Ну, мочи нѣтъ, какъ Ленскій мнѣ смѣшонъ!
 Я радъ до крайности, что такъ обмануть оны!
 Нѣтъ вы—вы смотрите за Лизой осторожно,
 Вы очень знаете, что женщины все можно; (*Хочоветъ*).
 А онъ безъ милости увѣренъ быть въ себѣ.
 Рославл. Что-жь? Всѣ мы этой же подвержены судьбѣ.
 Вотъ, Ленскій! наконецъ слова мои сбылись!
 Я говорилъ тебѣ...

Блестовъ. Когда?—какъ завелися
 У насъ свиданія почаще съ нею?

Рославл. (*сердито*). Нѣтъ!
 Гораздо прежде.—Ахъ! и мнѣ такихъ же бѣдъ
 Отъ Лизы можно ждать.

Блестовъ. Да, да,—я увѣряю.

Рославл. Прошу не увѣрять...

Блестовъ (*съ значущей гримасой*). Нельзя; когда я знаю..
 И въ томъ, что къ грусти вамъ причину подаетъ,
 Никто участія такого не беретъ,
 Какъ я... Прощайте же. (*Уходя, поетъ изъ «Жюконда»*):
 «Въ печали, въ огорченьи,
 «Всегда любовники грустятъ въ уединеньи».

ЯВЛЕНИЕ 9-е: Рославлевъ (одинъ).

Онъ веселъ и поетъ! онъ счастливъ и любимъ!
 А Ленскій между тѣмъ смиряйся передъ нимъ!
 А съ Лизой въ ссорѣ я?—Хоть тѣмъ могу я льститься,
 Что Лизѣ врядъ-ли онъ успѣетъ полюбить.
 Вотъ женщины, мой другъ!—Что?..

ЯВЛЕНИЕ 10-е: Рославлевъ, Ленскій.

Рославл. (*увидя Ленскаго*). А! да вотъ и оны!
 И что-то невеселъ!

Ленскій (*увидя Рославлева*). Опять ужъ разсержонъ!

Рославл. (*помолчавъ*). Ну, Ленскій, въ женщинахъ ничто мнѣ не понятно!

Ленскій. Мнѣ тоже, признаюсь.

Рославл. Онѣ... невѣроятно!

Какъ хитры, скрытны!—въ нихъ обманется хоть кто.

Ленскій. Какъ вѣтрены!

Рославл. (*въ сторону*). Да онъ заговорилъ не то:

Неужли угадалъ?

Ленскій (*въ сторону*). Таить немного прока..
 Узнаетъ безъ меня,—а рассказать жестоко.

(*Оба сходятся съ двухъ сторонъ*).

Рославл. (*подходя къ Ленскому*).

Съ чего бы мнѣ начать? (*Ленскому*): Послушай, милый мой!
 Мы съ Лизой разговоръ имѣли преживой,
 Да съ ней не стоворишь: совсѣмъ другая стала!
 И неуступчива, какъ сроду не бывала!
 Тутъ что-нибудь да есть.—Такъ! Богъ ужъ ей судья,
 А что душой кривить Эледина твоя.

Ленскій. Нѣтъ! за Эледину, какъ за себя ручаюсь;
 А въ Лизѣ, виноватъ, я что-то сомнѣваюсь.

Однако-жь, не сердись, вѣдь это ни къ чему,
Будь разсудителенъ.—А видно по всему,
Что вѣдь-ли ты любимъ.

Рославл. Такъ обо мнѣ заботы;
А объ самомъ себѣ подумать нѣтъ охоты?

Ленскій. А что?

Рославл. Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя въ кого-то влюблена,
Что пишеть къ этому кому-то: это мало,
Что онъ письмо ея веадѣ, гдѣ ни попало,
Показываетъ всѣмъ; и словомъ, что ты самъ
Письмо ея читалъ?

Ленскій. Да по твоимъ словамъ
Тебѣ извѣстно все,—а я сказать боялся.
Такъ точно: Блестовъ здѣсь со мною повстрѣчался;
И тотчасъ показалъ мнѣ, къ горю твоему,
Письмо руки ея; и писано къ нему.
Теперь прошу сказать: у женщины что же прочно?
Рославл. Письмо отъ Лизы?

Ленскій.

Да.

Рославл.

Самъ видѣлъ ты!

Ленскій.

Самъ точно...

У Блестова... Его онъ носить напоказъ.

Рославл. Ты самъ читалъ его?

Ленскій.

И перечель не разъ:

Я вѣрить не хотѣлъ.

Рославл.

Возможно-ли? Такъ стало,

Все кончено теперь! все для меня пропало!
Какъ глупо ввѣрился, и какъ обмануть я!
И къмъ же?—Рѣшена судьба теперь моя.
Утѣшимся, мой другъ, оставимъ ихъ въ покоѣ,—
Откажемся навѣкъ отъ женщины, будемъ двое,
Какъ братья, жить.

Ленскій.

Оно все такъ, я очень радъ!

Однако-жь, посуди и то, любезный братъ,

Что мнѣ моя вѣрна.

Рославл.

Вѣрна?—Да, дожидайся!

Вѣрна!—Нѣтъ, женщинамъ ты лучше удивляйся,—

Твоей, моей и всѣмъ!—Всѣ вѣрны, хоть куда!

Да что я? Для тебя не велика бѣда:

И станешь-ли тужить ты объ своей потерѣ?

Ленскій

(очень гладнокровно).

Въ чемъ дѣло, разскажи?

Рославл.

Она... По крайней мѣрѣ,

Ты это заслужилъ холодностью своей.

Ленскій.

Да что-же?

Рославл.

Ничего. Отъ вѣрной-то твоей

Показывалъ письмо мнѣ Блестовъ: въ оба глаза

Смотрѣлъ я и читалъ, и перечель два раза.

Ленскій

(особо).

Отъ каждой по письму! (Ему): Какъ ты сказалъ?—моя?

Рославл.

Писала къ Блестову письмо,—самъ видѣлъ я.

Ленскій.

Ты шутишь?

- Рославл. (*усиливая голосъ*). Не шучу.
- Ленскій. Она къ нему писала?
- Рославл. Да, сударь!
- Ленскій. Къ Блестову?
- Рославл. Да, сударь.
- Ленскій. Изъясняла
Въ письмѣ любовь свою безъ всякаго стыда?
- Рославл. Да, сударь, да, сударь,—я говорю вамъ: да!
Къ чему разспрашивать? для васъ вѣдь это малость.
- Ленскій (*въ сторону*).
Такъ обѣ къ Блестову онѣ писали? Шалость!
- Рославл. Ничаго не влудшались,—велите повторить?
- Ленскій (*съ улыбкой*).
Нѣтъ, влудшался, и васъ хотѣлъ благодарить.
- Рославл. Что? женщинъ я не знаю?—«Намъ брать у нихъ уроки?
И только сами мы заводимъ ихъ въ пороки?»
Что? правъ ты?
- Ленскій. Можетъ быть.
- Рославл. Какъ? Лиза мнѣ вѣрна?
И въ шута, въ Блестова, покажѣтъ влюблена!
- Ленскій. Я думаю, теперь онъ долженъ восхищаться.
- Рославл. Вотъ думаетъ объ чемъ!
- Ленскій. Нельзя-ль тебѣ дожидаться?
Я въ мигъ приду назадъ.
- Рославл. Ихъ надо въ стыдъ привести;
- Ленскій. Пойдемъ.
Что мнѣ до нихъ? другое дѣло есть.
(*Хочетъ идти*).
- Рославл. (*его держитъ*).
Эледина сама, ты помнишь, намъ сказала,
Что нѣжности она къ кому-то сочиняла..
Да что? при насъ самихъ записка послана.
- Ленскій. Хотѣ то въ ней хорошо, что искренна она.
- Рославл. Какъ входить въ голову такое разсужденіе!
Подумай хоть объ томъ, холодное творенье:
Письмо Элединой мнѣ Блестовъ показалъ,
Письмо отъ Лизы онъ тебѣ читать давалъ.—
Неужли позволять надъ нами такъ ругаться?
- Ленскій. У всякаго свой вкусъ; онъ любить забавляться.
- Рославл. Ахъ, Лиза! Ахъ, на что отъ Вельской я отсталъ?
Послушай, ты письмо... проклятое читалъ:
Не помнишь-ли, что въ немъ? Сказать ты можешь смѣло,—
Ужъ я не разсержусь.
- Ленскій. Зачѣмъ? не къ слѣху дѣло;
Мнѣ Блестовъ обѣщалъ ихъ письма выдать въ свѣтъ.
- Рославл. Прощай же, коли такъ; въ тебѣ надежды нѣтъ.
Я Блестова сыщу. (*Хочетъ идти*).
- Ленскій (*удерживая его*).
Постой; какой ты вздорной
Ну, есть-ли изъ чего шумѣть?
- Рославл. (*хочетъ уйти*). Слуга покорный!
- Ленскій (*держитъ его*).
Постой; повѣрь же мнѣ, что Блестовъ не любимъ.

- Рославл. Какъ?
Ленскій. Забавляются надъ нами и надъ нимъ.
Рославл. Съ чего ты взялъ?
Ленскій. Съ того, что я навѣрно знаю.
Рославл. А письма?
Ленскій. Ихъ себѣ я очень объясняю.
Вдругъ обѣ къ Влестову послали два письма!
Нельзя, чтобъ обѣ вдругъ сошли онѣ съ ума,—
Ну, самъ ты разсуди.
- Рославл. Такъ точно.—Нѣтъ! вѣрнѣе
Узнать бы. Растолкуй все это мнѣ яснѣе.
Ленскій. Да все объяснено. Одна изъ нихъ скромна,
Другая, меньше, но... обманщица-ль она?
Ты вѣришь письмамъ ихъ,—а я ихъ чувствую вѣрно.
Лишь Влестовъ сдѣлалъ тутъ неважную потерю,
Разсудокъ потерялъ, и то не нынче...
- Рославл. Такъ!
Ты жизнь мнѣ возвратилъ!—Какой же я дуракъ!
Я сомнѣваться могъ!—Что значить быть ревнивымъ!
Сто разъ ужъ передъ ней я былъ несправедливымъ!
Какъ до сихъ поръ не знать ума ея, души?
Однако-жъ вѣдь онѣ и сами хороши:
Сидятъ и про себя чай думаютъ: авось-ли
Надъ легковѣремъ ихъ мы похочемъ—послѣ.
Нѣтъ! не умѣли мы ихъ хитрость угадать?
Нѣтъ! очередь не намъ надъ ними хохотать?
Тебѣ обязанъ я всѣмъ, другъ мой! (*Обнимаетъ его*).
- Ленскій. И какъ другу,
Мнѣ окажи теперь бездѣльную услугу.
- Рославл. (*съ живостію*).
Вели, приказывай! что хочешь ты, чего?
- Ленскій. Дай Влестову пожить, не вызывай его.
Рославл. Не вызову.
Ленскій. Ну вотъ, насилу усмирился.
Рославл. Однако-жъ, если ты судить поторопился?
Ленскій. Опять за ревность!
Рославл. Нѣтъ. Да ты подумай самъ,—
Безъ доказательства нельзя же вѣрить намъ.
- Ленскій. Все та же пѣсня.
Рославл. Мнѣ хотѣлось бы покуда...
Ленскій. Покуда надобно уйти тебѣ отсюда:
Отчаяннаго роль я стану здѣсь играть,—
Ты только не мѣшай.
- Рославл. Да надо бы узнать.
Ленскій. Я все узнаю, (*почти толкаетъ его*) все; ну, что же, убирайся!
Рославл. А если...
Ленскій. Ахъ, поди! (*толкаетъ его*).
Рославл. Смотри, въ обманъ не вдайся.
Ленскій (*вытаскиваетъ*).
Да ну, поди скорѣй!

(*Рославлевъ тихонько входитъ опять и, не бывъ примѣченъ Ленскимъ, прячется чрезъ друія двери въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е: Ленскій (одинъ).

Довольно покричалъ!

Не мудрено: я самъ ужъ вѣрить начиналъ!

А Блестову его соперники достались

Въ повѣренныя!—Какъ? Все трое мы попались,

Чтобы Эледину и Лизу забавлять?

Пустое!—Не люблю я женщинъ баловать.

Нѣтъ хуже, какъ прощать насмѣшки ихъ надъ намъ;

Ихъ поздно въ руки брать, какъ будутъ намъ женами...

Онѣ? я очень радъ!

ЯВЛЕНИЕ 12-е: Ленскій, Эледина, Лиза.

Эледина (*Лиза въ глубинѣ комнаты*). Печалены!—Неужли
Ужъ Блестовъ рассказавъ?

Лиза.

Спроси.

Эледина (*Ленскому*).

Куда вы шли?

Ленскій (*печально*).

Не знаю.

Эледина.

Что за грусть?—Вѣдь вы смѣтаетесь вѣчно.

Ленскій

(*ходя взадъ и впередъ*).

Когда обманывалъ кто такъ безчеловѣчно!

Мужчину завести, увѣрять, уловить,

Дать слово,—и потомъ, какъ на смѣхъ, измѣнить.

Въ досадѣ такой отъ смерти недалеко!

Эледина.

Зачѣмъ же отъ меня такъ мучиться жестоко?

Ленскій

(*осталоясь*).

Поступокъ вашъ меня конечно оскорбилъ;

Однако-жь не объ немъ теперь я говорить.

Отчаянный мой другъ мнѣ въ головѣ вертится... (*Лиза*):

Представьте, онъ совсѣмъ хотѣлъ ужъ застрѣлиться.

Все проклиналъ: любовь, друзей и цѣлый свѣтъ;

Рѣшилъ, что для него ни въ комъ надежды нѣтъ,

Что въ свѣтѣ все обманъ, что женщины все равно

Лукавы, злы...

Эледина

(*перебивая*). А вы, какъ должно, хладнокровно,

Ленскій.

Утѣшили его?

Какъ тутъ попали вы.

Я правда ждалъ всего отъ этой головы:

Онъ застрѣлился бы. Но выдумкой счастливой

Я спасъ его.

Лиза

(*испугавшись*). Какой?

Ленскій.

Извѣстно, что ревнивой,

Въ любви обманутой, тотчасъ на все готовъ;

Такъ убѣдить его мнѣ стоило двухъ словъ:

Наталию Вельскую вы знаете?

Эледина.

Ну, что же?

Ленскій

(*Лиза*).

Такъ точно; васъ она немного помоложе.— (*Элединой*):

Брюнетка! острая! живая!.. Словомъ онъ...

Эледина

(*перебивая, и показывая на Лизу*):

Съ досады на нее ужъ въ Вельскую влюбленъ?

Ленскій.

Вхожу я: въ комнаты почти не видно свѣта;

Онъ въ горь; на столѣ лежать два пистолета...
Я началъ утѣшать, онъ сдѣлать не хотѣлъ;
Объ Вельской рѣчь зашла...

Эледина (*перебивая*). И къ ней онъ полетѣлъ.

Ленскій. Нѣтъ, я отвезъ его.—А впрочемъ долго бился;
Онъ спорилъ, ссорился, но послѣ—согласился.

Эледина (*въ сторону*).

Злодѣй!

Лиза (*въ сторону*). Ахъ!

Ленскій (*Элединой*).

И теперь они въ глазахъ моихъ!

Представьте въ нѣжности и въ восхищенъ ихъ!

Не могутъ говорить, хотъ говорить хотѣли,

За то съ какимъ огнемъ другъ на друга глядѣли! (*Лизѣ*):

А болѣе меня ея плѣнялъ восторгъ!

Скажите! я безъ слезъ смотрѣть на нихъ не могъ. (*Элединой*):

И что-жъ пріятнѣе, какъ видѣть двухъ счастливыхъ? (*Лизѣ*):

Въ желаніяхъ любви, всегда нетерпеливыхъ,

При мнѣ клялись они другъ друга обожать;

И.. скоро свадьба ихъ. (*Элединой*): А мнѣ пришлось искать,

Такую милую (хотъ правда это странно),

Чтобъ одного меня любила постоянно.

Не то, чтобъ Блестову я подражать хотѣлъ,

Сегодня двухъ невѣстъ онъ вдругъ сыскать умѣлъ.

(*Ленскій смѣется и раскланивается съ ними; онъ съ досады на него не смотритъ, и онъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 13-е: Эледина, Лиза.

Эледина (*долго молчитъ, не смѣя взглянуть на Лизу; наконецъ говоритъ*):

Какой же человекъ!—И я его любила!

Лиза. А я себя, скажи, за что же погубила?

Твоя же выдумка, чтобъ письма намъ писать!

И подлинно умно, ужъ нечего сказать!—

Ахъ! я отъ этого Рославлева теряю.

Рославл. (*выходя изъ кабинета, въ которомъ онъ прятался*).

Дай ихъ подслушаю.

(*Въ этой сценѣ онъ несколько разъ хочетъ подойти къ Лизѣ*).

Эледина. Да я еще не знаю,

Печалиться-ли намъ? И есть-ли изъ чего?

Хотъ Ленскій мой? Скажи, ну гдѣ-жъ любовь его?

Вѣдь онъ же не шутилъ любить меня божился.

А твой?—Съ отчаянья почти что ужъ женился.

Опн..

Лиза. То сдѣлали, что должно было имъ,

Что сдѣлала бы я, съ терпѣніемъ моимъ.

Какъ? на дурачкія мы письма отвѣчаемъ!

Кого же? Блестова мы имъ предпочитаемъ.

Эледина. Что-жъ? Изъ учтивости должны бы хотъ они

Поплакать, пострадать какихъ-нибудь два дни.

Я видѣла, какъ здѣсь ревнивецъ твой божился,

Что въ мигъ бы умеръ онъ, когда-бъ тебя лишился.

Зачѣмъ же не сдержалъ онъ слова своего?

Лиза. Зачѣмъ?—Ахъ, Боже мой!

- Эледина. Да, это роль его.
 Роль Ленского теперь веселымъ притворяться,
 А наша, имъ на зло, ни чуть не огорчаться,
 Поддержимъ честь свою и позабудемъ ихъ!
- Лиза (*почти плачетъ*).
 Честь?—Развѣ честь велитъ обманывать другихъ?
- Рославл. (*тихо въ любимыя комнаты*).
 Прелестна! (*Хочетъ къ ней подойти*).
- Лиза (*плачетъ*). Какъ любить! Какъ думать быть счастливымъ!
 Ну вотъ! ты Ленского не сдѣлала ревнивымъ,
 А я съ Рославлевымъ лишаюсь всего;
 Мнѣ даже жаль теперь и ревности его!
 Ахъ! если-бъ слышалъ онъ, какъ я себя пеню!
 Когда бы зналъ...

ЯВЛЕНИЕ 14-е: Рославлевъ, Эледина, Лиза.

- Рославл. (*съ радостію*). Я здѣсь: все слышалъ, и все знаю.
- Лиза. Рославлевъ, это вы?
- Рославл. Такъ я еще любимъ?
 И скажамъ обо мнѣ вы вѣрите пустымъ?
- Эледина. Такъ вздоръ онъ намъ сказалъ про Вельскую Наташу?
 Обманщикъ Ленскій!
- Рославл. Да, онъ понялъ шутку вашу,
 И отплатить хотѣлъ.
- Лиза. А вы съ нимъ заодно!
- Рославл. Кто?.. Я?. Нѣтъ, не совсѣмъ... Вѣдь было мудро
 Не усомниться мнѣ—такой я сумасшедшій.
 Да что ужъ толковать о глупости прошедшей? (*Элединѣ*):
 Не ссорьтесь съ Ленскимъ: онъ безцѣненъ!—Безъ него
 Не зналъ бы никогда я счастья своего. (*Лизѣ*):
 Когда бы удалось услышать мнѣ, какъ мило
 Жалѣли обо мнѣ?—Какъ мнѣ пріятно было!
 За это вы меня рѣшитель-ли простить?
- Лиза. Вы сами слышали, такъ что тутъ говорить.
- Рославл. Ахъ! сроду никогда я такъ не восхищался!
- Эледина (*увидя Ленского*).
 Тсъ!—тише!

ЯВЛЕНИЕ 15-е: Ленскій, Рославлевъ, Эледина, Лиза.

- Ленскій (*будто ищетъ кого-то*). Точно здѣсь.—Что если-бъ догадался
 И онъ помучить ихъ? (*Посмотрѣвъ на всѣхъ*).
 Нѣтъ, все извѣстно...
- Эледина. Да!
 Извѣстно всѣмъ, что въ васъ нѣтъ совѣсти, стыда,
 Всѣхъ рады осмѣять вы для своей забавы,
 И непростительно какъ злы и какъ лукавы.
 Ужасный человекъ!
- Ленскій. Что-жъ дѣлать?—виноватъ!
 А вотъ несносенъ кто, все выболтать онъ радъ!
 Нѣтъ, милый мой, теперь мы сговорились двое;
 А если что-нибудь впередъ затѣю злое,
 Такъ вѣрно безъ тебя.
- Рославл. (*съ довольнымъ видомъ*). Пожалуй.

Эледина. Боже мой!
 Вот извиняется онъ какъ передо мной!
 Ленскій. Что-жь, хитрость мнѣ моя,—признаться я обязанъ,—
 Не вовсе удалась; довольно я наказанъ!

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

(Рославлевъ цѣлуетъ руку у Лизи; Ленскій съ тѣмъ же подходитъ къ Элединѣ, — она отъ него отворачивается. Въ эту минуту является Блестовъ, и помираетъ со смѣху).

Блестовъ, Эледина, Ленскій, Рославлевъ, Лиза.

Блестовъ *(въ сторону)*. Забавны впуски одинъ передъ другимъ!
(На ухо Элединѣ):

Зачѣмъ обходите вы такъ жестоко съ нимъ?

Онъ догадается.

(Эледина смѣется. Блестовъ становится между Ленскимъ и Рославлевымъ).

(Ленскому):

Вашъ другъ въ веселомъ нравѣ...

Что если бъ онъ узналъ? Нѣтъ, Боже насъ избави!

(Ленскій смѣется).

(Рославлеву):

Каковъ вамъ кажется вашъ Ленскій?—Право кладь!

Вѣдь за Эледину онъ побожиться радъ,

Что все ему вѣрна! *(Всѣ смѣются).*

Да кто-жь надъ кѣмъ смѣется?

Ленскій. Надъ вами, сударь, всѣ,—мнѣ такъ оно сдается.

(Элединѣ):

А чтобъ увѣрился онъ въ торжествѣ своемъ,

День нашей свадьбы мы назначимъ при немъ.

Эледина. Ты понялъ мастерски, хитрецъ, мою науку:

За это за одно мою получишь руку.

Ленскій. Вы шутки не должны такъ къ сердцу принимать:

Я васъ въ невѣрности не смѣлъ подозрѣвать,

Хоть Блестовъ, слова нѣтъ, соперникъ преопасный...

Рославлевъ ревноваль... Ну! онъ любовникъ страстный,

А я, почтительный,—тутъ нѣтъ другихъ причины;

И несогласиямъ конецъ, теперь одинъ.

(Показывая на Блестова):

За наши ссоры онъ пусть Богу отвѣчаетъ.

Рославл. *(самимъ настѣшнымъ тономъ).*

Вотъ Блестовъ разомъ какъ двухъ женщинъ оболщаетъ!

(Каждый въ свою очередь подходитъ къ Блестову съ ироническимъ поклономъ, и потомъ всѣ уходятъ).

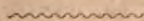
ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Блестовъ *(одинъ)*. Красавицы мои! Кто растокуетъ васъ?

Да правда, вѣдь и мы не лучше въ добрый часъ:

Сегодня любимъ ихъ, а завтра ненавидимъ. *(Подумавши):*

Какъ будутъ замужемъ онъ,—тогда увидимъ!

ПРОБА ИНТЕРМЕДИИ.

Интермедія въ 1 дѣйствіи.

(1819).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Феколковъ	}	Бемольская, актриса.	
Алегринъ		Машинистъ.	
Рѣзашковъ		Актеры.	Суфлеръ.
Припрыжкннъ			Актеры и актрисы.
Свисталова			

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ театрѣ. Театръ представляеть сцену въ безпорядкѣ.

Феколковъ. Много васъ, актеровъ и актрисъ...
Батюшки, мнѣ нуженъ бенефисъ!
Матушки, мнѣ нуженъ бенефисъ!

Прочіе актеры и актрисы.

Разскажите,
Что хотите
Вы отъ насъ?

Феколковъ. Вотъ какъ разъ!
Въ бенефисъ меня вы не оставьте,
Мнѣ чтобъ не попастьъ впросакъ:
Публику вы позабавьте
Кое-чѣмъ и кое-какъ.

Прочіе. Вамъ помочь
Мы не прочь.

Феколковъ. Васъ, друзья мои, такъ много,—
Помолчите, ради Бога!

Прочіе. Правда, много насъ числомъ,
Да какая польза въ томъ?

Феколковъ. Надо, чтобъ скорѣй поспѣло.

Алегринъ. Поскорѣе?—Такъ за дѣло
Взяться надѣжить съ умомъ!

Феколковъ. Въ этомъ затрудненія мало,
Дѣлайте, какъ ни попало.

Прочіе. Хорошо,—да должно знать,
Что мы будемъ представлять?
Оперу?

Феколковъ. Охъ, нѣтъ!

Алегринъ. Бадетъ?

Феколковъ. Нѣтъ! Нѣтъ!

Припрыжк. Комедью?

Феколковъ. Интермедью!

Всѣ (*хромъ его*).

Интермедью!—Боже сохрани!
Интермедью!—Нѣтъ, ужъ искони
Содоны достались намъ они!
И какая вамъ охота?
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота!

Феколковъ. Неужто, господа, мнѣ быть безъ бенефиса?

Алегринъ. Дайте въ свой бенефисъ что хотите, да только не интермедію.

Всѣ (*повторяютъ*).

И какая вамъ охота?—
Только бѣднымъ намъ работа,
Бѣднымъ зрителямъ зѣвота.

Феколковъ. Да, господа, дѣло праздничное; серьезное надобѣсть, не худо бы затѣять какую-нибудь потѣху.

Рѣзушковъ (*обращаясь къ прочимъ*). Ну, ужъ выведемте его изъ хлопотъ; дѣлать такъ дѣлать. Здѣсь, однако, не Петербургъ, автора не скоро сыщешь; развѣ нашъ суфлеръ примется,—человѣкъ онъ грамотный. Нутка, батюшка, выльзай изъ своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вотъ и случай есть, отличись.

Феколковъ. Выльзайте, отецъ родной, я самъ услужу въ другое время.

Суфлеръ. Извольте, располагайте моимъ умомъ, моимъ перомъ и моимъ языкомъ.

Всѣ (*кромя его*).

Браво! Фора!
У суфлера
Все кипитъ!
Кто коль скоро
Что проспитъ,
Не затвердитъ,
Кто собьется,
Закнется,
Нашъ суфлеръ лишь вострепнется,
И лишь голосъ онъ подастъ,
Всякій кто во что гораздъ.

Суфлеръ. Смѣйтесь, смѣйтесь, господа, а безъ меня никому бы изъ васъ плохо пришлось. Да не о томъ рѣчь. Вамъ нужна новая пѣса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы... танцы или пляски.

Рѣзушковъ. Верховой, спускай декорацию. Вотъ тебѣ дѣсь и вода.

Свисталова. Актеры всѣ на лицо, въ костюмахъ и безъ костюмовъ.

Бемольская. Словъ чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Алегринъ. Музыки у насъ вволю, выбирай любую.

Припрыжкинъ. За танцами дѣло не станеть.

Феколковъ. Такъ стало самое нужное есть, стоить только къ нему присочинить кое-что.

Суфлеръ. Это ничего не составляетъ...

Свисталова. Особливо для суфлера.

Бемольская. Онъ всякую всячину наизусть знаетъ.

Рѣзушковъ. Онъ весь своей вѣкъ чужое говоритъ.

Алегринъ. Пусть его крадетъ откуда хочетъ, была бы пѣса готова.

Свисталова. Не безпокойтесь, онъ на нашу бѣду пожалуй столько сочинить, что намъ ввѣкъ не выучить.

Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и умѣнье!
Его-жъ такія сочиненья,
Что самъ едва-ль онъ ихъ пойметъ,

Да и никто не разберетъ;
 А дѣло все на лады идетъ.
 Суфлеръ. Прошу васъ, господа,
 Не говорить ни слова!
 Вотъ зѣсь и вотъ вода,—
 Такъ главное готово.
 На завѣсѣ рѣка..
 Пусть будетъ же: Ока.
 Готово и названье,
 Благодаря рѣкѣ:
 Пирушка на Окѣ,
 Иль за Окой гулянье;
 И пѣснями начать,
 И плясками кончать!

Алегринъ. Что же намъ пѣть?

Припрыжнись. Какія пляски?

Суфлеръ. Пойте и скачите сколько душѣ угодно, только не всѣ
 вдругъ.

Оеколковъ. Однако нельзя безъ пробы.

Суфлеръ. Ну, такъ пробуйте. Г. пѣвецъ, выступайте. Что подтверже—
 го и пойте. А прочихъ прошу изготовиться для послѣдующаго; я же
 между тѣмъ займусь сочиненіемъ куплетовъ, которые пропоетъ наша
 пѣвица тогда, какъ будутъ готовы. За дѣло! скорѣй! а не то я пере-
 стану сочинять.

Всѣ. Хорошо, хорошо.

(Пѣніе и танцы; по окончаніи суфлеръ говоритъ).

Суфлеръ. Довольно, довольно. Куплеты готовы. Угодно ли мнѣ сдѣ-
 лать честь ихъ пропѣть въ заключенье!

Оеколковъ. Неужели заключенье!

Бемольская. Что жъ вы еще хотите?

(Вертъ куплеты и поетъ ихъ).

Куплеты.

Довольно всѣ плясали, пѣли!
 Покуда вамъ не надоѣли,
 Всего умнѣ разоитись.
 Кто хочетъ, тотъ пускай сердись,
 Надъ нашей шалостью острись.
 А мы не съ авторскимъ умишкомъ—
 Хотъ пошалили, да не слишкомъ.
 Притомъ кто осуждать насъ станеть,
 Не худо ежели вспоманеть,
 Что позабавиться на счетъ
 Кто интермедіи идетъ,
 Не много умнаго онъ ждетъ.
 И въ этой вздору много тоже,
 Да все на прочихъ не похоже.
 На свѣтѣ же всегда водилось:
 Какъ зрителямъ что полюбилось,
 Никто не спроситъ: какъ оно—
 Безмысленно, или умно,
 Или плачевно, иль смѣшно?
 Лишь только бы новѣ было;
 Всегда, что ново, то и мило.

„КТО БРАТЪ, КТО СЕСТРА“, ИЛИ ОБМАНЪ ЗА ОБМАНОМЪ.

Новая опера-водевиль, въ 1 дѣйстви.

Оригинальное сочиненіе съ хорами и разнохарактернымъ дивертис-
ментомъ. Музыка *А. Н. Верстовскаго* *).

(1824).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Панъ Чижевскій, содержатель поч- товаго двора.	Рославлевъ старшій.
Антося } дочери его.	Андрей, слуга его.
Лудвися }	Вацусъ, писаржъ почтовый.
Рославлевъ младшій, гусарскій офицеръ.	Передовой Рославлева старшаго.
Юлія, жена его.	Слуга проѣзжающихъ. Жиды.

Дѣйствіе происходитъ въ польскомъ мѣстечкѣ въ почтовомъ дворѣ.
(Комната, справа отъ зрителя столъ, на немъ шнуровыя книги, бу-
маги и проч., съ лѣвой клавикорды, на стѣнѣ гитара; въ среднѣи
открытый видъ въ цвѣтникъ).

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Рославлевъ младшій, Юлія (*сидятъ за столомъ въ цвѣтникѣ и
пьютъ чай*), Антося и Лудвися (*одна за клавикордами, а другая
съ гитарой, и поютъ*). Рославлевы слуги *увязываютъ чемоданъ
и проч.* Писаржъ *пишетъ за столомъ. Панъ Чижевскій (читаетъ
Варшавскую газету).*

Антося и Лудвися. Молодость, какъ струйка!
Молодость, какъ цвѣтъ
Пробѣжить украдкой,
Прощѣть—и нѣтъ!
«Милая Магдуса!»
Янекъ говорилъ:
«Злыхъ людей не трусь,
Молви: ты мнѣ милъ!»
Что жъ на то Магдуса

*) Куплеты въ пьесѣ не принадлежать Грибоѣдову, за исключе-
ніемъ: «Любить обновы мальчикъ Эроть...»

Молвила ему?—
«Сердцем отдаюся
Другу моему.»

Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера,
На любовь и радость намъ одна пора.

Слышу-ли, какъ зыбкой
Крадется ручей,
Какъ на вѣткѣ гибкой
Стонетъ соловей,
Въ розу-ли всмотрюся,
Что цвѣтокъ на срокъ,
Вспомнится Магдуса
И ея урокъ!

Завтра—гость невѣрный! прошлый гость—вчера!
На любовь и радость намъ одна пора!

Рославлевъ младшій и Юлія входятъ въ комнату.

Рославлевъ мл. Въ дорогѣ чай и пѣсни всегда встать, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освѣжились, отправьте насъ скорѣе панъ почтмистръ!

Панъ Чижевскій. Заразъ, ясноосвѣщенный! кони готовы!

Писаржъ. (*Писаржъ между тѣмъ показываетъ ему подорожную и тихо говоритъ*): Позвольте только разспросить о имени вашемъ: мы никакъ не разберемъ. (*Читаетъ*): Слѣдующему изъ Санкт-Петербурга въ Варшаву...

Рославлевъ мл. Гвардіи Ротмистру Рославлеву.

П. Чижевскій (*читаетъ про себя*). Съ будущими...

Рославлевъ мл. И слава Богу, не только съ будущими, но и съ настоящею (*показывая на жену*) на зло всѣмъ препятствіямъ.

П. Чижевскій. А, понимаю, понимаю.

Жизнь скучнымъ трактомъ вамъ казалась!

Такъ, взявъ любовь въ проводники,

Желали вы, чтобы досталась

И радость съ легкой вамъ руки!

Такъ! къ счастью пристани надежной

Всѣмъ миль открытый листъ въ женѣ...

Антося.

Ахъ! какъ хотѣлось бы и мнѣ

Скорѣй быть также подорожной. } bis.

П. Чижевскій. Любовь и бракъ!

Рославлевъ мл. Одно и то же:

Они родные братья съ сестрой!

П. Чижевскій. Согласенъ! но сестра моложе,

А братецъ баринъ пошлой,—

Въ дорогѣ спутникъ ненадежной:

Сестра на вольныхъ навостритъ,

bis. } А братъ отстанетъ и сидитъ,
} Одинъ, съ законной подорожной.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Передовой старшаго Рославлева.

Передовой. Скорѣе! скорѣе! восемь лошадей! двѣ мнѣ, а шесть Его Высокородію, которой скачегъ по пятамъ моимъ.

П. Чижевскій (*читает подорожную*). Изъ Варшавы въ Санкт-Петербургъ Майору Рославлеву (*отходитъ къ письменному столу*).
Рославлевъ мл. Вотъ неожиданный гость! Это братъ мой!

Юлія. Куда намъ дѣваться?

П. Чижевскій. Рославлевъ изъ Петербурга въ Варшаву—Рославлевъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

Рославлевъ мл. (*отводя его въ сторону*). Тсъ! Ни слова обо мнѣ! намъ надо съ тобою уговориться, любезный, драгоценный панъ почтмистръжъ.

Передовой (*Писаржу*). Пока нельзя-ли мнѣ съ дороги и на дорогу выпить стаканъ вина?

Писаржъ. Хотъ два, только вмѣстѣ со мною. (*Слуга и они уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Рославлевъ мл., Юлія, П. Чижевскій, Антося и Лудвися.

Юлія. Сдѣайте одолженіе, панъ почмистръ, не давайте лошадей проѣзжающему!

П. Чижевскій. Да не безпокойтесь! васъ не обидимъ! Въ лошадахъ, благодаря Бога, здѣсь недостатка нѣтъ. Моя станція первая по всему тракту...

Рославлевъ мл. Вѣрю, но не въ томъ дѣло! мы и сами останемса здѣсь, да и его нужно намъ задержать.

П. Чижевскій. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы насъ принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный довѣренностью Правительства,—какъ пойду противъ постановлений!..

Рославлевъ мл. За другими... дорога наѣзжена.

П. Чижевскій. Что скажутъ обо мнѣ начальники?

Рославлевъ мл. Что говорятъ о другихъ.

П. Чижевскій. Знать ложеть толкъ въ васъ о почмистръжѣ Польскомъ:

Кривнуть душой насъ Богъ оборони!

Вѣкъ не споткнутся въ мѣстѣ скольскомъ

Ни гоноръ мой, ни лошади мои!

Нѣтъ! польскихъ почтъ исторію прочтите

И съ норовомъ почтмистръжа... въ Посполитѣй

Не сыщите, ручаюсь вамъ!

Присяга въ насъ непобѣдима,

И Нарушевичъ скажетъ самъ,

Что наша честь ненарушима!

Юлія. Троньтесь хотъ тѣмъ, что Нарушевичъ какъ вамъ, такъ и мнѣ землякъ, что и я полька...

Рославлевъ мл. (*отпуская въ руку нѣсколько червонцевъ*). Да троньтесь хотъ этимъ... За упокой Нарушевича.

Юлія (*снимаетъ съ себя цѣпочку и кольцо и отдаетъ сестрамъ*). Вотъ, мои милыя, носите это на память обо мнѣ.

Антося. Какая милая цѣпочка,
Какой плѣнительный нарядъ!

И самого маршалка дочка

Такой имѣть-ли наврядъ!

Лудвися. Колечко, я тебя въ гостинець

Дружку готовлю своему,—

А кто дружокъ? (*надъвая кольцо*). Смотри-жь, мизинець,

Не проболтайся никому!

П. Чижевскій. Дѣлать нечего! Вы побѣждаете мою непреклонность! доброй полякъ умѣетъ сострадать ясновельможному ближнему и самъ

готовы страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась въ сердцѣ польскомъ:

Не устою на роковой чертѣ,

И, спотыкаясь въ мѣстѣ скользкомъ,

Я падаю, но въ ноги красотѣ!

Я не легко пускаюсь на измѣну,

Нѣтъ, вашихъ просьбъ призналъ и вѣсь, и цѣну,

Вы заглушили ложный стыдъ,

Въ мою прокрадлся вы душу,

И Нарушевичъ мнѣ простить,

Что клятву разъ свою нарушу.

Юлія. Какъ мы вамъ благодарны!

П. Чижевскій. Оно благодарности не стоитъ!

Рославл. мл. Нѣтъ стоять-то стоять, да не въ счетѣ дѣло.

П. Чижевскій. Но растолкуйте мнѣ теперь, зачѣмъ вы непременно хотите задержать однофамильца. Тутъ есть тайна, а я недаромъ почтмистржъ много тайнъ переживаетъ у меня въ рукахъ.

Рославл. мл. Не мало и останется!

Юлія. Мужъ мой все вамъ рассказать. (*Сестрамъ*): А вы, милыя, подите со мною. Надобно намъ обдумать и привести въ исполненіе планъ нашей комедіи на скорую руку. (*Онѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е. Рославлевъ мл. и П. Чижевскій.

Рославл. мл. Узнайте же, что ѣдущій изъ Варшавы въ Петербургъ Рославлевъ — мой родной братъ. Лишившись родителя своего въ ребячествѣ, видѣлъ я въ братѣ другаго отца; выросши, вижу въ немъ лучшаго своего друга. Долго не имѣли мы между собою ни тайнаго поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образъ мыслей—все сближало насъ день ото дня болѣе и болѣе. Но вдругъ согласіе наше разрывается. Я полюбилъ одну женщину,—онъ всѣхъ женщинъ возненавидѣлъ. Я пишу къ нему, что хочу жениться и прошу его согласія,—онъ отвѣчаетъ, что, если не общаюсь остаться съ нимъ холостымъ на всю жизнь, то онъ отказывается отъ меня навсегда. — Я женился, и ѣду къ нему съ женою: онъ скачетъ, чтобы помѣшать нашей свадьбѣ. Вотъ наша исторія.

П. Чижевскій. Но какимъ способомъ надѣетесь вы переупрямить его и довести до согласія?

Рославл. мл. Я самъ еще порядочно не знаю, но есть надежда; братъ — человѣкъ пламенный, и вообще постоянства въ любви къ женщинамъ мало, но постоянства въ ненависти къ нимъ еще менѣе.

П. Чижевскій. И то правда! Я съ молодю и самъ не охотникъ былъ до женщинъ, но покойная жена однако же принудила меня обвиняться съ нею. Помнится мнѣ, читаль и въ Красицкомъ, что богачей и барынь всѣ злословятъ, и всѣ въ нихъ ищутъ.

Рославл. мл. Стукъ! коляска подъѣхала. Прощай, благодѣтель, и смотри же скромнѣе и осторожнѣе. (*Уходитъ въ боковую комнату*).

П. Чижевскій (*пересчитывая деньги изъ руки въ руку*). Скромнѣе и осторожнѣе!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

П. Чижевскій, Рославлевъ старшій (*въ фуражкѣ*).

Рославл. ст. Лошади готовы? Впрягать скорѣе!

П. Чижевскій. Ясновельможный...

Рославл. ст. Готовы, я спрашиваю?

П. Чижевскій. Ясноосвѣщенный — извольте взять терпѣнье.

Рославл. ст. Терпѣніе? — Лошадей я говорю. Гдѣ-жъ мой передовой?

П. Чижевскій. Гм! Здѣсь!

Рославл. ст. А лошади?

П. Чижевскій (*нервничательно и боязливо*). Будутъ.

Рославл. ст. Ну, сейчасъ, сію минуту!

П. Чижевскій (*приободряется и откланивается, не трогается и начинаетъ пѣть*), *Рославлевъ съ перваго стиха зажимаетъ ему ротъ*).

Могу сказать вамъ о почтмистряжѣ польскомъ...

Рославл. ст. До пѣсней ли мнѣ теперь! Тѣфу, какой безмозглый народъ! послать ко мнѣ курьера! Самъ бѣги, веди, кричи! Живо! мигомъ! (*Выталкиваетъ его*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Рославл. ст. (*одинъ*). Пѣть хочетъ! Сумасшедшій! Теперь, можетъ-быть, у брата на свадьбѣ коютъ и пляшутъ... Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить отъ дурачества, которое самъ хотѣлъ было сдѣлать три мѣсяца тому назадъ; но вы, красавицы, меня вылечили отъ залетнаго воображенія, отъ всякихъ попытокъ на супружеское счастье, отъ вѣры въ вашу любовь, — вы, которыя никого, кромѣ себя, не любите. Я долго гонялся по слѣдамъ вашимъ, долго; но поумнѣть никогда не поздно. (*Беретъ гитару, прислоняется къ фортепьяно, пробуетъ нѣсколько аккордовъ и напѣваетъ куплетъ*):

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ

Еще мерещится любовь,

А я откланялся химерамъ,

И на обманъ не дамся вновь.

Изъ вашихъ рукъ довольно пилъ отраву,

Довольно я, красавицы, страдалъ;

Моя тоска была вамъ на забаву,

Смѣялись вы, — я слезы проливалъ! —

Но слезъ моихъ вамъ болѣе не видѣть.

Я въ школѣ былъ и съ горя поумнѣлъ!

Какъ я васъ обожать умѣлъ,

Такъ васъ умѣю ненавидѣть!

Готовьте другимъ

Оковы и розы,

Обѣты, угрозы,

Улыбки и слезы, —

Я сталъ невредимъ.

Пускай сердечнымъ суевѣрамъ... и проч.

ЯВЛЕНИЕ 7-е. Рославлевъ старшій, Антося и Лудвися.

Антося. Ахъ, какъ вы пріятно поете!

Лудвися. Съ какимъ выраженіемъ вы арпеджіо дѣлаете на гитарѣ!

Антося. Продолжайте, сударь! (*Рославлевъ ст. бросаетъ гитару*).

Антося. Вы не хотите, чтобы мы васъ слышали?

Лудвися. Мы вамъ помѣшали?

Антося. Пожалуй, мы уйдемъ.

Рославл. ст. Уйдите, или оставайтесь: мнѣ право все равно.

Антося. Можетъ-быть, вамъ угодно насъ послушать?

Рославл. ст. Я терпѣть не могу женскаго голоса!

Антося. Какъ? Вамъ неприятно, когда женщины поютъ?

Рославл. ст. И даже, когда говорятъ!

Лудвися. Это почти неучтиво!

Рославл. ст. Я предупреждаю васъ, я ужасный грубиянъ.

Лудвися. Сестрица, онъ шутить.

Антося. Вы шутите, сударь, мнѣ кажется: вамъ нашъ полъ не такъ противенъ.

Лудвися. И я тоже думаю, что онъ вамъ милъ!

Антося. Вы еще, того гляди, здѣсь влюбитесь.

Рославл. ст. Въ васъ?

Антося. Коли не въ насъ, такъ у насъ по крайней мѣрѣ!

Рославл. ст. Въ здѣшнемъ городѣ?

Лудвися. Хотъ и въ здѣшнемъ домѣ, какъ узнать?

Рославл. ст. Не худо на дорогу!

Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно не любить женщинъ, тотъ не говорить имъ этого въ глаза и вовсе съ ними въ разговоръ не вступаетъ, беретъ шляпу и уходитъ.

Рославл. ст. Именно такъ, прощайте. (*Кричитъ при выходѣ*): Что-жь, готово? Нѣтъ еще? Это разбой! Это неслыханно, что за мѣшкотня! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Антося, Лудвися, Юлія (*въ мужскомъ платьѣ, придѣланные бабенбарды, сапоги со шпорами*).

Юлія. Ну, каковъ нашъ нелюдимъ?

Антося. Очень забавенъ!

Чудака онъ право своенравной!

Его ввести не можно въ толкъ:

На разговоръ онъ рыбъ равной,

А вѣжливъ, какъ сердитой волкъ.

На шутки гнѣвомъ отвѣчаетъ
И дуется...

Лудвися.

Нѣтъ дива тутъ:

Предчувствіемъ онъ вѣрно знаетъ,

Что нами будетъ онъ надуть.

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Тѣ же, Рославлевъ старшій, П. Чижевскій, Писаржъ, курьеръ и слуга Рославлева.

Рославл. ст. (*держитъ П. Чижевскаго за воротъ*). Ты бездѣльникъ! Не можетъ быть, чтобы всѣ лошади были въ разговорѣ. (*Рославлевъ ст. и курьеръ съ одной стороны, Юлія съ другой тормошатъ П. Чижевскаго*).

Рославл. ст.

Антося и Лудвися.

Скорѣй, скорѣй

Смѣлѣй, смѣлѣй

Лошадей, лошадей.

Вы откажите лошадей.

П. Чижевскій.

Я радъ вамъ дать бы лошадей,

Но съ часъ послѣдня пара вышла.

Рославл. ст.

Какъ вышла?

П. Чижевскій.

Есть лошади, да не для васъ.

Здѣсь сверхкомплектныхъ пять у насъ:

- Изъ нихъ не ходять двѣ у дышла,
А три не ходять ужъ никакъ!
Рославл. ст. Я не терплю докучныхъ вракъ!
Твоей я спѣси поубавлю,
И, если станешь врать пустякъ,
Тебя, — тебя ходить заставлю!
- Антося и Лудвися. Вы забываетесь никакъ —
Нашъ папенька и самъ изъ шляхты.
Прошу понизить голосокъ!
Нашъ гербъ — подкова и рожокъ.
- Рославл. ст. Скачи отъ Питера до Кяхты,
Отъ Кяхты поскачи въ Моздокъ,
Но вѣрно хуже этой почты
Нигдѣ по трактамъ не найдешь.
- П. Чижевскій. Да говорятъ же вамъ не ложь!
Всѣхъ подорожныхъ не сочтешь!
Коляска скачетъ за каретой!
За городскою эстафетой
Легить изъ армии курьеръ,
Тутъ подкоморжій за курьеромъ,
Тутъ арендаржъ и офицеръ!
Тутъ панна вслѣдъ за офицеромъ!
- Антося и Лудвися. И день и ночь, судите вы,
Мы не выходимъ изъ упряжки;
И наши лошади бѣдняжки,
И мы — совсѣмъ безъ головы.

Юлія (*вслухъ*). Несной упрямецъ! съ нимъ не створишь; я уже моихъ людей разослалъ, чтобы какъ-нибудь на вольныхъ убраться. Представьте, съ самаго утра онъ меня проводить. То лошадей вовсе нѣтъ, а когда сказываютъ ему, что есть точно, видѣли ихъ въ стойлахъ, отговоркамъ конца нѣтъ: одна будто бы охромѣла, другая крива, третья вовсе безсильна, при послѣднемъ издыханіи, упряжки не въ порядкѣ, почтари въ разбродѣ! Между тѣмъ дочери его оглушаютъ страстными плаксивыми пѣснями... Вѣрьте мнѣ, онъ съ ними въ разговорѣ. Насъ здѣсь женить хотятъ.

Рославл. ст. (*расхохотавшись*). Какая мысль! а что? можетъ-быть. — Тестъ любезный, не быть бы тебѣ...

(*Антося и Лудвися, будто обиженные, подходятъ къ нему, и присядя поютъ*).

- Антося. Нѣтъ, это слишкомъ, признаюсь
И оставаться здѣсь напрасно. (*Уходитъ, присядя*).
- Лудвися. Я бѣшенныхъ, сударь, боюсь!
И съ вами быть ей-ей, опасно! (*Также уходитъ*).
- П. Чижевскій. Сердитесь вы наединѣ,
Но гнѣвъ сносить вашъ нѣтъ мнѣ слѣду! (*Уходитъ*).
- Рославл. ст. Иль тотчасъ дайте ѣхать мнѣ,
Иль всѣхъ я васъ путемъ дожду!

ЯВЛЕНІЕ 10-е. Рославлевъ и Юлія.

Юлія. Успокойтесь! мои люди все сдѣлаютъ, все достанутъ и мнѣ и вамъ. Я радъ, что могу служить собрату въ ровномъ горѣ, и черезъ полчаса мы покатымся каждый по своей дорогѣ, а, можетъ-быть, по одной и той же. — Вы куда?

Рославл. ст. Въ Петербургъ.

Юлія. А я отгуда!

Рославл. ст. Тамошній житель? Всегда или временно?

Юлія. Я тамъ служу въ гусарахъ.

Рославл. ст. Ахъ, Боже мой, такъ вы знаете Александра Рославлева,—онъ въ нихъ же служить?

Юлія. Товарищъ, другъ мой неразлучный, мы съ нимъ живемъ въ одной комнатѣ.

Рославл. ст. Онъ мой братъ родной.

Юлія. Неужели? какъ счастливо! Слѣдовательно, вы и мнѣ родной,—дайте себя обнять. — А знаете, какую было онъ глупость сдѣлать? мой другъ, вашъ братецъ чуть было не женился.

Рославл. ст. Чуть было? стало, опасность миновалась?

Юлія. Совершенно. Онъ уже вовсе объ этомъ не думает!

Рославл. ст. (въ сторону). Мои письма подѣйствовали. (Громко): Какъ я радъ встрѣчѣ съ вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержалъ меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвися. Что вамъ надобно? (Сестры входятъ).

Рославл. ст. Шампанскаго!

Антося. И! Какія прихоти! въ нашемъ мѣстечкѣ этакого вина не водится. Венгерскаго коли угодно?

Рославл. ст. Чего-нибудь! Что душу располагаетъ къ веселью! Скорѣе!

Юлія. Туда, въ цвѣтничекъ.

(Сестры уходятъ).

Рославл. ст. Расскажите мнѣ о братѣ, пожалуйста все, что знаете.

Юлія. Представьте себѣ — въ его лѣта жениться?

Рославл. ст. И на полкѣ, это всего опаснѣе.

Юлія. Почему же? Я самъ полякъ.

Рославл. ст. Нѣтъ! будьте справедливы, любовь къ отечеству въ сторону. Наши кокетки — ученицы передъ здѣшними.

Юлія. Быть такъ, но братецъ вашъ... ему совсѣмъ, было, голову вскружили, подговорили, заговорили, онъ уже готовъ былъ подъ вѣнецъ, но я заклиналъ имнемъ вашимъ, не зная васъ, и моею дружбою... онъ образумился; вы видите во мнѣ закоренѣлаго мизогина.

Рославл. ст. Закоренѣлаго? Вы еще очень молоды!

Юлія. Со дня моего рожденія твердъ, какъ камень, и не измѣняю моимъ правиламъ. Врагъ свадебъ и волокитства, томныхъ вздоховъ и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Если бы всѣ женщины какой-нибудь благодѣтельной чумою исчезли съ лица земли!..

Рославл. ст. Я бы не охнулъ.

Юлія. Я также.

Рославл. ст. Я ихъ терпѣть не могу!

Юлія. Я ихъ ненавижу!

Рославл. ст. Вѣчныя прихотницы безъ толку, ни капли здраваго смысла, ни шагу безъ видовъ, любезны сначала, но подъ конецъ докучливы.

Юлія. Самыя ничтожныя, бесполезныя! Дайте мнѣ руку, передадимъ такія же правила нашимъ дѣтямъ.

Рославл. ст. Я надѣюсь, что у меня ихъ никогда не будетъ!

Юлія. Тѣмъ лучше, заботъ меньше.

(Антося и Лудвися входятъ и подносятъ налитые стаканы).

Юлія. Стократъ счастливъ, кто разумъ свой

Не помрачилъ еще любовью,

Но вѣкъ проводить холостой, —
Я выпью за его здоровье.

Повѣрьте мнѣ, жена для насъ
Есть вѣчно почти мученье.
Женись лишь только — и какъ разъ
Родятся ревность, подозрѣнья.

Ахъ, то ли дѣло одному:
Его не мучить неизвѣстность,
Душѣ покой, просторъ уму,
И вѣчная почти безпечность!

Нравъ женщины имѣютъ злой,
Капризны, что не сладишь съ ними.
Чтобъ избѣжать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

*(Антося и Лудвися устанавливаютъ поднось съ бутылками въ
цѣтничкѣ и уходятъ).*

Юлія. Одна есть женщина въ свѣтѣ, которую я люблю по самой
родственной связи.

Рославл. ст. Одна уже нашлась; найдутся и болѣе!

Юлія. Нѣтъ! двухъ такихъ не бываетъ; она — сердца ангельскаго,
примѣрной добродѣтели.

Рославл. ст. О! онѣ всѣ ангелы! всѣ чудесно добродѣтельны! гдѣ же
твердость ваша? правила неизмѣнныя?

Юлія. Не ошибайтесь, рѣчь идетъ объ моей сестрѣ! Кроткое, не-
винное существо, и такъ же мало заботится объ насъ, какъ мы съ
вами. Братъ, отецъ, мать — вотъ кто ей наполняютъ душу. Здѣсь,
напримѣръ, давно ли мы остановились, и то не охотно, она уже
отыскала какого-то безгласнаго, разбитаго параличемъ, дряхлаго ста-
рика, всѣми брошеннаго, ухаживаетъ за нимъ, бережетъ его и бла-
гословляетъ случай, который задержалъ насъ здѣсь, подавая ей
добро творить, между тѣмъ какъ мы съ вами отъ этого случая готовы
лопнуть съ досады. *(Антося вбѣгаетъ).*

Антося. Васъ сестрица зоветъ, крайняя нужда!

Юлія. Сейчасъ.

Антося *(ей на ухо)*. Вашъ мужъ что-то по васъ беспокоится.

Юлія. Иду, я скоро ворочусь къ вамъ.

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Рославл. ст. *(одина)*. Братъ сестру хвалить, видить въ ней совер-
шенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тутъ нѣтъ при-
страстія? Однако, онъ поселилъ во мнѣ сильное любопытство... Что,
кабы попытаться познакомиться съ пригожей незнакомкой?.. Приго-
жею? — это еще неизвѣстно, но то вѣрно, что между мною и старымъ
паралитикомъ она бы не долго колебалась. Разумѣется, все бы кон-
чилось шуткою, потому что я отнынѣ впредь и навсегда, благодаря
принятому намѣренію, объ женщинахъ слышать не хочу, да и спѣ-
шить некуда. Повѣса Александръ не женится, что-жь попробуемъ?
И я многимъ нравился... *(огораживается передъ зеркаломъ)*, ко-
нечно не столько, сколько бы хотѣлось, а пуще всего недолго!

Рослав. ст. Въ Петербургъ.

Юлія. А я оттуда!

Рослав. ст. Тамошній житель? Всегда или временно?

Юлія. Я тамъ служу въ гусарахъ.

Рослав. ст. Ахъ, Боже мой, такъ вы знаете Александра Рославлева, — онъ въ нихъ же служитъ?

Юлія. Товарищъ, другъ мой неразлучный, мы съ нимъ живемъ въ одной комнатѣ.

Рослав. ст. Онъ мой братъ родной.

Юлія. Неужели? какъ счастливо! Слѣдовательно, вы и мнѣ родной, — дайте себя обнять. — А знаете, какую было онъ глупость сдѣлать? Мой другъ, вашъ братецъ чуть было не женился.

Рослав. ст. Чуть было? стало, опасность миновалась?

Юлія. Совершенно. Онъ уже вовсе объ этомъ не думаетъ!

Рослав. ст. (въ сторону). Мои письма подѣйствовали. (Громко): Какъ я радъ встрѣчъ съ вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержалъ меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и Лудвиса. Что вамъ надобно? (Сестры входятъ).

Рослав. ст. Шампанскаго!

Антося. И! Какія прихоти! въ нашемъ мѣстечкѣ этакого вина не водится. Венгерскаго коли угодно?

Рослав. ст. Чего-нибудь! Что душу располагаетъ къ веселью! Скорѣе!

Юлія. Туда, въ цвѣтничекъ. (Сестры уходятъ).

Рослав. ст. Разкажите мнѣ о братѣ, пожалуйста все, что знаете.

Юлія. Представьте себѣ — въ его лѣта жениться!

Рослав. ст. И на полькѣ, это всего опаснѣе.

Юлія. Почему же? Я самъ полякъ.

Рослав. ст. Нѣтъ! будьте справедливы, любовь къ отечеству въ сторону. Наши кокетки — ученицы передъ здѣшними.

Юлія. Быть такъ, но братецъ вашъ... ему совсѣмъ, было, голову вскружили, подговорили, заговорили, онъ уже готовъ былъ подъ вѣнецъ, но я заклиналъ именемъ вашимъ, не зная васъ, и моею дружбою... онъ образумился; вы видите во мнѣ закоренѣлаго мизогина.

Рослав. ст. Закоренѣлаго? Вы еще очень молоды!

Юлія. Со дня моего рожденія твердъ, какъ кремь, и не измѣняю моимъ правиламъ. Врагъ свадебъ и волокитства, томныхъ вздоховъ и пѣжныхъ поцѣлуевъ. Если бы всѣ женщины какой-нибудь благодѣтельной чумою исчезли съ лица земли!..

Рослав. ст. Я бы не охнулъ.

Юлія. Я также.

Рослав. ст. Я ихъ терпѣть не могу!

Юлія. Я ихъ ненавижу!

Рослав. ст. Вѣчныя прихотницы безъ толку, ни капли здраваго смысла, ни шагу безъ видовъ, любезны сначала, но подъ конецъ докучливы.

Юлія. Самыя ничтожныя, бесполезныя! Дайте мнѣ руку, передадимъ такія же правила нашимъ дѣтямъ.

Рослав. ст. Я надѣюсь, что у меня ихъ никогда не будетъ!

Юлія. Тѣмъ лучше, заботъ меньше.

(Антося и Лудвиса входятъ и подносятъ налитые стаканы).

Юлія. Стократъ счастливъ, кто разумъ свой

Не помянулъ еще любовью,

Рослав. ст. А названіе составовъ и способъ составленія и мѣра приѣмовъ по-латыни?

Юлія. Я умѣю по-латыни.

Рослав. ст. А драхмы, унціи и ихъ дробѣ?

Юлія. Всѣхъ, какъ всѣхъ, я по необходимости его знаю: матушка цѣлый годъ была больна; впрочемъ, это знаніе такъ не трудно, что не чѣмъ хвастать. Пожалуйста, пришлите вашъ лицикъ.

Рослав. ст. Сію минуточку. *(Въ дверяхъ)*: Сколько познаній и не выказываетъ ихъ и не дорожить ими! *(Ворочается)*: Я готовъ не только быть у васъ въ полномъ подданствѣ на услугахъ, но разсыпаться всюду и за всякой всячиной вамъ въ угодность только!

Юлія. Что вы хотите сказать?

Рослав. ст. *(Въ сторону)*. Куда дѣвалась моя дерзость? *(Вслухъ)*: Не теперь, но когда удастся мнѣ вамъ сдѣлать угодное, когда вы убѣдитесь, что и я не безъ добродушія, не безъ состраданія; осмѣлюсь-ли...

Юлія. Чего? скажите!

Рослав. ст. Поцѣловать васъ въ знакъ дружбы.

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ
Во мнѣ простылъ горячій слѣдъ,
И поцѣлуевъ непорочныхъ
Теперь мнѣ сладостнѣе нѣтъ.
Меня не страсти пылъ волнуетъ,
Умѣлъ я чувства обуздаты,
И васъ хочу поцѣловать,
Какъ братъ сестру свою цѣлуетъ.

Юлія. На такой поцѣлуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени... почему мнѣ не поцѣловать васъ? Я готова обнять добраго человѣка, только не мѣшкайте, бѣгите, принесите. Почему не обнять васъ за доброе дѣло?

Рослав. ст. Невинна какъ ребенокъ! *(Уходитъ)*.

Юлія. *(Смотритъ вслѣдъ ему, потомъ въ окно)*. Ушелъ! Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Юлія, Антося и Лудвися *(ведутъ Юлію мужа, укутаннаго въ видѣ больного, зонтикъ на глазахъ, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляетъ и лобуется)*.

Антося.

Лудвися.

Каковъ скажите нашъ больной?

Кто въ этой смерти подвижной

Больной онъ новаго покроя!

Найдесть гусарскаго героя?

Антося. Болѣзней всѣхъ образчикъ онъ!

Лудвися. Вотъ предисловіе похоронъ!

Антося. Слѣпой, разслабленный, недужный,
Онъ дышетъ будто съ горяча...

Лудвися. Но тѣмъ болѣзнь ему съ плеча,
Что въ ней врачи ему не нужны!

Рослав. мл. *(слабымъ голосомъ)*. Капель, микстуру, сиропъ! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлія. Шалунъ, ты уже не забудься при любезномъ братцѣ! Пожалуйста, будь смиренъ, и не подавай ни малѣйшаго знака жизни.

Рослав. мл. Уговоръ лучше денегъ: я не гожусь въ параличные;

хочешь лучше напущу на себя бѣлую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата въ сторону, тебя въ другую, самъ на стѣну...

Юлія. Не дураться, мой милой, ты все испортишь, а коли тебѣ непремѣнно движеніе нужно, видѣлъ ты здѣсь креслицы? Хочешь я тебѣ усажу въ нихъ и стану прокатывать изъ компаты въ комнату?

Рослав. мл. Сажай, вези!

Юлія. Ну, пойдемъ. (*Уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Антося, Лудвися, Рославлевъ старшій и П. Чижевскій.

Рослав. ст. А, милья, вы здѣсь, какъ я радъ, что васъ вижу!

Антося (*въ сторону*). Нашъ дикарь становится кажется обходительнѣе.

Лудвися. Мы отъ васъ бѣгали, боялись вамъ на глаза попасть; вы такіе сердитые!

Рослав. ст. А ужъ вы и приняли за строгую истину мои тогдашнія шутки! Какъ вамъ не стыдно? а скажите мнѣ, гдѣ проѣзжая дама?

Антося. Она тотчасъ будетъ.

П. Чижевскій. У нея нѣтъ минуты свободной, все время посвящено у нея на разумныя дѣла.

Рослав. ст. Да, кажется мнѣ, что вы объ ней знаете: извѣстны-ль вамъ обстоятельства ея жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вамъ не можемъ о ней:

Все, что знаемъ, слушайте!

Она другъ сирымъ и убогимъ.

Антося. Она благотворить, шутя!

Она невинностью дитя!

Она мудрецъ разсудкомъ строгимъ!

П. Чижевскій. Она благое существо,

Въ ней человѣческаго мало...

Рослав. ст. Да, въ этомъ женскомъ дивѣ, стало,

Ужъ женскаго нѣтъ ничего!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же и Юлія (*въ мужскомъ костюмѣ*).

Рослав. ст. А! любезный мизогинъ, откуда? а я безъ васъ сдѣлалъ здѣсь прятнѣйшее знакомство!

Юлія. Поздравляю съ доброй вѣстью: мало-по-малу лошади собираются, и мы скоро отправимся!

Рослав. ст. Поздравьте лучше меня съ тѣмъ, что я видѣлъ вашу сестрицу и говорилъ съ ней.

Юлія. Правду сказать, слуга у меня препроворный и въ дорогѣ—кладъ: въ минуту избѣгалъ мѣстечко, переколотилъ всѣхъ жидовъ...

Рослав. ст. Какъ сестрица ваша похожа на васъ; но признаюсь, не сердитесь—черты однѣ, а миловидности въ ней гораздо болѣе.

Юлія. Уступая охотно! Я право не приревную къ ней! Панъ Чижевскій, посмотрите, вѣрно уже все изготовлено?

П. Чижевскій. Разазъ, ясновельможный капитане! (*Уходитъ*).

Юлія. Что у васъ за ларчикъ? не казна-ли ваша?

Рослав. ст. Нѣтъ! но на эту пору дороже всякаго сокровища: сестрѣ вашей нужны лекарства, и я принесъ ей свою дорожную аптеку. (*Хочетъ идти*). Нельзя-ли мнѣ съ вами пойти къ ней и отнести.

Юлія. О, нѣтъ, подождите. Вы знаете, что къ молодымъ барыш-

Рославл. ст. А названіе составовъ и способъ составленія и мнѣ пріемовъ по-латыни?

Юлія. Я умѣю по-латыни.

Рославл. ст. А драхмы, унціи и ихъ дробь?

Юлія. Вѣсь, какъ вѣсь, я по необходимости его знаю: матушка пѣлый годъ была больна; впрочемъ, это знаніе такъ не трудно, что чѣмъ хвастать. Пожалуйста, пришлите вашъ лядякъ.

Рославл. ст. Сію минуту. *(Въ дверяхъ)*: Сколько познаній и не выказываетъ ихъ и не дорожить ими! *(Ворочается)*: Я готовъ не только быть у васъ въ полномъ подданствѣ на услугахъ, но разсыпаться всюду и за всякой всячиной вамъ въ угодность только!

Юлія. Что вы хотите сказать?

Рославл. ст. *(Въ сторону)*. Куда дѣвалась моя дерзость? *(Вслухъ)*: Не теперь, но когда удастся мнѣ вамъ сдѣлать угодное, когда вы убѣдитесь, что и я не безъ добродушія, не безъ состраданія; осмылюсь-ли...

Юлія. Чего? скажите!

Рославл. ст. Поцѣловать васъ въ знакъ дружбы.

Восторговъ бурныхъ и непрочныхъ
Во мнѣ простылъ горячій слѣдъ,
И поцѣлуевъ непорочныхъ
Теперь мнѣ сладостнѣ нѣтъ.
Меня не страсти пылъ волнуешь,
Умѣлъ я чувства обуздывать,
И васъ хочу поцѣловать,
Какъ братъ сестру свою цѣлуешь.

Юлія. На такой поцѣлуи и я согласна. Идите, сударь, торопите-ся не теряйте времени... почему мнѣ не поцѣловать васъ? Я готова нять добраго человѣка, только не мѣшайте, бѣгите, принесите. Почему не обнять васъ за доброе дѣло?

Рославл. ст. Невинна какъ ребенок!

(Уходитъ).

Юлія. *(Смотритъ вслѣдъ ему, потомъ въ окно)*. Ушелъ! Войдите!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Юлія, Антося и Лудвися *(ведутъ Юлію мужа, укутаннаго видъ больного, зонтикъ на глазахъ, все лицо почти закрыто лотенцами, жена около его старается, поправляетъ и лобуетъ)*.

Антося.

Лудвися.

Каковъ скажите нашъ больной?

Кто въ этой смерти подвижной?

Больной онъ новаго покроа!

Найдеть гусарскаго героя?

Антося. Болѣзней всѣхъ образчикъ онъ!

Лудвися. Вотъ предисловіе похоронъ!

Антося. Слѣпой, разслабленный, недужный,
Онъ дышетъ будто съ горяча...

Лудвися. Но тѣмъ болѣзнь ему съ плеча,
Что въ ней врачи ему не нужны!

Рославл. мл. *(слабыицимъ голосомъ)*. Капель, микстуру, сиропъ! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлія. Шалунъ, ты уже не забудься при любезномъ братцѣ! Пожалуйста, будь смиренъ, и не подавай ни малѣйшаго знака жизни.

Рославл. мл. Уговоръ лучше денегъ: я не гоажусъ въ параличъ!

хочешь лучше напущу на себя бѣлую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата въ сторону, тебя въ другую, самъ на стѣну...

Юлія. Не дурачься, мой милой, ты все испортишь, а коли тебѣ непременно движеніе нужно, видѣлъ ты здѣсь креслицы? Хочешь я тебѣ усажу въ нихъ и стану прокатывать изъ компаты въ комнату?

Рослав. мл. Сажай, вези!

Юлія. Ну, пойдѣмъ. (*Уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Антося, Лудвися, Рославлевъ старшій и П. Чижевскій.

Рослав. ст. А, милыя, вы здѣсь, какъ я радъ, что васъ вижу!

Антося (*въ сторону*). Нашъ дикарь становится кажется обходительнѣе.

Лудвися. Мы отъ васъ бѣжали, боялись вамъ на глаза попасть; въ такіе сердитые!

Рослав. ст. А ужъ вы и приняли за строгую истину мои тогдашнія шутки! Какъ вамъ не стыдно? а скажите мнѣ, гдѣ проѣзжая дама?

Антося. Она тотчасъ будетъ.

П. Чижевскій. У нея нѣтъ минуты свободной, все время посвящено у нея на разумныя дѣла.

Рослав. ст. Да, кажется мнѣ, что вы объ ней знаете: извѣстны-ль вамъ обстоятельства ея жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вамъ не можемъ о ней:

Все, что знаемъ, слушайте!

Она другъ сирымъ и убогимъ.

Антося. Она благотворить, шутя!

Она невинностью дитя!

Она мудрецъ разсудкомъ строгимъ!

П. Чижевскій. Она благое существо,

Въ ней человѣческаго мало...

Рослав. ст. Да, въ этомъ женскомъ дивѣ, стало,

Ужъ женскаго нѣтъ ничего!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ же и Юлія (*въ мужскомъ костюмѣ*).

Рослав. ст. А! любезный мизогинъ, откуда? а я безъ васъ сдѣлалъ здѣсь пріятнѣйшее знакомство!

Юлія. Поздравляю съ доброй вѣстью: мало-по-малу лошади собираются, и мы скоро отправимся!

Рослав. ст. Поздравьте лучше меня съ тѣмъ, что я видѣлъ вашу сестрицу и говорилъ съ ней.

Юлія. Правду сказать, слуга у меня препроворный и въ дорогѣ—кладъ: въ минуту избѣгалъ мѣстечко, переколотилъ всѣхъ жидовъ...

Рослав. ст. Какъ сестрица ваша похожа на васъ; но признаюсь, не сердитесь—черты однѣ, а миловидности въ ней гораздо болѣе.

Юлія. Уступаю охотно! Я право не приревную къ ней! Панъ Чижевскій, посмотрите, вѣрно уже все изготовлено?

П. Чижевскій. Заразъ, ясновельможный капитане! (*Уходитъ*).

Юлія. Что у васъ за ларчикъ? не казна-ли ваша?

Рослав. ст. Нѣтъ! но на эту пору дорожке всякаго сокровища: сестрѣ вашей нужны лекарства, и я принесъ ей свою дорожную аптеку. (*Хочетъ идти*). Нельзя-ли мнѣ съ вами пойти къ ней и отнести.

Юлія. О, нѣтъ, подождите. Вы знаете, что къ молодымъ барыш-

нямъ и знатнымъ барамъ входить безъ доклада не можно; дайте мнѣ предварить ее. *(Въ сторону)*: Побѣда наша!

Рославл. ст. *(Оттираетъ вицки и осматриваетъ его снизу)*.

Антося. Какъ любовь бывала дѣкаръ,
Свѣтъ ужъ видывалъ не разъ,—
А теперь, она аптекаръ:
Часа вѣтъ ей безъ проказъ!

Лудвися. Но отъ насъ онъ не уѣдетъ:
Мы, его подкарауля,
Скажемъ такъ же въ свой чередъ,—
Вотъ и вамъ, сударь, пляюля. *(Объ уходятъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Рославл. ст. *(одинъ)*. Однако и съ моимъ дарчикомъ въ ожиданіи ея прихода очень похожъ становлюсь на дамскаго угодника. Было время, и это не такъ давно, прежде нежели я отказался отъ любви навсегда... но признаюсь три мѣсяца тому назадъ, встрѣча съ нею могла бы сильно на меня подѣйствовать. Теперь я безопасенъ, хладнокровенъ, рѣшилъ ничего не чувствовать. Но гдѣ же она и что такъ долго медлитъ? и отчего мнѣ такъ хочется опять ее видѣть? Это ничего не значитъ, новость, приключеніе.—Ахъ! Вотъ она!

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Рославлевъ старшій, Рославлевъ младшій *(въ видѣ больного въ тельняжкѣ)*, Юлія *(развозитъ его по цѣтнику)*.

Рославл. ст. Какія заботы! Какъ она усердно хлопочетъ около этого бездушнаго, недвижимаго старика. *(Обращаясь къ ней)*: Я принесъ обѣщанное, и давно жду васъ.

Юлія. *(Приблизъ къ нему изъ цѣтника)*. Дайте сюда, разберемте вмѣстѣ, я вамъ много обязана, я вамъ очень много благодарна.

Рославл. ст. Я вамъ во сто разъ болѣе... Нынѣшній день, напримѣръ, думаль-ли (я) быть на что-нибудь годнымъ, но вы вдохнули въ меня ту-же страсть къ добру, которая васъ одушевляетъ, и я на все хорошее способенъ.

Юлія. Коли такъ, повозите больнаго, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославл. ст. О! хоть отсюда до Петербурга на себѣ, на моихъ плечахъ. *(Идетъ и останавливается, задумавшись)*.

Ручаться можно-ли за что?
Нашъ умъ—ужасный своенравецъ;
Давно-ль мной было принято
Намбренье—не звать красавицъ?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бѣжитъ въ цѣтники и везетъ тельняжку съ больнымъ).

Юлія. *(Смотря на него)*. Чего-жъ мы съ мужемъ пугались! Онъ очень послушливъ, возить и не жалуется.

Рославл. ст. *(Довезши до Юліи, останавливается; она оттираетъ аптеку, онъ поетъ)*.

Вашъ лазаретъ я прикатаю;
Пушусь опять, коли то надо,
Лишь только-бы увѣренъ быть,

Что не замедлите наградой!
 Что не замедлите наградой!
 Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!
 Лишь только-бъ я вамъ угодилъ!

Юлія. Лишь только... что вы говорите?

Рослав. ст. Лишь только-бъ я вамъ угодилъ. Скажите, что вамъ нужно, я достаточно имѣю навыкъ въ этихъ травахъ, порошкахъ, элексирахъ, и можетъ быть скорѣе выберу то, что требуется.

Юлія. Какое-нибудь легкое средство къ возбужденію испарины.

Рослав. ст. Дайте, примусь за дѣло. *(Что-то высипаетъ, растворяетъ водою, мѣшаетъ ложкою въ стаканъ, между тѣмъ продолжаетъ разговоръ)*: Давно-ли вы посвятили ваши вѣжныя старанія этому старику.

Юлія. Недавно.

Рослав. ст. Онъ вамъ родственникъ?

Юлія. Нѣсколько.

Рослав. ст. Нѣтъ, отъ меня не кройтесь, я все знаю, онъ вамъ чужой, совершенно чужой. Вы нынче въ первый разъ его увидѣли, здѣсь наши нечаянно, и ваши заботы объ немъ тѣмъ болѣе заставляютъ удивляться.

Юлія. Не дивитесь, это дѣлается не по разсудку, но по чувству состраданія; оно скоро вспыхнетъ, и скорѣй того остываетъ. Завтра, можетъ быть, я не съ такимъ рвеніемъ попекусь объ этомъ недужномъ, и, видите-ли, нынѣшній мой подвигъ превратится въ ничто. Извѣдайте постоянно въ добрыхъ дѣлахъ, и тогда только называйте человека добродѣтельнымъ. *(Между тѣмъ отправляетъ больного)*.

Рослав. ст. Какъ мило она отклоняетъ отъ себя все, что на дѣсть похоже. Вотъ растворъ готовъ, онъ очень полезенъ. Ужасно противенъ вкусу, но во всякомъ случаѣ безвреденъ. *(Подноситъ Рославеву младицу, тотъ машетъ рукой, что не хочетъ)*.

Юлія. Не понуждайте его, онъ не хочетъ, будетъ время послѣ.

Рослав. ст. Какъ вамъ угодно; однако, какая у него здоровая рука!

Юлія. Это идропическая пухлость, въ лицѣ онъ совершенно усохъ.

Рослав. ст. Лицо его слишкомъ увязано, ему душно, я его немного освобожу отъ этихъ свивальниковъ.

Юлія. *(Торопливо удерживая его)*. Оборони Боже, не дѣлайте того; малѣйшее неосторожное прикосновеніе произведетъ въ немъ жестокую боль. Одинъ лучъ дневнаго свѣта, какъ остріе ножа, глаза ему колеть.

Рослав. ст. *(Отшедши смотритъ на больного издали)*. Передвижная мумія, одною ногою уже въ гробѣ, а придется позавидовать жребію подобныхъ ему жалкихъ существъ! Для нихъ только вы имѣете душу пламенную, всѣ прочіе вамъ чужды.

Когда въ васъ сердце признаетъ
 Права священныя несчастья,
 Когда къ страдалцу васъ влечетъ
 Порывъ вѣжнѣйшаго участія,—
 Ужель могли-бъ вы не внимать
 Души тоскующей взыванью?
 Ужель могли-бъ не сострадать
 Отъ васъ рожденному страданью?

Ахъ нѣтъ, несчастливый не тотъ,
 Кто бѣдность получилъ въ наслѣдство,

Недужнымъ помощь подаетъ
Искусства быстрое посредство;
Но намъ дано мученье знать,
Гдѣ слѣдъ одинъ есть къ упованью,
Гдѣ тотъ лишь можетъ сострадать,
Кто самъ виною былъ сграданью.

* * *

Будьте искренны, — если бы человѣкъ, не старикъ, не тягчимый болѣзнями, но добрый, въ цѣлѣ лѣтъ, полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ, преданный во власть вашу безусловно, въ васъ бы поставилъ одну свою отраду, цѣль жизни и все свое блаженство, неужли бы вы ему въ пользу не склонились ниже къ малѣйшей взаимности?

Юлія. Отчего же нѣтъ; но во-первыхъ, онъ бы не долженъ быть русскимъ!

Рослав. ст. Не русскимъ? кѣмъ-же?

Юлія. Насъ, вывѣзжихъ изъ Польши, не любить въ вашей Россіи!

Рослав. ст. Напротивъ: мужчины, мы всё боготворимъ васъ.

Юлія. Свѣтъ не изъ однихъ мужчинъ составленъ, ваши дамы...

Рослав. ст. О! Не думайте объ нихъ. Вы единственны, не бойтесь моихъ словъ, вѣрьте имъ, они изъ глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вамъ высказать все то, что я теперь чувствую! *(Осыпаетъ ее поцѣлуями).*

Рослав. мл. Онъ нецелуемъ пристааетъ!

Рослав. ст. Вольной простоналъ что-го.

Юлія. Онъ просится къ себѣ, ему назадъ пора. *(Юлія идетъ къ болному).*

Рослав. ст. Неужели мы разтаемя? О! я за вами всюду! Не правда-ли, вы позволите мнѣ за вами слѣдовать?

Юлія. Я вамъ не запрещаю!

Рослав. ст. *(Отнимаетъ у нея колясочку).* Нѣтъ, ужъ это мое дѣло; покуда мы вмѣстѣ, я буду возить больнаго; любовь съѣла на козлы и править.

(За кулисами слышенъ—хоръ).

Любить обновы
Мальчикъ Эроть!

(Въ цвѣтникахъ появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графскіе и самъ хозяинъ. Шумятъ, поютъ и пляшутъ, всѣ бѣгутъ навстрѣчу идущему (?) графу).

Рослав. ст. Какая ярмонка! Что вы съ ума сошли?

Юлія. Пусть ихъ тѣшатся, оставьте ихъ повольничать, пожалуйста для меня!—У нихъ нынче праздники!

Рослав. ст. *(Уходитъ съ Юліей и увозитъ болнаго).* Веселитесь, и я веселъ.

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Панъ Чижевскій, писаржъ, Антося, Лудвися, Андрей—слуга
Рославлева ст. (и прочіе).

Хоръ.

Мазурка Краковская.

Любить обновы
Мальчикъ Эроть,

Что сердце наше будет цѣло,
Хоть стрѣлъ его опаснѣй нѣтъ!
Пускай летаетъ онъ, гдѣ захочетъ,
Чтобы поранить какъ-нибудь,
Для насъ напрасно онъ хлопочетъ—
Ему мы скажемъ: добрый путь!

Рослав. ст. Стойте за себя, я ни за что не отвѣчаю. Добрый путь! Вы великій импровизаторъ! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывають иногда важнѣе года въ судьбѣ человѣка, рѣшаютъ ее на всю жизнь, и самыя твердыя, неломкія намѣренія разбиваются вдребезги, какъ дѣтскія игрушки! Прахъ и дымъ—все наше мужество. Еще два слова объ вашей сестрѣ.

Неужели никогда въ ней кровь
Въ часъ мысли не была въ волненья?
Ужель не знаетъ, что любовь,
Что сердца трепеть, восхищенье?

Или въ невинной простотѣ
Любовь по слуху только знаетъ,
И въ полной блеска красотѣ,
Какъ нѣжна роза расцвѣтаетъ?

Ахъ, точно-ль для ея души
Еще счастливецъ не сыскался,
Который счастья бѣ въ тиши
Любви блаженствомъ наслаждался?

Ахъ! нѣтъ,—онъ вѣрно, вѣрно есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нѣтъ, не моей душѣ процвѣсть:
Любовь, блаженство, радость съ вами!

Юлія. Давеча я съ перваго свиданія съ вами не могъ предаться совершенной искренности. Теперь выведу васъ изъ заблужденія: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Рослав. ст. Къ кому? какъ? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстеръ, лошадей!.. во всемъ обманъ и неудача! Подъ какимъ рожденъ я несчастнымъ созвѣздіемъ!

Юлія. Будьте терпѣливы, дайте все до конца открыть вамъ; но пуще не перебивайте меня ни въ одномъ словѣ.

Рослав. ст. Ахъ, чѣмъ вы меня успокоите? Говорите!

Юлія. Не знаю, съ чего начать вамъ рассказъ, истинный, но едва вѣроятный; не знаю, какъ онъ на васъ подѣйствуетъ, съ трудомъ рѣшаюсь; конечно, судьба этого хотѣла: мы не даромъ съ вами здѣсь встрѣтились.

Рослав. ст. Какое таинственное начало!

Юлія. На пути отъ Люблина въ Краковъ, стоитъ замокъ ветхій, брошенный богатыми владѣльцами; Юлія, дѣвушка имъ съ родни, оставалась дома съ пожилою наставницею; здѣсь она проводила большую часть времени: посѣщала хижины поселянъ, пользовала недужныхъ, утѣшала скорбныхъ. Она сама рано познала сиротство, и своєю печалію научилась раздѣлять ее вчуждѣ. Такъ текли годы, наступила пора непреодолимаго любопытства, желанья видѣть свѣтъ; родственники, друзья покойныхъ отца и матери, приглашали ее въ Варшаву;

она къ нимъ отправилась. Столица королевства закипѣла тогда новою жизнью: въ ней толпилось множество вашихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нихъ по крайней мѣрѣ для прїѣзжей Юліи казался замѣтнѣе прочихъ, она его слишкомъ замѣтила, онъ былъ прїятель, имѣлъ очаровательный голосъ. Онъ искусно игралъ на гитарѣ, а объяснялся еще лучше.

Рослав. ст. Ахъ, Боже мой! ужъ это не я ли?

Юлія. (*Въ сторону*). Вотъ не самолюбивъ! (*Громко*). Вы, конечно.

Рослав. ст. Продолжайте, продолжайте, да какъ же я объ этомъ ничего не зналъ.

Юлія. И какъ вамъ знать! Зачѣмъ однако вы меня перебили? я просилъ васъ дотерпѣть до развязки.

Рослав. ст. Могъ ли я выдержать? Продолжайте ради Бога, продолжайте!

Юлія. (*Въ сторону*). Потеряла всю нить, какъ сведу, сама не знаю. (*Громко*): Вы тогда кружились въ шумныхъ веселостяхъ, могли ли замѣтить смиренную провинціальную дѣвушку, и которая можетъ быть не смѣла равняться красотой съ вашими знакомыми, въ обществахъ старалась отдалиться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тѣхъ, которыя себя выставляли — она была стыдлива, слѣдственно, по вашему, робкая невинность васъ бы самихъ обрѣсть заставила. Наконецъ она васъ любила, а вы безъ примѣчанія проходили мимо той, въ чьей груди единственно вами билось сердце живѣйшимъ безкорыстнѣйшимъ чувствомъ.

Рослав. ст. Ахъ! это самая истина; я только тѣмъ и занимался, которыя обманывали меня. — Но почему все это вамъ извѣстно, неужели эта Юлія, ангелъ на землѣ, сестра ваша?

Юлія. (*Обрасываятъ съ себя конфедератку и шинель*). Я сама!

Рослав. ст. Боже мой! Какое превращеніе!

Юлія. Вотъ уже мѣсяць, какъ я изъ Варшавы отъ васъ и отъ самой себя бѣжала. Здѣсь мнѣ понравилось, здѣсь я никому неизвѣстна, стараюсь припомнить то время, когда душевное свое спокойствіе употребляла на успокоеніе другихъ. Ахъ! другимъ хорошо; но мнѣ гдѣ найти утѣшеніе? Прочихъ тайнъ моихъ вамъ кажется открывать нечего: я отъ вашего передоваго узнала, что вы куда будете, схватила за первый способъ, который мнѣ вообразился, чтобы видѣть васъ и говорить съ вами подъ чужимъ именемъ. Теперь я все объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это былъ — послѣдній нашъ разговоръ, послѣднее свиданіе.

Рослав. ст. Какъ! чтобъ мнѣ съ вами разстаться! едва вѣрю всему, что слышу... я внѣ себя, я въ восторгѣ; нѣтъ, нѣтъ... я васъ не пущу, сударыня!

Слуга. (*Входитъ*). Лошади готовы.

Рослав. ст. Убирайся! пошелъ вонъ! Ахъ! повторите... мнѣ еще разъ объ любви вашей, мною вовсе незаслуженной, и не говорите о разставаньи.

П. Чижевскій. (*Входитъ*). Ясновельможный...

Рослав. ст. Будь проклятъ, и оставь насъ однихъ!

Юлія. Я вамъ повторяю; мы болѣе не увидимся. Иначе, какое же вамъ ручательство, что я не одна изъ тѣхъ кокетокъ, которыя на все отвѣчиваются для достиженія цѣли?

Рослав. ст. Я... чтобъ смѣлъ приравнять васъ... (*Входятъ жиды-музыканты и гудятъ какой-то танецъ*). Тсъ! Вотъ вамъ деньги;

послѣ, послѣ я васъ позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! (*Бросаетъ имъ червонецъ*). Нѣтъ, прекрасная Юлія, мы теперь соединимся навсегда. (*Юлія старается отъ него освободиться. Онъ бросается на колѣни и въ такомъ положеніи слѣдуетъ за нею до самаго цѣпника*).

Юлія. Или вы побѣжайте, или я скроюсь отсюда туда, гдѣ никто меня не слышитъ.

Рослав. ст. Нѣтъ! нѣтъ! (*Антося и Лудвися входятъ*).

Антося. Этакое презрѣніе къ нашему полу!

Лудвися. На колѣняхъ всю комнату избѣдиль!

Рослав. ст. Оставьте насъ; вамъ будетъ праздникъ, только послѣ, идите!

Рослав. мл. (*Въ видѣ больного треплетъ его сзади по плечу*).

Рослав. ст. (*Вскрикиваетъ*). Что это! больной на ногахъ! мертвецы воскресаютъ.

Рослав. мл. (*Обрасываетъ съ себя одежду*). Узнаешь-ли?

Рослав. ст. Братъ?

Рослав. мл. Какъ видишь, и вотъ моя жена, рекомендую!

Рослав. ст. Какое дьявольское сплетеніе!

Антося. Что каково свели концы?

Вотъ съ полками быть въ ссорѣ!

Лудвися. Напрашиваясь въ мудрецы,

Вы назвали на смѣхъ и горе.

П. Чижевскій (*клянясь*).

Позволите-ль и мнѣ при томъ

Сказать, ясновельможный, слово:

Какъ васъ доѣхали путемъ,—

И вамъ въ путь ѣхать все готово!

Рослав. ст. Какъ я былъ глупъ! о, какъ я былъ глупъ! Однако, если дался ей въ обманъ на полчаса, любезный братъ, тебѣ эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рослав. мл. Не безпокойся, я самъ хотѣлъ, самъ и отвѣчаю. Куда же мы? Въ Варшаву? или въ Петербургъ?

Рослав. ст. Къ вамъ и какъ можно скорѣй, съ прекрасной Юліей!.. А можетъ быть имя вымышленное, все равно: съ твоей женой! Знакомиться намъ нечего, мы, кажется, довольно подружались.

П. Чижевскій. Ясновельможный! позвольте намъ позвать нашихъ музыкантовъ и плясуновъ, которыхъ вы давеча прогнали? Мы хотимъ окончить наше веселье.

Рославлевъ ст. Дѣлайте что хотите, теперь я готовъ ждать лошадей хоть трое сутокъ!

Рославлевъ мл. Прекрасно: теперь мы всѣ довольны, вивать!

Рослав. мл. Наши замыслы всѣ шатки,
Наша мудрость вся туманъ,
Вѣчно люди будутъ падки
И къ обманамъ, и въ обманъ.
Если жъ и съ женой моею
Мнѣ обманъ въ участокъ данъ,

(bis.) { То признайтесь, что имѣю
Въ ней хорошенькій обманъ.

Лудвися. Бойтесь, намъ твердятъ изъ дѣтства,—
Бойтесь вы сердечныхъ ранъ,

- Отъ мужчины ждите бѣдства,—
 Онъ обманщикъ и тиранъ!
 'Знать обману—жребій жалкій!
 Но влачить дѣвичій санъ
 (bis.) { Для старѣющей весталки—
 Вотъ несноснѣйшій обманъ!
- П. Чижевскій. Янъ, какъ братъ нашъ, безъ таланта
 Сталъ спѣсивъ, какъ Болдыханъ;
 Если вѣрить баснямъ Яна,
 То съ умомъ и съ деньгой Янъ!
 Но повѣрь его заранѣ,
 Взвѣсь и мозгъ въ немъ, и жупанъ,
 (bis.) { То въ болванѣ и карманѣ
 Ты найдешь пустой обманъ.
- Андрей. Я въ зѣвалахъ мастеръ ловкій,
 Я зѣваю трезвъ и пьянъ;
 Но, зѣвая безъ споровки,
 Можно вызѣвать изъянъ.
 Разъ на винахъ и на жлудяхъ
 Прозѣвалъ я свой карманъ...
 (bis.) { Зазѣвайся въ добрыхъ людяхъ
 И тотчасъ попалъ въ обманъ.
- Рославл. ст. Заживо гляжу въ потомки!
 «Я на пиръ безсмертья званъ!»
 Вопить Вралькинъ, такъ же громкій
 И пустой, какъ барабанъ.
 Счастливъ онъ, пока съ нимъ бродитъ
 Самолюбіе—дурманъ;
 (bis.) { Но вралей однихъ-ли вводитъ
 Самолюбіе въ обманъ?
- Юлія (*зрителямъ*). Хотъ невинный и безвредный
 Мною выдуманъ романъ,
 Но сколь часто—авторъ бѣдный
 Для ушей чужихъ тиранъ!
 Вѣчно гордъ, самолюбивый,
 Всѣмъ доволенъ шарлатанъ!—
 (bis.) { Судъ же публики правдивый
 Не впадетъ никакъ въ обманъ.
- Антося. Бѣднымъ авторамъ, къ успѣху
 Путь ухабистъ и песчанъ,
 Съ публикою не до смѣху:
 Съ ней пропалъ ты, или панъ!
 Что какъ скажетъ зритель ѣдкій
 Мнѣнья общаго органъ:
 (bis.) { «Насъ поддѣли, но напредки
 Не заманите въ обманъ!»
- (*Входятъ музыканты—жиды, мазуры, поляки и русскіе, и начинають дивертисментъ*).

послѣ, послѣ я васъ позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю!
(Бросаетъ имъ червонецъ). Нѣтъ, прекрасная Юлія, мы теперь соеди-
 нимся навсегда. *(Юлія старается отъ него освободиться. Онъ бро-
 саетъ на колѣни и въ такомъ положеніи слѣдуетъ за него до
 маго цѣпника).*

Юлія. Или вы побѣждаете, или я скроюсь отсюда туда, гдѣ никто
 меня не сыщеть.

Рославл. ст. Нѣтъ! нѣтъ! *(Антося и Лудвися входятъ).*

Антося. Этакое презрѣніе къ нашему полу!

Лудвися. На колѣняхъ всю комнату изъѣздить!

Рославл. ст. Оставьте насъ; вамъ будетъ праздникъ, только послѣ,
 цитѣ!

Рославл. мл. *(Въ видѣ больнаго треплетъ его сзади по плечу).*

Рославл. ст. *(Вскрикиваетъ).* Что это! больной на ногахъ! мертвецы
 скрсають.

Рославл. мл. *(Сбрасываетъ съ себя одежду).* Узнаешь-ли?

Рославл. ст. Братъ?

Рославл. мл. Какъ видишь, и вотъ моя жена, рекомендую!

Рославл. ст. Какое дьявольское сплетеніе!

Антося. Что каково свели концы?

Вотъ съ польками быть въ ссорѣ!

Лудвися. Напрашиваясь въ мудрецы,

Вы назвались на смѣхъ и горе.

П. Чижевскій *(клянясь).*

Позволите-ль и мнѣ при томъ

Сказать, ясновельможный, слово:

Какъ васъ доѣхали путемъ,—

И вамъ въ путь ѣхать все готово!

Рославл. ст. Какъ я былъ глупъ! о, какъ я былъ глупъ! Однако, если
 дался ей въ обманъ на полчаса, любезный братъ, тебѣ эта участь
 предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославл. мл. Не безпокойся, я самъ хотѣлъ, самъ и отвѣчаю. Ку-
 да же мы? Въ Варшаву? или въ Петербургъ?

Рославл. ст. Къ вамъ и какъ можно скорѣй, съ прекрасной Юліей!..
 А можетъ быть имя вымышленное, все равно: съ твоей женой! Зна-
 комиться намъ нечего, мы, кажется, довольно подружались.

П. Чижевскій. Ясновельможный! позвольте намъ позвать нашихъ
 музыкантовъ и плясунновъ, которыхъ вы давеча прогнали? Мы хотимъ
 окончить наше веселье.

Рославлевъ ст. Дѣлайте что хотите, теперь я готовъ ждать лошадей
 хоть трое сутокъ!

Рославлевъ мл. Прекрасно: теперь мы всё довольны, вивать!

Рославл. мл. Наши замыслы всё шатки,
 Наша мудрость вся туманъ,
 Вѣчно люди будутъ падки
 И къ обманамъ, и въ обманъ.
 Если жъ и съ женой моею
 Мнѣ обманъ въ участокъ данъ,

(bis.) { То признайтесь, что имѣю
 Въ ней хорошенькій обманъ.

Лудвися. Бойтесь, намъ твердятъ изъ дѣтства,—
 Бойтесь вы сердечныхъ ранъ,

- Отъ мужчины ждите бѣдства,—
 Овъ обманщикъ и тиранъ!
 Знать обманы—жребій жалкій!
 Но влачить дѣвичій сапъ
 (bis.) { Для старѣющей весталки—
 Вотъ несноснѣйшій обманъ!
- П. Чижевскій. Янъ, какъ братъ нашъ, безъ таланта
 Сталъ спѣсивъ, какъ Болдыханъ;
 Если вѣрять баснямъ Яна,
 То съ умомъ и съ деньгой Янъ!
 Но повѣрь его заранѣ,
 Взвѣсь и мозгъ въ немъ, и жуланъ,
 (bis.) { То въ болванѣ и карманѣ
 Ты найдешь пустой обманъ.
- Андрей. Я въ зѣвалахъ мастеръ ловкій,
 Я зѣваю трезвъ и пьянъ;
 Но, зѣвая безъ споровки,
 Можно вызывать изъянъ.
 Разъ на винахъ и на жлудяхъ
 Прозѣвалъ я свой карманъ...
 (bis.) { Зазѣвайся въ добрыхъ людяхъ
 И тотчасъ попалъ въ обманъ.
- Рославъ, ст. Заживо гляжу въ потомки!
 «Я на пиръ безсмертѣя званъ!»
 Воишь Вралькинъ, такъ же громкій
 И пустой, какъ барабанъ.
 Счастливъ онъ, пока съ нимъ бродитъ
 Самолюбіе—дурманъ;
 (bis.) { Но вралей однихъ-ли вводитъ
 Самолюбіе въ обманъ?
- Юлія (*зрителямъ*). Хоть невинный и безвредный
 Мною выдуманъ романъ,
 Но сколь часто—авторъ бѣдный
 Для ушей чужихъ тиранъ!
 Вѣчно гордъ, самолюбивый,
 Всѣмъ доволенъ шарлатанъ!—
 (bis.) { Судь же публики правдивый
 Не впадетъ никакъ въ обманъ.
- Антося. Бѣднымъ авторамъ, въ успѣху
 Путь ухабистъ и песчанъ,
 Съ публикою не до смѣху:
 Съ ней пропалъ ты, или панъ!
 Что какъ скажетъ зритель ѣдкій
 Мнѣнья общаго органъ:
 (bis.) { «Насъ поддѣли, но напредки
 Не замавите въ обманъ!»

(Входятъ музыканты—жиды, мазуры, поляки и русскіе, и начинаютъ дивертисментъ).

въ тридцати изъ лучшихъ домовъ; я къ нимъ буду писать посланія они ко мнѣ, мы будемъ хвалить другъ друга. О безподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ,—онъ будетъ моимъ Меценатомъ, мнѣ дадутъ пенсію, какъ всѣмъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогатаю. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что съ вами, сударь?

Беневольскій. Сколько ты отъ меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самимъ извѣстно.

Беневольскій. Жалкій человѣкъ! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вотъ видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а какъ нанимали въ Казани, еще торговались: всего сорокъ рублей на мѣсяць.

Беневольскій. Ты будешь получать пятьсотъ, тысячу.

Федька. Съ нами крестная сила! рехнулся онъ. Попросите-ко, сударь, чтобъ вамъ отвели комнату въ сторонѣ, да лягте-ко отдохнуть.

Беневольскій. Тысячу, тысячу.

Федька. Да гдѣ-жъ вы, сударь, возьмете? Вы, помнится мнѣ, говорили, что у васъ всего на все тысяча рублей взято изъ Казани, да вышло на прогоны двѣсти сорокъ рублей съ полтиною, да покупокъ въ разныхъ городахъ на восемьдесятъ рублей, да мнѣ изволили выдать въ зачѣтъ жалованья два цѣлковыхъ: вотъ у меня здѣсь всё записано.

Беневольскій. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мнѣ разбогатѣть.

Федька. Вотъ оно что; ну, баринъ, такъ богатѣйте же скорѣе.

Беневольскій. Эту тысячу, что я взялъ съ собой, получилъ я въ награду дарованій отъ преосвященнаго, отъ вице-губернатора, отъ самого губернатора за стихи поздравительныя въ разные времена; если въ губернскомъ городѣ дали тысячу, здѣсь дадутъ десять, здѣсь могу я напечатать всё мои творенія, а какъ ихъ всё раскупятъ.. Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупятъ? Врѣшь: у Звѣздова тьма знакомыхъ, онъ человѣкъ знатный, изъ угождения къ нему всё подпишутся: чего это стоитъ? одинъ экземпляръ дряннъ, а за все приде́тся важная сумма.

Федька (*смотря въ окно*). Кто-то, сударь, подѣхалъ въ коляскѣ.

Беневольскій. Сюда взойдутъ. Выйди въ переднюю.

Федька. Да тамъ народъ такой неласковой, къ тому же право я голоденъ, быка бы съѣлъ. Пожалуйте, сударь, полтинникъ: я схожу въ харчевню.

Беневольскій. На, убирайся. Ахъ! досадно, на мнѣ дорожная куртка. Еще подумаютъ: новичокъ, смѣшной, необразованный.. Воротись, Федька! Федька! вынь изъ чемодана платье, поновѣе которое.

Федька. Да тамъ всего сударь фракъ лиловой да жилетъ пике, и то чай дорогой позимьялось.

Беневольскій. Подавай его.

Федька. Къ чему вамъ передѣваться!

Беневольскій. Какое тебѣ дѣло?

Федька. Съ васъ не взыщутъ: вы человѣкъ пріѣзжій.

Беневольскій. Молчи!

Федька. Образумьтесь, гдѣ теперь выкладывать изъ чемодана: вамъ и комнаты еще не отвели.

Беневольскій. Не умничай!

Беневольскій. Невинный, ангель, существо небесное, так ли мнѣ назначилъ онъ въ соугнищею жизни: это было положено между мнѣ и покойнымъ батюшкой, также и то, чтобъ мнѣ, когда приду въ Петербургъ, остановиться у его превосходительства. Я тогда во-сталъ еще въ Минервиномъ храмѣ, въ университетѣ. Съ тѣхъ п-оръ батюшка скончался, и я, сказавъ прости казанскому расаднику про-свѣщенія, поскакалъ сюда, чтобъ воспользоваться приглашеніемъ тво-его барина. Въ немъ конечно найду я друга, отца, покровителя, од-нимъ словомъ всё. — Ну понять ли?

Иванъ. Понялъ-съ. Такъ вашей повозкѣ съ пожитками постоятъ по-камѣсть на улицѣ?

Беневольскій. Все равно. Вели ей стоять на улицѣ или въѣз-завать на дворъ. Мнѣ не до того: въ головѣ моей, въ сердцѣ такое что-то неизъяснимое, міръ незнаемый, смутная будущность!

Иванъ (*отходя говорить Федькѣ*). Баринъ-то у тебя, видно, боль-шой искусникъ.

ЯВЛЕНІЕ 2-е: Беневольскій, Федька.

Беневольскій. Что онъ тебѣ сказалъ?

Федька. Баринъ-де твой, видно, большой искусникъ.

Беневольскій. Искусникъ... Такъ простолюдины называютъ ар-ти-ство. Да, я артистъ; гдѣ мой журналъ дорожный? (*Федька вы-нимаетъ изъ сумки, что у него за плечами, кучу бумагъ и мѣдн-ной карандашъ*). Подавай сюда! Записать, непременно записать перв-ья чувства при въѣздѣ въ столицу. (*Пишетъ*): Мирюсь съ Тобою, П-ро-видѣніе! я въ желанной пристани...

Федька. Охъ, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здѣсь попр-ро-силь? всё и люди-то смотреть на тебя такими тузами, какъ бу-дто сами господа; а позываетъ, ой! позываетъ: кибитчонка-то все в-вы-тряса, проклятая.

Беневольскій. Вступаю въ новый для меня свѣтъ. — Ну, одна-во, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежалъ о-со-бенно къ наблюденіямъ практической философіи, читалъ Мармонта-дела, Жанлиса, плѣнительныя повѣсти новыхъ нашихъ журналовъ; и к-то ихъ не читалъ? кто не восхищался Эльмирой и Вольтисомъ, бѣдн-ной Молочницей? Они будутъ водители мои въ этомъ блуждалищѣ, ко-го-рое называютъ большимъ свѣтомъ.

Федька. Посидѣлъ бы онъ шесть дней да шесть ночей на облуч-чкѣ не забрела бы всякая всячина на утѣ; попросилъ бы съѣтнаго да завалился бы спать. Правду сказать, вѣдь и ему не малина бы-ла сидячая частью объ книжной сундукъ, головой объ плетѣную буд-дк протегукался сердечной во всю дорогу. Ну, да что имъ, грамотѣмъ-дѣлается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, — и сы-имъ хоньки, и горя половина.

Беневольскій. Не говори вслухъ, ты мнѣ мѣшаешь.

Федька. Неужто вы впрямъ съ дороги да и за дѣло?

Беневольскій (*не слушая его*). Здѣсь увижу я эти блестящія о-бра-нія, гдѣ вкусъ дружится съ роскошью; въ нихъ найду жени-ни милыхъ, любительницъ талантовъ, какую-нибудь Нинону, Севин-ны имъ стану посвящать стишки маленькіе, лёгкіе; ихъ окружаютъ ве-вер топрахи, модники — я утрашу ихъ сатирами, они станутъ уважа-тат меня; тутъ же встрѣтятся мнѣ авторы, стихотворцы, которые у-уже стяжали себѣ громкую славу, признаны безсмертными въ двадца-ати,

въ тридцати изъ лучшихъ домовъ; я къ нимъ буду писать посланія: они ко мнѣ, мы будемъ хвалить другъ друга. О неподобно! Звѣздовъ ѣздитъ во дворецъ,—онъ будетъ моимъ Меценатомъ, мнѣ дадутъ пенсію, какъ всемъ подобнымъ мнѣ талантамъ, я наживусь, разбогачу. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что съ вами, сударь?

Беневольскій. Сколько ты отъ меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самимъ известно.

Беневольскій. Жалкій человекъ! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вотъ видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а какъ нанимали въ Казани, еще торговались: всего сорокъ рублей на мѣсяцъ.

Беневольскій. Ты будешь получать пятьсотъ, тысячу.

Федька. Съ нами крестная сила! рехнулся онъ. Попросите-ко, сударь, чтобъ вамъ отвели комнату въ сторонѣ, да лягте-ко отдохнуть.

Беневольскій. Тысячу, тысячу.

Федька. Да гдѣ-жъ вы, сударь, возьмете? Вы, помнится мнѣ, говорили, что у васъ всего на всё тысяча рублей взято изъ Казани, да вышло на прогоны двѣсти сорокъ рублей съ полтиною, да покупокъ въ разныхъ городахъ на восемьдесятъ рублей, да мнѣ изволили выдать въ зачетъ жалованья два цѣлковыхъ: вотъ у меня здѣсь всё записано.

Беневольскій. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мнѣ разбогатѣть.

Федька. Вотъ оно что; ну, баринъ, такъ богатѣйте же скорѣе.

Беневольскій. Эту тысячу, что я взялъ съ собой, получила я въ награду дарованій отъ преосвященнаго, отъ вицъ-губернатора, отъ самого губернатора за стихи поздравительныя въ разные времена; если въ губернскомъ городѣ дали тысячу, здѣсь дадутъ десять, здѣсь могу я напечатать всё мои творенія, а какъ ихъ всё раскупятъ... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупятъ? Врѣшь: у Звѣздова тѣмъ знакомыхъ, онъ человекъ знатный, изъ угожденія къ нему всё подпишутся: чего это стоитъ? одинъ экземпляръ дрянъ, а за все придется важная сумма.

Федька (*смотря въ окно*). Кто-то, сударь, подѣхалъ въ коляскѣ.

Беневольскій. Сюда взойдутъ. Выйди въ переднюю.

Федька. Да тамъ народъ такой неласковой, къ тому же право я голоденъ, быка бы съѣлъ. Пожалуйте, сударь, полтинникъ: я схожу въ харчевню.

Беневольскій. На, убирайся. Ахъ! досадно, на мнѣ дорожная куртка. Еще подумаютъ: новичокъ, смѣшной, необразованный... Воротись, Федоръ! Федька! вынь изъ чемодана платье, поновѣе которое.

Федька. Да тамъ всего сударь фракъ лиловой да жилетъ пике, и то чай дорогой поизмялось.

Беневольскій. Подавай его.

Федька. Къ чему вамъ передѣваться!

Беневольскій. Какое тебѣ дѣло?

Федька. Съ васъ не взыщутъ: вы человекъ пріѣзжій.

Беневольскій. Молчи!

Федька. Образумьтесь, гдѣ теперь выкладывать изъ чемодана: вамъ и комнаты еще не отвели.

Беневольскій. Не умничай!

Полюбинъ. Такъ что-жь?

Беневолюскій. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? тамъ *сынъ* бездѣлицы, я ихъ, ей Богу, полагаю бездѣлицами, такъ... опыты, конечно часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и нѣсколько точекъ, вмѣсто имени Евлампій Аристарховичъ Беневолюскій.

Полюбинъ. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневолюскій. Цѣтъ! ну, такъ «Вѣстника Европы»?

Полюбинъ. Тоже нѣтъ.

Беневолюскій. Помилуйте! а «Музеумъ»? вы конечно любите «Музеумъ»? «Московскій Музеумъ»?

Полюбинъ. Я даже не знаю, есть ли онъ на свѣтѣ.

Беневолюскій. Цѣтъ, его ужъ нѣтъ больше, но онъ былъ. Помилуйте, что жъ вы читаете?

Полюбинъ. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневолюскій (*смотря на него съ презрѣніемъ и отходя въ сторону*). Не читалъ ни «Сына Отечества», ни «Музеума!» ха! ха! ха! Этакое невѣжество въ девятнадцатомъ столѣтіи! въ Петербургѣ! — Я передъ нимъ робѣлъ! и я передъ нимъ скромничалъ! (*Садится на стулъ*). Вы, сударь, спрашивали какіе мои виды вдаль? Вотъ они: жизнь свободная, усмѣшка Музы—вотъ всѣ мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они въ сравненіи съ поэзіею?

Полюбинъ (*въ сторону*). Каковъ же! Однако, вы дурно дѣлаете, что не хотите служить. Съ вашими способностями, съ вашими познаніями, не мудрено, что вы современемъ попадете...

Беневолюскій (*съ восторгомъ*). Въ чины?

Полюбинъ. Въ государственные люди... какихъ, конечно, у насъ немного.

Беневолюскій (*всклывая со стула*). Ась? Возможно ли! Быть полезнымъ государству! Это превосходно, это именно мое дѣло. Я прошелъ полный курсъ этико-политическихъ наукъ, политическую исторію, политическую экономію, политику въ строгомъ смыслѣ, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбинъ. Право, ненужно столько правъ, ни столько политики; я, какъ видите, ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ.

Беневолюскій. Въ ваши дѣла?

Полюбинъ. Представьте, чѣмъ вы можете сдѣлаться!

Беневолюскій. Какъ вы благородно судите! жаль только, что слишкомъ пренебрегаете низшей словесностью.

Полюбинъ. Я? нѣсколько!

Беневолюскій. Какъ же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбинъ. Что жъ дѣлать?

Беневолюскій. Зачните его читать, сдѣлайте одолженіе, зачните: право это вамъ не будетъ бесполезно, особенно при вашемъ здоровомъ разсудкѣ.—Но быть государственнымъ человѣкомъ, министромъ, чрезвычайно приятно! Не почеси съ этимъ сопряженныя: это дымъ мечты; но слава прочная, неизблемый памятникъ въ потомствѣ!—О, поприще государственнаго человѣка завидно; да какъ бы на него попасть?

васъ можетъ привеодить? Вы выбрали челоѣка по сердцу, отъ васъ зависитъ его счастье.

Вариньна. Безъ согласія моихъ покровителей! чтобъ меня послѣ называли неблагодарной! ни за что въ свѣтъ. (*Подходя къ окну*): Посмотрите, посмотрите, онъ же на улицѣ переодѣвается.

Полюбинъ. Кто! Беневоольскій? (*Смотритъ въ окно и хохочетъ*).

Вариньна. Нѣтъ, не только теперь; еслибъ я и васъ не знала, ни подъ какимъ видомъ не вышла бы замужъ за этого безумнаго. Хорошо вамъ смѣяться: вы сами себѣ господинъ. Ахъ! онъ сюда идетъ; прощайте! пойду въ спальню къ Настасьѣ Ивановнѣ. Можетъ быть, она встала. Пріѣзжайте ужѣ, простите. (*Въ дверяхъ*): Будьте же здѣсь ужѣ непременно, а то мы нынче съѣзжаемъ на дачу. Богъ знаетъ, когда увидимся.

ЯВЛЕНИЕ 5-е: Полюбинъ, (*вскорѣ послѣ*) Беневоольскій.

Полюбинъ (*смотря на часы*). Теперь половина одиннадцатаго, во дворцѣ еще не вышли къ обѣднѣ,—Звѣздовъ не такъ скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за челоѣкъ этотъ Беневоольскій. Вотъ онъ самъ, и въ духъ разфранченъ.

Беневоольскій (*шаркая*). Вашъ покорнѣйшій слуга-съ.

Полюбинъ. Здравствуйте!

Беневоольскій. Позвольте съ вами познакомиться.

Полюбинъ. Очень радъ васъ видѣть.

Беневоольскій. Что-съ? такъ точно-съ. (*Въ сторону*): Непостижимо. Я вѣрно въ сорокъ разъ его умиѣ: отчего я робью, а онъ нѣтъ?

Полюбинъ (*въ сторону*). Безцѣнный! И это мой соперникъ!

Беневоольскій. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имѣю честь говорить съ вами?

Полюбинъ. Вы не ошибаетесь.

Беневоольскій (*въ сторону*). Какъ краткословенъ! Онъ меня убиваетъ.

Полюбинъ. Вы недавно сюда пріѣхали?

Беневоольскій. Съ часъ будетъ.

Полюбинъ. Изъ Казани?

Беневоольскій. Я сынъ волжскихъ береговъ.

Полюбинъ. Вамъ здѣсь все должно быть ново?

Беневоольскій. Ничто не ново подъ солнцемъ.

Полюбинъ. Но пріѣзжаго изъ Казани многое кое-что должно здѣсь удивить.

Беневоольскій. Меня ничего. Признаюсь вамъ, я столько читалъ, что ничѣмъ не удивленъ. Это мое несчастье.

Полюбинъ. Можетъ, не успѣли еще видѣть ничего удивительнаго? Беневоольскій. Помилуйте. Эти воды, пересѣкающія во всѣхъ мѣстахъ прекраснѣйшую изъ столицъ и вогражденныя въ берега гранитныя, эта спокойная неизмѣримость Невы, эти безчисленныя мачты, какъ молніей опаленный лѣсъ—вы это называете неувидительнымъ?

Полюбинъ. Не я, а вы: вы сказали, что ничѣмъ ужъ не удивляетесь.

Беневоольскій. Я разумѣлъ моральныя явленія.

Полюбинъ. Когда-жъ вы могли ихъ видѣть? Вы сейчасъ изъ поездки.—Что жъ вы располагаете вдалѣ? Какой родъ жизни вы намѣрены выбрать?

Беневоольскій (*присаивившись*). Вы знаете, какъ меня зовутъ?

Полюбинъ. Беневоольскій, кажется.

Беневоольскій. Да-съ.

Полюбинъ. Такъ что-жь?

Беневольскій. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? тамъ эти бездѣлицы, я ихъ, ей Богу, полагаю бездѣлицами, такъ... опыты, конечно часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и нѣскольکو точекъ, вмѣсто имени Евлампій Аристарховичъ Беневольтскій.

Полюбинъ. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольтскій. Нѣтъ! ну, такъ «Вѣстника Европы»?

Полюбинъ. Тоже нѣтъ.

Беневольтскій. Помилуйте! а «Музеумъ»? вы конечно любите «Музеумъ»? «Московскій Музеумъ»?

Полюбинъ. Я даже не знаю, есть ли онъ на свѣтѣ.

Беневольтскій. Нѣтъ, его ужъ нѣтъ больше, но онъ былъ. Помилуйте, что жъ вы читаете?

Полюбинъ. Мало ли что? Только не то именно, что вы называете, и не то, что на это похоже.

Беневольтскій (*смотря на него съ презрѣніемъ и отходитъ въ сторону*). Не читалъ ни «Сына Отечества», ни «Музеума!» ха! ха! ха! Этакое невѣжество въ девятнадцатомъ столѣтіи! въ Петербургѣ! — Я передъ нимъ робѣлъ! и я передъ нимъ скромничалъ! (*Садится на стулъ*). Вы, сударь, спрашивали какіе мои виды вдалѣ? Вотъ она жизнь свободная, усмѣшка Музы—вотъ всѣ мои желанья... Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они въ сравненіи съ поэзіею?

Полюбинъ (*въ сторону*). Каковъ же! Однако, вы дурно дѣлаете, что не хотите служить. Съ вашими способностями, съ вашими познаніями, не мудрено, что вы современемъ попадете...

Беневольтскій (*съ восторгомъ*). Въ чины?

Полюбинъ. Въ государственные люди... какихъ, конечно, у насъ немного.

Беневольтскій (*вскакивая со стула*). Ась? Возможно ли! Быть полезнымъ государству! Это превосходно, это именно мое дѣло. Я прошелъ полный курсъ этико-политическихъ наукъ, политическую исторію, политическую экономію, политику въ строгомъ смыслѣ, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбинъ. Право, ненадобно столько правъ, ни столько политики; я, какъ видите, ничего этого не проходилъ, а статскій совѣтникъ.

Беневольтскій. Въ ваши лѣта?

Полюбинъ. Представьте, чѣмъ вы можете сдѣлаться!

Беневольтскій. Какъ вы благородно судите! жаль только, что слѣшкомъ пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбинъ. Я? нѣскольکو!

Беневольтскій. Какъ же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбинъ. Что жъ дѣлать?

Беневольтскій. Зачните его читать, сдѣлайте одолженье, зачните; право это вамъ не будетъ бесполезно, особливо при вашемъ здоровомъ разсудкѣ.—Но быть государственнымъ человѣкомъ, министромъ, чрезвычайно приятно! Не почести съ этимъ сопряженныя: это дымъ, мечта; но слава прочная, незыблемый памятникъ въ потомствѣ!—О, поприще государственнаго человѣка завидно; да какъ бы на него попасть?

Полюбинъ. А поэзія?
 Беневоольскій. Прелестная игра воображенія, отрада въ скукѣ; но
 дѣло министра существеннѣе, рѣшаетъ задачи народовъ. Я себя пред-
 ставляю не для того, чтобъ я въ этомъ былъ увѣренъ; но если бы
 оно случилось, чтобъ я былъ министромъ... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНИЕ 6-е: Беневоольскій, Полюбинъ, Саблинъ.

Саблинъ. Здорово, Полюбинъ! какъ ты рано здѣсь нынче дежуришь!
 (*Взглянувъ на Беневоольскаго, отводитъ Полюбина въ сторону*).
 Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускаетъ къ себѣ въ домъ такихъ
 куріозовъ? Это чортъ знаетъ что такое!

Полюбинъ. Это тотъ женихъ, объ которомъ, помнишь, Звѣздовъ про-
 жужжалъ Варинькѣ.

Саблинъ. Казанской?

Полюбинъ. Какъ видишь, на лицо.

Саблинъ. Чудо!

Полюбинъ. Хочешь ли, я васъ познакомлю. (*Саблинъ дѣлаетъ знакъ
 согласія*). Евлампій Аристарховичъ! позвольте представить вамъ мо-
 его друга, Евгенія Ивановича Саблина. (*Беневоольскій расклами-
 ваетъ*).

Саблинъ (*Беневоольскому*). Для перваго знакомства, скажите-ко, ба-
 тюшка, чѣмъ вы на блѣдомъ свѣту промышляете?

Беневоольскій. Какъ вашъ вопросъ? извините. (*Тихо Полюбину*): Я
 не понимаю его.

Полюбинъ (*тихо Беневоольскому*). Человѣкъ военный, говоритъ про-
 сто; хотите ли, я за васъ ему отвѣчу?

Беневоольскій (*Полюбину*). Вы меня обяжете.

Полюбинъ (*Саблину*). Господинъ Беневоольскій, честь и краса ка-
 занскаго Парнасса, донинѣ занимался только изящной словесностью,
 и съ такимъ успѣхомъ, что стихи его печатались даже въ «Сынѣ
 Отечества».

Беневоольскій (*Полюбину*). Помилуйте, вы меня въ краску вводите
 вашей похвалою.

Полюбинъ. Въ ней нѣтъ ничего лишняго.

Беневоольскій. Вы такъ думаете?

Полюбинъ. Присягнуть готовъ. (*Саблину*): И сверхъ того, въ «Вѣст-
 никѣ Европы».

Беневоольскій. Пощадите скромность поэта.

Полюбинъ. И гдѣ бишь еще?

Беневоольскій. Въ «Музеумѣ».—Да перестаньте. Хоть это все очень
 лестно, но можетъ показаться, что я самолюбивъ; а я ничьихъ по-
 хвалъ не ищу.

Саблинъ. И хорошо дѣлаете. Кто васъ такъ похвалить, какъ вы
 сами себя?

Полюбинъ. Вездѣ разсыпаны счастливые опыты Евлампія Аристар-
 ховича Беневоольскаго: послѣ этого подумай...

Саблинъ. Я объ этомъ никогда ничего не думаю и сочинителей
 герпѣть не могу. (*Беневоольскому*): Это до васъ не касается.

Полюбинъ. Кромѣ, что сочинитель, господинъ Беневоольскій ужасный
 законникъ, и мѣтитъ вдаль. Я его уговаривалъ, а онъ почти согла-
 зень сдѣлаться современемъ государственнымъ человѣкомъ.

Саблинъ. Чѣмъ чортъ не шутить!—Такъ вы мѣтите въ министры? а?

Беневольскій. Отчего жь не стремиться вслѣдъ за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за бояриномъ Матвѣевымъ?

Саблинъ. Послушайте, подите-ка къ намъ, въ полкъ, въ юнкера. Смотри, пожалуй! онъ еще дуется!.. Вѣдь я не виноватъ, что васъ иначе не примутъ; мнѣ бы, напротивъ, во сто разъ было веселѣе, кабы вы попали прямо въ полковники: вы такъ сухощавы, по всему судить, проживете не долго, скорѣй бы вакансія очистилась.

Беневольскій (въ сторону). Житель Вютии въ Аониахъ! ни малѣйшаго колорита воспитанія!

Саблинъ (Полубину). Неужли ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Варинькѣ?

Полубинъ. Э, братецъ! отъ твоего зятя все возможно.

Саблинъ. Я за это въ состояннн сказать ему дурака въ глаза, хоть онъ и думаетъ, что вдвое меня умнѣе отъ того, что вдвое старѣе. Здѣсь неловко говорить: идемъ завтракать на бульваръ.

Полубинъ. Пойдемъ.

Саблинъ. А ужь какъ вернемся, настроимъ хорошенько сестру, чтобъ она мужа на умъ навела. Я право люблю тебя какъ душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду... Ха! ха! ха! какъ можно такимъ выродиться! Я бы самъ себя на его мѣстѣ обраковалъ и пристрѣлилъ. (Беневольскому): Мы, сударь, оставляемъ васъ однихъ: разсуждайте на досугъ. Вотъ вамъ, какъ Ивану Царевичу, три пути: на одномъ лошадь ваша будетъ сыта, а вы голодны,—это нашъ полкъ; на другомъ и лошадь, коли она у васъ есть, и сами вы умрете съ голоду,—это стихотворство; а на третьемъ и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотовъ будутъ сыты и жирны,—это статская служба. Во всякомъ случаѣ вы пойдете далеко; а мы, братъ, пойдемъ къ Бордерону, вели своей коляскѣ за собой ѣхать.

ЯВЛЕНИЕ 7-е:

Беневольскій (одинъ). Ха! ха! ха! Какой сюжетъ для комедіи! богатыи! Какъ они смѣшны! Тотъ статской совѣтникъ, въ порядочныхъ людяхъ, и не читалъ ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мѣрѣ, видно, что ему это совѣстно, больно: онъ мнѣ послѣ угождалъ взорами, рѣчьми, нарочно, чтобъ изгладить дурное впечатлѣніе, которое надо мной сдѣлало его невѣжество. А этотъ гусарь, объ которомъ Виргилій говоритъ: *Varbarus has segetes*,—еще храбрится своею глупостью. Однако онъ мнѣ далъ мысль: ступайте къ намъ въ полкъ... Нѣтъ не въ ихъ полкъ, а въ военную: отчего мнѣ не быть военнымъ? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Былъ вождемъ полмилліона героевъ! Самому воспѣвать свои побѣды! воинъ-поэтъ! Но быть министромъ! тоже значительно, завидно. Ну, что-жъ? развѣ нельзя все это сдружить вмѣстѣ? Такъ, я буду законодателемъ, полководцемъ и стихотворцемъ, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательныя! все въ жертву вамъ!.. Но, Боже мой! какъ здѣсь долго таятся въ нѣгѣ! Я такъ давно снѣдаемъ ожиданіемъ. Ахъ! если-бъ теперь могъ увидѣть ту, которая давно живетъ здѣсь въ моемъ сердцѣ, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мнѣ въ сновидѣніяхъ, свѣтла, какъ Ора, легка, какъ Ириса,—величественный станъ, сафирные глаза, русые, льну подобныя, волосы, черты... Кто-то идетъ—двѣ женщины!.. Сердце, ты вѣщунъ!—это она съ субреткою... Мой идеаль!.. Она!..

ЯВЛЕНИЕ 8-е: Звѣдова, Варинька, Беневоольскій.

Звѣдова. Я теперь только узнала, что вы прѣехали, и очень жаль, что не могла прежде... Что съ вами случилось? Не дурно ли вамъ.

Беневоольскій (*кланяясь*). Нѣтъ-съ, ничего-съ. Честь имѣю себя рекомендовать.

Звѣдова. Вы долго ѣхали изъ Казани?

Беневоольскій. Счетомъ времени только недѣлю, а счетомъ сердца цѣлый вѣкъ.

Звѣдова. Видно, что-нибудь васъ сюда торопило?

Беневоольскій. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звѣдова. Это очень лестно для вашей невѣсты. Но вы ее видите въ первый разъ.

Беневоольскій. Въ первый разъ! Нѣтъ, я ее вижу не въ первый разъ.

Звѣдова. Развѣ вы бывали прежде въ Петербургѣ?

Беневоольскій. Никакъ нѣтъ-съ.

Звѣдова. Когда жъ вы могли ее видѣть?

Беневоольскій. Всегда: въ часы уединеннаго труда, въ минуты дѣятельной чувствительности, досуга шумливаго, крылатой фантази.

Звѣдова. Да гдѣ же?

Беневоольскій. Образъ ея носился въ облакахъ воздушныхъ, выглядывалъ изъ ручейка долиннаго, отражался въ капляхъ росы на листочкахъ утреннихъ...

Звѣдова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневоольскій. Одни сердца холодныя могутъ шутить.

Звѣдова (*тихо Варинькѣ*). Онъ говоритъ такъ странно...

Варинька (*тихо Звѣдовой*). Странно! просто, вздоръ; и за него хотять меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневоольскій (*въ сторону*). Она въ смущеніи! Еще слово, и я счастливъ.

Звѣдова. Вы, кажется, поэтъ?

Беневоольскій. Такъ! Я не ошибся! Я счастливъ! Я любимъ!

Звѣдова. Что такое?

Беневоольскій. Вы меня узнали?

Звѣдова. Узнала ли я?..

Беневоольскій. Вы меня поняли?

Звѣдова. Нѣтъ, право...

Беневоольскій. Трепещутъ ли въ васъ тѣ струны, которыя издали голось въ моемъ сердцѣ?

Звѣдова (*Варинькѣ*). Онъ съ ума сходить.

Варинька (*Звѣдовой*). Помилуйте, съ чего ему сойти?

Беневоольскій. Я желалъ, и свершилось: я искалъ безсмертія въ любви, божества въ природѣ,—и ангелъ возвышенныхъ мыслей предсталъ мнѣ во всемъ величіи.

Звѣдова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневоольскій. Сердце имѣетъ свою память. Вы примѣтили тотъ восторгъ, который не въ силахъ былъ я удержать при первой нашей встрѣчѣ?—въ немъ слышали вы голось пѣтической совѣсти.

Звѣдова. Я, сударь, въ жизнь мою ничего подобнаго не видала и не слышала (*Варинькѣ*): Побудь съ нимъ, ради Бога, мнѣ силъ не достаетъ его слушать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 9-е:

Беневольскій, Варинька (она во все время печальна и сердита).

Беневольскій (не примѣчая, что Звѣдова ушла). Не удивляйтесь моимъ словамъ, въ языкъ любви запаса я жатвою словъ... Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольскій. Краска стыдливой скромности конечно разыграла на лицѣ невинности. Она, вѣрно, хотѣла скрыть смятеніе первой любви. Зачѣмъ я не удержалъ ее? не досказалъ всего того, что тѣснитъ здѣсь, въ этой груди?

Варинька. Нужды нѣтъ; вообразите себѣ, что я ваша неvěста, и доканчивайте, какъ начали. Оно въ своемъ родѣ право хорошо.

Беневольскій. Вѣрю, милая.

Варинька. Милая! Какъ онъ смѣетъ!..

Беневольскій. Но ты не моя неvěста, ты не она.

Варинька. Дай Богъ!

Беневольскій. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей неvěстѣ!

Беневольскій. Положеніе ея должно быть...

Варинька. Несносно.

Беневольскій. Стрѣлы любви конечно язвительны, богатыри могучіе по три дня не ѣдали и не спали отъ нихъ. Илья Муромецъ... Но ты не читала, ты не поймешь. Стрѣлы любви, подобно колю Ахиллову, испѣляютъ собственную рану... Охъ! я опять забылъ, что ты не поймешь.

Варинька. Авось пойму: продолжайте.

Беневольскій. Если-бъ ты, красавица, взялась мнѣ помочь, поговорить своей барышнѣ...

Варинька (съ стороны). А! я служанка.

Беневольскій. Если-бъ ты растолковала ей, какъ выгодно быть по-другую стихотворца!..

Варинька. Къ чему это? Невѣста ваша все сама отъ васъ слышала.

Беневольскій. Въ самомъ дѣлѣ! Съ какимъ жаромъ я изъяснялся! Какъ ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно... Только жаль.

Беневольскій. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольскій. Понапрасну! Повѣрь, что нѣтъ. Я примѣчалъ все время, и примѣтилъ, что она...

Варинька. А кто она?

Беневольскій. Вотъ вопросъ забавный: она, что вдругъ явилась и наполнила душу радостью, а потомъ исчезла какъ призракъ, неvěста, избранная мнѣ рукою тайнаго Провидѣнія, словомъ она.

Варинька. Ахъ, сударь, она—не она.

Беневольскій. Какъ не она?

Варинька. Вы говорили не съ нею.

Беневольскій. Не съ нею! Съ кѣмъ же?

Варинька. Съ хозяйкою здѣшняго дома, съ женою вашего покровителя.

Беневольскій. Съ женою... Невозможно! Нѣтъ, нѣтъ... Какое тутъ правдоподобіе!

ЯВЛЕНИЕ 10-е: **Варинька, Беневоольскій, Иванъ.**

Иванъ (*Варинькѣ*). Барыня васъ спрашиваетъ.
Варинька. Слава Богу! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е: **Беневоольскій, Иванъ.**

Беневоольскій (*ей въ слѣдѣ*). Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобія, это шуточный вымыселъ субретки. (*Ивану*): Пстой хоть ты.

Иванъ. Что прикажете?

Беневоольскій. Представь себѣ, что мнѣ сказала горничная.

Иванъ. Какая, сударь, горничная?

Беневоольскій. Ну, вотъ что сейчасъ отсюда вышла.

Иванъ. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здѣсь въ домѣ воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневоольскій. Моя невѣста! Я погибъ. Зловѣщій человѣкъ! Что ты сказалъ?

Иванъ. Сущую правду-съ.

Беневоольскій. Но какъ же мнѣ не ошибиться? Входитъ женщина молодая, ни дать, ни взять мой идеаль. Кому же взойдетъ въ голову, что она жена старика Александра Петровича Звѣздова? Съ ней другая должна была показаться мнѣ горничная.

Иванъ. Станетъ ли, сударь, горничная растабарывать съ молодымъ незнакомымъ господиномъ, глазъ на глазъ, среди бѣла дня, гдѣ всѣ люди ходятъ? Довольно, что и урывкомъ пошаливаютъ.

Беневоольскій. Полно, братецъ, нынче горничныя вездѣ, всегда и со всѣми разговариваютъ. Я это читалъ во всѣхъ новыхъ комедіяхъ, а комедія зеркало свѣта.

Иванъ. Какъ вамъ угодно.

Беневоольскій (*въ размышленіи*). Изъ тысячи книгъ собиралъ я познанія о свѣтѣ, и вдругъ одна нечаянность все превращаетъ въ ничто. О fatum!—Нѣтъ не виню тебя, ученый! Такъ, догадываюсь, понимаю, я самъ виновать, я читалъ же... какъ забыть? какъ не вспомнить? Это одно и то же положеніе; онѣ хотѣли испытать меня: одна притворилась горничной, другая моею невѣстой, а я не угадалъ. Но—не дамъ имъ торжествовать, оборочу имъ же въ обиду, скажу имъ, что я зналъ все, и нарочно притворялся, чтобъ помучить хитрую. Эту развязку я читалъ, очень помню.

Иванъ. Еще ничего не прикажете?

Беневоольскій (*въ сторону*). Этотъ человѣкъ можетъ мнѣ послужить. Онъ такъ хорошо одѣтъ; вѣрно много значить въ домѣ. Я читалъ, что у знатныхъ есть слуги, которые въ домѣ все дѣлаютъ и даже управляютъ господами. (*Громко*): Послушай, мой другъ, полюби меня, дѣлай, что я тебѣ скажу.

Иванъ. Что будетъ угодно?

Беневоольскій (*даетъ ему деньги*). Вотъ тебѣ для знакомства. Не откажись...

Иванъ. Кто, сударь, отъ денегъ отказывается?

Беневоольскій. Не откажись подать мнѣ тѣ свѣдѣнія, что я отъ тебя потребую. Ты вѣрно все въ домѣ знаешь до утонченности... всѣ тайны тебѣ извѣстны.

Иванъ. Виновать, сударь, я вчера только поступилъ сюда въ услуженіе. Александръ Петровичъ изволилъ меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу

вамъ, что хотите; почтенная, цѣломудренная дѣвица, шестидесяти лѣтъ; я у ней исправляю должность буфетчика.

Беневольскій. Какое мнѣ до нея дѣло? — Судьба меня преслѣдуетъ. По крайней мѣрѣ впередъ, братецъ, старайся все видѣть, все слышать, все знать, что здѣсь происходитъ.

Иванъ. О! впередъ, сударь, будьте увѣрены, всю подноготную вывѣдаю.

Беневольскій. Подъ завѣсой тайны слушай все: гдѣ, что, кто, кому тихо станутъ шептаться.

Иванъ. Да, сударь, коли очень тихо будутъ шептаться, и не услышишь.

Беневольскій. Лови малѣйшіе намѣки, наблюдай за тѣлодвиженіями, за выраженіемъ лицъ, изъ того выводи свои заключенія, шпай себѣ тетрадку, все записывай; вотъ тебѣ карандашъ.

ЯВЛЕНІЕ 12-е: Звѣздовъ, Беневольскій, Иванъ.

(Звѣздовъ вбѣгаетъ въ мундиръ).

Звѣздовъ. Фракъ! поскорѣ фракъ! Охъ! усталъ до смерти. — А! Иванъ, ты здѣсь. Цѣлое утро тебя давеча искали, и говорить ночью былъ Богъ знаетъ гдѣ... Нѣтъ, братъ, у меня своихъ шатуновъ куча; поди, откуда пришелъ, живи опять у своей княжны, ты мнѣ не надобенъ. *(Садится передъ зеркаломъ, задомъ къ Беневольскому и не примѣчая его).*

Иванъ. Да ваше превосходительство сами меня изволили услатъ съ вечера на дачу.

Звѣздовъ. Ты мнѣ не надобенъ.

Иванъ. Власть ваша, а я съ тѣхъ поръ какъ воротился, одинъ только и сидѣлъ въ передней. *(Показывая на Беневольскаго):* Вотъ извольте спросить.

Беневольскій. Я дѣйствительно могу засвидѣтельствовать...

Звѣздовъ *(не слушая и не оборачиваясь).* Чтobъ его духу здѣсь не было. — Фракъ! поскорѣ фракъ! — А! хорошо. — Да отнести назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ, сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ мерзость, а онъ съ меня сдулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтobъ взялъ назадъ свою дрянъ хоть за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять, не у него одного есть вексель на мнѣ. — Да отправить старосту изъ жениной деревни, наказать ему крѣпко-на-крѣпко, чтobъ Фомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей, непременно, — слышите-ль: 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ, — то рекрутъ для Царя, а оброкъ для господина: такъ чтobъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ видно шутить 25-ю рублями; прошу покорно, да гдѣ ихъ смыщешь? кто мнѣ ихъ подарить? на улицѣ что-ли валяются? 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... Говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздорожало; такъ чтobъ Фомка внесъ 25 рублей, слышите-ль, сполна 25 рублей; хотъ роди, да подай.

Беневольскій *(подкрадывается униженно).* Ваше превосходительство...

Звѣздовъ *(вскакивая со стула).* Ахъ! извините, откуда вы? какъ? съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Беневольскій. Моя фамилія Беневольскій.

Звѣздовъ. А чѣмъ я могу вамъ служить?

Беневольскій. Я сюда прѣѣхалъ... вы изволили общать...

Звѣздовъ. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, все будетъ исполнено. — Какая толкотня была нынче во дворцѣ! Какая куча народу! Я ужасно усталъ, насилу хожу: пойду, немощно прилягу. Не вздыхайте, пожалуйста, я человѣкъ старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вамъ очень радъ. *(Хочетъ уйти)*.

Беневольскій. Ваше превосходительство, вѣрно изволили забыть...

Звѣздовъ. Нѣтъ, батюшка, все помню, все; я вамъ сказалъ, что все будетъ исполнено. А между тѣмъ напишите мнѣ въ четырехъ строкахъ объ вашемъ дѣлѣ, да воткните здѣсь къ зеркалу.

Беневольскій. Мнѣ-съ ничего такого не надобно...

Звѣздовъ *(въ дверяхъ)*. Помилуйте, батюшка, да коли вамъ ничего не надобно, такъ что-жъ вамъ надобно?

Беневольскій. Я изъ Казани.

Звѣздовъ *(возвращаясь)*. Какъ изъ Казани?

Беневольскій. Такъ точно-съ. Я сейчасъ прѣѣхалъ сюда изъ Казани; вы тамъ очень знакомы были съ моимъ батюшкой, онъ имѣлъ хожденіе по вашимъ дѣламъ.

Звѣздовъ. А! помню, помню... Какое было я сдѣлалъ дурачество! Извини, дружище, здѣсь такая путаница, себя забудешь; за то и ѣду скорѣе въ деревню на покой.—Да какъ тебя узнать? выросъ, постарѣлъ, помолодѣлъ. — Ну, здравствуй въ Петербургѣ. Что твой дѣлаешь отецъ? здоровъ ли?

Беневольскій. Его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, онъ отошелъ къ лучшей жизни.

Звѣздовъ. Умеръ! Ахъ, какое несчастіе! Давно ли? отъ какой болѣзни? какой былъ толстый! Да въ этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого такъ уморять. — Ходи ко мнѣ почаще, мой милый, обѣдай, сиди здѣсь по дѣльнымъ днямъ, у меня народу бываетъ много всякаго: можешь сдѣлать знакомство.—Гдѣ ты остановился?

Беневольскій. Покаместъ подъ синевою небесной.—Ваше превосходительство общали покойному батюшкѣ, что по прѣѣздѣ моемъ въ Петербургъ...

Звѣздовъ. Пристрою тебя къ мѣсту? помню, помню; не заботься, все сдѣлаемъ.

Беневольскій. Ваше превосходительство общали также мнѣ дать пріютъ въ вашемъ домѣ.

Звѣздовъ. Точно; помню, помню, и ты очень уменъ, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецкимъ, тотчасъ отвѣдуть комнату; ничего не мудрено, домъ большой, весь къ твоимъ услугамъ, располагай имъ, какъ своимъ.

Беневольскій. Ваше превосходительство общали мнѣ также въ сердцѣ моемъ замѣстить ту пустоту, которая...

Звѣздовъ. Что такое, батюшка? переведи пожалуйста на простонародный языкъ. Ты, я вижу, человѣкъ ученый, говоришь все фигурно; а я простой человѣкъ, люблю, чтобъ было все ясно.

Беневольскій. У васъ воспитывается прелестное созданіе.

Звѣздовъ. А! да, да, помню; я тебѣ общалъ Вариньку. Ну, братья, я сдержалъ слово, ни за кого не выдалъ, она еще теперь въ дѣвухахъ; а сватались многіе, и теперь еще сватается... да я люблю держаться своихъ словъ. Все ждалъ тебя.

(Беневольскій во все время кланяется.)

1-й слуга (*входитъ*). Анна Васильевна Раस्ताбарова прислала напомнить вашему превосходительству о томъ, о чемъ она васъ просила.

Звѣздовъ. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга (*входитъ*). Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться объ ея дѣлѣ.

Звѣздовъ. Какое дѣло? когда она мнѣ говорила?

2-й слуга. Вчерашній день.

Звѣздовъ. Все будетъ исполнено; вели ей доложить, что все будетъ исполнено.

3-й слуга (*входитъ*). Левъ Ивановичъ Недосуговъ прислалъ просить ваше превосходительство...

Звѣздовъ. Чего у меня просить! Убирайся къ чорту. Мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, а до меня всѣмъ; вели отвѣчать, что все будетъ сдѣлано, непременно все, все, все.

3-й слуга. Да онъ самъ приказалъ вамъ сказать, что онъ все ужъ сдѣлалъ по вашему дѣлу, только просить васъ къ себѣ.

Звѣздовъ. А!.. ну, такъ вели благодарить: очень-де, батюшка, благодаренъ. Да никого ко мнѣ не пускать; слышите-ль? меня нѣтъ дома, я какъ уѣхалъ во дворецъ, такъ еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышите-ли? — Тоска въ этомъ городѣ; нѣтъ, скорѣе въ деревню отъ здѣшней суматохи. Пойдемъ, братъ, ко мнѣ въ кабинетъ, я немного посплю, а ты мнѣ расскажешь кое-что объ Казани. (*Уходятъ оба*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Полюбинъ, Саблинъ.

Саблинъ. Говорятъ тебѣ: дай волю и не мѣшайся не въ свое дѣло.

Полюбинъ. Какъ не въ свое дѣло! чье же оно? кто же изъ насъ хочеть жениться?

Саблинъ. Съ чѣмъ приступилъ! вѣрно не я. Вотъ тебѣ рука моя, что я женюсь развѣ лѣтъ въ шестьдесятъ на какой-нибудь богатой купчихѣ.

Полюбинъ. Которая заплатитъ долги твои, повѣса!

Саблинъ. Какъ догадливъ и милъ! Однако, убирайся!

Полюбинъ. Не хочу, мнѣ надобно самому повидаться съ Настасіей Ивановной и попросить ее.

Саблинъ. Вздоръ. Звѣздовъ узнаеть, что ты просилъ его жену, и нарочно пойдетъ наперекоръ, а я, какъ братъ родной, могу съ ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбинъ. Хорошъ ходатай!

Саблинъ. Ничуть не дурень.

Полюбинъ. Ты все забудешь.

Саблинъ. Не забуду, коли общалъ.

Полюбинъ. Ничего не скажешь путемъ.

Саблинъ. Все скажу лучше тебя.

Полюбинъ. Напримѣръ, что?

Саблинъ. То, что ты славный малый, что Беневольскій скоть, что его надобно вытолкать вшаей, а тебя женить на Варинькѣ.

Полюбинъ. А тамъ?

Саблинъ. Чего тебѣ еще?

Полюбинъ. Нѣтъ, братецъ, это совсѣмъ не то: я самъ поговорю, и скажу сестрѣ твоей...

Саблинъ. Ну, говори.

Полюбинъ. Я докажу сестрѣ твоей, что она погубитъ свою воспитанницу, если откажетъ мнѣ. Мы другъ друга любимъ и вѣрно будемъ счастливы; состояніе мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя даетъ мнѣ право надѣяться вдаль,—ты знаешь, что я заслужилъ нѣсколько отличій; что-же касается до счастья домашняго,—и сестра твоя, къ горю своему, должна знать его цѣну,—я увѣренъ, что доставлю его женѣ моей; ты знаешь меня и скажешь самъ...

Саблинъ. Ну да, ты славный малый.

Полюбинъ. Съ другой стороны, я постараюсь усовестить Настасью Ивановну. Ей стыдно будетъ выдать Вариньку за студента, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни души, словомъ ничего; недоученный педантъ, одѣтъ какъ шутъ, говорить какъ дурная книга, ничего не знаетъ, думаетъ о себѣ, что онъ осмое чудо.

Саблинъ. Скотъ, однимъ словомъ.

Полюбинъ. И что они въ немъ нашли? Если Звѣздовъ, какъ приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кромѣ Вариньки у него ничего нѣтъ? Надобно ему прискаты по способностямъ мѣсто переписчика у Глазуновыхъ, или учителя въ уѣздномъ городѣ, — и отправить съ Богомъ.

Саблинъ. Его надо прогнать къ чорту.

Полюбинъ. Коль скоро его не будетъ здѣсь, и Звѣздовъ о немъ забудетъ; я увѣренъ, что мнѣ не откажутъ, и теперь я не знаю, почему...

Саблинъ. Ха! ха! ха!

Полюбинъ. Что-жъ такъ смѣшнаго?

Саблинъ. Прямой ты шутъ, наговорилъ съ три короба, и сказала все то же.

Полюбинъ (*смѣясь*). Въ самомъ дѣлѣ.

Саблинъ. Ну, прощай-же.

Полюбинъ. Развѣ лучше?..

Саблинъ. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбинъ. Знаешь-ли что? Я пойду и постараюсь какъ-нибудь поладить съ Звѣздовымъ: авось онъ...

Саблинъ. Ступай и подличай.

Полюбинъ. Я надѣюсь, что ты хоть этотъ разъ сдѣлаешь дѣло и поговоришь благоразумнѣе обыкновеннаго; полно тебѣ втѣренничать.

Саблинъ. Полно тебѣ проповѣдывать, надоѣлъ; ступай: вотъ и сестра.

ЯВЛЕНИЕ 2-е: Звѣздова, Саблинъ.

Звѣздова. Куда-же Полюбинъ убѣжалъ? Мнѣ сказали, что онъ хочетъ со мной поговорить. Я насилу отдѣлалась отъ хлопотъ—вѣдь мы сегодня переѣзжаемъ — пришла будто за дѣломъ, а онъ исчезъ.

Саблинъ. Я его усладе въ кабинетъ растабаривать, и все тебѣ за него скажу. Да напередъ растолкуй мнѣ, что съ тобой сдѣлалось?

Звѣздова. Со мной ничего не сдѣлалось.

Саблинъ. Помилуй, матушка: ты мнѣ вѣкъ свой читаешь проповѣди за все про все, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебѣ и дождаться не могъ.

Звѣздова. Я вчера поздно пріѣхала, часу въ четвертомъ; у княжны Дарьи Савишны на дачѣ былъ дѣтскій балъ.

Саблинъ. Ты что за дитя?

Звѣдова. Нельзя-же не ѣхать, если зовутъ.

Саблинъ. Слыханное-ли дѣло! и ты тутъ-же съ ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звѣдова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные. Со стороны смотрѣть и смѣшно, и стыдно: прїѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ. И какъ ему остаться: онъ званъ еще въ три дома, куда тоже гораздо-бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только за тѣмъ-же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крепсъ, толкуютъ объ лошадяхъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или, что еще хуже, при людяхъ шепчутся. Хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ попустому, никто и не встаетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ; наконецъ иного упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, прокружится разъ по залѣ—и усталъ до ужина; тутъ, правда, усталыхъ нѣтъ: наѣдятся, напьются, и уѣдутъ спать.

Саблинъ. А я тебѣ коротко скажу, что кромѣ ужина нѣтъ ничего хорошаго ни на одномъ балѣ; я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, какъ дядюшка заставлялъ меня насильно прыгать со всѣми уродами.

Звѣдова. Боже мой! какъ вы разборчивы!

Саблинъ. Нѣтъ, вы не разбираете... Ты вѣдь никому не отказывала: подослала-бы я къ тебѣ какого-нибудь Евлампія Аристарховича да... Кстати, что вы съ ума сошли съ мужемъ вдвоемъ? неужли вы въ самомъ дѣлѣ хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звѣдова. Я вовсе не хочу, да Александръ Петровичъ обѣщаль его отцу.

Саблинъ. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебѣ напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вась домѣ не будетъ. Это срамъ сравнить честнаго человѣка, каковъ Полюбинъ, съ Евлампомъ Аристарховичемъ.

Звѣдова. Я бы рада всей душой...

Саблинъ. Это будетъ курамъ на смѣхъ.

Звѣдова. Я, право, не знаю, что дѣлать.

Саблинъ. Хочешь ли я дѣло сдѣлаю? Скажу просто этому студенту, чтобъ онъ со своей кибиткой, съ чемоданомъ и съ лиловымъ фраккомъ убирался вонъ, пока безъ грѣха.

Звѣдова. Хуже этого нельзя придумать. Александръ Петровичъ разсердится, и тогда его никакъ не уговоришь.

Саблинъ. Пусть его сердится, что мнѣ за дѣло?

Звѣдова. Тебѣ ничего, но Варинькѣ тогда не бывать за Полюбинымъ. А я не хочу заводить шуму въ домѣ. Я придумала гораздо лучше: согласусь притворно на свадьбу Беневольскаго, и такъ напугаю моего мужа прїятнымъ обществомъ казанскаго студента, что тогда онъ на все согласится.

ЯВЛЕНИЕ 3-е:

Звѣдова, Саблинъ, Беневольскій. *(Беневольскій входитъ тихо и подслушиваетъ).*

Беневольскій. Что я вижу! tête-à-tête!

Саблинъ. Выдумка хороша.

Беневольскій. Выдумка!

Саблинъ. И ты думаешь, что твой мужъ не догадается?

Беневольскій. Мужъ! и ты! Это такъ, точно такъ.

Звѣздова. Мы постараемся отъ него скрыть.

Беневольскій. О tempoга! о mores!

Саблинъ. Смотри же, я надѣюсь на твое общаніе.

Беневольскій. Мармонтель, ты правъ! вотъ свѣтъ!

Звѣздова. Ты можешь быть во мнѣ увѣренъ.

Беневольскій. Надобно воспользоваться открытіемъ. Я столько читалъ объ этихъ вещахъ...

Саблинъ. Какъ я тебя люблю за это!

Беневольскій. Онъ любимъ; все ясно, вотъ причина ея равнодушія, когда сегодня утромъ...

Саблинъ (*примѣтивъ Беневольскаго Звѣздовой*): Смотри пожалуй, оглянись.

Звѣздова. Ужъ не слышалъ ли онъ? (*Шепчется съ Саблиннымъ*).

Беневольскій. Они меня примѣтили. Нечего дѣлать: успокою ихъ, сдѣлаюсъ ихъ повѣреннымъ, наперсникомъ; они за то постараются о моей женитбѣ. Благодарность...

Саблинъ (*Звѣздовой*). Э! что за бѣда?

Беневольскій (*Звѣздовой*). Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставилъ меня вамъ помѣшать.

Саблинъ. Догадался, батюшка!

Беневольскій. Но повѣрьте, что я знаю свѣтъ, и моя скромность...

Саблинъ. Что тутъ скромничать?

Беневольскій. Времена патріархальныя были почтенны, но они были.

Звѣздова. Что вы хотите сказать?

Беневольскій. Съ успѣхами просвѣщенія, съ развитіемъ людкости, все пришло въ новый порядокъ, природа должна бороться съ предрассудками; но предрассудки временны, а природа вѣчна.

Звѣздова. Я васъ прошу, сударь, объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?

Беневольскій. Я проникъ вашу тайну, но я самъ имѣю сердце: законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣе любви?

Звѣздова. Если-бъ я это слышала отъ другаго... но на васъ я не должна и не могу сердиться. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е: Саблинъ, Беневольскій.

Саблинъ. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольскій. Вы меня поняли, довольно.

Саблинъ. Я человѣкъ военной, и къ стыду моему признаюсъ, въ стихахъ ничего не понимаю.

Беневольскій. Онъ думаетъ, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблинъ (*въ сторону*). Дуракъ меня взбѣситъ. (*Беневольскому*): Нельзя ли, шутки въ сторону, сказать мнѣ просто, что вы ей такое сказали?

Беневольскій. Повѣрьте, слова мои были столько же невинны, какъ и мое намѣреніе.

Саблинъ. За что же она какъ-будто разсердилась?

Беневольскій. Или вы не знаете женщинъ?

Саблинъ. Знаю или не знаю, это не ваше дѣло. Я спрашиваю, чѣмъ вы ее разсердили?

Беневольскій. Можетъ быть, ей показалось неприятно, что незнако-

мець узналъ то, что она хотѣла бы скрыть отъ всѣхъ, отъ самой себя. Она слаба, но добродѣтельна. Мнѣ даже жаль, что это случилось. Въ наше время какъ быть иначе. Одна ли взаимность располагаетъ сердцами? Родители жертвуютъ судьбой дѣтей своему корыстолюбію, выдаютъ молодую дѣвушку за человѣка знатнаго и богатаго, но стараго и немиллаго, въ оковы супружества влетаетъ она розы любви, ищетъ друга, и счастлива, если найдетъ достойнаго.

Саблинь. Какъ вы смѣете думать о почтенной женщинѣ?

Беневольскій. Помилуйте, развѣ маркиза дю-Шателе не была другомъ Вольтера, развѣ Жанъ-Жакъ?..

Саблинь. Знаете ли вы, господинъ студентъ, что вы мнѣ надоѣли до смерти? Я слушалъ вашъ вздоръ цѣлый часъ и думалъ, авось уймется; но вижу—что молчать, то хуже, и теперь скажу вамъ наотрѣвъ: вы цѣлый часъ бредили какъ во снѣ, и только помѣшали мнѣ съ сестрой объ дѣлѣ говорить.

Беневольскій. Ваша сестрица! Нѣтъ, скажите, вы не шутите?

Саблинь. Стану я съ нимъ шутить!

Беневольскій. Сдѣлайте илюсть, извините. (*Въ сторону*): Ну въ чемъ я виновать?

Саблинь. Мнѣ, батюшка, ваши извиненія право не нужны.

Беневольскій. Я пойду къ вашей сестрицѣ, я оправдаюсь передъ ней...

Саблинь. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вамъ говорю, оставьте ее въ покоѣ.

Беневольскій. Она можетъ подумать обо мнѣ...

Саблинь. Она объ васъ и думать не хочетъ.

Беневольскій. Я надѣюсь, что вы никому не скажете.

Саблинь. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вотъ и всѣ.

ЯВЛЕНИЕ 5-е: Звѣздовъ, Звѣздова, Варинька, Полюбинъ, Саблинь, Беневольскій.

Звѣздова. Не ѣзди, Александръ Петровичъ, останься съ нами.

Звѣздовъ. Э, матушка, и радъ бы остаться, да нельзя: дѣлъ беремъ, а на кого положиться? все самъ ѣзди, да хлопочи.

Звѣздова. И дома дѣла не меньше, ничто не устроено.

Звѣздовъ. Ну, матушка, сама потрудишъ, не все же мнѣ одному. Въ старину право живали лучше нашего, а хозяйка сама всѣмъ домою завѣдывала и не ходила къ мужу за всякой дрянью.

Звѣздова. Ты самъ запретишь, чтобъ безъ тебя ничего не дѣлали.

Звѣздовъ. Поневоля запретишь, какъ никто ни за что взяться не умѣетъ. Да что я заговорился? женщинѣ не переспоришь, потерянный трудъ и время. — Не правда ли, Полюбинъ?

Полюбинъ. Я съ вами согласенъ, съ ними спорить не должно.

Звѣздова. Давно ли вы противъ насъ?

Варинька (*тихо Звѣздовой*). Не мѣшайте ему.

Саблинь (*тихо Звѣздовой*). Изъ-чего вступилась?

Звѣздовъ. Что вы тамъ всѣ плечыи пожимаете? Вамъ досадно, что онъ со мной согласенъ, а онъ правъ, совершенно правъ. Мы съ нимъ цѣлый часъ разговаривали обо всемъ, и онъ обо многомъ такъ судить, какъ нельзя лучше.

Полюбинъ. Я только придерживался вашего мнѣнія.

Звѣздовъ. Нѣтъ, не въ томъ сила; а что дѣло, то дѣло. Который часть?

Полюбинъ. Третій въ началѣ.

Звѣздовъ. Ну вотъ, а я еще никуда не поспѣлъ.—Кто тамъ! готова ли карета?

Слуга (входитъ). Подана ужъ, у крыльца-съ.

Звѣздовъ. Ну, тотчасъ; что ты торопишь?—Прошу покорно пятнадцать мѣстъ объѣздить: тетка хочетъ опредѣлить бѣдняка въ корпусъ—надобно просить директора; Взяткинъ векселя не переписываетъ за то, что я ему за годъ не отдалъ процентовъ. Деретъ кожу, проценты безбожные, да я еще ему ихъ стану платить!—пусть припишетъ. Итальянецъ-плутъ надавалъ дрянныхъ картинъ, я впотмахъ не разглядѣлъ, все копип, и назадъ не беретъ; а я нарочно взялъ на уговорѣ отдать за половинную цѣну, если не понравится: все же лучше.—А визитовъ на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки всѣ вышли, куплю мимоходомъ... Скука смертная въ свѣтъ жить! И что это всѣ на меня навязались? чего они хотять?—Однако прощайте, пора.

Беневольскій. Ваше превосходительство...

Звѣздовъ. А! любезный, что ты въ углу притаился? каково дѣла идутъ?

Беневольскій. Ваше превосходительство, я надѣюсь на васъ, не изволите ли захватить и обо мнѣ...

Звѣздовъ. Вудь увѣрень, все сдѣлается. (*Къ прочимъ, кланяясь*): До свиданья, господа.

Беневольскій. Если-бъ вы изволили поговорить...

Звѣздовъ. Поговорю... Да что я! чуть не забылъ: я ужъ говорилъ одному человѣку, онъ обѣщался прийти ужю, такъ вы съ нимъ и перемолвите. (*Личетъ*): Человѣкъ! если безъ меня придетъ Прохоровъ, доложить тотчасъ (*показываетъ на Беневольскаго*). Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-съ.

Беневольскій. Но позвольте узнать, съ кѣмъ?..

Звѣздовъ. Ты его развѣ не знаешь? Прохоровъ? его всѣ знаютъ. Человѣкъ очень умный, со всѣми авторами знакомъ, славный человѣкъ, вотъ самъ увидишь.

Беневольскій. Но, ваше превосходительство...

Звѣздовъ. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успѣемъ, время не ушло, все будетъ.—Да я еще тебя и домашнимъ своимъ не отрекомендовалъ, голова кружится отъ заботъ. Вотъ жена моя; прошу любить и жаловать.

Звѣздова. Твой гость меня давно знаетъ и любить.

Звѣздовъ. Что за вздоръ! развѣ ты съ нимъ видѣлась?

Звѣздова. Онъ меня видѣлъ всегда и вездѣ.

Звѣздовъ. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звѣздова. Онъ на мнѣ жениться хочетъ.

Звѣздовъ. Какъ на тебѣ жениться!

Звѣздова. Онъ во мнѣ узналъ свою невѣсту, открылся въ любви и такъ хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звѣздовъ (помирая со смѣху). Ха, ха, ха, Евлампій Аристарховичъ, что это на тебя выдумываютъ?—Неужели въ самомъ дѣлѣ?.. (*Обиій смѣхъ*).

Беневольскій. Позвольте изяснить...

Звѣздовъ (хохочетъ). Извини, милый, я съ природы смѣшливъ... И что ты противъ меня затѣялъ? ха! ха! ха! легко ли бѣдному мужу? ха! ха! ха!

Беневольскій. Смѣю увѣрить...

гости беспокоить своими дѣлами, какъ-нибудь самъ справлюсь. Ему надобно познакомиться съ невѣстой, такъ вотъ мы такъ и сдѣлаемъ: вы себѣ гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а ихъ мы оставимъ вдвоемъ, пусть попривыкнутъ другъ къ другу.

Варинька (*Полубину*). Ради Бога! не уходите далеко, не оставьте меня наединѣ съ несноснымъ человѣкомъ. (*Они садится съ досадою къ сторонѣ. Звѣздова, Саблинъ и Полубинъ уходятъ. Звѣздовъ, смотря на нихъ, улыбается.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е: Звѣздовъ, Варинька, Беневоольскій.

Звѣздовъ (*подходя къ Беневоольскому*). Что ты, братецъ, не веселъ? чѣмъ огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вотъ и все.

Беневоольскій. Однако, ваше превосходительство.

Звѣздовъ. Да, да, да, все непріятно, правда, я этого самъ не люблю. Ты видѣлъ, какъ я за тебя заступился? Всѣ перестали: у меня чтобы этого не было, у меня кто гость, тотъ гость, кто другъ, тотъ другъ, а ты у меня первый.

Беневоольскій. Вы слишкомъ изволите...

Звѣздовъ. Первый, я тебѣ говорю: ужъ коли я тебя, а не другаго жену на Варинькѣ, стало все тутъ. (*Беневоольскій кланяется.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е: Тѣ же и Федька.

Федька (*Беневоольскому*). Поговорите же, сударь, поскорѣе, а то вашу повозку совсѣмъ угонять.

Звѣздовъ. Съ чѣмъ онъ пришелъ?

Беневоольскій. Я не смѣю сказать...

Звѣздовъ (*Федькѣ*). Говори, братецъ, говори, что тебѣ надобно?

Федька. А вотъ, сами видѣть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказія.

Звѣздовъ. Смѣлѣе говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла съ прѣзду на улицѣ, такъ по той самой причинѣ ее и гонять.

Звѣздовъ. Какъ гонять! кто гонять? куда гонять?

Федька. Да вотъ... какъ ихъ?.. Господь знаетъ, бутюшники что ли, али полиція, говорятъ-де, не велѣно на большихъ улицахъ дорожнымъ становиться.

Звѣздовъ. Ну, братъ, я не полицеймейстеръ, это не мое дѣло.

Беневоольскій. Если-бъ вы приказали назначить мнѣ небольшой пріютъ...

Федька. Кабы милость была повозку хоть на дворъ, а для пожитковъ чуланъ опростать.

Звѣздовъ. Какъ! что это я слышу? развѣ еще ни комнаты, ни сарая, ничего вамъ не отвѣдено?

Беневоольскій. Еще нѣтъ.

Звѣздовъ. Э, братецъ! что-жъ ты давно не скажешь? возьми комнату, двѣ, что хочешь.

Беневоольскій. Но гдѣ?

Звѣздовъ. Гдѣ хочешь, люблю. — Это твой что-ли человѣкъ?

Федька. Ихній-съ. (*Во все время разговора Звѣздова съ Федькой Беневоольскій ухаживаетъ за Варинькой, которая отъ него отвѣщается.*)

Звѣздовъ. Сходи же, пріятель; ты знаешь здѣсь Штукарева?

Саблинъ (*Беневольскому*). Теперь ужъ вѣрно не скажу. (*Въ сторону*): Звѣздовъ какъ на огнѣ горитъ.

Звѣздовъ. Что ужъ грѣха таить? Евлампій Аристарховичъ, признавайся.

Саблинъ. Зачѣмъ вамъ это знать?

Звѣздовъ. Зачѣмъ! такъ, хочется, право; если ты что знаешь, и мнѣ сказать можно, я ужъ вѣрно поскромнѣе тебя.

Саблинъ. Богъ вѣсть.

Звѣздовъ. Безъ шутокъ, что еще?

Звѣздова. И я знаю...

Беневольскій (*Звѣздовой*). Ради Бога!

Звѣздова. Но тоже не скажу, чтобъ ты не укорялъ безпрестанно женщинъ въ болтливости.

Звѣздовъ. Коли разъ начала, зачѣмъ послѣ свромничать?

Звѣздова. Ты насмѣшекъ терпѣть не можешь.

Звѣздовъ (*съ досадой*). А все мой шуринокъ дорогой, все онъ; изволил разсердиться, что я ему шутя правду сказалъ, и вышло по словицѣ: говорить правду—терять дружбу. Только въ этомъ, братъ, извини, я на правду чортъ, и хоть ты сердись, хоть нѣтъ, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотрѣть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будетъ труда довольно, никто не безъ грѣха; то лишь плохо, что въ чужомъ глазу игоду видимъ, а въ своемъ намъ и бревна не видать.— Не такъ ли, Полюбинъ?

Полюбинъ. Ваши слова могутъ служить наставленьемъ.

Звѣздовъ (*Саблину*). Видишь ли, милый? и другъ твой такъ же думаетъ. Правда, онъ гораздо поразсудительнѣе тебя.— Стало, ты не скажешь?

Саблинъ. Не скажу.

Звѣздовъ (*Звѣздовой*). А ты?

Звѣздова. Не скажу.

Звѣздовъ. Дѣти вы оба: и братъ, и сестра. Они право думаютъ, что мнѣ очень жаль будетъ, если я не узнаю; а я и знать не хотѣлъ.— Беневольскій! ты тоже не скажешь, разумѣется?

Беневольскій. Я прошу васъ...

Звѣздовъ. Богъ съ тобой, братецъ, твоя воля; бѣды нѣтъ, а не хочешь, какъ хочешь. Мнѣ же ѣхать пора, и то заговорился. Который часъ?

Полюбинъ. Безъ четверти три.

Звѣздовъ. Ну куда же я поспѣю? всюду опоздалъ: а кто виновать? Все вы съ пустыми разсказами, да еще и не договариваютъ.

Звѣздова. Ты, стало быть остаешься дома?

Звѣздовъ. Нечего дѣлать, а нужда крайняя была. Пойду хоть къ себѣ, напишу письмо по дѣлу къ прокурору; я было и то забылъ.

Звѣздова. Такъ мы пойдемъ въ садъ до обѣда. А гостя своего взять бы ты съ собой, онъ бы помогъ тебѣ написать получше; ты же самъ признаешься, что на это лѣнивъ.

Звѣздовъ (*въ сторону*). Она къ нему что-то благоволила. Какъ ни говори, а женщинѣ любовное признаніе, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька (*Звѣздову*). Господинъ Беневольскій, можетъ быть, самъ откроетъ вамъ наединѣ то, чего другіе не хотятъ говорить.

Звѣздовъ (*въ сторону*). А Варинька его сживааетъ съ руки. Сдѣлаю же обнимъ на зло. (*Звѣздовой*): Нѣтъ, матушка, я не хочу пріѣзжать

ЯВЛЕНИЕ 9-е: Беневоольскій, Полюбинъ.

Полюбинъ. Я намѣренъ вамъ сказать два слова.

Беневоольскій. Два слова! и въ нихъ заключается все мое блаженство! слова краснорѣчивыя! слова безцѣнные! говорите, прошу васъ, говорите.

Полюбинъ. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневоольскій. Ахъ! кто можетъ видѣть и не любить ее!

Полюбинъ. И такъ какъ я самъ ее люблю...

Беневоольскій. И вы ее любите! Вы, конечно, ея братъ или другъ съ младенчества: полюбите же и счастливица, кому суждена рука ея, обоймите его, какъ друга, какъ брата...

Полюбинъ. Потихе, господинъ Беневоольскій, не горячитесь. Варвара Николаевна съ перваго разу, какъ васъ увидѣла...

Беневоольскій. Предалась чувству симпатіи, которое отъ мѣстъ отдаленныхъ невольно увлекло насъ другъ къ другу?..

Полюбинъ. Напротивъ, она васъ терпѣть не можетъ.

Беневоольскій. Ха! ха! ха!

Полюбинъ. Что вы смѣтаетесь безъ пути?

Беневоольскій. Кто вамъ сказалъ, что она меня терпѣть не можетъ?

Полюбинъ. Она сама.

Беневоольскій. Она! и просила васъ мнѣ это сказать?

Полюбинъ. Да, она поручила мнѣ поговорить съ вами, и я...

Беневоольскій. Не трудитесь понапрасну, я давно все знаю, все понять.

Полюбинъ. Вы ничего не понимаете.

Беневоольскій. Все, я говорю вамъ, все; вотъ въ чемъ дѣло...

Полюбинъ. Совсѣмъ нѣтъ, дайте мнѣ сказать одно слово.

Беневоольскій. Нѣтъ, позвольте ужъ мнѣ напередъ, и вы согласитесь, что я все знаю.

Полюбинъ (*въ сторону*). Что дѣлать съ дуракомъ, который свое несетъ?

Беневоольскій. Вотъ изволите видѣть: Варинька...

Полюбинъ. Прошу васъ: Варвара Николаевна.

Беневоольскій. Помилуйте, не все ли равно? мы можемъ...

Полюбинъ. Вы никакъ не можете.

Беневоольскій. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна,—слышала, какъ я при ней изъяснялся въ любви ея превосходительству...

Полюбинъ. Что-жъ вы твердите о своихъ проказахъ? ихъ безъ того всѣ знаютъ.

Беневоольскій. Какъ вы это назвали?

Полюбинъ. Проказы.

Беневоольскій. Вы сказали точно такъ, какъ оно есть, и увидите почему.—Ей, напротивъ, не говорилъ я ни слова о любви, обошелся съ нею, какъ со служанкою...

Полюбинъ. Какая дерзость!

Беневоольскій. Терпѣнье, прошу васъ, терпѣнье. Все это вмѣстѣ должно было поразить сердце юное, нѣжное, едва начинающее любить; она на меня разсердилась и вѣрно называетъ меня чудовищемъ...

Полюбинъ. Уродомъ.

Беневоольскій. Такъ должно быть, я это все знаю. Вы видите ли теперь, что вамъ нечего было мнѣ говорить?

Полюбинъ. Съ вами точно говорить напрасно.

Беневольскій. И такъ, слушайте: я догадался, что онѣ нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманутъ; но меня обмануть трудно, я все примѣтилъ и внутренно смѣялся, смотря на смущенье одной и досаду другой. — Вамъ самимъ смѣшно?

Полюбинъ. Вы имѣете даръ всякаго размѣшши.

Беневольскій. Но сдѣлайте одолженье, выведите ее изъ заблужденья; я ее довольно помучилъ, пора перестать, не правда ли?

Полюбинъ. Давно пора. (*Въ сторону*): Съ нимъ говорить нечего.

ЯВЛЕНІЕ 10-е:

Тѣ же и Саблинъ. (Во время разговора Саблина съ Полюбининымъ, Беневольскій отворяетъ дверь. Федька вноситъ пожитки, они разставляютъ ихъ по мѣстамъ).

Саблинъ (*Полюбину*). А, ты здѣсь! а тамъ по тебѣ стосковались. Ужъ я сжалился да пришелъ за тобой. Ты съ пріятелемъ о стихахъ что ли толкуешь?

Полюбинъ. Какіе, братецъ, стихи! я пѣлые полчаса бьюсь съ нимъ понапрасну, хочу ему сказать, чтобъ онъ Вариньку оставилъ въ покоѣ, если не хочетъ, чтобъ я его самого обезпокою.

Саблинъ. Ну что жъ онъ? когда вы деретесь? я секундантъ что ли?

Полюбинъ. Чего, братецъ! онъ ни слова не понимаетъ, либо не хочетъ понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблинъ. Я? Нѣтъ, братъ, я стихами говорить не мастеръ. — Да что ты къ нему приступилъ, изъ-чего бьешься? развѣ тебѣ честь будетъ убить студента? Оставь это, и положиись во всемъ на Настасью Ивановну?

Полюбинъ. Пожалуй, мнѣ право его смерти не хочется.

Саблинъ. Ступай же туда, тебя ждуть къ обѣду.

Полюбинъ. А ты?

Саблинъ. Нѣтъ, я иду въ ресторацію: Звѣздовъ мнѣ надоѣлъ, какъ собака.

Полюбинъ. Уведи съ собой Беневольскаго, если можно.

Саблинъ. Хорошо.

Полюбинъ. Прощай. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е: Беневольскій, Саблинъ.

Беневольскій (*любуясь на пожитки*).

О Лары и пенаты!
Вы пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Гдѣ я на новосельи
Васъ мирно тутъ и тамъ
Разставилъ по мѣстамъ.

Саблинъ. Полно возиться съ чемоданомъ, хорошо и такъ. Скажи мнѣ, гдѣ ты обѣдаешь сегодня?

Беневольскій. Я думалъ, что здѣсь.

Саблинъ. Нѣтъ, что здѣсь? скука: Звѣздовъ еще пустится хохотать да разспрашивать.

Беневольскій. Это правда; но гдѣ же?

Саблинъ. Душа моя, мы кажется въ Петербургѣ, — здѣсь ресторацийъ тѣма; жаль только, что всѣ никуда не годятся. Все же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольскій. Кто не любить его? О, всемогущее вино! веселіе героя!

Саблинъ. Мы съ тобой хоть не герои, а выпьемъ по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольскій. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ: я столько виновать, что хоть чѣмъ-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблинъ. Съ уговоромъ: ни объ ней, ни объ стихахъ не говорить ни слова.

Беневольскій. Ни слова.

И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина. (*Уходятъ вмѣстѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Звѣдова, Варинька, Полюбинъ.

Варинька. Насиду отобѣдали. Я какъ на иголкахъ была во весь столъ. Александръ Петровичъ нарочно все хвалилъ своего несноснаго студента, а самъ вѣрно иначе думаетъ; такъ только, чтобъ огорчить другихъ, знаетъ, какъ это всѣмъ противно.

Звѣдова. Все бы ничего, да какъ быть такимъ вѣтреникомъ въ пятьдесятъ лѣтъ: теперь вдругъ, безъ всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послалъ за подорожной, за лошадьми, скачетъ въ деревню Богъ знаетъ зачѣмъ.

Полюбинъ. Неужли это ему сегодня только пришло въ голову?

Звѣдова. Нѣтъ, онъ и прежде говорилъ, да нерѣшительно. Я всегда полагаю, что коли это сбудется, такъ черезъ два-три года или и никогда, какъ всѣ другіе его замыслы; у него ихъ тысяча. — Любя васъ, меня его отъѣздъ не очень огорчаетъ. Безъ него Беневольскаго можно будетъ уговорить, достать ему мѣсто гдѣ-нибудь въ дальнемъ университетѣ, отправить его туда, и даже женить, если същется ему подобная.

Варинька. Ахъ, какъ бы счастливо! Какія вы добрыя!

Звѣдова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себѣ. Мужъ мой ѣдетъ въ деревню, а я съ чѣмъ здѣсь останусь? въ домѣ разстройка ужасная, денегъ нѣтъ, всѣмъ должны, все по его милости.

Полюбинъ. Ахъ, сударыня, пусть онъ ѣдетъ, и позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

Звѣдова. Я въ васъ всегда была увѣрена, Полюбинъ. И такъ, вашему попеченію препоручаю себя, мое хозяйство и всѣхъ домашнихъ. Между ними есть кое-кто, объ комъ вы и безъ того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ мужъ мой самъ собою захотѣлъ Вариньку за васъ выдать? Сперва я хотѣла было напугать его тѣмъ, чтобъ Беневольскій послѣ женитьбы остался

Беневольскій. И такъ, слушайте: я догадался, что онъ нарочно взялъ на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманутъ; но меня обмануть трудно, я все примѣтилъ и внутренно смѣялся, смотря на смущенье одной и досаду другой. — Вамъ самимъ смѣшно?

Полюбинъ. Вы имѣете даръ всякаго разсмѣшить.

Беневольскій. Но сдѣлайте одолженье, выведите ее изъ заблужденья; я ее довольно помучилъ, пора перестать, не правда ли?

Полюбинъ. Давно пора. (*Въ сторону*): Съ нимъ говорить нечего.

ЯВЛЕНИЕ 10-е:

Тѣ же и Саблинъ. (Во время разговора Саблина съ Полюбининымъ, Беневольскій открываетъ дверь. Федька вноситъ пожитки, они расставляютъ ихъ по мѣстамъ).

Саблинъ (*Полюбину*). А, ты здѣсь! а тамъ по тебѣ стосковались. Ужъ я сжалился да пришелъ за тобой. Ты съ пріятелемъ о стихахъ что ли толкуешь?

Полюбинъ. Какіе, братецъ, стихи! я цѣлые полчаса бьюсь съ нимъ понапрасну, хочу ему сказать, чтобъ онъ Вариньку оставилъ въ покоѣ, если не хочетъ, чтобъ я его самого обезпокоилъ.

Саблинъ. Ну что жъ онъ? когда вы деретесь? я секундантъ что ли?

Полюбинъ. Чего, братецъ! онъ ни слова не понимаетъ, либо не хочетъ понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблинъ. Я? Нѣтъ, братъ, я стихами говорить не мастеръ. — Да что ты къ нему приступилъ, изъ-чего бьешься? развѣ тебѣ честь будетъ убить студента? Оставь это, и положиись во всемъ на Настасью Ивановну?

Полюбинъ. Пожалуй, мнѣ право его смерти не хочется.

Саблинъ. Ступай же туда, тебя ждутъ къ обѣду.

Полюбинъ. А ты?

Саблинъ. Нѣтъ, я иду въ ресторацію: Звѣздовъ мнѣ надоѣлъ, какъ собака.

Полюбинъ. Уведи съ собой Беневольскаго, если можно.

Саблинъ. Хорошо.

Полюбинъ. Прощай. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е: Беневольскій, Саблинъ.

Беневольскій (*любаясь на пожитки*).

О Лары и пенаты!
Вы пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Гдѣ я на новосельи
Вась мирно тутъ и тамъ
Разставилъ по мѣстамъ.

Саблинъ. Полно возиться съ чемоданомъ, хорошо и такъ. Скажи мнѣ, гдѣ ты обѣдаешь сегодня?

Беневольскій. Я думалъ, что здѣсь.

Саблинъ. Нѣтъ, что здѣсь? скука: Звѣздовъ еще пустится хохотать да разспрашивать.

Беневольскій. Это правда; но гдѣ же?

Саблинъ. Душа моя, мы кажется въ Петербургѣ, — здѣсь рестораций тѣмъ; жаль только, что всѣ никуда не годятся. Все же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольскій. Кто не любить его? О, всемогущее вино! веселіе героя!

Саблинъ. Мы съ тобой хоть не герои, а выпьемъ по стакану, а тебя попочиваю.

Беневольскій. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ: я столько виновать, что хоть чѣмъ-нибудь хочу изгладить ту ошибку...

Саблинъ. Съ уговоромъ: ни объ ней, ни объ стихахъ не говорить ни слова.

Беневольскій. Ни слова.

И стукнемъ въ чашу чашей
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина. (*Уходятъ вмѣстѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е: Звѣздова, Варинька, Полюбинъ.

Варинька. Насилу отобѣдали. Я какъ на иголкахъ была во весь столъ. Александръ Петровичъ нарочно все хвалилъ своего несноснаго студента, а самъ вѣрно иначе думаетъ; такъ только, чтобъ огорчить другихъ, знаетъ, какъ это всѣмъ противно.

Звѣздова. Все бы ничего, да какъ быть такимъ вѣтреникомъ въ пятьдесятъ лѣтъ: теперь вдругъ, безъ всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послалъ за подорожной, за лошадыми, скачетъ въ деревню Богъ знаетъ зачѣмъ.

Полюбинъ. Неужли это ему сегодня только пришло въ голову?

Звѣздова. Нѣтъ, онъ и прежде говорилъ, да нерѣшительно. Я всегда полагаю, что коли это сбудется, такъ черезъ два-три года или и никогда, какъ всѣ другіе его замыслы; у него ихъ тысяча. — Любя васъ, меня его отъѣздъ не очень огорчаетъ. Безъ него Беневольскаго можно будетъ уговорить, достать ему мѣсто гдѣ-нибудь въ дальнемъ университетѣ, отправить его туда, и даже женить, если същется ему подобная.

Варинька. Ахъ, какъ бы счастливо! Какія вы добрыя!

Звѣздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себѣ. Мужъ мой ѣдетъ въ деревню, а я съ чѣмъ здѣсь останусь? въ домѣ разстройка ужасная, денегъ нѣтъ, всѣмъ должны, все по его милости.

Полюбинъ. Ахъ, сударыня, пусть онъ ѣдетъ, и позвольте мнѣ быть вамъ полезнымъ.

Звѣздова. Я въ васъ всегда была увѣрена, Полюбинъ. И такъ, вашему попеченію препоручаю себя, мое хозяйство и всѣхъ домашнихъ. Между ними есть кое-кто, объ комъ вы и безъ того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ мужъ мой самъ собою захотѣлъ Вариньку за васъ выдать? Сперва я хотѣла было напугать его тѣмъ, чтобъ Беневольскій послѣ женитьбы остался

у насъ въ домѣ, но теперь онъ ѣдетъ и пожалуй еще мнѣ его навяжетъ: это ужъ не годится.

Полюбинъ. Теперь я никакъ не смѣю надѣяться.

Звѣдова. Есть способъ очень простой: увѣрить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы ужъ больше не хотите, и Варинька не хочетъ, вотъ три причины, чтобы ему того захотѣть. Вамъ извѣстно, что онъ любить дѣлать все по-своему.

Полюбинъ. Но не всегда ему удается.

Звѣдова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивѣе? Теперь только въ первый разъ желаю поставить на своемъ, пускаюсь на тонкости, и то чтобы составить ваше счастье.—Однако, вѣдь онъ въ состояннн уѣхать не противившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здѣсь. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 2-е: Варинька и Полюбинъ.

Полюбинъ. Когда бы она успѣла!.. Но чего не сдѣлаетъ умная женщина, если примется хорошенько, особливо, гдѣ надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, можетъ быть я не умна, а ручаюсь, что вѣкъ свой проживу безъ хитростей.

Полюбинъ. Не ручайтесь, всё такъ говорятъ до замужества. Впрочемъ, вы на другихъ не похожи.—И надобно отдать справедливость, васъ воспитала женщина рѣдкая; какой примѣръ! на ея мѣстѣ всякая другая съ меньшимъ умомъ и съ большимъ лукавствомъ дѣлала бы изъ своего мужа, что хотѣла, а она пять лѣтъ замужемъ, и въ первый разъ намѣрена поступать съ нимъ нечестосердечно, и то не для себя.

Варинька. Въ первый! Вольно ей говорить,—въ сотый развѣ! Да какое намъ дѣло? лишь бы теперь ей удалось.

ЯВЛЕНИЕ 3-е: Тѣ же и Звѣдова.

Звѣдова. Онъ внизу, торопится, распоряжается, велитъ укладываться. Я послала его звать сюда.—Вы не будете при нашемъ разговорѣ; однако, Полюбинъ, не уѣзжайте: вамъ надо же знать, чѣмъ это кончится. Да если Беневольскій придетъ, нельзя ли брату поручить, чтобы онъ его опять увелъ куда-нибудь: безъ него все довѣе можетъ обдѣлаться.

Полюбинъ. Не беспокойтесь: братецъ вашъ съ нимъ, такъ не скоро воротятся.

Варинька. Ахъ! какъ я стану дрожать, пока вы будете за насъ стараться. Дай Богъ, чтобы вамъ удалось! боюсь до смерти. (*Звѣдова ее цѣлуетъ*). Пойдемте, пойдемте. (*Уводитъ съ собою Полюбина*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е:

Звѣдова (*одна*). Боится, что я не успѣю; я никакъ не боюсь. Эти мужчины уморительны: мой мужъ, напримѣръ, дожилъ до пятидесяти лѣтъ, и кажется насмотрѣлся, слышался всего того, что обыкновенно говорятъ насчетъ лукавства нашего пола, самъ поминутно о немъ твердитъ, и никакъ отъ него не отдѣлается, когда надобно. Онъ еще долженъ образъ мой вымѣнять, что я такъ бережно на это отваживаюсь.

Звѣздовъ. Беневоольскій этотъ не по мнѣ. Какъ Полюбина съ нимъ сравнить? — я бы охотно передумалъ.

Звѣздова (*въ сторону*). Попался.

Звѣздовъ. Ну, да если нельзя иначе, такъ пусть останется все по-прежнему.

Звѣздова. Какъ?

Звѣздовъ. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, объ которой онъ пересталъ думать.

Звѣздова. Но вѣдь онъ больше отъ того пересталъ думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звѣздовъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты очень умно дѣлаешь, что совѣтуешь Вариньку выдать за Беневоольскаго.

Звѣздова. Мнѣ право все равно, за кого бы она ни вышла, вѣдь не я замужъ выхожу.

Звѣздовъ. Нѣтъ, противъ этого нечего спорить; Беневоольскій конечно шутъ, ни на что не похожъ, безалаберная голова: ну да если мужъ только страненъ, а не совсѣмъ дуракъ... какъ бишь ты говорила? точно дѣло. Пусть онъ женится на Варинькѣ: быть по-твоему. Человѣкъ! человѣкъ! (*Слуха входитъ*). Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здѣсь. (*Слуха уходитъ*).

Звѣздова. Зачѣмъ?

Звѣздовъ. Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшней же день къ свадьбѣ.

Звѣздова. Помилуй, вѣдь она не крѣпостная твоя; что за презрѣнiе ко всему роду человѣческому? надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится.

Звѣздовъ. Ты же меня торошила.

Звѣздова (*въ сторону*). Какой сумасбродный! (*Громко*): Зачѣмъ же ты послалъ за Полюбинымъ?

Звѣздовъ. Хочется узнать, на комъ онъ женится. — Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотѣла, то и сбудется. Не говори впередъ, что я люблю все дѣлать всѣмъ наперекоръ.

Звѣздова (*въ сторону*). Надо же быть такому несчастью! въ первый разъ отъ роду соглашается со мною безъ отговорокъ и на мою же бѣду.

ЯВЛЕНИЕ 6-е: Тѣ же, Полюбинъ, Варинька.

Полюбинъ. Вы меня звали?

Звѣздовъ. Да, любезный; ты, говорятъ, женишься?

Полюбинъ. Я, ваше превосходительство! какъ вы это разумѣете?

Звѣздовъ. Ахъ, батюшка! да ты, я чай, знаешь, какъ женишься, — всѣ на одинъ манеръ. Хорошо, что ты за умъ взялся, право, славно; а я вѣдь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорѣе, передъ моимъ отъѣздомъ.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-съ?

Звѣздовъ. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ахъ! какъ вы милостивы!

Звѣздовъ. Жаль только, что женихъ твой запропалъ. Этотъ повѣса, шурина мой, хоть кого такъ развратить, затащилъ его Богъ знаетъ куда. Ну! да воротится, и тогда по рукамъ и къ вѣнцу; я вправду думалъ, что этому не бывать такъ скоро, авось ли молъ какъ прѣйду назадъ изъ деревни; да вотъ Настасья Ивановна поторошила: ее благодарю.

Варинька (*Звѣздовой*). Ахъ! растолкуйте, что это значить?

Звѣздовъ (*въ сторону*). Какія у всѣхъ длинныя лица! (*Полюбину*):

Ну, любезный, на комъ же ты женишься?

Полюбинъ. Вы слишкомъ жестоко шутите.

Звѣздовъ. Богъ съ тобой! не только не жестоко, а все не шучу. Я признаюсь, всегда полагалъ, что ты ищешь въ Варинькѣ; да вотъ жена разувила, говорить, что ты на какой-то на другой намѣренъ жениться. Спроси у нея.

Полюбинъ (*Звѣздовой*). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневоляскаго ни за что не выйду.

Звѣздовъ. Это что за новость?

Варинька. Зачѣмъ же вы сейчасъ сказали, что выдате меня за того, за кого я хочу?

Звѣздовъ. А развѣ ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что онъ мнѣ противнѣ смерти!

Звѣздовъ. Кто-жъ васъ пойметъ? Вотъ она мнѣ сказала, что ты только и думаешь о Беневоляскомъ и радѣхонька за него выйти оттого, видишь ты, чтобъ отплатить вотъ ему. Вольно-жъ ей было все это говорить. — Что? развѣ ты мнѣ этого не говорила?

Звѣздова. Я тебѣ всегда говорила, и теперь повторяю, что ты несносенъ.

Звѣздовъ. Прошу поворно! она же разгнѣвалась! Сама Богъ знаетъ что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволитъ сердиться. Ха! ха! ха! что? каковъ урокъ? хорошъ? будешь помнить впередъ, не станешь хитрить со мной? Нѣтъ, моя душа, молода меня проводить, а ужъ пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, всѣ твои умыслы тотчасъ смекнулъ. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтобъ я не ѣздилъ въ деревню, вотъ она и затѣяла. Онъ-де, то-есть я, очень желаетъ Вариньку выдать за Беневоляскаго, семь увѣрю его, что Варинька на это согласна, что Полюбинъ отъ нея отказался. Вотъ, молъ, — какъ онъ увидитъ, что все близко къ тому, чего ему хочется, авось ли останется, потомъ дѣлота продлится, и вовсе можетъ не сбудется, а онъ покаместъ раздумываетъ ѣхать въ деревню. — Не такъ ли?

Звѣздова (*обрадовавшись*). Ахъ! какъ ты догадливъ!

Звѣздовъ. Анъ вышло все напротивъ. Объ Беневоляскомъ я и думать не хочу, Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а въ деревню ѣду сейчасъ.

Полюбинъ и Варинька. Какъ счастливо!

Звѣздовъ. Ну, любезный, я давеча какъ шелъ сюда коридоромъ, вы меня не видали, ты у нея украдкой руку цѣловать.

Звѣздова (*въ сторону*). Вотъ что!

Звѣздовъ (*беретъ у Вариньки руку*). Теперь дай сюда. Можешь ее цѣловать при всѣхъ и не совѣститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, съ будущимъ твоимъ мужемъ пожалуйста не хитри, поступиай по-нашему просто, рѣже будешь промаха давать; а ты, братъ, бери примѣръ съ меня, въ обманъ не вдавайся. (*Женѣ*): Ты что, моя душа? не сердилась? а? неужли еще сердилась? дай щечку.

Звѣздова. Съ твоей легкостью въ нравѣ недостаетъ одного, чтобъ ты имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, — ты былъ бы безцѣнный человекъ.

Звѣздовъ. О! я понимаю, что для тебя это въ иномъ случаѣ гораздо было бы прятнѣе; ну, да что-жъ дѣлать, мой ангелъ! Будь

Звѣздовъ. Беневоольскій этотъ не по мнѣ. Какъ Полюбина съ нимъ сравнять? — я бы охотно передумалъ.

Звѣздова (въ сторону). Попался.

Звѣздовъ. Ну, да если нельзя иначе, такъ пусть останется все по-прежнему.

Звѣздова. Какъ?

Звѣздовъ. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, объ которой онъ пересталъ думать.

Звѣздова. Но вѣдь онъ больше отъ того пересталъ думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звѣздовъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты очень умно дѣлаешь, что совѣтуешь Вариньку выдать за Беневоольскаго.

Звѣздова. Мнѣ право все равно, за кого бы она ни вышла, вѣдь не я замужь выхожу.

Звѣздовъ. Нѣтъ, противъ этого нечего спорить; Беневоольскій конечно шутъ, ни на что не похожъ, безалаберная голова; ну да если мужъ только страненъ, а не совсѣмъ дуракъ... какъ бишь ты говорила? точно дѣло. Пусть онъ женится на Варинькѣ: быть по-твоему. Человѣкъ! человѣкъ! (Слуха входитъ). Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здѣсь. (Слуха уходитъ).

Звѣздова. Зачѣмъ?

Звѣздовъ. Варинькѣ объявить, чтобъ она была готова нынѣшній же день къ свадьбѣ.

Звѣздова. Помилуй, вѣдь она не крѣпостная твоя; что за презрѣнне ко всему роду человѣческому? надо же сдѣлать помолвку, подумать о приданомъ, какъ вездѣ водится.

Звѣздовъ. Ты же меня торопила.

Звѣздова (въ сторону). Какой сумасбродный! (Громко): Зачѣмъ же ты послалъ за Полюбинымъ?

Звѣздовъ. Хочется узнать, на комъ онъ женится. — Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотѣла, то и сбудется. Не говори впередъ, что я люблю все дѣлать всѣмъ наперекоръ.

Звѣздова (въ сторону). Надо же быть такому несчастью! въ первый разъ отъ роду соглашается со мною безъ отговорокъ и на мою же бѣду.

ЯВЛЕНИЕ 6-е: Тѣ же, Полюбинъ, Варинька.

Полюбинъ. Вы меня звали?

Звѣздовъ. Да, любезный; ты, говорятъ, женишься?

Полюбинъ. Я, ваше превосходительство! какъ вы это разумѣете?

Звѣздовъ. Ахъ, батюшка! да ты, я чай, знаешь, какъ женятся, — всё на одинъ манеръ. Хорошо, что ты за умъ взялся, право, славно; а я вѣдь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорѣе, передъ моимъ отъѣздомъ.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-съ?

Звѣздовъ. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ахъ! какъ вы милостивы!

Звѣздовъ. Жаль только, что женихъ твой запропалъ. Этотъ повѣса, шуринъ мой, хоть кого такъ развратить, затащилъ его Богъ знаетъ куда. Ну! да воротится, и тогда по рукамъ и къ вѣнцу; я вправду думалъ, что этому не бывать такъ скоро, авось ли молъ какъ приѣду назадъ изъ деревни; да вотъ Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька (*Звѣздовой*). Ах! растолкуйте, что это значить?

Звѣздовъ (*въ сторону*). Какія у всѣхъ длинныя лица! (*Полюбину*): Ну, любезный, на комъ же ты женишься?

Полюбинъ. Вы слишкомъ жестоко шутите.

Звѣздовъ. Богъ съ тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я признаюсь, всегда полагалъ, что ты ищешь въ Варинькѣ; да вотъ жена разувила, говорить, что ты на какой-то на другой намѣренъ жениться. Спроси у нея.

Полюбинъ (*Звѣздовой*). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневоляскаго ни за что не выйду.

Звѣздовъ. Это что за новость?

Варинька. Зачѣмъ же вы сейчасъ сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звѣздовъ. А развѣ ты за него не хочешь?

Варинька. Вудто вы не знаете, что онъ мнѣ противнѣе смерти!

Звѣздовъ. Кто-жъ васъ пойметъ? Вотъ она мнѣ сказала, что ты только и думаешь о Беневоляскомъ и радѣхонька за него выйти оттого, видишь ты, чтобы отплатить вотъ ему. Вольно-жъ ей было все это говорить. — Что? развѣ ты мнѣ этого не говорила?

Звѣздова. Я тебѣ всегда говорила, и теперь повторяю, что ты не-сносена.

Звѣздовъ. Прошу покорно! она же разгнѣвалась! Сама Богъ знаетъ что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изводитъ сердиться. Ха! ха! ха! что? каковъ урокъ? хорошъ? будешь помнить впередъ, не станешь хитрить со мной? Нѣтъ, моя душа, молада меня проводить, я ужъ пятьдесятъ лѣтъ на свѣтъ живу, всѣ твои умыслы тотчасъ смекнулъ. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтобы я не ѣздилъ въ деревню, вотъ она и затѣяла. Онъ-де, то-есть я, очень желаетъ Вариньку выдать за Беневоляскаго, семь увѣрю его, что Варинька на это согласна, что Полюбинъ отъ нея отказался. Вотъ, моль, — какъ онъ увидитъ, что все близко къ тому, чего ему хочется, авось ли останется, потомъ дѣло то продлится, и вовсе можетъ не сбудется, а онъ покаместъ радуется ѣхать въ деревню. — Не такъ ли?

Звѣздова (*обрадовавшись*). Ах! какъ ты догадлив!

Звѣздовъ. Анъ вышло все напротивъ. Объ Беневоляскомъ я и думать не хочу, Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а въ деревню ѣду сейчасъ.

Полюбинъ и Варинька. Какъ счастливо!

Звѣздовъ. Ну, любезный, я давеча какъ шелъ сюда коридоромъ, вы меня не видали, ты у нея украдкой руку цѣловалъ.

Звѣздова (*въ сторону*). Вотъ что!

Звѣздовъ (*беретъ у Вариньки руку*). Теперь дай сюда. Можешь ее цѣловать при всѣхъ и не совѣститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, съ будущимъ твоимъ мужемъ пожалуйста не хитри, поступай по-нашему просто, рѣже будешь промаха давать; а ты, братъ, бери примѣръ съ меня, въ обманъ не вдавайся. (*Женѣ*): Ты что, моя душа? не сердилась? а? неужли еще сердилась? дай щечку.

Звѣздова. Съ твоей легкостью въ правѣ недостаетъ одного, чтобы ты имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, — ты былъ бы безцѣнный человекъ.

Звѣздовъ. О! я понимаю, что для тебя это въ иномъ случаѣ гораздо было бы прятнѣе; ну, да что-жъ дѣлать, мой ангелъ! Будь

довольна чѣмъ Богъ послать. — Однако нечего изъ пустова въ по-
рожнее переливать. — Готовы ли лошади?

Слуга (*входитъ*). Впряжены-сь.

Звѣздова. Постой! какъ же намъ быть съ Беневольскимъ?

Варинька. Ахъ! не поминайте объ немъ.

Звѣздовъ. Я объ немъ ужъ говорилъ одному Прохорову, давеча со мною встрѣтился. Ну! да что объ немъ много думать? дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста. Кабы поскорѣ поспѣть въ деревню! Шутка ли, я тамъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ женился, и мнѣ оттуда пишутъ такія небылицы, доходовъ не высылаютъ. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте безъ меня. Эй! коляску подавать скорѣе! дорожный колпакъ! трости! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е: Звѣздова, Варинька, Полюбинъ, (*немного погодя*)
Федька.

Звѣздова. Поѣдемте его провожать, и кстати сейчасъ можемъ переѣхать на дачу, я почти все туда отправила. Полюбинъ, вы съ нами?

Федька (*вбѣгаетъ*). Охъ! прости, Господи! какая тяжелая рука!

Звѣздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстрѣчу, онъ мнѣ второпяхъ дать изволилъ такого толчка, что въ головѣ завертѣлось.

Звѣздова. Кто ты таковъ?

Федька. Я слуга-сь Евлампія Аристарховича.

Звѣздова. А! кланяйся ему отъ меня, скажи, что я уѣхала на дачу за двадцать верстъ отсюда на все лѣто. (*Уходитъ*).

Варинька. И отъ меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста, и выхожу замужъ, только не за него, — скажи ему это. (*Уходитъ*).

Полюбинъ. И отъ меня поклонись ему; я Полюбинъ, и женюсь на его невестѣ, — можешь ему донести объ этомъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е:

Федька (*одинъ*). Экъ, что поклоновъ! знать мы съ бариномъ-то у праздника! видно ему здѣсь житье отъ господъ, что мнѣ отъ своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысился! У этихъ большихъ баръ, кто имъ первый пырь въ глаза, да не во время, тотъ и виноватъ. Хорошо, что мой-то баринъ не великой господинъ; будетъ ли только исправно платить? — Ну, да что! Я вѣдь въ Питерѣ понавострился: за мѣсяцъ впередъ, а не то прощай. Денегъ нѣтъ, — слуги нѣтъ, самъ себѣ сапоги чисти!

ЯВЛЕНИЕ 9-е:

Федька, Беневольскій, Саблинъ (*входятъ рука объ руку, оба нѣсколько шатаются. Саблинъ поетъ тѣсно*).

Федька. Видно, наши-то навеселѣ.

Саблинъ. Вотъ мы и у тебя въ комнатѣ. Ну что? по-твоему каково ѣдать у этого француза?

Беневольскій. Амброзія! (*Садится въ кресло и задумывается*).

Саблинъ. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормилъ.

Федька. Вамъ, баринъ, приказано сказать...

Саблинъ. Поди вонъ, послѣ скажешь.

Федька. Чего послѣ, сударь! нужда прекрасная. Ея превосходительство...

Саблинъ. Убирайся знаешь куда. — Беневоольскій! выгони его.

Беневоольскій. Оставь насъ.

Саблинъ. Кстати, тамъ пришелъ съ нами мальчишкѣ изъ ресторацин, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопоръ и стакановъ до-станъ въ буфетъ, да чтобъ никто въ домъ не видалъ, слышишь ли?

Федька. Позвольте напередъ вымолвить два словца... мнѣ при-казано...

Саблинъ. Вонъ! сейчасъ! не то пятьсотъ палокъ! (*Вытаскиваетъ его и ложится на сундукъ*). Пришли его ко мнѣ въ эскадронъ, братецъ, я его научу послушанію. — Ну, что задумался? деньги про-игралъ! я бы тебѣ охотно помогъ, да ей Богу! никогда копѣйки нѣтъ за душой. То ужъ здѣсь, братъ, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы отъ нихъ давно безъ мундира ша-тался. Да и ты что за простякъ! читалъ, читалъ, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну гдѣ это видано?

Беневоольскій. Своенравіе судьбы! ея желѣзная рука...

Саблинъ. Нѣтъ, братъ, развѣ у того, кто банкъ металъ, лобъ же-лѣзный! Жаль, что не знаю довольно игры, не къ чему придратъся.

Беневоольскій. Какъ его имя?

Саблинъ. Кто его знаетъ? я самъ впервые отъ роду его вижу.

Беневоольскій. Но я по вашему приглашенію зашелъ къ нему.

Саблинъ. Онъ обѣдалъ подлѣ той комнаты, гдѣ мы съ тобой сидѣли; я затѣмъ-то вышелъ, онъ сталъ со мной говорить, познакомился, по-звалъ къ себѣ, — а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. — Хо-рошо живеть; какая куча народу къ нему нашла! я чай, такіе же плуты, какъ онъ самъ.

Беневоольскій. Музы! я измѣнить вамъ, погнался за окрыленной фортуной...

Саблинъ (*звѣдетъ*). Полно бредить.

Беневоольскій. Я опять вашъ, я опять съ вами, мечты уединенья!

Саблинъ. Шутишь, братъ; когда со мной, такъ не одинъ. Куда глупо, что здѣсь въ домъ не позволяютъ трубокъ курить! я умно дѣлаю, что къ сестрѣ не переѣзжаю жить.

Беневоольскій (*вынимаетъ бумагу и читаетъ*). Дружись, мой другъ съ мечтой...

Саблинъ (*вырываетъ бумагу и кидаетъ на полъ*). Брось свой вздоръ, и безъ того скучно. (*Федька входитъ съ бутылкой и ста-канками*). А! вотъ оно, повеселѣе будетъ, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. Съ горя, право съ горя; сходилъ не-одалъ, дай де порав-няюсь съ господами. (*Прислоняясь къ стѣнкѣ поетъ*): Ахъ ты коз-ливи, мой возликъ! дедули мои! гей!

Беневоольскій. Шшъ! что ты съ ума сошелъ?

Саблинъ (*трудясь за бутылкой*). Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу въ грязи, кричу: не брызжи.

Саблинъ (*наливаетъ и поетъ*).

Vive Henri quatre!

Vive ce roi vaillant!

Беневоольскій. О, умодчите! что за охота пѣть французскую пѣсню? у насъ столько своихъ плѣнительныхъ мелодій пѣвцовъ своей печали.

Саблинъ. Пусть они сами свою печаль поютъ, а я стану пѣть «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневоольскій. Но есть ли тутъ хоть малѣйшее воспоминаніе для души русскаго?

Саблинъ. Преславное: нашъ входъ въ Парижъ, мы первые заставили пить эту пѣню. Вотъ было житье! Выпьемъ скорѣе въ память этого счастливаго дня! Пей же, ну, безъ гримасы!

Беневоольскій (*съ стаканомъ въ рукахъ*). Вакхъ!.. тебѣ!

Саблинъ (*вливаетъ въ него весь стаканъ*). Безъ розсказней!

Федька. Пей, да про себя разумѣй.

Саблинъ (*выпивши*). Что за Бургонское! стаканъ было проглотилъ. Беневоольскій (*сморщившись*). Нектаръ,

Саблинъ. Беневоольскій! душа моя! выпьемъ еще по стаканчику.

Беневоольскій. Нѣтъ, никакъ; я еще съ обѣда отуманенъ этими парами.

Саблинъ. Беневоольскій! но будь хоть теперь Беневоольскій: выпей, не заставляй себя просить. Беневоольскій, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну поговорку... постой! кажется: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Беневоольскій. In vino veritas.

Саблинъ. Ну, а вѣдь ты теперь не трезвый. — Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

Беневоольскій. Люблю.

Саблинъ. А я тебя не люблю, да все равно: ты любишь, такъ докажи, выпей! на! Да полно, я не въ шутку разсержусь; бери же, вотъ такъ, подѣлуй меня! стукнемъ!

Беневоольскій. Чашу въ чашу.

Федька (*подкрадывается*). Подойду поближе, хоть понюхать. (*Саблинъ пьетъ, а Беневоольскій ловитъ эту минуту, чтобы вылить стаканъ и попадаетъ прямо Федькѣ въ лицо и на платье*). Что за обливанье, сударь? еще я покажѣть свое платье пошу, когда-то сошьете!

Саблинъ. Выплеснулъ! не выпилъ! Подѣломъ не терплю я этихъ марателей: всякій изъ нихъ, постѣдній, презираетъ всѣхъ, думаетъ, что онъ всѣхъ умнѣе, ничѣмъ не дорожить.

Беневоольскій. Именемъ дружбы...

Саблинъ. Плевать я хотѣлъ на твою дружбу, и знаться съ тобой не хочу. — Поѣду домой. (*Смотрится въ зеркало*): Раскраснѣлся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и такъ Богъ знаетъ что говорятъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е: Беневоольскій, Федька.

Беневоольскій (*не вставая съ кресла*). Презрѣніе буйнымъ чадамъ Арел! безчувственные враги изящнаго! — Федька! стань сюда! На каждой чертѣ лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имѣешь душу!.. И не обдѣлана душа твоя рѣздомъ образованности, и закоснѣла она въ корѣ невѣжества; но ты имѣешь душу!.. подыми! (*Федька подымаетъ бумагу, брошенную Саблиннымъ на полъ*). Слушай! (*Читаетъ*):

Дружись, о другъ, съ мечтой...

Федька. Ахъ! баринъ, только было я подружился съ Алексѣемъ лавеемъ, да вишь и увезли его.

Беневоольскій. Шшш.

Дружись, о другъ, съ мечтой.
Таинственный покой

Сопутствуетъ намъ съ нею;
И Грація — печаль,
И сумрачная даль,
И будущность зарею
Съ ней будутъ намъ сѣять! —

Счастливое вступленіе! эта неопредѣленность будущаго, сумракъ дальній приготовляютъ сердце къ тихому, сладостному мечтанью. (*Федька*):
А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-съ.
Беневольскій. Ты врешь.

Съ ней будутъ намъ сѣять,
Дни мирны облажать
Души и чувствъ прельщеньемъ,
Какъ легкимъ сновидѣньемъ...

(*Федька*): Понимаешь ли ты? сновидѣнье?

Федька. А кто ихъ пойметъ? мнѣ давеча такая дурь во снѣ при-
видѣлась! что ваши вирши!

Беневольскій. Хочешь ты слушать или нѣтъ?

Федька. Какъ вы приказать изволите.

Беневольскій. Такъ слушай же и молчи! (*Продолжаетъ читать*):

И мрачныхъ мыслей сынъ
Съ мечтою не одинъ;
Онъ преплываетъ море
Туманныхъ бурныхъ думъ,
Отъ вояхъ взоръ и умъ
Смущеньемъ цѣпенѣютъ.

(*Федька*): Скажи правду: страшно-ли это?

Федька. Страшно-съ.

Беневольскій. Ты понялъ что-нибудь?

Федька. Ничего не понялъ-съ.

Беневольскій (*съ радостію*). И этотъ даръ возбуждать ужасъ самой
незначущей, часто непонятной мыслию,—онъ неизвѣстенъ былъ до-
нынѣ: это свѣжій листокъ, вполетенный въ вѣнецъ поэзіи. (*Продол-
жаетъ*):

Ахъ! скоро ли приспѣютъ
Тѣ дни, златой тотъ часъ,
Когда любовь отрадой
Появится для насъ
Съ надеждою—услადой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нѣтъ, баринъ, надежда плоха. Дайте рассказать, что здѣсь
безъ васъ приключилось.

Беневольскій. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя
не сиросать. (*Продолжаетъ*):

Какъ обновленный свѣтъ
Собой украсить роза?
Гвоздика, милый цвѣтъ,
Тюльпанъ и тубероза
Узорчатымъ ковромъ
Влеснутъ предъ томнымъ взоромъ?

(Федька): Сколько цвѣтовъ поэзіи! А?

Федька. Нечего сказать, что много цвѣтовъ-съ.

Беневольскій. Цвѣты поэзіи! Кто васъ не чувствуетъ? (Федька): Не прерывай же меня. Гдѣ бишь я остановился? да... «предъ томнымъ взоромъ...»

Какъ, чистыхъ Музъ соборомъ
Восторженный въ эфиръ,
Я безпредѣльный міръ
Слію съ непостижимымъ?

(Федька): Ты зѣвашь, безчувственный?

Федька. Винавать, сударь, у меня обычай такой: какъ мнѣ зачнутъ сказки читать, такъ и задремлетъ, — еще бывало съ молода, какъ нашъ дьячокъ, слово въ слово такой же мастеръ, какъ и ваша милость...

Беневольскій. Прочь со своими сравненіями, въ пыли таящаяся душа! прочь, пока гнѣвъ не совсѣмъ овладѣлъ мною. (Федька отходитъ, садится на сундукъ и засыпаетъ. Беневольскій продолжаетъ читать):

Дотоль, рука съ рукой,
Мы по стезямъ незримымъ
Спѣшимъ, о другъ! съ тобой
Къ безсмертью, въ безконечность!
А тамъ!—награда.. вѣчность!

И это я написалъ: это излилось изъ моего пера! — Федька.. Онъ спитъ, жалкій человѣкъ! вмѣстилище физическихъ потребностей!.. И всѣ люди почти таковы! съ кѣмъ я ни встрѣчался здѣсь въ столицѣ, ни одинъ не чувствуетъ этого стремленія, этого позыва души туда! къ чему-то высшему, незнаемому!—Но тѣмъ лучше: какъ великъ между ими всѣми тотъ одинъ, кто, какъ я, вознесенъ выспрѣ изъ среды обыкновенности! — Рука фортуны отяготѣла надо мною, я проигралъ мои деньги,—но дары фантазіи всегда при мнѣ, они все поправятъ. Вельможи, царя будутъ внимать строю моей лиры, и золото и почести рѣкою польются на пѣвца. Но я ими не дорожу, я доволенъ одною славой, удѣломъ великимъ.

ЯВЛЕНІЕ 11-е: Тѣ же и Швейцарь.

Швейцарь. Скоро ли, сударь, опростааетъ квартиру?

Беневольскій. Что такое?

Швейцарь. Скоро ли вы изволите отселѣ выбратъся!

Беневольскій. Пожаръ? неужли пожаръ? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! въ нихъ все мое богатство.

Швейцарь. Нѣтъ, сударь, Богъ милостивъ, еще ничто не горитъ.

Беневольскій. Нѣтъ? что жъ ты сказалъ?

Швейцарь. Я спрашивалъ, скоро ли вы отселѣ съѣзжаете?

Беневольскій. Развѣ тебѣ Александръ Петровичъ велѣлъ?..

Швейцарь. Нѣтъ, онъ объ васъ ничего не приказывалъ; а ужъ какъ онъ изволилъ отправиться въ деревню, а барыня съѣхала на дачу, такъ когда вы опростааете комнату? я бы заперъ.

Беневольскій. Не можетъ быть. Какъ это? давно ли? такъ скоро? будто Александръ Петровичъ уѣхалъ?

Швейцарь. Изволилъ уѣхать.

Беневольскій. Въ деревню? далеко ли?

Швейцарь. Вотчина его Прилиповка въ Костромской губерніи, версть отсель девятьсотъ съ десяткомъ, да въ Рязанской село Потѣшное, версть будетъ побольше тысячи, до около Нижняго барынина деревни Березовка, деревня большая, тоже душъ тысячи съ полторы.

Беневольскій. Въ которую же онъ теперь уѣхалъ?

Швейцарь. Да Богъ вѣсть, люди на-двое говорили.

Беневольскій. Неужли онъ ничего не приказывалъ передъ отъѣздомъ?

Швейцарь. Изволилъ крѣпко наказывать, чтобъ штучные помы вездѣ починить, гдѣ расклеились, да люстру изъ галдарей вынести...

Беневольскій. Да обо мнѣ что?

Швейцарь. Объ васъ онъ ничего не приказывалъ.

Беневольскій. Вѣрно ты не знаешь; кто еще въ домѣ есть, кромѣ тебя?

Швейцарь. Ни одного живаго человѣка: барыня шестерыхъ людей забрала съ собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольскій. Что жъ мнѣ дѣлать?

Швейцарь. Какъ станете перевозиться, дайте мнѣ знать съ вашимъ человѣкомъ: надо будетъ здѣсь убрать послѣ васъ.

Беневольскій. Зачѣмъ же мнѣ переѣзжать?

Швейцарь. Баринъ крѣпко наказывалъ, чтобъ здѣсь никому не оставаться, что де комнаты всѣ стануть заново расписывать.

Беневольскій. И мнѣ велѣлъ переѣзжать?

Швейцарь. Объ васъ онъ ничего не приказывалъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 12-е: Беневольскій, Федька.

Беневольскій. Федька! Федька! безпросынный! негодай!.. вставай! проснись!

Федька (*впросонкахъ*). Лѣвѣй, Алѣха...

Беневольскій. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька (*протягиваясь*). Что сударь? ась?

Беневольскій. Ты спишь, мерзавецъ! и не говоришь мнѣ, что всѣ отсюда уѣхали, и мы съ тобою одни остались въ опустѣломъ домѣ!

Федька. Вишь, сударь, я не разъ принимался вамъ докладывать, да поди-ко вы съ вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольскій. Говори, что здѣсь безъ меня было? что ты видѣлъ? Александръ Петровичъ не приказывалъ ли тебѣ чего-нибудь?

Федька. Онъ второпяхъ далъ мнѣ толчка, что въ ухахъ зазвенѣло; только я отъ него добра и видѣлъ.

Беневольскій. Но другіе что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велѣли вамъ кланяться.

Беневольскій. Только?

Федька. Нѣтъ-съ; еще что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да право, все изъ головы вонъ вышло. — Что бишь онѣ велѣли вамъ сказать?

Беневольскій. Терпѣнья! дайте мнѣ терпѣнья!

Федька. Да что барышня то, ваша невѣста, — ужъ не ваша невѣста, а выходитъ замужъ за его милость, забылъ, какъ зовутъ.

Беневольскій. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мнѣ въ этомъ кораблекрушеніи? — Ты не знаешь всѣхъ моихъ бѣдствій: у меня ни копейки нѣтъ денегъ.

Федька. Ахъ, Создатель! ужли потеряли?

Беневольскій. Проигралъ.

Федька. Въ картѣжъ! вотъ тѣ благодарствуй!

Беневольскій. Безъ денегъ! безъ друзей!

Федька. А еще разумникъ! грамотникъ! вотъ те разживусь, да разбогачю.—«Что ты отъ меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!»—Анъ вышелъ самъ безъ гроша: я видѣлъ, что тебѣ не одобровать.

Беневольскій. Какъ ты смѣешь говорить со мной во второмъ лицѣ единственнаго числа?

Федька. Вишь, все хорохорится: «я де всѣхъ разумнѣе, мнѣ здѣсь дадутъ денегъ съ три пропаста!»—анъ, лучше бы помнить пословицу: «иду—не свищу, найду—не спущу». (*Треплетъ Беневольскаго по плечу, тотъ его отталкиваетъ*). Эка дворянска амбицъ! безъ денегъ, а спѣсивится! Пойду, возьму свои пожитки, да уберусь, поищу себѣ барина потолоковѣе. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 13-е: Беневольскій, Прохоровъ.

Прохоровъ (*читаетъ записку*). Евлампій Аристарховичъ Беневольскій, недавно прїѣхавшій въ Санктпетербургъ, обучался въ Казанскомъ университетѣ разнымъ языкамъ и наукамъ, знаетъ грамматику.

Беневольскій. Это я. Что вамъ нужды до меня, вамъ, чуждымъ моей скорби?

Прохоровъ. Вы безъ мѣста, какъ мнѣ довелось слышать, находитесь?

Беневольскій. Я всѣми отверженъ, душа моя подавлена подъ гнетомъ огорченій.

Прохоровъ (*садится*). Позвольте присѣсть. Я нѣкоторое такое мѣсто имѣю, недавно упразднившееся, вамъ особенно свойственное.

Беневольскій (*въ сторону*). Онъ для меня имѣеть мѣсто! стало, слышать обо мнѣ, я здѣсь извѣстенъ. (*Громко*): Что побудило васъ подать мнѣ руку помощи? кого я въ васъ вижу?

Прохоровъ. Мое прозваніе Прохоровъ, говорилъ мнѣ объ васъ его превосходительство Александръ Петровичъ, у котораго вы жительство имѣете.

Беневольскій. Ахъ, сударь! я объ васъ отъ него столько наслышался,—вы, кажется, издавна близки его сердцу.

Прохоровъ. Я только съ давишной поры имѣю честь быть влюченнымъ въ число его знакомыхъ.

Беневольскій. Какъ, сударь! не прежде?

Прохоровъ. Дѣйствительно такъ. Мы встрѣтились въ милютинскихъ лавкахъ, въ 9 номерѣ. Его превосходительство кушать изводили фрукты, а я кое къ чему приторговывался.

Беневольскій. Онъ мнѣ сказывалъ, что ваше имя пользуется большою извѣстностью.

Прохоровъ. Справедливо такъ. Вы мое имя на заглавныхъ листкахъ многихъ книгъ помѣщеннымъ видѣть можете.

Беневольскій (*въ сторону*). Ему посвящаютъ книги! (*Громко*): Позвольте, сударь, и мнѣ поднести вамъ мои опыты въ прозѣ и стихахъ, досуги моей безпечной музы; они, конечно, будутъ приняты публикою съ большою благосклонностію, если украсятся вашимъ именемъ.

Прохоровъ. О! государь мой, сіе для меня слишкомъ много, я не болѣе, какъ честный содержатель типографіи; но вы хорошо сдѣлаете, если оныя ваши труды нашему директору посвятите, онъ человѣкъ достопочтенный и надворный совѣтникъ.

Беневольскій. Какъ! вы содержатель типографіи?

Прохоровъ. Истинно такъ. Не соизвольте ли вамъ будетъ дать мнѣ на образецъ ваше нѣкакое рукописаніе?—Сіе весьма необходимо.

Беневольскій. Къ чему жъ это? Если вы хотите видѣть мой почеркъ, то я увѣрю васъ, что онъ самой плохой, — отрисовка моихъ идей обнаруживается не въ красивыхъ литеркахъ. Если же вы хотите знать мой слогъ, то можете найти кучу моихъ произведеній во многихъ извѣстныхъ нашихъ журналахъ, въ «Сынѣ Отечества», напримѣръ.

Прохоровъ. Сіе періодическое изданіе изъ лучшихъ, нумера выходятъ всегда аккуратно, буквы отиѣнно четкія, бумага вообще хорошая.

Беневольскій. О! сударь, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на вещи!

Прохоровъ. Вы вѣроятно переводите?

Беневольскій. И сочиняю.

Прохоровъ. Весьма похвально. Знаете ли вы правописаніе?

Беневольскій. Помилуйте, я кажется сказалъ вамъ, что многія мои сочиненія помѣщены въ журналахъ.

Прохоровъ. Безспорно такъ. Но я скажу вамъ, государь мой, что многіе изъ нашихъ, впрочемъ весьма почтенныхъ словесниковъ, коихъ сочиненіями журналы наполняются, утомляютъ меня своими поспѣшеніями: изъ нихъ большая часть не весьма тверды въ правописаніи. Оно же, правописаніе, разумѣю я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуваженію.

Беневольскій. Какая жъ это должность?

Прохоровъ. Должность сія въ томъ состоитъ, дабы съ неусыпнымъ бдѣніемъ за ошибками, встрѣчающимися могущими при книгопечатаніи, надсматривать.

Беневольскій (*въ сторону*). Скорѣе влачить съ собою котомку нищеты, чѣмъ взять на себя эту произвольную, неблагодарную должность.

Прохоровъ. Вы имѣете ежегодно получать въ опредѣленные сроки четыреста пятьдесятъ рублей, и за прочтеніе печатаемыхъ книгъ задѣльная плата съ каждаго листа по пяти копѣекъ вамъ безъ задержки производиться будетъ.

Беневольскій (*въ сторону*). Онъ мнѣ душу раздраетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ: ТѢ же и Мальчикъ.

Мальчикъ. Мнѣ, сударь, пора домой идти.

Беневольскій. Что тебѣ надобно?

Мальчикъ. Я за вами бутылку съ виномъ давеча принесъ! этотъ офицеръ сказалъ, что вы заплатите, а меня хозяинъ нашъ мусье побьетъ, коли я промѣшкаю.

Беневольскій. Ахъ, братецъ! у меня человѣкъ выпелъ, унесъ ключъ отъ шкатулки. Милостивый государь! я согласенъ быть у васъ корренторомъ; между тѣмъ заплатите за меня небольшою этою долгъ.

Прохоровъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ, въ зачетъ будущаго вашего жалованья.

Беневольскій. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сопутницы неизмѣнны! куда вы исчезли, замачивши?...
..

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ и ПЛАНЫ.

РОДАМИСТЪ и ЗЕНОВІЯ.

(Планъ трагедіи).

А К Т Ъ I.

Дебрь, лай, звукъ роговъ, громъ бубенъ. Нѣсколько охотниковъ, потомъ Родамистъ и за нимъ приближенный оруженосецъ Семпадъ, которому онъ довѣряетъ безпокойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернь. Ему ненавистны и Фарасманъ, и Римляне, и Пары, но онъ сперва ополчится на сихъ, а Римъ страшень царю, едва твердому на собственномъ престолѣ. Велитъ пригласить къ себѣ посланца отъ римскихъ восточныхъ легионовъ, который тутъ-же тышится охотою. Семпадъ идетъ, Родамистъ раскаивается, что былъ съ нимъ слишкомъ чистосердеченъ.

Является Касперій. Переговоры, хвастовство съ обѣихъ сторонъ. Римлянинъ кичится свободою и славою отечества, Родамистъ даетъ ему чувствовать, что то и другое живо только въ памяти, по преданіямъ. Римъ рабствуетъ, и сила его оружія давно уже не испытана, власть царя восточнаго народа вѣрнѣе и чистосердечнѣе: велитъ,—и любой изъ дружины его пожертвуетъ жизнію. Касперій не удивляется, упоминаетъ о Деціи и о многихъ другихъ опытахъ самопожертвованія, но для благороднѣйшей цѣли.—Родамистъ велитъ удалиться прочимъ, а Семпаду готовится къ бою съ тигромъ. Наединѣ съ Касперіемъ пыгается подкупить его притворною пріязнью, корыстію, честолюбіемъ. Касперій непоколебимъ. Родамистъ отпускаетъ его прежде себя на зрѣлище. Самъ остается одинъ и разсуждаетъ: къ чему такой человекъ, какъ Касперій, въ самовластной имперіи,—опасенъ правительству, и самъ себѣ бремя, ибо инаго вѣка гражданинъ.—Коня! Коня! отправляется за Касперіемъ на ту же травлю.

2-я сцена въ царскомъ теремномъ саду. По восточному прямолинейная аллея чинаровъ, миндальныхъ деревьевъ, которые всѣ прижимаютъ къ большой пурпурной ставкѣ. Около нея главные чины въ рабѣльномъ ожиданіи властителя, — Ярвандъ, Мирванъ, Бахратъ, Аспрухъ, Армасиль и проч.

Аспрухъ сидящій, всѣ около него стоятъ. Онъ Грузининъ, албанскаго происхожденія, взятъ въ плѣнъ Фарасманомъ, имъ вскормленъ, дрался противъ соотечественниковъ и тѣмъ гордится. Арфаксатъ первый по Родамистѣ, всѣ передъ нимъ преклоняются; онъ кичится тѣмъ, что знаетъ только царево слово, которое ему вмѣсто совѣсти и славы. Тодки о близкомъ возвращеніи царя съ охоты, объ отправленіи римскаго посла и о томъ, чтобы никто изъ жителей не имѣлъ сообщенія съ чужеземцами—Пары они, или Римляне. Всѣ соглашаются на все, что онъ ни говоритъ, потомъ онъ уходитъ. Долго никто не смѣетъ сказать своего мнѣнія, наконецъ Армасиль, славный воинъ, воспитанный въ Римѣ, гдѣ онъ былъ при Митридатѣ во время его заточенія, прерываетъ молчаніе и своею откровенностію и убѣжденіемъ невольнo исторгаетъ у каждого одно желаніе: смерть утѣснителя. Въ Бахратѣ, Ярвандѣ и Мирванѣ видны мелкія страсти. Жалобы, что всѣ главнѣйшія мѣста воинскія и всѣ поборы поручены Грузинамъ, мноземцамъ. Одинъ жалуется, что уже не онъ орлоносецъ, котораго

важное преимущество, но наследственное, по закону Вагаршапа, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистью къ нынѣшнему царю,—при вѣнчаніи царя на него возлагать корону; другой, что евнуху поручена царская сокровищница, которой онъ по наследству былъ хранителемъ; третій, что Аспрухъ первый въ довѣренности царя, когда по роду и богатству ему принадлежить сей санъ. Иные даже попрекаютъ царю, что онъ воздерженъ съ женщинами, почти не имѣетъ наложницъ и въ пиршествахъ мало участвуетъ, что онъ болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя. Армасиль упрекаетъ ихъ въ малодушіи. Вѣбгаецъ Ассюдь, его остерігаются. Онъ объявляетъ о насильственной смерти брата, о мщеніи, которымъ пылаетъ за сіе злодѣйство противъ Родамиста. Армасиль недоувѣрчивъ. — «Отчего же ты равнодушнѣе его отбиваешь отъ нашего сообщества?» — «Онъ вскормленъ въ царедворцахъ, вчера еще дышалъ милостію царевою, нынѣ мгновенно возбужденъ противъ него однимъ внезапнымъ случаемъ,—но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушнѣе въ ревностнаго ласкателя?» — «Мнѣ ли, юношѣ, быть опытнѣе васъ, старцевъ? Но помните: не во множествѣ сила, когда дѣло правое, но въ испытанномъ, надежномъ, несомнѣнномъ мужествѣ участниковъ.» — Является юродивый, пророчить. Онъ нищій скиталецъ, проситъ милостыню,—или соглядатай царева? Притворно ли проповѣдуетъ, или точно безумный? Но многіе, въ томъ числѣ Бахратъ, его знаютъ. Все въ него вѣруютъ, онъ давно уже стяжалъ славу святости; пещера его въ утесѣ, на берегу Аракса.—Здѣсь онъ тайными словами изъ Зендавесты прорицаетъ успѣхъ заговорщикамъ. Сперва тоже нѣмъ, не отваживается говорить. Армасиль: «я знаю отчего онъ нѣмствуетъ,—сей юноша, бывшій ласкатель царева, ему заграждаетъ уста.» Армасиль убѣждаетъ его вѣрить и онъ религіею истиннаго Армянина еще болѣе ихъ воспламеняетъ къ скорѣйшему взрыву, назначаетъ имъ ночное, рѣшительное сходбище въ склепѣ царей армянскихъ. Заговорщики назначаютъ ночь къ тайному сходбищу въ капищѣ за южными вратами города. Потомъ пустынный исчезаетъ. Ассюдь удаляется съ растерзаннымъ сердцемъ, что никто не принимаетъ участія къ его скорби. Онъ Армянинъ, но Армяне къ нему холоднеѣ Иверовъ.—«Я дебри оглашу моими справедливыми проклятіями за жестокость царя къ несчастному брату!»—Цѣлый полкъ прислужниковъ, за ними Родамистъ. Аспрухъ всѣхъ работннѣе.—Противуположность Аспруховой спѣси съ низшими и униженія передъ властителемъ.—Родамистъ нныхъ дарить дичью съ охоты, кому благоволеніе, кому грозный судъ,—Армасилу попрекъ, что не былъ на охотѣ. Говоритъ объ отъѣздѣ Римянина, съ которымъ онъ заключилъ союзъ, и въ мирѣ съ Парсами. Ждетъ отъ отца подкрѣпленія. Все подъ его державою благоденствуютъ. «Тотъ день потерявъ, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, покойтесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царево око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣнностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

А К Т Ъ П.

Женскій теремъ.

Зенобія, Перизада и прочія прислужницы. Зенобія — дочь убѣиваго Родамистомъ Митридата, его дяди, но выданная замужъ еще

прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, а потому Перизада напрасно хочет возбудить въ ней ненависть, желаніе мести, — страсти ея невинному сердцу вовсе чужды. Перизада ей напоминаетъ о удавленіи отца и кто его убійца, Зенобія едва этому вѣрить. Отца она мало видала, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу и ея долгъ его любить, угодить ему во всемъ и трепетать его гнѣва. Что приобрѣтетъ она безплодною местию? Успѣхъ невѣроятенъ, способъ къ тому превышаетъ женскихъ ея силъ. Но, если-бы и удалось, — какое отъ того счастье? Перизада трогаетъ ея совѣсть гнѣвомъ небеснымъ. Зенобія впадаетъ въ грусть, Перизада предлагаетъ ей ворузбу для развлеченія, и святаго пустынножителя, который давно управляетъ ея собственнымъ суевѣріемъ. Его вводить съвѣсныя дѣвушки потаенно. Онъ еще болѣе подкрѣпляетъ слова Перизады. Наконецъ Зенобія совершенно разстроена его таинственными пророчаніями. Онъ съ нею беретъ слово, что она ночью, въ сопровожденіи Перизады, придетъ въ кашіше внѣ города, гдѣ склепъ царей армянскихъ, и мертвыхъ зоветъ во свидѣтели, что тамъ откроетъ ей тайну, отъ которой зависить будущее безмятежное теченіе ея жизни. Зенобія говоритъ ему, что Родамистъ всѣмъ любимъ и злодѣямъ страшенъ; кто покусится возстать противъ него? Юродивый пустыжникъ увѣряетъ ее въ противномъ.

Евнухъ возвѣщаетъ приходъ Родамиста. Пустыжникъ скрытъ толпою женщинъ. Сцена Родамиста съ Зенобіею наединѣ; она печальна, воспоминанія, которыми ей сейчасъ возмутили душу, препятствуютъ ей предаться иному чувству. Родамистъ недоволенъ ею, подозреваетъ въ ней притворство, нелюбовь. Ни въ комъ не увѣренный, окруженный трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами... неужели въ донѣ супружеской любви нѣтъ ему успокоенія!! Оставляетъ ее разстроенную и самъ въ волненіи.

Бахратъ входитъ съ Ассюдомъ, который уже включенъ совершенно въ тайное умышленіе противъ Родамиста. Армасиль скорбитъ при самомъ Ассюдѣ о сей неосторожности. Ассюдъ горитъ нетерпѣніемъ отомстить царю, Армасиль объ одномъ его проситъ, — о совершенномъ бездѣйствіи и о скромномъ сохраненіи тайны. Ассюдъ обѣщаетъ болѣе: онъ на себя беретъ убить царя. Армасиль всѣмъ въ свѣтѣ заливаетъ его не предаваться сему нетерпѣнію, что онъ прочіихъ тѣмъ губитъ, не совершивъ ничего; наконецъ говоритъ, что ихъ дѣло слишкомъ зрѣло, еще нѣсколько мгновений, и кто поручится, что они не будутъ преданы — участникомъ слишкомъ много, въ которыхъ онъ не увѣренъ, и потому надобна рѣшимость; послѣднее слово — сходбище ночью и потомъ за оружіе. (NB. Характеръ Армасила самый основательный: онъ не скоръ, но твердъ въ поступкахъ, и болѣе молчаливъ; опасность его не пугаетъ, но неосторожности не проститъ себѣ. Въ 3-мъ дѣйствіи совершенное развитіе его характера, которому Ассюдъ во всемъ противоположенъ). Нѣкоторые изъ заговорщиковъ присоединяются къ сей бесѣдѣ. Вообще надобно замѣтить, что народъ не имѣетъ участія въ ихъ дѣлѣ, — онъ будто не существуетъ. Въ 3-мъ уже дѣйствіи возмущеніе дѣлается народнымъ, но всеѣмъ не по тѣмъ причинамъ, которыми движимы вельможи: оставъ сама собой, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похи-

ценіями у гражданъ женъ и имуществъ, возстановляетъ ихъ противъ себя.

Аспрухъ велитъ черезъ евнуха, чтобы всѣ удалились; ему повинуются. Входитъ Родамистъ, нѣсколько словъ съ Аспрухомъ о порядкѣ дружины. Аспрухъ доноситъ о содружествѣ между собою многихъ сомнительныхъ царедворцевъ, Ярванда, Бахрата и проч. Родамистъ презираетъ слишкомъ людей, чтобы отъ нихъ бояться чего-нибудь важнаго. Онъ желаетъ какого-нибудь важнаго происшествія, чтобы въ полной мѣрѣ предаться своей дѣятельности, измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ, насколько онъ ихъ превзойти можетъ, — враги нужны великому человѣку. Но скрытно и прилежно велитъ за ними наблюдать, при первомъ двусмысленномъ движеніи донести ему вновь; если требуется спѣха, — схватить ихъ безъ доклада ему и ввергнуть въ оковы; если опасность неминуема, — безъ изслѣдованія предать смерти. Отпускаетъ Аспруха съ евнухомъ; нѣсколько словъ о Зенобіи, о гаремѣ; евнуху поручаетъ насчетъ женщинъ, какъ Аспруху о вельможахъ. Родамистъ одинъ. Смутное предчувствіе, недоволенъ своимъ положеніемъ.

Въ 2-мъ Ассюдь хочетъ заколотъ Родамиста, тотъ удерживаетъ его, притворное соучастіе, выманиваетъ у него тайну, потомъ свирѣпствуетъ.

Но—кто этотъ, бродитъ округъ ставки, въ часы царскаго отдохновенія, когда никто сюда не смѣетъ приближаться? Боязливъ, озирается... Родамистъ готовится къ оборонѣ, но дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ скрытнаго врага. Ассюдь сперва медленно подступаетъ, потомъ устремляется на царя, обезоруженъ имъ и раненъ въ руку.

Въ 3-мъ заговорщики ссорятся о будущей власти, въ эту минуту устремляется на нихъ Родамистъ.

1812 ГОДЪ.

(Планъ и сцена изъ драмы).

(1822).

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Красная площадь.

Исторія начала войны, взятіе Смоленска, народныя черты, приѣздъ государя, обозъ раненыхъ, рассказъ о битвѣ Бородинской. М* съ перваго стиха до послѣдняго на сценѣ. Очертаніе его характера. Соборъ архангельскій.

Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., изъ разныхъ стихій сложенныя и съ познаніемъ всего, отъ начала вѣка до днесь, какъ будто во всѣхъ дѣлахъ послѣ ихъ смерти были участниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла у нихъ память о томъ, что было съ ними за предѣлами сей жизни, и гдѣ были и откуда нынѣ вновь призваны къ бытію. Пророчествуютъ о годнѣ искупленія для Россіи, — если не для современниковъ, то сіи, повѣствуя смысламъ, возбуждаютъ въ нихъ огонь неугасимый, рвеше къ

славѣ и свободѣ отечества. Хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ и живописнымъ строемъ представляетъ ихъ отшествіе изъ храма; своды разступаются, герои поднимаются выспрь и исчезаютъ.

Теремъ царей въ Кремль.

Наполеонъ съ сподвижниками. Картина взятія Москвы. Н* одинъ. Высокія воспоминанія. Открываетъ окно, лунная ночь. Видѣніе — или вѣтъ, какъ случится. Размышленіе о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, правовъ. Самъ себя преданный,—что бы онъ могъ произвести?

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Галерея въ домѣ Познякова.

Входитъ офицеръ R. изъ приближенныхъ къ Наполеону (см. сц. 3-я, 1-го отд.), исполненный жизни, славы и блестящихъ надеждъ. Одинъ посѣдлый воинъ, съ горькимъ предчувствіемъ опытности, остерегаетъ насчетъ будущихъ бѣдствій. Ему не вѣрятъ. Хохотъ. Изъ театра несутся звуки пляски и отголоски веселыхъ пѣсень. Между тѣмъ зарево обнимаетъ повременно окна галлерей; болѣе и болѣе устрашающій вѣтеръ. Объ опустошеніяхъ огня.

Улицы, пылающіе дома. Ночь. Сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ.—R* и M* въ разныхъ случаяхъ.

Село подь Москвой.

Сельская картина. Является M*. Всеобщее ополченіе безъ дворянъ. (Грусость служителей правительства — выставлена или вѣтъ, какъ случится).

ОТДѢЛЕНИЕ III.

Зимнія сцены преслѣдованія непріятели и ужасныхъ смертей. Истязаніе R* и посѣдлаго воина. Сей юноша показываетъ примѣръ, и оба умираютъ героями. Подвиги M*. Множество другихъ сценъ.

ЭПИЛОГЪ.

Вильна.

Отличія, искательства; вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. M* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-своихъ съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію.

Село, или развалины Москвы.

Прежнія мерзости. M* возвращается подь палку господина, который хочеть ему сбрить бороду. Отчаяніе..... самоубійство.

СЦЕНА.

ОТЕЦЪ и ДОЧЬ.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ, не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ знать, вельможи — гдѣ они?...

Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Влистали разнодвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,
Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ житія роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?... Куда укрыться?
И если-бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! нѣтъ!... не оторвался-бъ отъ тебя,
О, мать наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится, — потеримъ,
И съ вѣрою владимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!... О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... *(Рыдаетъ)*.

Петръ Ан.

И тѣ ли времена? О братѣ что-ли?
Нашъ Алексѣй... даруй ему Господь
Со славою устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердить: онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ.
(Рыдаетъ пуще прежнего).

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отраднago я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно, — посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало, посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголь мой
На полгода весельемъ просвѣтлится...
А нынѣ вѣстѣ мы, и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!... *(Растворяетъ окно)*.

ЮНОСТЬ ВЪЩАГО.

(Отрывки пролога).

(1823).

Вотъ что о содержаніи его разсказываетъ С. Н. Бѣгичевъ.

«При поднятіи занавѣса юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ,—сначала разныя видѣнія, потомъ музъ, которыя его призываютъ, и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ, и на необитаемомъ острову, куда онъ отправился съ прочими рыбаками за промысломъ. Душа его получила жажду познанія, чего-то высшаго, имъ невидимаго, и онъ убѣгаетъ изъ отческаго дома. При открытіи занавѣсы во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади... Далѣе я не помню...»
(*Куростровъ. Ищутъ Михаила. Находятъ его. Ночь передъ отплатіемъ въ дальній путь.*)

Орель, едва лишь пухомъ оперенный,
Едва въ себѣ почувль дерзость силъ,
Разсѣкъ эфиръ, съ размаху воспарилъ;
Хоръ птицъ, его явленьемъ изумленный,
Неспорный крикъ ему на встрѣчу шлетъ.
Нѣтъ! Дерзость тѣхъ очей и тотъ полетъ
Не зреть себѣ ни равныхъ, ни преслушныхъ
И властвуетъ въ селеныхъ онъ воздушныхъ.
Не такъ между людьми: ах! отъ пеленъ
Томится сколько лѣтъ ревнитель славы!
Еще томится возмужалый онъ,
Отверженъ и не признанъ, угнетенъ...
Судьба! О, какъ тверды твои уставы!
Великимъ средь Австраціи зыбей,
Иль въ Сѣвера снѣгахъ, вездѣ одно-ли
Присуждено?—Искать желанной доли
Путемъ вражды, препятствій и скорбей!
И тотъ цѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣтъ,
Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбака, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душей алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогаль въ усилахъ бесплодныхъ!...

Океанъ, пустынный островъ. Любопытство юноши.

Скорбь отца. Вновь отъѣздъ.

Нелюбовь.

Соловцы. Невѣдомый мужъ, богомолецъ.

Вѣсть о вечернихъ странахъ.

Возвращеніе домой. Побѣгъ. Тотъ-же таинственный спутникъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТЪ АПОЛЛОНА.

(Эпиграмма на пьесу кн. А. А. Шаховскаго: «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды»).

На замѣчанье Фебъ даетъ,
 Что отъ какихъ-то водъ
 Парнасскій весь народъ
 Шумить, кричить — и дѣло забываетъ;
 И потому онъ объявляетъ,
 Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
 (Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ)
 Написаны и преданы тисненю
 Не по его внушенью!

(1815).

ПРОЛОГЪ ФАУСТА.

(Die lustige Person).

ИЗЪ ГЕТЕ.

По дружбѣ мнѣ вы, господа,
 При случай сильно, иногда
 И дѣятельно помогали;
 Сегодня, милые, нельзя ли
 Воображенію дать смѣлый вамъ полеть?
 Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
 Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
 Которое живетъ и жить даетъ.
 Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
 И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
 И всё по зву: одинъ свистокъ —
 Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
 Лишь то бѣда: ума намъ гдѣ добыться?
 Смотрите вы на брови знатоковъ,
 Они, и всякой кто каковъ,
 Чему-нибудь хотѣли-бъ удивиться;
 А я испуганъ, сталъ втушикъ.
 Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли, —
 Да начитались столько книгъ!
 Всю подноготную провикли!
 Увы!
 И слушаютъ, и ловить все такъ жадно!

Чтобъ были вещи имъ новы,
 И складно для ума, и для души отраднo.
 Люблю толпящийся народъ
 Я, при раздачѣ ложъ и кресель;
 Кому терпѣныя — труденъ входъ,
 Тотъ получилъ себя — и весель,
 Но вотъ ему возврата нѣтъ!
 Стѣной густѣютъ непроломной,
 Толпа растеть, и рокотъ громный,
 А голоса: билетъ! билетъ!—
 Какъ будто ихъ рождаетъ преисподня.
 И это чудо кто творить? — Поэтъ!
 Нельзя-ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
 Задержи, скрой отъ глазъ народъ,
 Толпу, которая пестрѣющей пучиной
 Съ собой противовольно насъ влечеть.
 Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
 Поэту радость чистая цвѣтегъ;
 Гдѣ дружба и любовь его къ покою
 Обвѣютъ, освѣжатъ божественной рукою.
 Ахъ! часто, что отраду въ душу льеть,
 Что робко намъ уста пролепетали,
 Мечты несбытыя... и вотъ—
 Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали;
 Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
 Ихъ въ полнотѣ красы увидать свѣтъ.
 Обманчивъ блескъ, — онъ не продлится,
 Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ.

Потомству? да, и слышно только то,
 Что духомъ всѣ парять къ потомкамъ отдаленнымъ;
 Неужто, наконецъ, никто
 Не порадеетъ современнымъ?
 Неужто холодомъ мертвить, какъ чародѣй,
 Присутствіе порядочныхъ людей?
 Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
 Кому непосланы кисти, лира и рѣзецъ
 Иагибы обнажать сердца:
 Тотъ поробѣетъ-ли? — Толпа ему и кстатѣ:
 Желаетъ онъ побольше кругъ,
 Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
 Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
 Движеніе, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
 Къ себѣ зовите на чердакъ.
 Дурачеству оставьте дверцу,
 Не настѣжь, вполонину, такъ,
 Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ.

Побольше дѣйствія!—Что зрителей манять?

Имъ видѣть хочется, — ну живо
 Представить имъ дѣла на видѣ!
 Какъ хочешь, жаръ души излей краснорѣчиво;
 Иной удовкою успѣхъ себѣ упрочь;
 Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
 Лишь силой можно силу превозмочь,
 Число людей — числомъ событій.
 Гдѣ приключеній тѣма — никто не перечесть,
 На каждаго по нѣскольку придется,
 Народъ доволенъ разоидется,
 И всякій что-нибудь съ собою понесетъ!
 Сляніе частей измучить васъ смертельно;
 Давайте намъ подробности отдѣльно.
 Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
 И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудить?
 Его расхитять по долямъ,
 И публика по мелочи осудить.

Поэтъ.

Ахъ! это-ли имѣтъ художнику въ виду!
 Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! —
 Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаешь.

Директоръ.

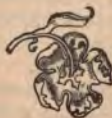
Размыслите вы сами напередъ:
 Кто сильно потрепаетъ людей желаетъ,
 Способіе оружье избереть;
 Но время ваши призраки развѣять,
 О гордые искатели молвы!
 Опомнитесь! — кому творите вы?
 Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразвѣять,
 И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась — дремлетъ онъ;
 Другой явился отягчонъ
 Парамъ пѣнистыхъ бокаловъ;
 Иной небрежный ловить стихъ, —
 Сотрудникъ глухихъ онъ журналовъ;
 На святочныя игры ихъ
 Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
 Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
 И на устахъ бездушія печать;
 Красавицы, подъ бременемъ уборовъ,
 Тишкомъ желаютъ расточать
 Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
 Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
 Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
 Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ:
 Здѣсь озираются во мракѣ подлещи,
 Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ;
 Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежныя ловцы;
 Тотъ буйно ночь провести въ объятіяхъ безчестныхъ...
 И для кого хотите вы, слѣпцы,
 Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ?
 Побольше пестроты, побольше новизны, —

Вотъ правило, и непреложно,
 Легко мы всё изумлены,
 Но угодить на насъ не можно.
 Что? гордости порывъ утихъ?
 Разсудокъ превозмогъ...

Поэтъ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье!
 Поди, щипи услужниковъ другихъ.
 Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
 Свободу,—въ жертву прихотей твоихъ?
 Чѣмъ равны небожителямъ поэты?
 Что силой неудержною влечетъ
 Къ ихъ жребію сердца и всѣхъ обѣты,
 Стихія всѣ во власть имъ предаеть?
 Не сладкозвучіе-ль, которое тѣснится
 Изъ ихъ груди, вливаеть ту любовь,
 И къ нимъ она отзывная стремится
 И въ нихъ восторгъ рождаетъ вновь, и вновь?
 Когда природой равнодушно
 Крутится длинно-вьющаяся прядь,—
 Кому она такъ дѣлится послушно?
 Когда созданья всѣ (слаба ихъ мысль обнять),
 Одни другимъ звучать противоположно,—
 Кто соединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ
 Такъ величаво, такъ прекрасно?
 И кто виновникъ ихъ потомъ
 Спокойнаго и пышнаго теченья?
 Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
 И бури вопли, крикъ страстей,
 Мѣняетъ вдругъ на дикіе аккорды?
 Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
 Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
 Изъ бранныхъ листьевъ кто чудно соплетаетъ
 Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
 То знаменье величія мужей,
 Которымъ онъ ихъ чѣла украшаетъ?
 Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
 Цвѣты роскошныя родить предъ нею персть
 Того, кто спутникъ ей отрадь любви стезею;
 По смерти имъ Олимпъ отверсть,
 И не вечернею вѣнчается зарею,
 Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
 Но въ гимнѣ единый слилъ красу небесъ съ землею.
 Ты постигаешь ли умомъ
 Создавшаго міры и лѣта?
 Его престоль — душа поэта.

(1824).

РОМАНСЪ.

Ахъ, точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
 Желанье тайное не волновало кровь,
 Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ,
 Еще не знаетъ про любовь?

Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался,
 Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгоралъ
 Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
 Роскошествовалъ и обмиралъ?

Нѣтъ! нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами?
 Тотъ другъ, тотъ избранный, онъ гдѣ-нибудь—онъ есть!
 Любви волшебство, рай, восторга, прелесть — вами—
 Нѣтъ!—не моею душѣ продвѣсть.

(1824).

* * *

Крылами пари, стрѣлами звеня,
 Любовь вопрошала кого-то:
 Ахъ, есть ли что легче на свѣтѣ меня? —
 Рѣшите задачу Эрота!
 Любовь и любовь, рѣшу я какъ разъ,
 Сама себя легче бываетъ подъ часъ.
 Есть пѣсня такая:
 Легко себѣ друга смыкала Аглая—
 И легче того
 Забыла его.

(1824).

ДАВИДЪ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
 Юнѣйшій у отца я былъ,
 Пастухъ родительскаго стада;
 И се! внезапно Богу силъ
 Органъ мой создали руки,
 Псалтырь устроили персты.
 О! кто до горней высоты
 Ко Господу воскрилитъ звуки!
 Услышалъ Самъ Господь Творецъ!
 Шлетъ Ангела: и свѣтлозрачный
 Съ высотъ летитъ на доли злачны,
 Взявъ отъ родительскихъ овецъ,
 Елеемъ благодсти небесной
 Меня помазалъ. — Что-жъ сіи
 Велики братіи мои?
 Кичливы крѣпостью тѣлесной!
 Но въ нихъ Духъ Вожій, Бога силъ,
 Господень Духъ не предпочли!

Иноплеменнику не съ явля
 Далече страхъ я отжена
 Во срѣтенъ изшелъ: меня
 Онъ проклялъ идоми своими.
 Но я мечемъ надъ нимъ выгралъ,
 Сразилъ его и обезглавилъ,—
 И стыдъ отечества отъялъ,
 Сыновъ Израеля прославилъ!

(1824).

~~~~~  
 ТЕЛЕШОВОЙ

въ балетѣ «Русланъ и Людмила», гдѣ она является  
 обольщать витязя.

О, кто она? Любовь, Харита,  
 Пль Пери, для страны иной  
 Эдемъ\*) покинула родной,  
 Тончайшимъ облакомъ обвита?  
 И вдругъ — какъ вѣтръ ея полеть!  
 Звѣздой разсыплется, мгновенно  
 Влещется, исчезнетъ, воздухъ вьетъ  
 Стопою, свыше окриленной...  
 Не такъ ли нашъ лелѣеть духъ  
 Оградное во снѣ видѣнье,  
 Когда задремлетъ зорь и слухъ,—  
 Но бодро въ насъ воображенъ?  
 Улыбка внятная безъ словъ,  
 Небрежно спущенный покровъ,  
 Какъ будто влаги облянье;  
 Прерывно персей волнованье,  
 И томной думы полонъ зорь;  
 Созданье выспренняго міра  
 Скользятъ, какъ по зыбямъ эвира  
 Несется легкій метеоръ.

Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?  
 Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ  
 Пришельца въ плѣтъ твой неизбѣжный,  
 Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?  
 Уже не тверды заклипаньемъ  
 Броня, и щигъ его, и шлемъ;  
 Не истомляй его желаньемъ,  
 Не сожигай его огнемъ  
 Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,  
 И нѣгой распаленныхъ чувствъ!  
 Ахъ! этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ  
 Одинъ ли не признаетъ власти!  
 Изнеможенный онъ въ борьбѣ,

\*) Эдемъ Зороастровъ, жилище пери, воображаемыхъ восточными народами существъ, которыхъ Парси и даже Мусульманы представляютъ себѣ въ цвѣтахъ радуги и въ бальзамическихъ испареніяхъ розъ и ясминовъ.

До капли въ душу влилъ отраву,  
 Себя, и честь, и долгъ, и славу, —  
 Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.  
 Но, сердце! Кто твой восхищенный  
 Внушаетъ отзывъ? Для кого  
 Порывъ восторга твоего —  
 Звучанье лиры оживленной?  
 Властительницы южныхъ странъ,  
 Чье царство — розъ и пальмъ обитель,  
 Которымъ Эльфъ обворожитель  
 Въ солутники природой данъ!  
 О, нимфы, дѣвы легкрылы!  
 Здѣсь жадуютъ прелестей иныхъ:  
 Рабы корыстныхъ польза унылы  
 И безразсвѣтны души ихъ.  
 Пѣвцу красавицъ что въ награду?  
 Пожнетъ онъ скуку и досаду,  
 Роптаньемъ струнъ не пробудивъ  
 Любви въ пустынь сей печальной,  
 Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ,  
 И небо—ризой погребальной.

1824).

~~~~~  
 ЭПИГРАММА.

И сочиняють — врутъ, и переводятъ — врутъ!
 Почто же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ пруть!
 Шалите приемами, называйте стопы,
 Ужь такъ и быть, —но вы ругаться удалцы...
 Такъ чтобы были вы умнѣе, молодцы,
 Вамъ выдрать слѣдуетъ всѣмъ преисправно

.....

~~~~~  
 ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЪ \*).

1.

Окопайтесь рвами, рвами,  
 Отразите смерть и плѣнь —  
 Блескомъ ружей тверже стѣны!  
 Какъ ни крѣпки вы стѣнами,  
 Мы надъ вами, мы надъ вами,  
 Будто быстрые орлы  
 Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,  
 Шумъ потока, выси горъ,  
 Дождь и мгла, и вихрей споръ.  
 На угонъ коней табунныхъ,  
 На овецъ золоторунныхъ,  
 Гдѣ витають вепрь и волкъ,  
 Нашъ залегъ отважный полкъ.

) *Чегемъ*—горная рѣка на сѣверномъ склонѣ Кавказа.

## 3.

Живы въ насъ отцовъ обряды,  
Кровь ихъ буйная жива.  
Та же въ небѣ синева!  
Тѣ же лдяныя громады,  
Тѣ же съ ревомъ водопады!  
Та же дикость, красота  
По ущельямъ разлита!

## 4.

Наши камни, наши кручи,  
Русь! зачѣмъ воюешь ты?  
Вѣковыя высоты  
Досягнешь ли? — Вотъ надъ тучей  
Двувершинный и могучій \*)  
Рѣжется изъ облаковъ  
Надъ главой твоихъ полковъ.

## 5.

Парь изъ бездны отдаленной  
Вьется по его плечамъ!  
Вотъ невидимъ онъ очамъ!  
Той же тканію свѣнной  
Такъ же скрыты мы мгновенно;  
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,  
Выстрѣлъ, два — и сгнулъ сабѣ.

## 6.

Двиньтесь узкою тропкою! —  
Не въ краю вы селъ и нивъ!  
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,  
Тутъ угесъ: берите съ бою!  
Камень, сорванный стопою,  
Въ глубь летить, разбитый въ прахъ:  
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

## 7.

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ.  
Но и слухъ о нихъ исчезъ!  
Загорайся, древній дѣсъ!  
Лейся, зарево, далече!  
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,  
И по ряду, дѣлежомъ,  
Дѣлимъ взятое ножомъ.

## 8.

Доли лучшія отложимъ  
Нашимъ панцырнымъ князьямъ;  
И джигитамъ, узденямъ  
Юныхъ плѣнницъ приумножимъ;  
И кадіямъ, людямъ Божиимъ,  
Плѣнныхъ отроковъ дадимъ  
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ).

\*) Эльбрусъ.

До капли въ душу влиль отраву,  
 Себя, и честь, и долгъ, и славу, —  
 Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.  
 Но, сердце! Кто твой восхищенный  
 Внушаетъ отзывъ? Для кого  
 Порывъ восторга твоего —  
 Звучанье лиры оживленной?  
 Властительницы южныхъ странъ,  
 Чье царство — розъ и пальмъ обитель,  
 Которымъ Эльфъ обворожитель  
 Въ сопутники природой данъ!  
 О, нимфы, дѣвы легкокрылы!  
 Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:  
 Рабы корыстныхъ пользъ унылы  
 И безразсвѣтны души ихъ.  
 Пѣвцу красавицъ что въ награду?  
 Пожнетъ онъ скуку и досаду,  
 Роптаньемъ струнъ не пробудивъ  
 Любви въ пустынѣ сей печальной,  
 Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ,  
 И небо — ризой погребальной.

(1824).

~~~~~

ЭПИГРАММА.

И сочиняютъ — врутъ, и переводятъ — врутъ!
 Почто же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ пруть!
 Шалите риземами, нанизывайте стопы,
 Ужъ такъ и быть, — но вы ругаться удалцы...
 Такъ чтобы были вы умѣе, молодцы,
 Вамъ выдрать слѣдуетъ всѣмъ преисправно

~~~~~

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЪ *).

1.

Окопайтесь рвами, рвами,
 Отрадите смерть и плѣнъ —
 Блескомъ ружей тверже стѣнъ!
 Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
 Мы надъ вами, мы надъ вами,
 Будто быстрые орлы
 Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
 Шумъ потока, выси горъ,
 Дождь и мгла, и вихрей споръ.
 На угонъ коней табунныхъ,
 На овецъ золоторунныхъ,
 Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
 Нашъ залегъ отважный полкъ.

*) *Чегемъ* — горная рѣка на сѣверномъ склонѣ Кавказа.

Пурпурнаго винограда,
 Свѣтло свѣтитъ лучъ дневной,—
 Рано ищутъ, любить друга...
 Ты знакомъ ли съ той страной,
 Гдѣ земля не знаетъ пуга,
 Вѣчно-юная блеститъ
 Пышно яркими цвѣтами,
 Золотистыми плодами?..
 Странникъ, знаешь ли любовь,—
 Не подругу снамъ покойнымъ,
 Страшную подъ небомъ знойнымъ?
 Какъ пылаетъ ею кровь!
 Ей живутъ и ею дышать,
 Страждутъ и падаютъ въ бояхъ
 Съ ней въ душѣ и на устахъ.
 Какъ самумы съ юга пышать,
 Раскаляютъ степь...
 Что судьба, разлука, смерть!

(1826).

~~~~~

ПОСЛАНИЕ КНЯЗЮ А. И. ОДОЕВСКОМУ.

Я дружбу пѣлъ... Когда струнамъ касался,—
 Твой гений надъ главою моею парилъ;
 Въ стихахъ моихъ въ душѣ тебя любить
 И призывать, и о тебѣ терзался!..
 О, мой Творецъ!.. Едва расцвѣтши въкъ
 Ужели ты безжалостно пресѣкъ?
 Допустишь ли, чтобы его могила
 Живаго отъ любви моею сокрыла?

(1828?).

~~~~~

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО.

(Отрывокъ).

Не наслажденье жизни цѣль,
 Не утѣшенье наша жизнь!
 О, не обманывайся, сердце!
 О, призраки — не увлекайте!..
 Намъ цѣль угрюмыхъ должностей
 Опутывается неразрывно;
 Когда же въ уголокъ проникъ
 Свѣтъ счастья на единый мигъ...
 Какъ неожиданно, какъ дивно!..
 Но скоро бросишь кисть и прочь
 Вѣжишь отъ радужной палитры!
 Мы молоды — и вѣримъ въ рай,
 И гонимся и вслѣдъ, и вдаль
 За слабо брежущимъ видѣньемъ...
 Постойте!.. Нѣтъ его, угасло!
 Обмануты, утомлены...
 И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
 Ногой отмѣрили пять стопъ,

Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.
Премудрости! вотъ урокъ ей:
Чужихъ законовъ несть ядро,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.
Займемся былью стародавней,
Какъ люди весело шли въ бой,
Когда плѣняло ихъ собой,
Что такъ обманчиво и славно.

ТРИ МОНОЛОГА.

(Отрывокъ).

Серчакъ.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,
Съ коней три дня, три ночи не слѣзали?
Имъ тяжело: градомъ потъ и клубомъ парь,
А мы на нихъ — то вихрями въ пустынь,
То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было вовѣкъ,
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣютъ люди, и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда поднять безсилны ратный трудъ,
И теми ихъ снѣгами убѣдятся!
Смотри на степь: что день, то шумный бой;
Духъ вѣтреный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... шибуются межъ собой,
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій.
Такъ человекъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль зацѣплить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткій не слуга,
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ, —
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ Половецкимъ!

Итляръ.

Мы дряхлы, другъ, но ожили въ сынахъ,
И отроки у насъ для битвы зрѣлы.
Не празденъ лукъ, — натянута въ ихъ рукахъ;
Не даромъ мещутъ коня, сыплютъ стрѣлы.
Давно-ль они несчетный довь въ полонъ
Добыли намъ, цѣною лютыхъ браней, —
Влестящихъ собуй, и разноцвѣтныхъ тканей,
И тучныхъ стадъ, и бѣлолицыхъ женъ?
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ея полки и въ нашихъ рубежахъ
Корысть дѣлать; теперъ не то настало!

Огни ночной порою въ камышахъ
 Не такъ разлитымъ заревомъ пугаютъ,
 Какъ пламя русскихъ селъ, — еще пылаютъ
 По берегамъ Трубежа и Десны...
 Тамъ бранные пожары засвѣчаютъ
 Въ честь намъ, отцамъ, любезные сыны.

Серчакъ.

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій вѣдренъ!
 Гордись, Итларь! тебя ихъ мужественный видъ,
 Какъ въ зимній день лучъ солнечный, живить.
 Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ,
 И тою счастливъ... Вѣрь, когда съ утра
 Зову ее и къ груди прижимаю, —
 Всю тяжесть лѣтъ съ согбенныхъ плечъ стрясая.
 Но ей отбыть изъ отчаго шатра:
 Наступитъ день, когда пришельцу руку
 Должна подать на брачное жите;,
 Душой скорбя, я провожу ее,
 И, можетъ быть, на вѣчную разлуку...
 Тогда приди, всѣмъ людямъ общій рокъ!
 Закройтесь, очи, — не въ семьѣ чадъ милыхъ...
 Наѣздникъ горькій, ветхъ и одинокъ,
 Я доживу остатокъ дней постылыхъ!
 Гдѣ лягутъ кости? Въ землю ихъ вселятъ
 Чужія руки, свѣжій дернъ настелятъ,
 Чужие межъ собой броню, будать —
 И все мое завѣтное раздѣлятъ!..

КАЛЬЯНЧИ.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Путешественникъ въ Персию встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ: кто онъ? откуда? Отрокъ рассказываетъ ему свои похождения, объясняетъ, что онъ грузинъ, нѣкогда житель Кахетин.

Въ какомъ раю ты, стройный, насаждень?
 Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
 Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ породень,
 Питомецъ Пери, или Джинниемъ взлелѣянъ?
 Когда заботамъ ввѣренный твоимъ
 Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный
 И сквозь него проводишь легкій дымъ, —
 Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристалльный
 И ропотомъ манить къ забвенью, какъ ручья
 Гремучаго потокъ въ зеленой чашѣ!
 Чинара трость творить жасминовой длань твоя.
 И сахарныя трости слаще,
 Когда палимага Ширазскаго листа
 Глодаютъ черезъ нее мглу алыя уста,
 Густѣетъ воздухъ, напоенной
 Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!
 Когда-жь чарующей наружностью своей

Собрание ты осветишь людей —
 Во всех любовью!.. Дервишь отбросил четки,
 Примрачный видь на радость обмѣнилъ:
 Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?

Не отъ твоей ли то походки
 Его распрямлены морщины на лицѣ,
 И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
 Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ:
 Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
 И кудрей кольцами, по высотѣ раменъ
 Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,

И груди нѣжной бѣлизною,
 И жилкомъ, шелкомъ свитыхъ, бирюзюю,
 Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
 Движеньемъ устъ твоихъ, невиннымъ, миловиднымъ,
 Твоей, не скрытою покрывами одеждъ,
 Джайрана легкостью и станомъ пальмовиднымъ.

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
 Эдема-ль влагу пыль, дыханьемъ розъ обвѣянь?
 Скажи: или отъ Пери ты рожденъ,
 Иль благодатнымъ Джинниемъ взлелѣянь?

«На Риона берегахъ,
 Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
 Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ,
 Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
 Рось — едва не изъ пеленъ
 Матерью, отцомъ, безвинный,
 Въ чужу проданъ, обмѣненъ
 За сосудъ цѣнный!»

«Чужой человекъ! скажи, ты отецъ?
 Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
 Кормытъ ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
 Отверженъ ли враномъ невинный итенецъ?

«Караванъ съ шелками шелъ,
 Съ нимъ ага мой. Я, рабочій,—
 Глазъ я долго не отвелъ
 Съ мѣстъ, виднѣлся гдѣ кровь отчій.
 Съ кровомъ онъ слился небесъ;
 Вечерѣло. Сномъ боримы,
 Стали станомъ. Темень лѣсъ.
 Вкругъ огня легли мы.

«Курись огонекъ! свѣтись огонекъ!
 Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
 Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдающимъ,
 Покуда спалишь ты послѣдній пенекъ!

«Спалъ я. Вдругъ взываютъ: «Бой!»
 Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье;
 Стѣчей, свистомъ пуль, пальбой
 Огласилось все ущелье.
 Притаился въ глубь межи
 Я, и всѣ туда-жъ влекутся;
 Слышно, — кинулись въ ножи—
 Безотвязно бьются!»

«Затихло смятенье — слышь конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ, обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой оставленъ,
И чья же глава та?.. О горе!.. Отецъ!..

«Но могучею рукою
Быль оторванъ я отъ тѣла.
«Будь онъ проклятъ, кровный твой!»
Вслухъ мнѣ клятва загремѣла:
«Твой отецъ разбойникъ былъ»...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитомъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ.

«Заря занялась. Я въ путь увлеченъ.
Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,
Лежать остается — онъ вепрямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на сидѣ обреченъ!

«Вышли мы на широту
Изъ тѣсинъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картвелѣ.
Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта . . . . .

ДУША.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное видѣнье! —
Надзвѣздный домъ,
Заря кругомъ:
Рождало мѣръ мое вѣлье!
И вотъ отъ сна
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тѣма рѣзвыхъ слугъ?
О, хоръ воздушный и прелестной!
Нѣтъ, поживу
И на яву
Я лучшей жизни, безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

ЭЛЕГИЯ.

(Изъ Леонара).

Покоясь на берегу крутомъ,
Когда воздушныя равнины
Едва струятся вѣтеркомъ
Надъ лономъ дремлющей пучины,—

Я вслѣдъ за странникомъ въ моряхъ
 Лечу завистливой мечтою,
 И грусть о родинѣ слезою
 Блеститъ въ задумчивыхъ очахъ.
 И мѣрный плескъ волны, вспѣнной
 Ударомъ шумнаго весла,
 И голосъ пѣсни отдаленной
 Пловца съ бѣгущаго челна,
 Все тайное родитъ желанье
 Покинуть берегъ мой родной
 И съ вѣтреной моею судьбой
 Летѣть на чуждое призванье.
 Когда-жъ Эолъ во мглѣ шумитъ,
 И бурный валъ кипитъ и плещетъ
 И громъ надъ бездною гремитъ,
 И молнія по тучамъ блещетъ:
 Тогда, бросая жадный взоръ
 На ручейка потокъ безпечный,
 На миръ долинъ, лѣсовъ и горъ,
 Воскликну въ радости сердечной:
 Блаженъ, кто Ларами богатъ!
 Онъ чуждъ коварныхъ оболъщений,
 Его къ раздумью лишь манятъ
 Родныхъ дубравъ безмолвны сѣни
 И тихой плескъ молодыхъ наядъ.

ВОСТОКЪ.

Изъ Заволжья, изъ роднаго края,
 Гости, соколы залетны,
 Покручали сумки перелетны,
 Долги гривы заплетал;
 На коняхъ ретивыхъ посадились,
 На отъѣздъ перекрестились,
 Выѣзжали на широкій путь.
 Что замолкли? въ тишинѣ,
 Что волнуетъ молодецку грудь?—
 Мысль о дальней сторонѣ?
 Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
 Тотъ Востокъ и тѣ сады,
 Гдѣ не тихнетъ вѣтерокъ проворный,
 Бьютъ ключи живой воды;
 Рай: весна цвѣтеть, не увядаетъ,
 Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
 Солнышко горитъ, не догораетъ
 На высокихъ небесахъ!
 Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
 Красота, княжая дочь,
 Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
 Раздираетъ черну ночь;
 Если жъ кровь ея зажжется,
 Если вспыхнетъ на лицѣ,

То забудь о матери, отцѣ;
 Съ кѣмъ душой она сольется
 Станомъ гибкимъ, гибкими руками
 Друга мила обвиваетъ,
 Крѣпко жметъ, румяными устами
 Жизнь до капли испиваетъ!
 Путники! отъ дочери княжой
 Отбѣгите неоглядкой!
 Молодые! къ сторонѣ чужой
 Не влекитесь думой сладкой,
 Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
 Тѣхъ земель неправославныхъ
 Дивна прелесть и краса луговъ,
 Сладки капли розъ медвяныхъ,
 Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ! —
 Что же видно въ сторонѣ?
 Столбъ бѣлѣтъ на стени широкой,
 Будто сторожъ, одинокой
 Камень! Онъ безъ надписи стоитъ:
 Темная подъ нимъ могила,
 Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
 И его любовь манила;
 Чаялъ: «Тутъ весельемъ разольюсь,
 Дни навѣки удолжатся!»
 Грѣшный позабылъ святую Русь...
 Дни темнѣютъ, вновь зарится;
 Но ему лучомъ не позлатится
 Изъ-за утреннихъ паровъ
 Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
 Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ —
 Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынѣ,
 И никто не искалъ,
 Не нарѣзалъ имени, прозванья
 На отломкѣ дикихъ скалъ;
 Не творять молитвы, поминанья,
 Персть забвенью предана;
 У одра больного пожилая
 Не корѣла мать родная,
 Не рыдала молода жена...

ДОМОВОЙ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
 Спать ложиться закивались:
 Больно тревожить насъ дѣвъ-непосѣдъ,
 Зла творить много и множество бѣдъ,
 Ступней топочеть, столами ворочить,
 Душать, навалится, щиплетъ, щекочетъ.

Проза.

I. Разныя статьи.

1. Письмо изъ Бреста-Литовска къ издателью „Вѣстника Европы“.

Юня 26-го дня 1814 г.
Брестъ.

Позвольте доставить вамъ нѣкоторое свѣдѣніе о праздникѣ, который давали командующему кавалерійскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вѣстника Европы» долженъ въ немъ принять участіе; ибо ручаюсь, что въ Европѣ немало начальниковъ, которыхъ столько любятъ, сколько здѣшніе кавалеристы своего.

Поводомъ къ празднеству было награжденіе, полученное генераломъ Кологривовымъ: ему пожалованъ орденъ святаго Владимира 1 степени. Неподражаемый Государь нашъ на высочайшей степени славы, среди торжества Своего въ Парижѣ, среди восторговъ удивленнаго свѣта, среди безчисленныхъ и безпримѣрныхъ трофеевъ, помнить о ревностныхъ, достойныхъ чиновникахъ и щедро ихъ награждаетъ. При первомъ объявленіи о Монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествіе, и назначили на то день 22 юня. День былъ прекрасный, утро, смѣю сказать, шитическое.

Такъ, день желанной возсіялъ,
И къ генералу строй предсталъ
Шитовъ всякаго сословья:
Одинъ стихи ему владеть
Въ карманъ, другой подъ наголовье;
А онъ—о доброта! какой примѣровъ цѣть:
Всѣ оды принимаетъ,
Читаетъ ихъ—и не зѣваетъ.—

Нѣтъ; онъ былъ тронуть до глубины сердца, и подобно всѣмъ дивился, сколько стихотворцевъ образовала искренняя радость. Вотъ приглашеніе, которое онъ получилъ ото всего дежурства:

Вожь, избранный Царемъ
Къ трудамъ, Отечеству полезнымъ!

Се новымъ грудь твою лучемъ
 Монархъ нашъ озаряетъ звѣзднымъ.
     Державный сей герой,
     Смиривъ кривоу
     И мечъ склоняя долу,
 Являетъ благость надъ тобою,
 Воспомянувъ твои заслуги неизсечтны:
 Тогда, какъ разрушалъ Онъ замыслы навѣтны,
     И ты перуны закалялъ,
     Отъ коихъ мѣръ весь трепеталъ;
     Тобою виушены кентавры,
     Что нынѣ пожинали лавры,
     И въ вихрь смерть несли врагамъ.
     Царь помнить то—и радость намъ!
 Скорѣе осушимъ, друзья, задравны чаши!
 А ты приди, узри, вкуси веселья наши;
 Межъ окружающихъ сподвижниковъ твоихъ—
 Не подчиненныхъ ари, друзей, сыновъ, родныхъ.
 Въ кругу приверженцевъ, въ кругу необозримомъ,
     Ты радость обрѣтешь въ сердцахъ,
     Во взорахъ, на устахъ.
 Блаженно славнымъ быть, блаженнѣй быть любимымъ!

Все это происходило въ верстѣ отъ Бреста, на дачѣ, гдѣ генералъ имѣетъ обыкновенное пребываніе. Множество офицерства явилось съ поздравленіями; потомъ поѣхали на мѣсто, гдѣ давали праздникъ, одни, чтобы посмотрѣть, другіе, чтобы докончить нужныя приготвленія.

    Есть въ Бугѣ островъ одинокой;
     Его восточный мысъ
 Горою надъ рѣкой нависъ,
     Заглохъ въ травѣ высокой,
     (Преданья гласъ такой,
     Что зарыты нашими отцами
 Окопы, видные тамъ нынѣшней порой;
 Преданье кажется мнѣ сказкой, между нами,
 Хоть вѣрю набожно и древности съдой;
 Нѣтъ, для окоповъ сихъ отцы не знали мѣста,
     Сражались, били, шли впередъ...
     А впрочемъ, дѣтониси Бреста
     Пусть. . . . . разбереть.)
     Усадьбы, города и села
     И возвышенности и доли
     Съ горы рисуются округъ,
 И стелется внизу межъ водъ прекрасный дугъ.
     На семь избранномъ мѣствъ,
     При первой ликованья вѣсти,
     Подъялись сотни рукъ;
 Съкиръ и заступовъ вездѣ былъ слышенъ стукъ.
 Едва-ль румявила два раза сводъ небесной
     Аврора утренней порой—
     Все воспріяло видъ иной,

Видь новый, видь прелестной,
 Творенье феиной руки.
 Гдѣ были насыпи—пестрѣлись цвѣтники,
 А гдѣ темнѣли кущи—
 Явились просѣки, къ веселію вѣдущи,
 Къ красивымъ убранымъ шатрамъ,
 Раскинутымъ небрежно по холмамъ.
 Въ срединѣ ихъ, на возвышенъ,
 Стояли свѣтлые чертоги угощенъ;
 Изъ оконъ виденъ ихъ
 Въ дугу разбитый станъ для воиновъ простыхъ.
 На темъ острова былъ къ небу флагъ возвышенъ,
 Чтобъ знакъ веселія узрѣть со всѣхъ сторонъ,
 И жерловъ рядъ поставленъ,
 Чтобъ радости отзывъ вездѣ былъ слышенъ.
 На сватъ-жъ, гдѣ приступенъ валъ,
 Одинъ лишь входъ удобной,
 И городъ гдѣ являлъ
 Картинъ видъ подобной,
 Воздвигнули врата искусною рукою
 Изъ копій, связанныхъ цвѣтами,
 И укрѣпили ихъ въ полкругъ надъ столнами,
 Унизанными осокой.
 Любовь врата соорудила,
 Сама природа убрала,
 Подзорами оружіе снабдило;
 Потомъ веселость въ нихъ вошла.

Въ три часа пополудни всѣ приглашенные на праздникъ офицеры съѣхались; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія генерала. Наконецъ, вздернутый кверху флагъ и пушечные залпы возвѣстили приближеніе его. Онъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый болѣе 50 офицеровъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось описать вамъ въ стихахъ блескъ сего шествія, блескъ воинскихъ рядовъ; къ несчастью, никакъ не могъ прибрать рѣмы для ядупокъ и киверовъ, и такъ пусть будетъ это въ прозѣ. Но то, чего не въ силахъ выразить никакая поэзія, была встрѣча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенномъ, гдѣ онъ, при громѣ пушекъ и нѣсколькихъ оркестровъ, при радостныхъ восклицаніяхъ, съ восторгомъ былъ принятъ военными хозяевами и гостями. Слезы душевнаго удовольствія полились изъ глазъ его и всѣхъ предстоящихъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ безмолвенъ, удивленъ, обрадованъ, растроганъ; потомъ взошелъ, или лучше сказать внесень былъ окружающею толпою въ триумфальныя врата.

Сей входъ отличіямъ условнымъ былъ рубежъ;
 Но случай подшутилъ, и что-жъ?—
 Кто чиномъ высшимъ украшался,
 И доблестями тотъ отличій всѣхъ являлся.

Вошедъ въ галерею, онъ былъ еще привѣтствуемъ стихами;

но я ихъ здѣсь не помѣшу оттого, что не спросился у кавалериста—сочинителя. Потомъ генераль пошелъ на возвышеніе и нѣсколько времени восхищался рѣдкими живописными видами.— На валу шатры, кои бѣлѣлись между березками; у подошвы горы лугъ, гдѣ разбитъ былъ лагерь; рѣка Бугъ, обтекающая все мѣсто празднества; мѣстечко Тересполь и другія селенія въ отдаленности; толпа народа на мостахъ и на берегу, взирающаго съ удивленіемъ на пышный, невиданный имъ праздникъ: все плѣняло взоръ наблюдателя, все приводило въ изумленіе. Вдругъ заплѣли на сей случай сочиненную солдатскую пѣсню, и разгласилось на лугу троекратно ура! Послѣ чего всѣ были созваны къ обѣду: столы на галлерей и въ палаткахъ были накрыты на 300 кувертовъ.

Ужъ запахомъ къ себѣ манили яствы,
Литавры грянули!—и новыя пріятства.
Обѣдъ сближаетъ всѣхъ,
Съ нимъ водворяется въ собранье сто утѣхъ,
Веселость, откровенность,
Любезность, острота, пріязнь, непринужденность,—
И, словомъ вамъ сказать,
Всѣ радости сошлись насъ угощать.
Когда-жъ при трубахъ, барабанахъ,
Занесрилось шампанское въ стаканахъ,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зардѣлось,—
У всякаго лицо отъ нектара краснѣлось;
Но стихотворецъ тутъ перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ опиваться, какъ пьютъ, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вамъ говорить о различныхъ сластяхъ и пышностяхъ стола, который, само собою разумѣется, былъ весьма великолѣпный; 300 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнѣе, нельзя веселѣе.

И гости всѣ едва-ли
Изъ-за обѣда встали,
Взялись за пѣсни, остроты;
Тутъ изліянія сердечны
Рѣкою полились: всѣ въ радости безпечны!
Болтливость пьянаго есть признакъ доброты;
Питы-же, какъ искони доселѣ,
Всѣхъ болѣе шумѣли,
Не отъ вина, вѣтъ—на бѣду
Всегда они въ чаду:
Имъ голову кружить другое упоенье—
Сестеръ Парнасскихъ вдохновенье.

Не думайте, однако-жъ, чтобъ забвеніе всего овладѣло шум-

нымъ обществомъ; нѣтъ, забывали важныя дѣла, скуку, горести, непріятности, но не забывали добродѣтель; она сопутница чистой радости; и въ сія часы, когда сердце всякаго было на языкѣ, и душа отверста для добрыхъ впечатлѣній, открылась подписка въ пользу гошпитала и бѣдныхъ всякаго званія. На сей предметъ собрано 6,500 рублей.

Такъ посвящали мы—честь нашему собранью!—
Забавамъ часть, другой же состраданью.

Время было тихое, благопріятное для прогулки. Сѣрая мгла, нависшая на небѣ, предохранила отъ лѣтняго жара; всѣ разсыпались по валу. Между тѣмъ пушечная пальба, хоры музыкантовъ и пѣсельниковъ не умолкали ни на пять минутъ. Мало-по-малу стало смеркаться, и подъ вечеръ пригласили всѣхъ на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое разстояніе, все въ глазахъ ихъ перемѣнилось: исчезли за кустами и пригорками шатры, галлерей и все мѣсто празднества; явилась природа въ дикости—грозные утесы, глубокіе рвы, по ту сторону рѣки сельская картина, дуга и рощи возбуждали пріятное удивленіе, прежнія сцены казались призракомъ. Къ общей радости нашли тамъ множество дамъ, которыхъ присутствіе, конечно, есть первое украшеніе всякаго праздника.

Ихъ взоры иѣжныя шумливость угрожаютъ
И грустныя сердца къ веселью возбуждаютъ.

Нѣсколько ракетъ возвѣстили начало фейерверка. Онъ былъ прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразіями искусственнаго огня горѣло вензеловое имя генерала и владимірская звѣзда. Амфитеатръ, гдѣ сидѣли зрители, сдѣланъ былъ изъ уступовъ горы. При выходѣ оттуда весь островъ былъ уже иллюминованъ. Дамы и офицеры смѣшались вмѣстѣ; въ галлерей начались танцы; въ полночь былъ ужинъ. Генералъ до разсвѣта принималъ участіе въ праздникѣ; потомъ возвратился домой, сопровождаемый тѣми же чувствами, тѣми же отголосками любви и приверженности, съ какими былъ встрѣченъ. Онъ въ сей день являлъ любезнаго начальника, пріятнаго гостя и чувствительнаго человѣка. Есть праздники, которые на другой же день забываютъ оттого, что даются безъ цѣли, или цѣль ихъ пустая. Въ столицахъ виденъ блескъ, въ городахъ полубоярскія затѣи; но праздникъ, въ коемъ участвуетъ сердце, который украшали пріязнь, благотворительность и другія душевныя наслажденія,—такой праздникъ оставляетъ по себѣ надолго неизгладимыя воспомнанія.

Философы въ ученомъ заточеньи!
Защитники уединеньи!

Нашъ посвятите станъ, когда вамъ есть досугъ.
 Здѣсь узрите вы дружной, братской кругъ
 Начальника, отца обширнаго семейства.
 Коль надобно—на смерть идутъ;
 Не нужно—праздники даютъ.
 У васъ какъ-будто чародѣйство:
 Отъ книгъ нейдете вы на часъ,
 Минута дорога для васъ;
 А мы на днѣи не ропщемъ скоротечность:
 Они не истекуть, доколь мы живемъ;
 А тамъ настанетъ вѣчность,
 Такъ днѣи не перечесть.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Намъ сто-
 пть 10,000 рублей кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію, же-
 лаю вамъ также веселиться, какъ я веселился 22-го іюня. Съ
 истиннымъ почтеніемъ честь имѣю и проч.

Александръ Грибоѣдовъ.

P. S. Посылаю вамъ 1,000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ
 такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любез-
 наго отечественнаго края, намъ не извѣстно, какія частныя лица
 наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ. Конечно за-
 ступникъ неимущихъ лучше всѣхъ знаетъ, кому нужна помощь.

2. О кавалерійскихъ резервахъ ¹⁾.

(1814).

Блестательныя событія прошедшей войны обращали на себя
 всеобщее вниманіе и не давали публикѣ времени для наблюденія
 побочныхъ, но между тѣмъ важныхъ причинъ, кои способство-
 вали къ успѣхамъ нашего оружія. Къ онимъ, конечно, принад-
 лежатъ резервы, сіе мудрое учрежденіе вѣнценоснаго нашего ге-
 роя, сей разсадникъ юныхъ воиновъ, которой единственно дѣлалъ,
 что войско наше, послѣ кровопролитныхъ кампаній 1812 и 1813 го-
 довъ, послѣ дорого-купленныхъ побѣдъ, какъ фениксъ, возста-
 вало изъ пепла своего, дабы пожать новыя, неувядаемыя лавры
 на зарейскихъ поляхъ и явить грозное лицо свое въ столицѣ

¹⁾ Примѣчаніе «В. Евр.». Мы получили сію статью изъ Бреста-
 Литовскаго при слѣдующемъ письмѣ: «Прошу васъ покорно, мило-
 стивый государь, помѣстить слѣдующую статью о кавалерійскихъ ре-
 зервахъ въ вашемъ журналѣ. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ
 болѣе обяжете меня и всѣхъ моихъ здѣшнихъ сослуживцевъ. Ка-
 жется, что это не противъ плана вашего изданія; не думаю также,
 чтобы читатели меня упрекали въ сухости. Они находили въ Вѣст-
 никѣ извѣстія о доходахъ, расходахъ и долгахъ Франціи и другихъ
 націй; неужели государственная экономія ихъ отечества менѣе стоить
 вниманія? Честь имѣю пребыть и проч... Грибоѣдовъ».

непріятеля. Буду говорить только о формированіи кавалеріи; ибо самъ былъ очевидцемъ, дивился быстротѣ хода его, трудностямъ, съ коими оно сопряжено, и неуспыннымъ стараніямъ командующаго сею частію, который въ точности оправдалъ слова Великаго нашего Государя, изъявившаго ему во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ ¹⁾, что не нашелъ иного, коему бы можно было *взприть столь важную часть*. Все сіе усмотритъ читатель изъ обзорѣниа кавалерійскихъ резервовъ, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно внятнѣе и короче, не входя въ излишнія подробности.

18 октября 1812 года получилъ генераль-отъ-кавалеріи Кологривовъ рескриптъ о принятіи его въ службу и повелѣніе приготовить въ Муромѣ 9,000 кавалеріи и по два эскадрона для каждаго гвардейскаго полку. Формированіе, возложенное прежде на генерала графа Толстова, не было еще начато по многимъ важнымъ причинамъ. Ни людей, ни лошадей, ни матеріаловъ для обмундировки, ниже какихъ необходимыхъ пособій не было. Едва начали собираться толпы рекрутъ, какъ былъ сказанъ походъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а не доходя до мѣста, получено повелѣніе идти на Могилевъ Вѣлорусской. Между тѣмъ планъ формированія перемѣненъ и сдѣланъ гораздо обширнѣе. Повелѣно было сформировать для каждаго армейскаго полку по два эскадрона изъ 200 нижнихъ чиновъ. Въ Могилевѣ однако все болѣе и болѣе приходило въ устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съѣзжаться офицеры, которые всѣ, подстрекаемые духомъ достойнаго ихъ начальника, пылали благороднымъ соревнованіемъ, чтобы споспѣшествовать къ славіи дѣйствующей арміи, и доказательство сему не двусмысленно. Въ началѣ марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, въ исходѣ того же мѣсяца сѣдла и ружья, а въ началѣ апрѣля выступили въ армію 14-ть и вслѣдъ за ними 32 эскадрона, готовые въ строгомъ смыслѣ. Потомъ вся резервная кавалерія двинулась къ Слониму, и едва успѣла туда вступить, какъ уже выслано 10 гвардейскихъ эскадроновъ, являющихъ видъ всадниковъ испытанныхъ, закаснѣлыхъ въ военномъ ремеслѣ, и кои вскорѣ сдѣлались ужасными непріятелю. Такъ! въ толь скорое время, когда самый взыскательный военнопоскуникъ не былъ бы въ правѣ ничего требовать, кромѣ нѣкотораго навыка въ обращеніи съ лошадыи, возникли сіи съ блестящей наружностью искусные въ построеніяхъ и всѣмъ отличные, достойные тѣлохранители Великаго! Но что? одобреніе Его Величества по

¹⁾ 14 июня 1813 года изъ деревни Петерсвальде, въ Силезіи.

пробытіи ихъ во Франкфуртъ есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства.

Изъ Слонима перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскій, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ разныя времена отъ августа до января пошло въ армію 113, нынѣ же въ готовности 150 эскадроновъ. И такъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формироваія въ двѣнадцать мѣсяцевъ, образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда-либо служилъ въ кавалеріи, кто хоть малѣйшее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы; кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнить, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы восприяли свое начало; кто расчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, кои не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, на примѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты, и такъ далѣе; кто притомъ знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранный, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ: тотъ, конечно, подивится многочисленной и отборной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2,000 верстъ) по краямъ опустошеннымъ неприятелемъ; подивится войску, ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вѣщему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служить конница Польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшей во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ; притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличались. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ, и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ неприятелемъ, разбилъ его на-голову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ; также и Сумской ударилъ одинъ на два эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное неприятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣш-

ное формированіе, займемся другимъ не менѣ важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются громы ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патриотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученное бѣдствіями, взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ досугѣ разсчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны въ военное время. Но скажемъ, къ успокоенію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ не по одному только безкорыстію командующаго сею частію (я не хочу вѣрить, чтобы какой-нибудь Россійскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій на отеческихъ поляхъ); нѣтъ! Но немудрено бы было ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простиительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ расчетамъ, повидимому несомвѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военачальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать воинскую дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытѣ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000 человѣкъ и 90,812 лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ сіе, соображаясь, что такое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры; ибо резервы перемѣнили квартиры, а бесполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торгу гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумилліона казенной суммы.

Военнымъ Министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Сіе оказалось ненужнымъ; хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и пріученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно успѣшно, а казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ; должно было продавать ихъ съ публичнаго торгу. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностію пещись о сохраненіи государственной пользы, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ

прибытіи ихъ во Франкфуртъ есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства.

Изъ Слонима перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскій, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ разныя времена отъ августа до января пошло въ армію 113, нынѣ же въ готовности 150 эскадроновъ. И такъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формировація въ двѣнадцать мѣсяцевъ, образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда-либо служилъ въ кавалеріи, кто хоть малѣйшее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы; кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнить, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы восприяли свое начало; кто расчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, кои не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, на примѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты, и такъ далѣе; кто притомъ знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранный, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ: тотъ, конечно, подивится многочисленной и отборной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2,000 верстъ) по краямъ опустошеннымъ неприятелемъ; подивится войску, ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вѣщему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служить конница Польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшей во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ; притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличались. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ, и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ неприятелемъ, разбилъ его на-голову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ; также и Сумской ударилъ одинъ на два эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное неприятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣш-

ное формированіе, займемся другимъ не менѣ важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются грома ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патріотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученное бѣдствіями, взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ досугѣ разсчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны въ военное время. Но скажемъ, къ успокоенію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ; не по одному только безкорыстію командующаго сею частію (я не хочу вѣрить, чтобы какой-нибудь Россійскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій на отеческихъ поляхъ); нѣтъ! Но немудрено бы было ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простиительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ расчѣтамъ, повидимому несовмѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военачальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать воинскую дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытъ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000 человекъ и 90,812 лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ сіе, соображаясь, что такое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры; ибо резервы перемѣнили квартиры, а бесполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торгу гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумилліона казенной суммы.

Военнымъ Министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Сіе оказалось ненужнымъ; хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и приученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно поснѣшно, а казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ; должно было продавать ихъ съ публичнаго торгу. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностію пещись о сохраненіи государственной пользы, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ

лошади по большей части вытѣвляються и-обращаются на службу. Основаніе и содержаніе сего заведенія не стоитъ казнѣ ничего, кромѣ корма лошадямъ.

Скажу еще одно слово о продовольствіи войска, объ этой необозримой части государственныхъ расходовъ. Вездѣ, гдѣ только стояла резервная кавалерія, не только не допускали возвышаться справочнымъ цѣнамъ, но и значительно понижали ихъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ послѣ непріятеля сами жители во всемъ нуждались. Польза, проистекавшая отъ того для казны, можно сказать неисчислима; ибо только во время пребыванія кавалерійскихъ резервовъ въ Брестскомъ и сосѣдственныхъ повѣтахъ уменьшеніе казенныхъ издержекъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ.

Впрочемъ нельзя упомнить всѣхъ случаевъ, въ коихъ генералъ Кологривовъ отвращалъ по возможности ущербъ, который могла претерпѣть казна. Конечно, должно бы болѣе сказать о ревности его къ службѣ, объ извѣстной опытности, о невѣроятныхъ его стараніяхъ и о чудесной дѣятельности; но онъ, сколько я знаю, не любитъ небрежныхъ, хотя правдивыхъ, хвалы; касательно-жъ до читателей, вѣрно всякій благоразумный челоувѣкъ, которой приложилъ вниманіе къ сей статьѣ, со мною вмѣстѣ скажетъ: хвала чиновнику, точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общему, заслуживающему признательность соотечественниковъ и милость Государя! Хвала мудрому Государю, умѣющему избирать и цѣнить достойныхъ чиновниковъ!

3. О Гилани.

(1822—1823).

Къ югу отъ нынѣшнихъ нашихъ границъ, къ востоку отъ Азербеджана, омываемая съ сѣвера моремъ и съ прочихъ сторонъ окруженная высокими, неудобнопроходимыми горами, простирается приморская каспійская область Гиланъ. Она изобилуетъ шелкомъ и лѣсами всякаго рода. Воздухъ въ ней, кромѣ высотъ, нездоровъ: сырость порождаетъ многія болѣзни, она даже проникаетъ въ закрытыя часовыя пружины и покрываетъ ихъ ржавчиной. Иные приписываютъ болѣзни и заразу воздуха изобильнымъ сорочинскимъ полямъ, другіе множеству растений, которыми заглохла большая часть провинціи, испаряющихъ, будто бы, вредный запахъ. Въ политическомъ и торговомъ отношеніи этотъ край для насъ чрезвычайно важенъ. Народъ отдѣленъ отъ Персіи географическимъ положеніемъ, отъбѣною въ нарѣчій и даже

окладомъ лица. Въ Энзель, близъ столицы Рящъ, удобный портъ, гдѣ прежде была наша контора и консульское пребываніе. Въ Гиланъ черезъ горы идутъ только три дороги и всѣ три трудныя, едва проходимыя: одна къ намъ на Ланкеранъ ущельемъ, другая изъ Ардебилъ въ Астрабадъ, третья изъ Казвина, изъ Рубаръ въ Рящъ, и эти обѣ тѣсныя, въ тущобахъ, заваленныхъ обломками утесовъ и черезъ которыя войско, безъ сношеній благопріятныхъ въ самой землѣ, не проникнетъ. Фамилія Решти управляла такъ же независимо въ Гилани, какъ цари въ Грузіи, съ одинаковымъ титуломъ «Вали», признаннымъ нашими Государями. Я убѣдился частыми нашими сношеніями съ симъ краемъ по случаю вновь учреждаемаго консульства, что приверженность тамошнихъ жителей къ сему дому не исчезла. Родоначальникъ былъ Джемаль-Ханъ, сынъ Кемаль-Ханъ, внукъ Гедастъ-Ханъ, получившій отъ Императрицы Екатерины почтуную саблю и чинъ генераль-аншефа, въ то время какъ великая Государыня, извѣстная въ Персіи подъ именемъ Хуршидъ-Кула, *вѣнчанное солнце*, подкрѣпляла права Муртеза-Кули-Хана на персидскій престолъ. Братъ его, дѣдъ нынѣшняго шаха, ожесточенный противъ правителя Гилани, убилъ его и лишилъ родъ его всякой власти хитростію и силою оружія. Съ тѣхъ поръ провинція сія въ безпрестанномъ волненіи: поборы, тиранства шахскихъ намѣстниковъ заставляли ее часто обращаться къ русской границѣ съ надеждою избавленія. Въ бытность мою въ Султанѣ въ 1819 году жители Рящъ взбунтовались противъ правителя ихъ, шахскаго евнуха, Хосровъ-Хана. Онъ былъ смѣненъ. Посланъ туда шахскій сынъ Риза-Мирза, который заставилъ вздыхать о своемъ предшественникѣ. И его смѣнили. Нынѣ тамъ другой сынъ шахскій Ягъча-Мирза, но поборы подъ управленіемъ главнаго шахскаго евнуха Ага-Манугеръ-Хана, брата нашего здѣсь въ Тифлисѣ переводчика Енаколопова продолжаютъ. — Сынъ незабвеннаго въ Рящѣ Гедастъ-Хана называется Феть-Али-Ханъ, нынѣшній генераль-губернаторъ, беглеръ-бекъ табризскій, воспитанъ при шахскомъ дворѣ; но онъ и два сына его и все его семейство привержены къ Россіи чрезвычайно. Я это испыталъ во время моего пребыванія въ Персіи. Это одинъ домъ, съ которымъ мы были точно друзья. Также чрезвычайный посолъ нашъ г. Ермоловъ почтилъ его искреннимъ уваженіемъ. — Если бы того требовала польза нашего правительства, Феть-Али-Ханъ, при первомъ ему тайномъ сообщеніи, тотчасъ бы явился подъ наши знамена, и въ Гилани, принятый жителями, утвердилъ бы тамъ наше владычество. Но и сія область тогда только принесетъ истинную пользу, если будетъ управляема по своимъ обычаямъ,

независимо отъ нашихъ министерствъ, такъ, какъ, по трактатамъ Циціанова съ ханами Шехинскимъ, Ширванскимъ и Карабахскимъ, управлялись ихъ ханства до нынѣшняго ихъ преобразованія.

4. Частные случаи Петербургскаго наводненія.

(1824 года).

Я проснулся за часъ передъ полднемъ; говорятъ, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили съ крѣпости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу къ окошку и вижу быстрый протокъ; волны пришибаютъ къ возвышеннымъ троттуарамъ; скоро ихъ захлестнуло; еще нѣсколько минутъ и черные пристѣнные столбики исчезли въ грозной новорожденной рѣкѣ. Она по-секундно прибывала. Я закричалъ, чтобы выносили, что понужнѣ въ верхнія жилия (это было на Торговой, въ домѣ В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до насъ не скоро дойдетъ; бѣгаю, распоряжаюсь — и вотъ уже изъ-подъ полу выступаютъ ручки, въ одно мгновеніе всѣ мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, въ приспѣнную, которая на полтора аршина выше остальныхъ покоевъ; еще полчаса — и туда воды со всѣхъ сторонъ нахлынули, люди съ частію вещей перебрались на чердакъ; самъ я нашелъ убѣжище во 2-мъ ярусѣ, у Н. П. — Его спокойствіе меня не обмануло: отцу семейства не хотѣлось показать домашнимъ, чего надлежало страшишься отъ свирѣпой, безпощадной стихіи. Въ окна видъ ужасный: гдѣ за-часъ пролегла оживленная, пробѣжная улица, катились ярые волны съ ревомъ и съ пѣною, вихри не умолкали. Къ театральной площади, отъ конца Торговой и со взморья, горизонтъ примѣтно понижается; оттуда бугры и холмы одинъ на другомъ ложились въ видѣ неудержимаго водоската.

* *
*

Свирѣпые вѣтры дули прямо по протяженію улицы, порывомъ конхъ скоро воздымается бурная рѣка. Она мгновенно мелкимъ дождемъ прыцетъ въ воздухъ, и выше растетъ и быстрѣе мчится. Между тѣмъ, въ людяхъ мертвое молчаніе; конопатъ и двойныя рамы не допускаютъ слышать дальнихъ отголосковъ, а вблизи ни одного звука ежедневнаго человѣческаго; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упавшую надежду. Первая — гобвахта какая-то, сорванная съ мѣста, пронеслась къ Кашину мосту, который тоже былъ сломенъ и опрокинутъ; лошадь съ дрожками долго боролась со смертью, наконецъ уступила напору и увлечена была изъ виду вонъ; потомъ поплыли непрерывно

связи, отломки отъ строеній, дрова, бревна и доски—отъ судовъ ли разбитыхъ, отъ домовъ ли разрушенныхъ, различить было невозможно. Видъ стѣсненъ былъ противустоящими домами; я черезъ смежную квартиру П. побѣжалъ и взобрался подъ самую кровлю, раскрылъ всѣ слуховыя окна. Вѣтеръ сильнѣйшій и въ панорамѣ пространное зрѣлище бѣдствій. Съ правой стороны (стоя задомъ къ Торговой), поперечный рукавъ на мѣсто улицы между Офицерской и Торговой; далѣе часть площади въ видѣ широкаго залива, прямо и слѣва Офицерская и Англійскій проспектъ и множество перекрестковъ, гдѣ водоворотъ сносили громады мостовыхъ развалинъ; онѣ плотно спирались, ихъ съ тротуаровъ вскорѣ отбивало; въ самой отдаленности хаосъ, океанъ, смутное смѣшеніе хлябей, которыя отовсюду обтекали видимую часть города, а въ сосѣднихъ дворахъ примѣчалъ я, какъ вода приступала къ дровянымъ запасамъ, разбирала по частямъ, по кускамъ и ихъ, и бочки, ушаты, повозки, и уносила въ общую пучину, гдѣ вѣтры не давали имъ запружать каналы: все изломанное въ щепки, несло, влеклось неустойчивымъ, неотразимымъ стремленіемъ. Гибнущихъ людей я не видалъ, но, сошедши нѣсколько ступеней, узналъ, что пятнадцать дѣтей, цѣпляясь, перелѣзали по кровлямъ и еще непрокинутымъ загородамъ, спаслись въ людскую, къ хозяину дома, въ форточку, также одна дѣвушка, которая на этотъ разъ одарена была необыкновенною упругостью членовъ. Все это осиротѣло. Гдѣ отцы ихъ, матери!! Возвратясь въ залу С., я уже нашель, по сравненію съ прежнимъ наблюденіемъ, что вода нижніе этажи иные совершенно залила, а въ другихъ поднялась до вторыхъ косяковъ 3-хъ-стекольныхъ большихъ оконницъ, вообще до 4-хъ аршинъ уличной поверхности. Былъ третій часъ пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освѣщало влажное пространство, потомъ снова повлекалось тучами. Между тѣмъ вода съ четверть часа остановилась на той же высотѣ, вдали появились два катера, наконецъ волны улеглись и потопъ не далѣе простеръ смерть и оустошеніе; вода начала сбывать.

* *
*

Между тѣмъ (и это узнали мы послѣ), сама Нева противъ дворца и адмиралтейства горами скопившихся водъ сдвинула и расцленила огромные мосты Исаакіевскій, Троицкій и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли и съ ними люди, иные истощавшіе послѣднія силы поверхъ зыбей, другіе на деревьяхъ бульвара висѣли надъ клочущей бездною. Въ эту роковую минуту государь явился на балконѣ. Изъ окружавшихъ его одинъ сбросилъ съ себя мундиръ, сбѣжалъ внизъ, по горло

вошелъ въ воду, потомъ на катерѣ поплылъ спасать несчастныхъ. Это былъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ. Онъ многихъ избавилъ отъ утопленія, но вскорѣ исчезъ изъ виду, и во весь этотъ день о немъ не было вѣсти. Графъ Милорадовичъ въ началѣ наводненія пропелся къ Екатерингофу, но его доутру не было, и колеса его кареты, какъ парходныя крылья, были бездну и онъ едва могъ добраться до дворца, откуда, взявши катеръ, спасъ нѣсколькихъ.

* *

Все, по-сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимірской, было наводнено. Невскій проспектъ превращенъ былъ въ бурный проливъ; всѣ запасы въ подвалахъ погибли; изъ нижнихъ магазиновъ выписныя издѣлья быстро поплыли къ Аничкову мосту; набережныя различныхъ каналовъ исчезали и всѣ каналы соединялись въ одно. Столѣтнія деревья въ Лѣтнемъ саду лежали грядами, исторгнутыя, вверхъ корнями. Ограда Ломбарда на Мѣщанской и другія, кирпичныя и деревянныя, подмыты въ основаніи, обрушивались съ трескомъ и грохотомъ.

* *

На другой день поутру я пошелъ осматривать слѣдствія стихійнаго разрушенія. Кашинъ и Поцѣлуевъ мосты были сдвинуты съ мѣста. Я поворотилъ вдоль Пряжки. Набережныя, желѣзныя перилы и гранитныя пиластры лежали доскомъ. Храповицкій (мостъ) оторгнутъ отъ мостовыхъ укрѣпленій, неспособный къ проѣзду. Я перешелъ черезъ него и возлѣ дома графини Бобринской, среди улицы очутился мостъ съ Галернаго канала; на Большой Галерной раздутые труны коровъ и лошадей. Я воротился опять къ Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ея изрытой набережной дошелъ до другаго моста, который наканунѣ отправило вдоль по Офицерской. Бертовъ мостъ тоже исчезъ. По плувочему лѣсу и по наваленнымъ полѣнамъ, погружаясь въ воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матилловыхъ тоней. Видъ открытъ былъ на Васильевскій островъ. Тутъ, въ окрестности, не существовало уже нѣсколькихъ сотъ домовъ; одинъ, и то безобразная гряда, въ которой фундаментъ и крыша все было перебѣшено; я подивился какъ и это уцѣлѣло.—Это не здѣшніе; отсюда строенія Богъ въдастъ куда унесло, а это прибыло сюда съ Ивановской гавани.—Между тѣмъ подошло нѣсколько любопытныхъ; иные, завлеченные сильнымъ спиртовымъ запахомъ, начали разбирать кровельныя доски; подъ ними скотъ домашній и люди мертвые и всякія вещи. Далѣе нельзя было идти по развалинамъ; я приговорилъ яликъ и пустился въ Неву; мы поплыли въ Галерную гавань; но сильный вѣтеръ прибилъ меня

къ Сальнымъ-буянамъ, гдѣ, на возвышенномъ гранитномъ берегу, стояло двухъ-мачтовое чухонское судно, необыкновенной силою такъ высоко взмощенное; кругомъ поврежденныхъ огромныя суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверхъ; тутъ огромное кирпичное зданіе, вся его лицевая сторона была въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломлена, какъ бы десяткомъ стѣннотныхъ орудій; бочки съ саломъ разметало повсюду; у ногъ моихъ черепки, луковница, капуста и толстая связанная кипа бумагъ съ надписью: «№ 16. февр. 20. Дѣла казенныя».

* *

Возвращаясь по Мясной, во второмъ домѣ отъ Екатерингофскаго проспекта заглянулъ я въ нижнія окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трехъ столахъ. Я вошелъ во внутренній дворъ, — ни души живой. Проникнулъ въ тотъ покой, гдѣ были усопшіе, раскрылъ лица двоихъ: пожилая женщина и дѣвочка съ открытыми глазами, съ оскалѣнными бѣлыми зубами; ни малѣйшаго признака насильственной смерти. До третьяго тѣла я не могъ добраться отъ ужаснѣйшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленниковъ или скончавшихся иною смертію. На Торговой, недалеко отъ моей квартиры, стоялъ пароходъ на сушѣ.

Необыкновенныя событія придають духу сильную внѣшнюю дѣятельность; я не могъ оставаться на мѣстѣ и поѣхалъ на Англійскую набережную. Большая часть ея загромождена была частями развалившихся судовъ и ихъ груза. На дрожкахъ нельзя было пробраться; перешедъ съ половину версты, я воротился; видъ столькихъ различныхъ предметовъ, беспорядочно разметанныхъ, становился однообразнымъ; повсюду странная смѣсь раздробленныхъ.....¹⁾.

* *

Я наскоро собралъ нѣкоторыя черты, поразившія меня наиболѣе въ картинѣ гнѣва разсвирѣпѣвшей природы и гибели челоувѣковъ. Тутъ не было мѣста ни краскамъ витійственности, отъ разсужденій я также воздерживался: дать имъ волю, значило бы поставить собственную личность на мѣсто великаго событія. Другіе могутъ добавить несовершенство моего сказанія тѣмъ, что сами знаютъ; г-да Грець и Булгаринъ берутся его дополнить всѣмъ, что окажется истинно замѣчательнымъ при второмъ изданіи этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здѣсь уже не будетъ.

* *

Теперь прошло нѣсколько времени со дня грознаго происше-

¹⁾ Недописано.

ствія. Рѣка возвратилась въ предписанные ей предѣлы; душевныя силы не такъ скоро могутъ придти въ спокойное равновѣсіе. Но бѣдствія народа уже получаютъ возможное уврачеваніе; впечатлѣнія ужаса мало-по-малу ослабѣваютъ, и я на семь останавливаюсь. Въ общественныхъ скорбяхъ утѣшенъ мыслью, что посредствомъ сихъ листковъ друзья мои въ отдаленной Грузіи узнаютъ о моемъ сохраненіи въ минувшей опасности и гдѣ нынѣ нахожусь и чему быть очевидцемъ.

5. Загородная поѣздка.

(Отрывокъ изъ письма южнаго жителя).

(1826).

На высоты! на высоты! Подалѣе отъ шума, пыли, отъ душнаго однообразія нашихъ площадей и улицъ. Куда-нибудь, гдѣ воздухъ рѣже, откуда груды зданій въ неясной дали слились бы въ одну точку, весь бы городъ представилъ изъ себя центръ отъѣвно мелкой, ничтожной дѣятельности, кипящій муравейникъ. Но куда же вознестись такъ высоко, такъ свободно изъ Петербурга? — въ Парголово.

Въ полдень, 21-го іюня, мы пустились по извѣстной дорогѣ изъ Выборгской заставы. Не роскошныя окрестности! Природа съ великимъ усиленіемъ въ болотѣ насадила печальныя ели; жители ихъ выжигаютъ. Дымный запахъ, блѣдное небо, скрипучій песокъ, все это не располагаетъ странниковъ къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. Подымаемся на пригорокъ, и на другой (кажется на шестой верстѣ); лошадямъ тяжело, но душѣ легче, просторнѣе. Отсюда взоръ блуждаетъ по безконечной поверхности лѣсной чащи. Тѣ же ели, но подъ скудную тѣнью ихъ рѣдкихъ вѣтвей, въ ихъ тощей зелени, въ бездушныхъ иглахъ нѣтъ отрады, теперь же съ крутизны холма, пирамидальныя верхи ихъ сглажены, особенности исчезли; подъ нашими ногами засинѣлся лѣсъ одной полосой, далеко протяженною, и видъ неизмѣрности сообщаетъ душѣ гордыя помышленія. — Въ сообществѣ равныхъ намъ, выспихъ насъ, такъ точно мы, ни ими, ни собою недовольные, возносимся иногда пареніемъ ума надъ цѣлымъ человѣчествомъ, и какъ величественна эта зыбь вѣковыхъ истинъ и заблужденій, которая отовсюду простирается далеко за горизонтъ нашего зрѣнія!

Другаго рода мысли и чувства возбуждаетъ, нѣсколько веретъ далѣе, влѣво отъ большой дороги, простота деревенскаго храма. Одинокъ, и построенъ на разложистомъ мысѣ, котораго подножіе омываетъ тихое озеро; справа рядъ хижинъ, но въ нихъ не по-

селяне. Нѣжная бѣлизна красавицъ и торопливость ихъ услужниковъ напоминають... не знаю именно, о чемъ; но здѣсь онѣ мѣтѣ озабочены чинами всякаго рода.

Вотъ и край нашихъ желаній. Все выше и выше, мѣста картинныя; мирныя рощи, дубы, липы, красивыя сосны, то по нѣскольку вмѣстѣ стоятъ среди спѣющей нивы, то надъ прудомъ, то опоясываютъ собою рядъ холмовъ; подъ ихъ густою сѣнію, дорога завивается до самой вершины, — доѣхали.

Тутъ всякій спѣшитъ на дерновую площадку, на которую взбѣгаютъ уступами, со стороны сада. Сквозь расчищенный просѣкъ виднѣются вдали верхи башенъ Петербургскихъ. Такъ рассказываютъ, но мы ничего не видали. Наше зрѣлище ограничивалось тѣмъ живописнымъ озеромъ, мимо котораго сюда ѣхали: далѣе все было подернуто сизыми парами; и вотъ одно ожиданіе рушилось, какъ идея поэта часто тускнѣетъ при неудачномъ исполненіи. Въ замѣну изящной отдаленности, мы любовались тѣмъ, что было ближе. Подъ нами, на берегахъ тихихъ водъ, въ перелѣскахъ, въ примизнахъ аллея, мелькали группы дѣвушекъ; мы пустились за ними, бродили часъ, два; вдругъ послышались намъ звучные, пласовые наѣвы, голоса женскіе и мужскіе, съ того же возвышенія, гдѣ мы прежде были. Родныя пѣсни! Куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги? — Приходимъ назадъ: то мѣсто было уже наполнено бѣлокурыми крестьяночками въ лентахъ и бусахъ; другой хоръ изъ мальчиковъ; мнѣ болѣе всего понравились двухъ изъ нихъ смѣлыя черты и вольныя движенія. Прислонясь къ дѣреву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-Европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невяжны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и Тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами, и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ Русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которые не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами.

Пѣсни не умолкали; затянули: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*; молодые пѣвцы присѣли на дернъ и дружно гранули въ ладоши, подражая мѣрнымъ ударамъ веселья; двое на ногахъ оставались:

Атаманъ и Есауль. Былы времена! какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра: тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ который нѣсколько удалцевъ бросались въ легкіе струи, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузань-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичей, ни сѣдины старческой, а, по словамъ Шардена, въ роскошномъ Фрузъ-Абатѣ, угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потомъ, обогащаясь корыстами, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостью и славили въ пѣсняхъ.

Время длилось. Сѣверное, лѣтнее солнце, какъ всегда передъ закатомъ, казалось неподвижно; мой товарищъ предложилъ мнѣ пуститься верхомъ, еще подальше, къ другой дѣшн возвышеній. Съѣли на лошадей, которыя здѣсь сродни горнымъ муламъ, но изъ нашей поѣздки ничего не вышло, кромѣ благотворнаго утомленія для здоровья. Дымъ отъ выжженныхъ и курившихся корней носился по дорогѣ. Солнце въ этомъ мракѣ походило на ночное свѣтило. Возвратились опять въ Парголово; отсюда въ городъ. Прежнюю дорожку, прежнее уныніе. Къ тому же суровость климата! При спускѣ съ одного пригорка, мы разомъ погрузились въ погребной, влажный воздухъ; сырость проникала насъ до костей. И чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ хуже: по сторонамъ предательская трава; если своротить туда, тинистыя хляби, вмѣсто суши. На пути не было никакой встрѣчи, кромѣ туземцевъ Финновъ; бѣлые волосы, мертвые взгляды, сонныя лица!

II. Статьи и замѣтки критическія.

1. О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: «Ленора».

(1816).

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit.

Я читалъ въ «Сынѣ Отечества» балладу: «Ольга» и на нее критику, на которую сдѣлалъ свои замѣчанія.

Г-ну рецензенту не понравилась Ольга: это еще не бѣда, но онъ находить въ ней безпрестанныя ошибки противъ грамматики и логики,—это очень важно, если только справедливо; сомнѣваюсь, подлинно-ли оно такъ; дерзость меня увлекаетъ еще дальше: посмотрю, каковъ логикъ и грамотей самъ сочинитель рецензій.

Г. Жуковский, говорить онъ, пишетъ баллады, другіе тоже, следовательно эти другіе или подражатели его, или завистники. Вотъ образчикъ логики г. рецензента. Можетъ быть, иные не одобряютъ оскорбительной личности его заключенія; но въ литературномъ быту то-ли дѣлается? Г. рецензентъ читаетъ новое стихотвореніе; оно не такъ написано, какъ бы ему хотѣлось; за то онъ бранитъ автора, какъ ему хочется, называетъ его завистникомъ, и это печатастъ въ журналѣ, и не подписываетъ своего имени.—Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляетъ.

Грамматика у г. рецензента своя, новая, и съ родни его логики; она, напр., никакъ не допускаетъ, чтобы

Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ грудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку.—Такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится: стало быть,—грамматически неправильно.

Между тѣмъ уважимъ прихоти рецензента, рассмотримъ по порядку все, что ему не нравится.

Во-первыхъ, онъ не жалуется балладъ и повторяетъ сказанное въ одной комедіи, что «однѣ только красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семь родѣ сочиненій странной выборъ предметовъ». Странный выборъ предметовъ, т. е. чудесное, которымъ наполнены баллады... Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не зналъ до сихъ поръ, что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія.

Въ «Ольгѣ» г. рецензенту не нравится, между прочимъ, выраженіе *рано поутру*; онъ его ссылаетъ въ прозу: для стиховъ есть слова гораздо кудравѣе ¹⁾).

Также ему не по-сердцу восклицаніе *ахъ!* когда оно вырывается отъ души въ стихахъ:

Измѣнилъ ли другъ любезный!
Умеръ ли, ахъ! я умру.

¹⁾ Онъ вообще непримиримый врагъ простоты; не знаю, какъ успѣли отъ его критики дышущіе пѣническою простотою стихи:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Въ строфѣ, въ которой такъ живо описано возвращеніе воиновъ-побѣдителей въ отеческую страну:

На сраженьи пали Шведы,
Туркъ безъ бранц побѣденъ—
И, желанный плодъ побѣды,
Миръ Россіи возвращень;
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣснями, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Слово: *Туркъ*, которое часто встрѣчается и въ образцовыхъ одахъ Ломоносова и въ простионародныхъ пѣсняхъ, несносно для вѣрнаго слуха г. рецензента, также и сокращенное: *съ тѣснми*. Этому горю можно бы помочь, стоитъ только растянуть слова; но тогда должно будетъ растянуть и цѣлое; тогда исчезнетъ краткость, чрезъ которую описаніе дѣлается живѣе; и вотъ что нужно г. рецензенту: его длинная рецензія доказываетъ, что онъ не изъ краткости бѣется.—

Далѣе онъ изволить забавляться надъ выраженіемъ: *слушай, дочь*:—«подумаешь, замѣчаетъ онъ, что мать хочетъ бить дочь». Я такъ полагаю, и вѣрно не одинъ, что мать просто хочетъ говорить съ дочерью.—

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . Въ Украинѣ дальной
Если, клятвъ не чти своихъ,
Обошелъ налой вѣнчальной
Ужъ съ другою твой женихъ.

Онъ находитъ, что проза его гораздо лучше:

Можетъ быть невѣрной
Въ чужой землѣ Венгерской
Отрекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

Такъ переводить онъ изъ Бюргера; не видно, между тѣмъ, почему это хорошо, а русскіе стихи дурны. Притомъ г. рецензенту никакъ не хочется, чтобъ налой, при которомъ вѣнчаются, назывался налоемъ вѣнчальнымъ. Но онъ частъ отъ часу прихотливѣе: въ иномъ мѣстѣ эпитетъ: *слезный* ему кажется слишкомъ *сухимъ*, въ другомъ тонъ мертвеца слишкомъ грубымъ. Въ этомъ, однако, и я съ нимъ согласенъ: поэтъ не правъ; въ нашъ слезливый вѣкъ и мертвецы должны говорить языкомъ романтическимъ. *Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médecine d'une méthode toute nouvelle.*

Вотъ какъ въ балладѣ любовникъ-мертвецъ говоритъ съ Ольгой:

„Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
Я съ Украйны за тобой:
Поздно выѣхалъ оттолѣ,
Чтобы взять тебя съ собой“.
— „Ахъ, войди, мой ненаглядной!
Въ полѣ свищеть вѣтеръ холодной;
Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
Обогрѣйся, мой женихъ!“

* * *

Пусть онъ свищеть, пусть колышетъ,
Что до вѣтру мнѣ? Пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,
Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго овра.

* * *

—Гдѣ живешь? скажи нелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?—
„Домъ землянка“.—Какъ въ ней?— „Тѣсно“.
—А кровать намъ?— „Шесть досокъ“.
—Въ ней уляжется-ль невѣста?—
„Намъ двоимъ довольно мѣста“.

Стихъ: «въ ней уляжется-ль невѣста?» заставилъ рецензента стыдливо потупить взоры... Въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать такого вопроса любовнику, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе?— Что-жь ей? предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной?— Богъ съ ними, съ мечтаніями; нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ, и

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ,
Обвила ему вокругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица,
Конь бѣжитъ—земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ-подъ копыть.

Эта прекрасная строфа, сверхъ чаянія, понравилась и г. рецензенту; онъ только замѣчаетъ, что поэтъ далъ слову: *пращъ* значеніе ему несвойственное;—наконецъ, исписавъ 17 страницъ, дописался до замѣчанія справедливаго. Скажу только, что слово: *пращъ* въ такомъ смыслѣ, какъ оно принято въ *Ольгѣ*, находится также въ одномъ мѣстѣ у г. Жуковскаго.

Отъ стука палиць, свиста пращей,
Далече слышанъ гуль дрожащій.

Стихот. Жуковск. т. I, стр. 107.

Потомъ г. рецензентъ, отъ нечего дѣлать, предлагаетъ нѣсколько вопросовъ для рѣшенія,—отъ нечего дѣлать, говорю я: потому что онъ могъ легко бы самъ себѣ на нихъ отвѣчать, напр., въ стихахъ:

Наскакалъ въ стремлени яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ, хлыста ударомъ,
Спали петли и запоръ.

Онъ спрашиваетъ: что такое *наскакалъ на заборъ*? Всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что *наскакалъ на заборъ* значитъ: примчался во всю прыть къ забору.—«Съ какой двери (продолжаетъ онъ) спали петли», и пр.—съ той же, на которую въ переводѣ у г. рецензента: *сѣдокъ по-скакалъ, опустилъ узду*. Далѣе въ стихахъ:

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю—провалился
И навѣки съ глазъ пропалъ.

Рецензентъ спрашиваетъ: съ чьихъ глазъ?—Такіе вопросы заставляютъ сомнѣваться, точно ли русскій человѣкъ ихъ дѣлаетъ. Онъ свою рецензію прислалъ изъ Тентелевой деревни Спб. губерніи; нѣтъ ли тамъ колонистовъ? не колонистъ ли онъ самъ? Въ такомъ случаѣ прошу сто разъ извиненія. Для переселенца изъ Нѣмечины онъ еще очень много знаетъ нашъ языкъ. Но къ концу рецензентъ дѣлается чрезвычайно веселъ. Ему не нравится, что

Ольга въ страхъ, безъ ума,
Неподвижна и нѣма.

и онъ хочетъ ее уронить.—Да, да!—*вѣдь у Бюргера*, говоритъ онъ: *могла же она упасть и лежать*. Надобно ее неслѣдственно уронить. Куда дѣвалась ваша стыдливость, г. рецензентъ?

Но за этимъ слѣдуетъ замѣчаніе, которое похоже на дѣло. Въ балладѣ адскіе духи припѣваютъ погибшей Ольгѣ:

Съ Богомъ въ судъ не йди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грѣшну душу Богъ прости.

Точно, не шло бы адскимъ духамъ просить Бога о помилованіи грѣшной души, хотя это и у Бюргера такъ; однако три первые стиха по-моему болѣе походятъ на злобныя укорины, на

пронію, чѣмъ на проповѣдь, вопреки г. рецензенту: по видно участь моя ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться. Его сужденія мнѣ не кажутся довольно основательными, а у меня есть маленкій предразсудокъ, надъ которымъ онъ вѣрно будетъ смѣяться: напр. я думаю, что тотъ, кто взялъ на себя трудъ свѣрить русскій переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, долженъ между прочимъ хорошо знать и тотъ, и другой языкъ. Конечно, г. рецензентъ признаетъ это излишнимъ, ибо кто же свѣдущій въ русскомъ языкѣ переведетъ съ нѣмецкаго:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel,

т. е. «пустился во весь опоръ на желѣзные рѣшетчатые ворота»,—кто переведетъ это такимъ образомъ, какъ г. рецензентъ: *быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь поскакалъ (снѣдокъ), опустивъ узду*. Такъ точно французское: *ventre à terre* можно перевести: *«брюхомъ по земль»*.

У Бюргера Ленора говорить:

Verloren ist verloren.

А Ольга въ русской балладѣ:

Нѣтъ надежды, нѣтъ, какъ нѣтъ!

Рецензентъ кричитъ: *нѣтъ! не то! не то! не то!* Надежало сказать: то, то, именно то, не можетъ быть проще и вѣрнѣе, не можетъ быть иначе. Но если вѣрить г. рецензенту, онъ самъ по себѣ не вооружился бы противъ Ольги,—взыскательные неотвязчивые читатели его окружаютъ. Они заставили его написать длинную критику. Жалѣю я его читателей; но не клеплетъ ли онъ на нихъ?—Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ было говорить съ ними такъ темно: *«Что касается до меня, то я право ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромъ того, что, такъ сказать, нейдуть въ душу*. Такой нескладный отвѣтъ натурально никого не удовлетворитъ: съ неутомимыми читателями надобно было поступить протѣе; надобно было сказать имъ однажды навсегда: «Государи мои! не будемъ толковать о поэзін, она для насъ мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика въ журналѣ не наполнила бы 22-хъ страницъ.

Но нѣтъ! г. рецензентъ не могъ отговориться: судить криво, бранить какое невинное удовольствіе! Какъ отказать себѣ въ этомъ? притомъ же писать для того, чтобы находить одно дурное въ какомъ либо твореніи—подвигъ немноготрудный: стоитъ только запастись бумагой, присѣсть и писать до тѣхъ поръ, доколѣ не

заскучить; надоѣло: кончить, и выйдетъ рецензія въ родѣ той, которая сдѣлана на Ольгу.—Можетъ быть, иные мнѣ не вдругъ повѣрятъ; для такихъ опытъ—лучшее доказательство.

Переносишь въ Тентелеву деревню и на минуту принимаю на себя видъ рецензента, на минуту, и то, конечно, за свои грѣхи. Около меня лежатъ разные сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ, но мнѣ, будто невзначай, попалась въ руки «Людмила». Читаю и на первомъ стихѣ втораго куплета останавлиюсь:

Пыль туманить отдаленье.

Можно сказать: пыль туманить даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значить, что предметъ удаляется; если принять, что пыль туманить отдаленье, можно будетъ сказать: что она туманить *удаленье и приближенье*. Но за сямъ слѣдуетъ:

Свѣтить ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: *отдаленье* поставлено для рѣшмы. О, рѣшма!... ¹⁾ Далѣе:

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой?

Слишкомъ напыщено:

Гдѣ твоя, Людмила, радости!

Ахъ! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. Опять-таки для рѣшмы! Одно существительное сливаются съ другимъ, для того чтобъ придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Напр. дѣвица-краса, любовникъ-воинъ, но надежда—всегда сладость.—Далѣе мать говоритъ дочери:

Мертвыхъ стогъ не воскресить.

А дочь отвѣчаетъ:

.....
Не призвать минувшихъ дней

.....
Что прошло не возвратимо.

.....
Возращу-ль невозвратимыхъ?

Мнѣ кажется, что онѣ говорятъ одно и то же, а намѣреніе поэта—заставить одну говорить дѣло, а другую то, что ей внушаетъ отчаяніе. Вообще, какъ хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти всѣ дышатъ кротостью и смиреніемъ, за что-жъ бы, кажется, ее такъ жестоко наказывать? Должно думать, что

¹⁾ Читатели не должны быть въ заблужденіи насчетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги.

за безразсудныя слова, ибо подь концемъ усопшихъ хоръ ей завываетъ:

Смертныхъ ропоть безразсуденъ,
Чась твой билъ—и пр.

Но гдѣ же этотъ ужасной ропоть, которой навлекъ на нее гнѣвъ Всевышняго? Самая богобоязненная дѣвушка скажетъ тоже, когда узнать о смерти своего любезнаго. *Царь небесной насъ забылъ*—вотъ самое сильное, что у ней вырывается въ горести; но при первомъ призракѣ счастья, когда она мертвеца принимаетъ за своего жениха, ея первое движеніе благодарить за то Бога и вотъ ея слова:

Знать тронулся Царь небесный
Бѣдной дѣвицы тоской!

Неужели это такъ у Бюргера? Раскрываю Ленору. Вотъ какъ она говорить съ матерью:

O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament.
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.

Извините, г-нъ Бюргеръ, вы не виноваты! Но возвратимся къ нашей Людмилѣ. Она довольно погоревала, довольно поплакала, наступаетъ вечеръ.

И зеркало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облечены.

Облечены вмѣсто *облечены* нельзя сказать; это маленькая ошибка противъ грамматики. О, грамматика, и ты тиранка поэтовъ! Но чу! бѣтъ полночь... Къ Людмилѣ крадется мертвецъ на цыпочкахъ, конечно, чтобъ никого не испугать.

Тихо бракнуло кольцо,
Тихимъ шопотомъ сказали:
Всѣ въ ней жилки задрожали,
То знакомый голосъ былъ,
То ей милой говорилъ:
„Спать иль нѣтъ моя Людмила,
Помнить друга, иль забыла?“ и т. далѣе.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ; живому человѣку нельзя быть любезнѣе.

Послѣ онъ спохватился и перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, но все-таки говорить много лишняго, особливо когда подумаешь, что ему данъ *краткій, краткій срокъ* и *мигъ страшнѣе замедленья*.

Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ.

Такіе стихи:

Хотя и не Варяго-Росски,
Но истинно немалого плоски

и не прощаются въ хорошемъ стихотвореніи.

Поздно я пустился въ путь,
Ты моя — моею будь!

Къ чему прилетенъ послѣдній стихъ?

Способъ, который употребляетъ мертвецъ, чтобъ уговорить Людмиллу за собою слѣдовать, очень оригиналенъ:

Чу! совы пустынной крики!
.....
Ѣдемъ, Ѣдемъ. . . . .

Кажется, что крикъ совъ вовсе не заманчивъ, и онъ долженъ бы удержать Людмиллу отъ ночной поѣздки. И это *чу!* слышкомъ часто повторяется:

Чу! совы пустынной крики!
.....
Чу! полночной часъ звучитъ
.....
Чу! въ лѣсу потрясла лѣсъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!

Такія восклицанія надобно употреблять гораздо бережливе; иначе они теряютъ всю силу. Но въ Людмиллѣ есть слова, которыя преимущественно передъ другими повторяются. Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь! борзой конь заржалъ.
.....
Слышишь! конь грызеть бразды!

А Людмила отвѣчаетъ:

Слышишь? колоколь гудить!

Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмиллы признается ей, что домъ его гробъ и путь къ нему далекъ. Я бы, напримѣръ, послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался; но не всё видятъ вещи одинаково. Людмила обхватила мертвеца нѣжною рукою и помчалась съ нимъ:

Скокомъ, летомъ по долинамъ. —

Дорогой спутникъ ея ворчитъ сквозь зубы, что онъ мертвой и что:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой. —

Эта несообразность замѣчена уже рецензентомъ «Ольги». Но

что-жь? Людмила вѣрно вскрикнула, обмерла со страху? Она спокойно отвѣчаетъ:

Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ — земли утроба.

Впрочемъ, дорбгой Людмилѣ довольно весело; ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились.

И вкрутъ ея:

Поютъ воздушныя лики,
Будто въ листьяхъ поведики
Бьется легкій вѣтерокъ,
Будто течеть ручеекъ.

Потомъ мертвецъ опять сбивается на тонъ Аркадскаго па-стушка и говорить своему коню:

Чую ранній вѣтерокъ.

Но пусть Людмила мчится на погибель; не будемъ далѣе за нею слѣдовать.

Чтобъ не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю съ себя маску привязчиваго рецензента и, въ заключеніе, скажу два слова о критикѣ вообще. Если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ — не стоитъ того, чтобы писать критику; если-жь есть, то рассмотреть, какого онѣ рода? много ли ихъ или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ.

2. По поводу «Горя отъ ума».

. . . Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той-же участи, — такъ мнѣ-ли роптать? — Въ превосходномъ стихотвореніи многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тѣмъ болѣе дѣйствуютъ на душу читателя, что въ ней, въ сокровенной глубинѣ ея, скрываются тѣ струны, которыхъ

авторъ едва коснулся, нерѣдко однимъ намекомъ,—но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того съ обѣихъ сторонъ требуется: съ одной—даръ, искусство; съ другой—воспринимчивость, вниманіе. Но какъ-же требовать его отъ толпы народа, болѣе занятого собственною личностью, нежели авторомъ и его произведеніемъ? Притомъ, сколько привычекъ и условій, ни мало не связанныхъ съ эстетическою частью творенія,—однако надобно съ ними сообразоваться. Суетное желаніе рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка послѣ каждаго трехъ-четырехъ-сотъ стиховъ; необходимость побѣгать по коридорамъ, душу отвести въ поучительныхъ разговорахъ о дождѣ и снѣгѣ,—и все движутся, входятъ и выходятъ и встаютъ и садятся. Все таковы, и я самъ таковъ, и вотъ что называется публикой! Есть родъ познанія (которымъ многіе кичатся)—искусство угождать ей, то-есть, дѣлать глупости...

3. Замѣчанія Грибоѣдова на русскую грамматику Греча.

Текстъ грамматики:

§ 7. Русскіе глаголы имѣютъ шесть главныхъ видовъ: 1) Неопределенный, выражающій совершеніе дѣйствія просто, безъ означенія притомъ, часто ли оно совершается, и совершается ли именно въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь; напримѣръ: *я пишу письма, я хожу, онъ бѣгалъ, я буду ѣздить*. 2) Определенный, означающій, что дѣйствіе совершается именно въ то самое время, о которомъ говорится; напримѣръ: *я иду теперь въ поле; онъ бѣжалъ по улицѣ, когда тронулъ тромъ; я буду ѣхать подлѣ кареты верхомъ*. 3) Многократный, показывающій, что дѣйствіе совершалось нѣсколько разъ; напримѣръ: *онъ ѣзжалъ верхомъ; ты жаживалъ тликомъ*. 4) Однократный, означающій, что дѣйствіе совершилось или совершится одинъ разъ; напримѣръ: *я тронулъ, ты скажешь*. 5) Несовершенный, выражающій, что дѣйствіе несовершенно кончилось или кончится;

Замѣчанія.

Признаюсь, не вижу никакой разницы между несовершеннымъ определеннымъ и просто не-

напримѣръ: *я подписывалъ, ты будешь разсматривать*. Сей видъ имѣеть два подраздѣленія; первое, *неопредѣленный несовершенный* видъ, выражающій совершеніе дѣйствія неопредѣленно, и второе, *опредѣленный*, выражающій оное опредѣленно. 6) *Совершенный*, означающій, что дѣйствіе совершенно кончилось или кончится; напримѣръ: *я описалъ, ты разсмотришь*. Сей видъ имѣеть еще подраздѣленія: 1) *неопредѣленный*, выражающій совершенное окончаніе дѣйствія неопредѣленно (напр., *вытолкали и изнасили*), 2) *опредѣленный*, означающій оное опредѣленно, наприм., *изнесъ*,— и 3) *однократный*, показывающій, что дѣйствіе совершенно кончено или кончится въ одинъ разъ, наприм., *вытолкнулъ*. Виды неопредѣленные, опредѣленный и несовершенный могутъ быть во всѣхъ временахъ; однократный и совершенный только въ прошедшемъ и будущемъ, а многократный въ одномъ прошедшемъ (а+).

Одно изъ явительное наклоненіе имѣеть времена. Неокончательное и повелительное бывають только въ разныхъ видахъ; послѣднее не имѣеть вида многократнаго.

§ 12. Глаголы *простые* раздѣляются на слѣдующіе: 1) *Неполные*, къ коимъ относятся всѣ простые глаголы, невходящіе въ послѣдующія два опредѣленія. 2) *Полные*, отличающіеся отъ прочихъ простыхъ глаголовъ тѣмъ, что означаютъ дѣйствіе физическое, совершаемое человекомъ, животнымъ и т. п.; напримѣръ: *алзть, толкать, шагать, рубить, трясти*. 3) *Сугубые* глаголы, означающіе движеніе съ одного мѣста на другое; напримѣръ: *ходить, плавать, носить, ѣздить*.

опредѣленнымъ. *Не выноси соръ изъ избы, или не носи сора въ избу*. Въ обоихъ случаяхъ эти глаголы одинаковаго знаменованія. Такъ-же ни малѣйшей отгѣнки не нахожу между совершеннымъ опредѣленнымъ, совершеннымъ однократнымъ и просто однократнымъ. *Я толкнулъ* или *оттолкнулъ кого нибудь* или *вынесъ что нибудь*—всѣ три глагола означаютъ дѣйствіе, одинъ только разъ совершенное, и притомъ мгновенно; тутъ нельзя разсуждать ни о началѣ его, ни о концѣ, ни о серединѣ. Можетъ быть я ошибаюсь, но тогда либо опредѣленіе, либо примѣры недовольно ясны, и найдутся многіе, которые, подобно мнѣ, не поймутъ вещи, какъ бы слѣдовало.

Выше сказано, что одно прошедшее время принимаетъ видъ многократный (см. а+), а здѣсь явствуетъ, что и неокончательное наклоненіе (неимѣющее прошедшаго времени) бываетъ многократнаго вида.

Опредѣленія, кажется, сбивчивы, особенно неловко раздѣлять глаголы такимъ, наприм., образомъ: *Первые*, тѣ которые на другихъ не похожи (?), добро бы еще *послѣдніе*, когда бы условія всѣхъ прочихъ были уже исчислены. *Вторые*, означающіе дѣйствіе физическое; *третьи*—движеніе съ одного мѣста и проч., слѣдовательно тоже физическое дѣйствіе, но тогда должно бы въ полныхъ

§ 14.... Таблицы предложных глаголовъ (10 видовъ) . . . . .

§ 17. Изъ самаго существа глаголовъ явствуетъ, что одни только глаголы самостоятельны могутъ быть первообразными: всѣ совокупные, выражая однимъ словомъ и сказуемое и связку, должны быть словами производными. Сіе находимъ мы на самомъ дѣлѣ: всякій глаголь составленъ изъ какого нибудь корня, т. е. другаго слова, составляющаго матерію или смыслъ онаго, и изъ окончаній, дающихъ смыслъ или корню форму, т. е. значеніе глагола, и болѣе или менѣе соответствующихъ окончаніямъ глагола самостоятельнаго. Сіе послѣднее свойство не такъ ощутительно въ русскомъ языкѣ, какъ въ церковномъ и польскомъ.

сдѣлать оговорку, и исключить въ нихъ движеніе, но стало быть глаголь *шагать* никакъ не можетъ быть причисленъ къ этому разряду.

Подраздѣленія предложныхъ ужасно утонченны; это отъ излишней утонченности въ раздѣленія видовъ вообще, что мною грубымъ инкомъ замѣчено уже выше.

Если предположить, что система языка *не разомъ издавна*, а развилась постепенно, то глаголы, конечно, придуманы прежде другихъ частей рѣчи. У дикаго мало предметовъ, въ которыхъ онъ нуждается, и тѣ около его; къ чему станетъ онъ голову ломать, чтобы называть ихъ по имени, когда однимъ движеніемъ пальца можетъ ихъ обозначить, указать на что-нибудь и дѣло съ концемъ. Но отношенія между собою и вещами безъ языка опредѣлить трудноѣ. *Снѣчь*, говорить онъ, это, напримѣръ, значить, что дождь идетъ, и по аналогіи *снѣчь* онъ произносить съ угрозою, значить выскѣку тебя (*дождемъ послало на тебя удары*) или со страхомъ: *сѣчь*, т. е. *боюсь чтобы тебя, или меня, или насъ обоихъ не выскли*. Такимъ образомъ *жечь*, и *влечь*, и *беречь* (или въ младенчествѣ языка вѣроятно *брчь*) — и вотъ отъ чего образованіе глаголовъ такъ просто, окончаніе главной формы почти всегда одно и то же, и легко врѣзывается въ память;

но между тѣмъ какъ окончанія именъ нарицательныхъ, собирательныхъ и пр. чрезвычайно разнообразны, и нужны, кажется, побочные способы къ сохраненію ихъ въ памяти, коли не письменно, такъ зарубки на палкахъ, камняхъ и т. далѣе. Но по моему, система языка только въ подробностяхъ образуется постепенно, а главное ея основаніе есть *одна изъ ерожденныхъ идей въ чловкь*; доказательствомъ служатъ народы, отдѣленные другъ отъ друга океаномъ, никогда не имѣвшіе сообщенія между собою, а коренныя правила языка у всѣхъ у нихъ однѣ и тѣ же.

§ 24. Произведеніе глаголовъ второобразныхъ отъ скрытнообразованныхъ.

Брести, бродить;	} [глаголы сугубые].
Везть, возить;	
Вестъ, водить;	
Итти, ходить.	

Свѣсть, садиться [глаголь совершенный].

Вѣсть, вѣдать;	} [глаголы сугубые].
Честъ, читать;	

Полно произошелъ ли тутъ одинъ отъ другаго!

Почему же *садиться* глаголь совершенный? сажусь—не значить еще, что дѣйствіе уже совершенно кончено, я могу цѣлый часъ садиться, и все-таки *не успѣться* совершенно.

Почему же *вѣдать* и *читать* глаголы сугубые? какое тутъ движеніе съ одного мѣста на другое?

Или я ошибся, и глаголами совершенными и сугубыми названы здѣсь только скрытнообразованные, и это не относится къ второобразнымъ? Тогда надобно будетъ сдѣлать NB для объясненія.

4. Характеръ моего дяди ¹⁾.

Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историкъ предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣннн развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основаннымъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы-спутники до перваго затменія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, нынче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть; но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ Турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ вѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «я, братъ!..»

III. Письма А. С. Грибоѣдова.

1. С. Н. Вѣгичеву.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1816 г.

Любезный Степанъ! гдѣ нынче изволить обрѣтаться ваше флегмордіе? Не знаю, что подумать объ тебѣ; увѣренъ, что меня любишь, и слѣдовательно помнишь, но какъ-же таки ни строчки къ твоему другу? Съ меня что-ли примѣръ берешь? И то неизвинительно: я не писалъ къ тебѣ, потому что былъ боленъ, а теперь—что выздоровѣлъ—первое письмо къ тебѣ. Если ты не намѣренъ прежде мѣсяца быть въ С.-Петербургѣ, то, пожалуй, потрудись не быть лѣнивымъ: обрадуй меня хотя двумя словами.

Признаюсь тебѣ, мой милый, я такой же, какой былъ и прежде, пасынокъ здраваго разсудка; въ Дерптѣ не поѣхалъ и засѣлъ здѣсь, и очень доволенъ своей судьбой, одного тебя недостаетъ. Квартира у меня славная; какъ прїѣдешь, прямо у меня остановись, на Екатерин. каналѣ, у Харламова мосту, угольный

¹⁾ Дядя этотъ, какъ полагають, послужилъ прототипомъ для Фамусова.

домъ Валька. Да прїѣзжай же скорѣе. Неужели все заводчика корчишь? Передъ кѣмъ, скажи, пожалуй? у тебя нѣтъ матери, которой ты обязанъ казаться основательнымъ; будь такимъ, каковъ есть. Здѣсь кругъ друзей твоихъ увеличится, да и старые хороши; кромѣ того В-о-р-о-б-ь-с-в-а на-дняхъ спрашивала, скоро-ли ты будешь, и есть-ли у тебя годовыя кресла. Было время, что я бы съ завистию это слушалъ, но теперь прекрасный поль меня не занимаетъ, и по очень важной причинѣ. Я вѣдаюсь съ аптекой; какая занимательная часть фармакопей! Я на себѣ испытываю разныя спасительныя вліянія можжевельныхъ порошковъ, сарсенареля, сѣрныхъ частицъ и т. п.

Прїѣзжай, прїѣзжай, прїѣзжай скорѣе. Въ воскресенье я съ Истоминой и съ Шереметевымъ ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился. — Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево!

Прощай, мой другъ, пиши, коли не такъ скоро будешь. Чтò это за мерзость, ничего не зная другъ объ другѣ! Это только позволительно двумъ дуракамъ, какъ мы съ тобою. — Прощай. Доставилъ-ли тебѣ К. Алекс. 500 р.? Андр. Семен. усерднѣйшій поклонъ.

2. Ему же.

С.-Петербургъ, декабря 5-го 1816 года.

Милый другъ Степанъ! спѣшу тебя увѣдомить, что я получилъ твое письмо, видѣлся съ Дмит. Ник. и съ Андр. Семен. А ты боленъ! видишь, какая у меня съ тобою равная доля! Но теперь тебѣ лучше; смотри же, какъ оправившись, не мѣшкай прїѣзжай сюда. Алексѣй Ивановичъ Кол. увѣряетъ, что ты намѣренъ переходить въ армію; я увѣряю, что ты слишкомъ уменъ для этого. Кто любитъ службу и желаетъ дослужиться до высшей степени, тотъ долженъ быть въ Петербургѣ. Пожалуй не воображай, что я это говорю въ мою пользу. Конечно, я буду счастливѣе, живя съ тобою вмѣстѣ, но ты самъ много выиграешь, если не выйдешь изъ гвардіи. И что жъ тебя въ ней пугаетъ? что многіе поручики не брѣютъ бороды, какъ говоритъ Алексѣй Ивановичъ? поэтому стыдно быть и генераломъ, потому что нынче большая часть генераловъ такихъ, у которыхъ подбородокъ не опушился. Или ты боишься нести большіе труды и часто изливніе? De Ligne говоритъ: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre regiment de ma-

oeuvre—donnez votre place à un jeune homme, qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement¹⁾. — Притомъ здѣсь ты чрезъ 5 лѣтъ полковникъ вѣрно. А часы, дни, въ которые ты будешь свободенъ отъ службы, ты ихъ проведешь весело, съ друзьями. Тамъ, въ Иркутскомъ полку, ты не можешь имѣть друзей, ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопятъ, нынче вторникъ, письма отдаются рано на почту. — Не лѣнись пожалуй писать. — Коммуникація между нами открылась, pour parler militairement. — Ты знаешь, гдѣ я; я знаю, гдѣ ты.

Прощай еще разъ, цѣлую тебя отъ всего сердца. Усердный другъ твой А. Г.

3. Ему же.

С.-Петербургъ, сентября 4-го 1817 г.

Любезный другъ Степанъ! Вотъ почти мѣсяць, какъ мы съ тобою разстались; я съ тѣхъ поръ въ первый разъ принимаюсь къ тебѣ писать и то второпяхъ. — Приѣмъ на почтѣ продолжается до 12 часовъ, теперь скоро одиннадцать. Нужды нѣтъ, если не узнаешь ничего подробнаго: по крайней мѣрѣ не будешь на-двое полагать, живъ ли я или нѣтъ. — Вотъ перечень всего того, что со мной происходило со дня, какъ мы распростились въ Ижорахъ. Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Онъ до того меня исковеркалъ, что я на другой день не могъ владѣть руками, а спины вовсе не чувствовалъ. Вотъ каково водиться съ буйными юношами. Какъ не вспомнить псалмопѣвца: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». Знаешь-ли, съ кѣмъ я теперь живу? Черезъ два дня послѣ Ижоръ встрѣчаюсь я у Лареты съ Каверинымъ. Онъ говоритъ мнѣ: «Что Вѣгичевъ уѣхалъ? Пошелъ съ кавалергардами въ Москву? Тебѣ вѣрно скучно безъ него? Я къ тебѣ переѣзжаю.» — Мы разошлись, я поѣхалъ натурально къ Шаховскому; ночью явля-

¹⁾ Если ученье даже одного батальона не приводитъ васъ въ восторгъ, если въ васъ нѣтъ желанія побывать всюду, если вы разсеяны, если вы не испытываете страха отъ того, что дождь можетъ помѣшать вашему полку маневрировать, — то уступайте ваше мѣсто юношѣ, который бы съ ума сходилъ отъ искусства Мориа [Саксонскаго] и Евгенія [Савойскаго], и былъ убѣжденъ, что нужно дѣлать втрое болѣе, чѣмъ предписываетъ долгъ, чтобы исполнить свои обязанности только недурно.

юсь домой и нахожу у себя чужих Пенатовъ, Каверинскихъ. Онъ все такой-же, любить съ друзьями и наединѣ подвыпить, или, какъ онъ называетъ: *тринкену задать*.

Братъ твой Иркутскій—полковникъ; поздравь его отъ меня, какъ увидишь. — Неужто онъ явится въ полкъ? Сдѣлай одолженіе, отговори его отъ этого. У него, кажется, передъ глазами мой примѣръ. Я въ этой дружинѣ всего побылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й годъ какъ не могу попасть на путь истинный. Да нельзя ли тебѣ написать къ Арсеньеву объ Шмитовыхъ деньгахъ? Ты бы черезъ это большую пользу принесъ человѣчеству: для того что у меня нѣтъ ни копѣйки, а Шмитъ вѣрно бы со мною подѣлился.

Прощай, безцѣнный другъ мой, люби меня и помни; скоро ли свидимся, не знаю.—На-дняхъ ѣздила я къ Кирхофигъ гадать о томъ, что со мною будетъ; да она не больше меня объ этомъ знаетъ; такой вздоръ вретъ, хуже Загоскина комедій. — Кстати, Шаховской меня проситъ сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Валберховой, и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно. Спишу на-дняхъ и пришлю къ тебѣ въ Москву.

Прощай, отъ души тебя цѣлую. Пиши ко мнѣ, непременно пиши. Стыдно тебѣ, если меня забудешь. Поклонись Никитѣ.

Усердный поклонъ твоимъ спутникамъ Д. В. и А. Б. Языковымъ, Кологривову и даже Поливанову.

4. П. А. Катенину.

Октября 19 (1817 года).

Что ты? душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердился на меня за письмо, а если сердился, такъ сдѣлай одолженіе перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никакъ не могли мнѣ быть по сердцу, а притомъ меня взбѣсило, что ихъ читали тѣ, кому бы вовсе не слѣдовало про это знать. Впрочемъ я вообще былъ не въ духѣ какъ писалъ, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты можетъ быть не знаешь, какъ сильно хорошее и дурное время надо мной дѣйствуютъ, спроси у Бѣгичева. Ахъ! поклонись Алексѣю Скуратову, да сажай его чаще за фортепяно: но настоящему эти вещи пишутся въ концѣ письма; но ужъ у меня однажды навсегда никто не на своемъ мѣстѣ. А самое первое голова.—И смѣшно сказать отъ чего?—Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею. Коли ты хочешь

непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва как прочелъ, разсмѣлся, но послѣ чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣвъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ друзьямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Вѣгичеву;—покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вѣчно хранить благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями. Ахъ! кстати: онъ совершенно окончилъ свою комедію, недостаетъ только предисловія, развязка преакуратная: графъ женится на княжнѣ, князь съ княжной уѣзжаютъ въ деревню, дядя и тетка изъясняютъ моральную цѣль всего происшедшаго, Машу и Ваньку устыжаютъ, они хотять — стыдятся, хотять—нѣтъ, Цаплинъ въ полицію, Инквартусъ и многіе другіе въ дуракахъ, въ числѣ ихъ будутъ и зрители, я думаю, ну да это не мое дѣло, я буду хлопать. — Хочешь ли кое-что узнать объ другихъ твоихъ друзьяхъ. Изволь. — Объ Чепяговѣ, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видалъ его съ тѣхъ поръ какъ ты отправился въ Москву.—А Андрей Андреевичъ послѣдній вторникъ является на вечеръ къ Шишкову, слушаетъ Тасса въ прозѣ, и благополучно спитъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и бодрствуетъ до третьяго часа ночи. Я его какъ душу люблю и жалѣю, а самъ я регулярно каждый вторникъ боленъ. Читалъ ты Жандровъ отрывокъ изъ Говеліи въ *Наблюдатель*? — Безподобная вещь, только одно слово, и къ тому же рима пребогомерзская: *говяда*. Видишь ты, въ Библии это значить стадо, да какое мнѣ дѣло?

Я теперь для него Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея вѣрно сдѣлаетъ прелестную вещь—это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю *Les fausses infidélités*. Для Валберховой я сдѣлаю четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ. На будущей почтѣ пришлю тебѣ. Скажи Вѣгичеву, что это безстыдное дѣло, онъ мнѣ еще ни строчки не писалъ.—И я ему буду платить тѣмъ же. Прощай, сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый божій день съ 12-го часа до 4-го учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. Но мнѣ онъ вовсе не труденъ.

Б. С. Н. Вѣгичеву.

15-го апрѣля 1818 г.

Христосъ воскресе, любезнѣйшій Степанъ! А я со скуки умираю, и врядъ ли воскресну. Сдѣлай одолженіе, не дурачься, не переходи въ армію; тамъ тебѣ Богъ знаетъ когда достанется въ полковники, а ты, надѣюсь, какъ нынче всякій честный чело-вѣкъ, служишь изъ чиновъ, а не изъ чести.

Посылаю тебѣ *Притворную невѣрность* два экземпляра, одинъ перешли Катенину. Вотъ, видишь ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя.—При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса, а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнувъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня только переведены сцены XII-я и XIII-я; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: *я здѣсь, все слышалъ, и все знаю*, я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписывалъ и многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ. Эту комедію собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вотъ что заставило меня ее напечатать. Однако довольно погово-рено о Притворной невѣрности; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непременно хотятъ послать, куда-бы ты думалъ?—въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ. Какъ я ни отпѣкиваюсь, ничто не помогаетъ; однако я третьяго дня, по приглашенію нашего Министра, былъ у него и объявилъ, что не рѣшусь иначе (и то не навѣрно), какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тейеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными Азіятцами, въ добровольной ссылке, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятенъ; не смѣйся: я молодецъ, музыкантъ, влюбивъ и охотно говорю вздоръ, чего же имъ еще надобно? Словомъ, невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.

— Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія.

— Нисколько, В. С. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; ихъ вѣтъ въ Персіи...

Мы еще съ нимъ кое-о-чемъ поговорили; всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ средѣ не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.

При лицѣ шаха всего только будутъ два чиновника: *Мазаро-вичъ*, любезное созданіе, уменъ и веселъ, а другой: я, либо NN. — Общались тѣмъ выгодъ, поощреній, знаковъ отличія по прибытіи на мѣсто, да вѣдь дипломаты на посулъ, какъ на стулѣ. Кажется однако, что не согласятся на мои требованія. Какъ хотѣть, а я рѣшился быть *Коллежскимъ Ассесоромъ* или *ничомъ*. Степанъ, милый мой, ты хоть Штабъ-Ротмистръ кавалергардскій, а умный малой; какъ ты объ этомъ судишь?

6. А. В. Всеволожскому.

Тульск. губ., Ефремовскаго уѣзда, село Лакотцы.
Августа 8-го (1818).

Любезный другъ. Пишу тебѣ изъ какого-то оврага Тульской губерніи, гдѣ лежитъ древнее господское обиталище пріятели моего Вѣгичева. Опоздавши выѣздомъ изъ Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидѣлъ, что не поспѣю къ тебѣ въ Нижній: однако думалъ выгадать поспѣшностію въ ѣздѣ время, которое промедлил на мѣствѣ. Ничуть не такъ. Отсюда меня не пускаютъ. И признаюсь: здѣсь мнѣ очень покойно, очень хорошо. Для нелюдима шумъ ярмонки менѣе заманчивъ. Ты, мой другъ, легко повѣришь, что во всей этой неудачѣ на большихъ дорогахъ, я одного жалѣю: не свидѣться съ тобою по предположенію, которое сердечно меня утѣшало. За то, по долѣйшей разлукѣ, въ Москвѣ дружнѣ обнимемся. А мнѣ туда слѣдъ будетъ непременно, коли скоро отсюда не уберусь; близокъ сентябрь, какой же честный человекъ въ осеннюю, суровую пору рѣшится ѣхать въ Тифлисъ? Коммерческіе наши замыслы тоже рушились, за безденежіемъ всей компаніи. Сговоримся въ Москвѣ, склеимъ какъ-нибудь, коли взаимная польза соединить насъ, — право это хорошо; а если нѣтъ: утѣшимся, взаимная, добрая пріязнь давно уже насъ соединила, — и это еще лучше. Прощай, любезный Александръ; не замѣшкайся, будь здоровъ, помни объ своемъ милomъ семействѣ, а иногда и обо мнѣ.

Вѣрный твой: А. Грибоводовъ.

P. S. Коли это письмо застанетъ тебя въ Нижнемъ, потрудись велѣть развѣдать, какъ дѣятеленъ обмѣнъ нынѣшняго года

съ Персіянами, и на какія именно статьи болѣе требованія для вышуску и привозу?

7. С. Н. Вѣгичеву.

30-го августа 1818 года.

На этотъ разъ ты обманулся въ моемъ сердцѣ, любезный, истинный другъ мой Степанъ. Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ. Тамъ я имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ; теперь какъ оттуда удаляюсь, кажется, что тамъ все хорошо было, всего жаль. — Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и въ умъ не входитъ, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азій скончался; можетъ и соименнаго ему секретаря посольства та-же участь ожидаетъ, только врядъ ли я попаду въ Святые! Прощай, мой другъ; сейчасъ опять въ дорогу, и отъ этого одного безпрестаннаго противоположнаго движенія въ коляскѣ есть отъ чего съ ума сойти. Увидишь кого изъ друзей моихъ, изъ знакомыхъ, напоминай имъ обо мнѣ; въ тебѣ самомъ слишкомъ увѣренъ, что никогда не забудешь.

Если случай будетъ заслать или захватить къ Греку, подпишись за меня на полученіе его журнала. Ахъ! чуть было не забылъ: подпишись на афишки, присылай мнѣ ихъ, и когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. — Прощай, отъ души тебя цѣлую.

У васъ нынче новый балетъ.

8. Ему же.

Москва, 5-го сентября 1818 года.

Мы сюда пріѣхали третьяго дня, а вчера я получилъ отъ тебя письмо, милый мой Степанъ; это меня утѣшило до крайности, и, однако, заставило опять вздохнуть по Петербургѣ. Здѣсь для меня все ново и, слѣдовательно, все еще пріятно; соскучиться не успѣю, потому что черезъ три дня отправляюсь; ты уже пиши ко мнѣ въ Тифлисъ. Павлова я видѣлъ, и онъ у меня побывалъ, завтра познакомить съ женою; Чебышева въ тоскѣ, Алексѣй Семеновичъ Кологривовъ скоропостижно умеръ; мужа ея здѣсь нѣтъ. Чепегова ждемъ не дождемся; освѣдомься, выѣхалъ ли онъ изъ Петербурга; я справлялся на многихъ станціяхъ, въ смотрительскихъ книгахъ, имени его нѣтъ нигдѣ.

Брата твоего тоже здѣсь нѣтъ, за то есть монументъ Минину и Пожарскому, и Притворную Невѣрность играютъ, и какъ играютъ! Кокоскинъ вчера передо мною униженно извинялся, что *прелестные* мои стихи такъ терзають, что онъ невиновато его не слушаютъ; было бы что слушать. Вчера меня залобызали въ театрѣ миллионъ знакомыхъ, которыхъ ни лицъ, ни именъ не знаю.—Кстати, коль увидишь Семенову (Мельпомену), скажи, что ея невѣрный князь здѣсь, и я его за нее осыпалъ упреками.....

Медвѣдева здѣсь—прехорошенькая, я ей вчера въ *Сандрильонъ* много хлопалъ. Здѣшніе готентоты ничему не аплодируютъ, какъ будто наперекоръ Петербургскимъ, которые рады, что Богъ имъ далъ ужасныя ладони, и, при всякомъ случаѣ, готовы ими грѣмѣть; надо однако сознаться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Россій въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами.

Ты жалуешься на домашнихъ своихъ казарменныхъ готентотовъ; это — участь умныхъ людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить съ дураками, а какая ихъ бездна у насъ! чуть-ли не больше, чѣмъ солдатъ; и этихъ тѣмъ: здѣсь все солдаты—и на дорогѣ во всякой деревнѣ, точно завоеванный край. Можетъ и я скоро надѣну ляжку: Павловъ путемъ взялся хлопотать за меня при женѣ и при Ермоловѣ, а если этотъ захочетъ перевести меня въ военную, я не прочь. Что ты объ этомъ скажешь? Пиши ко мнѣ почаще и побольше! Я поминутно объ тебѣ думаю, и послѣднія увѣщеванія очень помню, и ты можешь судить, сколько я сдѣлался основателемъ; тотчасъ открылъ Павлова, и на другой день по приѣздѣ сюда отправился заказывать себѣ все нужное для Персін. Эти благія намѣренія однако не исполнились: я заѣхалъ къ пріятелю, оттуда въ ресторацію, плотно поѣлъ, выпилъ бутылку шампанскаго и послѣ театра слегъ въ постель съ чрезвычайною головою болью. Матушка мнѣ приложила какую-то ватку съ одеколономъ, которой мнѣ весь лобъ сожгло; нынче я однако свѣжѣе, и только-что всталъ, пошелъ поглазѣть на молоденькую старую знакомку, которая противъ насъ живетъ, и уже успѣлъ съ нею опять сдружиться, и, побесѣдовавши съ тобой, къ ней отправлюсь. Ахъ, Персін! дурацкая земля! Гелеръ приѣхалъ съ Кавказа, говорилъ, что проѣзду нѣтъ: недавно еще на какой-то транспортъ напало 5000 черкесовъ; съ меня и одного довольно будетъ, — пріятное путешествіе!

Прощай, любезный другъ, пиши-же и справься еще о паспортахъ и объ....; благодарствуй, что позаботился объ этомъ. Матушка тебѣ кланяется, сестра еще не приѣхала, Жандръ у насъ

еще живеть, только я не видалъ его, онъ спасался гдѣ-то съ Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздоръ пишу, да много.....

Вѣрный другъ твой.

9. Ему же.

Москва, 9-го сентября 1818 года.

Любезнѣйшій Степанъ! письмо это пишу у твоего брата, въ присутствіи Наумова и Павлова, которые увѣрены, что я, если не въ эту минуту, такъ въ вѣкъ не успѣю отправить къ тебѣ мое посланіе. Ты можешь представить, обрадовался-ли я Дмитрію Ник. Супружницы его не имѣлъ удовольствія видѣть: говорятъ, безподобная женщина. Постой, надобно тебѣ вкратцѣ сказать все прочее, что я здѣсь видѣлъ: 1) Андрея Семеновича, который у меня былъ; да, правду сказать, вотъ и все интересное; завтрашній день я пускаюсь въ путь далѣе.—Ужо, дома, побольше напишу, и это уже безъ меня доставится на почту.

Сто разъ тебя цѣлую.

Вѣрный другъ.

10. Ему же.

Воронежъ, 18-го сентября 1818 г.

Сто разъ благодарю тебя, любезнѣйшій, дорогой мой Степанъ, и за что бы ты думалъ, попробуй отгадать?.... За походную чернильницу: она мнѣ очень кстати прилась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтобъ къ тебѣ писать. Получилъ ли ты письмо мое изъ Новгорода, другое изъ Москвы и нѣсколько строкъ черезъ Наумова? Сдѣлай одолженіе—увѣдомъ; а паспорта ко мнѣ доставлены въ самый день моего отъѣзда изъ Москвы, въ которой я пробылъ недѣлю долѣе, чѣмъ предполагалъ. Наконецъ однако оттуда вырвался. Тамъ я долженъ былъ повторить ту-же плачевную, прощальную сцену, которую съ тобою имѣлъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра такъ ко мнѣ привязаны, что я бы былъ извергомъ, если-бы не платилъ имъ такую-же любовь: онѣ точно не представляютъ себѣ инаго утѣшенія, какъ то, чтобъ жить вмѣстѣ со мною. Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персін, буду такимъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства, переведу ихъ съ собою въ Петербургъ. Въ Москвѣ все не по мнѣ,—праздность, роскошь, несопряженные ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-

нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мой въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, милаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ Миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько-ли меня цѣнятъ, сколько я думаю что стою; но, по крайней мѣрѣ, судятъ обо мнѣ и смотрятъ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, отъ того, что я не восхищаюсь Коконкинымъ и ему подобными. Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить. Ты, мой другъ, поселилъ въ меня, или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру, я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и — ей Богу! — когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ. Кстати объ родныхъ, или... все равно. Въ Тулѣ я справлялся объ Яблочковѣ, посылалъ къ Варварѣ Ивановнѣ Кологривовой, но мнѣ велѣли сказать, что они въ деревнѣ, а если отъ тебя есть письмо, то чтобы прислалъ. Жаль, что не удалось, а время было съ ними познакомиться: я въ Тулѣ пробылъ цѣлый день за недостаткомъ въ лошадаяхъ, и тѣмъ только разогналъ скуку, что напелъ въ трактирѣ на стѣнахъ тѣмъ глупыхъ стиховъ и прозы, цѣлое годовое изданіе покойника Музеума. Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ счастью, что мой товарищъ — особа прегорячая, бить на зрителей, хорошій малый; я уже увѣрилъ его, что быть нѣмцемъ очень глупая роль на семь свѣтѣ, и онъ уже подписывается Амбургевъ, а не—ръ и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ наповаль, а мнѣ это съ руки. Одинъ томъ Петровыхъ акцій у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное въ Дѣянїяхъ, пожалуй напиши, я этимъ воспользуюсь. Еще моя къ тебѣ просьба, — справься: черезъ Аксинью, Амлихову любов-

ницу, о моей Дидонѣ. Илья Огаревъ пришлетъ ей изъ Костромы деньги на твоё имя, а если уѣдешь въ отпускъ, препоручи это Жандру, да также заранѣе меня увѣдомъ, куда къ тебѣ адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный другъ; я уже отъ тебя за 1,200 верстъ, скоро еще дальше буду; здѣсь однако пробудемъ два дня, ближе не берутся починить бричекъ. Катерина ты напрасно попрекаешь ко мнѣ совершенною холодною. Онъ былъ у меня на квартирѣ на другой день послѣ того, какъ я исчезъ изъ Петербурга, и очень жалѣлъ обо мнѣ и досадовалъ. Такъ по крайней мѣрѣ рапортуетъ Аксинья Амлиху.

11. Къ издателю „Сына Отечества“

Изъ Тифлиса отъ 21 января (1819).

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу (не мысленно, а по почтѣ: одно другаго неподобнѣ!); вдоль по гремячему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, *Россия локтемъ возлегла*, но теперь его подвинула уже гораздо далѣе. Округъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался, и нашель сугробы, стужу, всё признаки глубокой зимы; но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Кашаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы; оттуда одинъ шагъ до *Тифлиса*, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ обо мнѣ не хватится, всёми забыть, ни отъ кого ни строчки! Стало быть стоитъ только захватъ за три тысячи верстъ, чтобы быть какъ мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда объ нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ обо всемъ, что происходитъ подъ вашимъ 60 градусомъ сѣверной широты; все, что оттуда здѣсь узнать можно, самыя незначущія мелочи сильно дѣйствуютъ на меня, и даже *газетныя* ваши вѣсти я читаю съ жадностію.

Теперь представьте мое удивленіе: между тѣмъ, какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на-двухъ, перебивавши листки *Русскаго Инвалида*, въ № 284 прошедшаго декабря, между важными извѣстіями объ Американскомъ жаркомъ воскресеньѣ,

о безконечномъ процессѣ Фуальдеса, о докторѣ Верлингѣ, Бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ... И было порадоваться, но что жъ прочесть? Пишутъ *изъ Константинополя отъ 26 октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго Татарскаго князя*. Это меня и печалило, и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столько значущемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей, и не обинуясь выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія, а можно бы было кажется усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ офціально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ дурной спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ Имперіи, сколько впрочемъ ни обширна наша Россія. И какіе есть Татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ во-первыхъ, да если бы и были: здѣсь что Татарскій князь, что *Нѣмецкій графъ* одно и то же: ни тотъ, ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ, и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожего на бунтъ, но при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ Правительствомъ, все такъ спокойно и смиренно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Въмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворяютъ сообразно съ правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу *рамбави* (новости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили себѣ путь, куда конечно изъ нашихъ никто прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохожими свои нарумяненные лица, которыя безъ того были бы гораздо красивѣе, и лѣниво грѣются на солнышкѣ, нисколько не подозрѣвая, что

отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ *Инвалиды*. Въ караванъ-сарай привозятся предметы трудолюбія, плоды роскоши, получаемые черезъ Черное море, съ которымъ нынѣ новое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Имеретію. Въ окрестностяхъ города Виртембергскіе переселенцы безтревожно обстраиваются; зажиточные исчисляють, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцевъ составятъ время, времена и поль-времена, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вратами, недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ съ духовными виршами механика К***, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ, и щедро платятъ себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ, на *саляхъ* (террасахъ) звучатъ бубны, и завываютъ пѣсни, очень пріятныя для *поющихъ*. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зданіями. Все это, согласитесь, не могло бы такъ быть въ смутное время, когда богатымъ Татарскимъ князьямъ пришло бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ къ распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго Грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ генерала-отъ-инфантеріи *Ермолова*. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія Чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ дѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя при томъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчислить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ, и разрыть во множествѣ сокровенныя въ нихъ богатства природы, дано имъ было предписаніе генераль-маіору *Пестелю* занять Башлы въ Дагестанѣ. Акушницы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные, обѣли сосѣдственныя выеоты; когда туда же вступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генераль Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и однимъ словомъ никогда въ тамошнихъ странахъ державная власть нашего Государя не опиралась столь надежно на покорствѣ народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъяты здѣшнимъ Главноначальствующимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ, ему вѣрренныхъ,—и необузданность горцевъ останется только въ рассказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экспедиція, о которой я сейчасъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ Грузинскомъ бунтѣ, на что же

намъ даны ландарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ Кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что случается въ Финляндіи.

Я бы впрочемъ не взялъ на себя неблагоприятнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіатскомъ дворѣ. Россійская Имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на Германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ Русскихъ официальныхъ вѣдомостей, и очень невинно расскажетъ ее кому угодно въ Тавризѣ или Тейранѣ. Всякому предоставляютъ обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечъ можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой-нибудь армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицомъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до «*Гамбургскаго Корреспондента*», отъ котораго ничто не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить, такъ какъ же не выписать отсюда статью изъ *Константинополя*?

Потрудитесь замѣтить почтенному редактору «Инвалида», что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить, что если здѣшній край въ отношеніи къ вамъ, господамъ Петербуржцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенія, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости не должно.

Александръ Грибоедовъ.

Путевыя письма. (Вѣгичеву).

(1819).

12.

29-го января.

Прелюбезный Степанъ Никитичъ! Ты ко мнѣ пишешь слишкомъ мало, я къ тебѣ вовсе не пишу, что того хуже. Съ нынѣшняго дня не то будеть. Однако, не постигаю, какъ вы всѣ

меня хорошо знаете, еще-бы ты одинъ, что бы очень естественно, а то всё, всё. Неужели я такой обыкновенный человекъ! И Катенинъ, и даже князь ¹⁾, который почти не живетъ въ вещественномъ мѣрѣ, и все съ своими идеальными Холминскими и Ольгинскими,—и угадали, что я врядъ-ли въ Тифлисѣ найду время писать; — и точно, временемъ моимъ завладѣли слишкомъ важныя вещи: дуэль, карты и болѣзнь.

Теперь на второмъ переходѣ отъ Тифлиса я какъ-то опять сошелся съ здравымъ смысломъ, и берусь за перо, чтобы передать тебѣ два дня моей верховой ѣзды. Журналъ изъ Моздока въ Тифлисъ получишь послѣ, потому что онъ еще не существуетъ, а воспоминаній много; жаль, что я лѣнился, разеялся или просто никуда не годился въ Тифлисѣ. Представь себѣ, что и Алексѣй Петровичъ ²⁾, прощавшись со мною, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что со всеѣмъ тѣмъ прекрасный человекъ! Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ сомнѣваюсь. Кажется, что онъ меня полюбилъ, а впрочемъ въ этихъ тризвѣдныхъ особахъ не трудно ошибиться; въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ, дорожить-ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «*Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse*». Онъ раземѣлся, сказалъ, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать; вдругъ придетъ въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персїи, и пойдетъ ихъ расширять по Араксъ!—А съ нами что тогда будетъ? Кстати объ немъ,—что это за славный человекъ! Мало того, что умнѣе, нынче всё умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи, замѣть это. Притомъ тѣмъ краснорѣчїя, и не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить; однако, позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаютъ, однако и тогда, если не убѣдиться, все-таки заставляеть себя слушать. Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется, о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе-бы такъ не было; однако ни разу не переспорилъ; можетъ-быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать. Онъ въ Тифлисѣ прїехалъ

¹⁾ Кн. А. А. Шаховской. ²⁾ Ермоловъ.

отдохнуть послѣ своей экспедиціи противъ горцевъ, которую въ мартѣ снова предпринимаетъ, слѣдовательно—менѣе быть озабоченъ трудами.

Что ты читалъ или прочтешь до сихъ поръ, мною было писано давеча, въ два часа пополудни, но червадаръ, какъ у насъ называютъ, а по вашему подводчикъ, съ обозомъ тогда пришелъ, стали развьючивать, шумѣть и не дали быть пристальнымъ; теперь, въ глубокою ночь, когда всѣ улеглись, я хоть очень усталъ, а не спится. Стану опять съ тобой бесѣдовать.

Объ Ермоловѣ мы говорили. Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру или какъ говорится по... не приступить, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; онъ всегда одинаковъ, всегда пріятель, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь... Я*** ¹⁾, на котораго онъ сердитъ за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ, безъ ума отъ него. Объ бунтѣ писали въ Инвалидѣ вздоръ, на который я въ «С. О.» отвѣчалъ такимъ-же вздоромъ. Нѣтъ, не при немъ здѣсь быть бунту. Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по-ту-сторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣльницами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села—что же дѣлать?—По законамъ я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,—здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. А, право, добръ; сколько мнѣ кажется, прямикихъ чувствъ, или я уже совсѣмъ сдѣлался панегиристомъ, а, кажется, меня въ этомъ нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писалъ стиховъ.

Въ послѣдній разъ на балѣ у Мадатова, я ему рассказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобы это такъ случилось: «Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. *Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser*».

Однако, свѣчка догораетъ, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; всѣ храпятъ, а секретарь странствующей миссіи по Азіи на полу, въ безобразной хатѣ, на коврѣ, однако

¹⁾ Якубовичъ, имѣвшій передъ тѣмъ дуэль съ Грибовдовымъ.

возлѣ огонька, который болѣе дымить, чѣмъ грѣеть: кругомъ воронье и ястреба съ погремущками привязаны къ столбамъ; того-гляди шинели расклюютъ. Вчера мы ночевали вмѣстѣ съ лошадьми: по-крайней-мѣрѣ ночлегъ былъ.

13.

31-го января.

Мой милый, я третьяго дня принялся писать съ намѣреніемъ исправно увѣдомлять тебя объ моемъ быту, но Е(рмоловъ) еще такъ живо представляется передъ моими глазами, я только наканунѣ съ нимъ распростился,—это увлекло меня говорить объ немъ; теперь обратить вниманіе отъ такого отличнаго человѣка къ ничтожному странствователю было-бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотѣлъ ихъ имѣть, но я пишу къ другу и сузу по себѣ: ты для меня занимательнѣе всѣхъ плутарховыхъ героевъ.

28-го, послѣ пріятельскаго завтрака, мы оставили Тифлисъ; я вездѣ нахожу пріятелей, или воображаю себѣ это; дѣло въ томъ, что многіе насъ провожали, въ томъ числѣ Я***, и жалѣли, кажется, о моемъ отъѣздѣ. Мы разстались. Не доѣзжая до перваго поста, Саганлука, гдѣ только третья доля была предлежавшаго намъ переѣзда, солнце свѣтило очень ярко, снѣгъ слѣпилъ еще болѣе, по лѣвую руку, со стороны, Дагестанскія горы, перемежшанныя съ облаками, образовали прекрасную даль, притомъ-же не суховидную. Путь здѣсь не ровный, какъ въ нашихъ плоскихъ краяхъ: каждый всходъ, каждый спускъ даритъ новой картиной. Впрочемъ, зимніе пути самые лучшіе; по-крайней-мѣрѣ воздухъ кроткій, а во всякое другое время года зной и пылъ утомили-бы ѣдущихъ; и-такъ, въ замѣну изящнаго, мы наслаждаемся покойною ѣздой. Но первый переходъ былъ для меня ужасно труденъ: мы считаемъ 7-мь агачей, по вашему 40 слишкомъ верстъ; я поутру обскакалъ весь городъ, прощальные визиты, и весь перегонъ сдѣлалъ на дурномъ грузинскомъ сѣдлѣ, и къ вечеру уморился; не доходя до ночлега, отсталъ отъ всѣхъ, нѣсколько разъ сходилъ съ лошади и падалъ на снѣгъ, ѣлъ его; къ счастью у конвойнаго казака нашлась граната, я ей освѣжился. Такъ мы дошли до Демурчизама. Сонъ и не въ мои лѣта обновляетъ ослабшія силы. На другой день, кромѣ головной боли, я еще кое-чѣмъ недомогалъ, не сильно однако. Тотъ-же путь, чтѣ наканунѣ, но день былъ пасмуренъ. На серединѣ перехода дорога вилась вокругъ горы и привела насъ къ рѣкѣ Храмъ. Мы ѣхали по ея теченію, а на склонѣ гора подалась влѣво и очистила

намъ видъ на мостъ великолѣпный!.. Въ дикихъ, сѣгомъ занесенныхъ, степяхъ вдругъ наѣхали на такое прекрасное произведеніе архитектуры, ей Богу. Утѣшно! и удивляетъ!.. Я долго имъ любовался, обозрѣвалъ со всѣхъ сторонъ; онъ изъ кирпича; какъ искусно сведенъ и огроменъ. Рѣка обмываетъ только половину его, въ другой половинѣ каравансарай, вѣрно пристройка къ полуразрушенному; меня въ этомъ мнѣніи укрѣпляетъ то, что оставшая часть состоитъ изъ четырехъ арокъ, которыя всѣ сведены чрезвычайно легко и съ отличнымъ вкусомъ, — нельзя, чтобы строитель не зналъ симметріи; верхи остры; первая отъ каравансарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шаговъ въ диаметрѣ: я ее мѣрилъ шедши и параллельно тамъ, гдѣ теченіе рѣки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Каравансарай великъ, но лучше-бы его не было; при мнѣ большой заль былъ завять овцами; не знаю, куда ихъ гонить верховой, который съ конемъ своимъ расположился въ ближайшемъ покоѣ. Съ середины моста сходить по круглой, витой, вѣтхой и заледѣвшей лѣстницѣ, по которой я было себѣ шею сломилъ; это ведетъ въ открытую галлерею, которая виситъ надъ рѣкой. Тутъ путешественники, кто углемъ, кто карандашемъ, записываютъ свои имена, или врѣзываютъ ихъ въ камень. Людское самолюбіе любитъ марать бумаги и стѣны; однако и я, сошедши подъ большую арку, гдѣ эхо громогласное, училъ его повторять мое имя. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этого моста заложень былъ другой; начатки изъ плиты много общали; не знаю — почему такъ близко къ этому, почему не конченъ, почему такъ роскошно пеклись о переправѣ чрезъ незначительную рѣчку, между тѣмъ на Курѣ, древней Циругѣ Страбона, нѣтъ ничего подобнаго этому. Какъ-бы то ни было, Сенакюрпи, или какъ русскіе его называютъ, «Красный мостъ», свидѣтельствуетъ въ пользу лучшаго времени, если не для просвѣщенія, потому что Бетанкуръ могъ быть вышисной, то по крайней-мѣрѣ царствованія какого-нибудь изъ здѣшнихъ царей, или одного изъ Софіевъ, любителя изящнаго.

Съѣхавши съ мосту, я долго объ немъ думалъ; возлѣ меня трасса рысцей нашъ переводчикъ Шемиръ-бекъ. Я принужденъ былъ ему признаться, что Петербургъ ничего такого въ себѣ не вмѣщаетъ, какъ онъ, впрочемъ, ни красивъ и ни великолѣпенъ, даже въ описаніи П. Петр. Свиньица. «Представьте», сказала онъ мнѣ, «8 разъ побывать въ Персіи — и не видать Петербурга! это не ужасно-ли!» — «Не той дорогой мы взяли», — отвѣчалъ я ему. Эта глупость меня разсмѣшила, не знаю — разсмѣнитъ-ли тебя? Впрочемъ, такія ничтожности я часто буду позволять себѣ,

потому что пишу для тебя собственно и для тѣхъ, которымъ позволишь заглянуть въ нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантовъ С. Отечества, куда, впрочемъ, это мараніе по дурному слогу и пустотѣ мыслей принадлежитъ. Извини, что дѣлаю тебѣ это замѣчаніе: ты скромнѣе и любишь мое дарованіе, не уступишь меня критикѣ людей, которыхъ я презираю; но письма мои къ другимъ я нарочно наполняю личностями, чтобы они какъ-нибудь со столика нашего любезнаго князя не попали на станокъ театральнаго типографіи. Ни строчки моего путешествія я не выдамъ въ свѣтъ, даромъ что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, разстегиваюсь когда тепло, не справляюсь съ термометромъ, и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство, не придумываю по обнаженнымъ кустамъ — къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень.

Зовутъ обѣдать, прощай покудова. Если-бы я могъ перенести тебя на то мѣсто, гдѣ пишу теперь! Надъ рѣкою, возлѣ остатковъ каравансарая, куда мы прибыли послѣ труднаго пути, однако довольно рано, потому что всталъ давеча въ 4 часа утра. Погода теплая, какъ уже въ концѣ весны. Въ виду у меня скала съ уступами, точно какъ та, къ которой, по описанію, примыкають развалины Персеполя; я черезъ ветхій мостъ, что у меня подъ ногами, ходилъ туда; взлѣзалъ и, опершись на повисшій мшистый камень, долго стоялъ подобно Греву Барду; недоставало только бороды.

Вечеромъ.

Хочешь-ли знать, какъ и съ кѣмъ я странствую, то по каменнымъ кругамъ, то по пушистому снѣгу? Не жалѣй меня, однако: мнѣ хорошо, могло-бы быть скучнѣе. Насъ человѣкъ 25, лошадей съ вьючными — не знаю, право, сколько, только много что-то. Раннимъ утромъ поднимаемся; шествіе наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, какъ знаю, французскіе куплеты и наши плясовые пѣсни, всѣ мнѣ вторять, и даже азіатскіе толмачи; доѣдешь до сухаго мѣста, до пригорка, оттуда видъ отминый, отдыхаемъ, ѣдимъ закуску, мимо насъ тянутся наши вьюки съ позвонками. Потомъ опять въ путь. Народъ веселый; при насъ борзые собаки; пустимся за зайцемъ или за призракомъ зайца, потому что я ни одного еще не видалъ. Этимъ случаемъ наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, — свернуть въ бокъ, по полянамъ несутся во-всю прыть,

по рвамъ, кустамъ, доскакиваютъ до горы, стрѣляютъ вверхъ и исчезаютъ въ туманѣ, какъ царевичъ въ 1001-й ночи, когда онъ невѣсту кашемирскаго султана взмахнулъ себѣ на коня и такъ взвился къ облакамъ. А я, думаешь, назадъ остаюсь? Нѣтъ, это не въ Брестѣ, гдѣ я былъ въ «кавалерійскомъ», — здѣсь скачу, сломя голову; вчера купилъ себѣ новаго жеребца; я такъ свыкъся съ лошадейю, что по скользкому спуску, по гололедицѣ, беззаботно курю изъ длинной трубки. Таковъ я во всемъ: въ Петербургѣ, гдѣ всякій приглашалъ, поощрялъ меня писать, и много было охотниковъ до моей музы, я молчалъ, а здѣсь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знаютъ по-русски, я не выпускаю пера изъ рукъ. Странность свойственна человѣкамъ. Одна бѣда: скудность познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагѣ. Но думалъ-ли я, что побѣду на Востокъ? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда дѣлаю непростительныя или невѣжественныя ошибки, давеча, напр., нѣсколько верстъ сряду вижу кусты въ хлопчатой бумагѣ и принималъ ихъ за бамбакъ, между тѣмъ какъ это отброски отъ каравановъ, — въ тѣсныхъ излучинахъ здѣшнія колючіе отрости цѣпляются за хлопчатую бумагу, и ее бы съ нихъ можно собрать до нѣсколькихъ пудовъ.

Дорого-бы я далъ за живописца: никакими словами нельзя изобразить вчерашнихъ паровъ, которые во все утро кругъ горы стлались; солнце ихъ позлащало, и они тогда, какъ кипящее огненное море... потомъ свились въ облака и улеглись у подножія дальнихъ горъ. Между ними черная скала Пеписъ плавала въ видѣ башни; долго она то скрывалась отъ нашихъ глазъ, то появлялась, по-мѣрѣ-того, какъ мы перемѣняли направленіе; наконецъ подошли къ ней, — нѣтъ приступу и въ серединѣ замокъ; не понимаю, — какъ туда входятъ. Мы ночевали въ***, но не имѣли въ виду страшлища...

Ночлегъ здѣсь обыкновенно въ хатѣ, довольно высоко освѣщенной маленькимъ отверстіемъ надъ входомъ, противъ котораго въ задней стѣнѣ каминъ; по обѣимъ сторонамъ сплочены доски на полъ-аршина отъ земли и устланы коврами; около нихъ стояла, ничѣмъ не заслоненная, не заставленная. Между этими норами у насъ обыкновенно ставится круглый столъ дорожный, поваръ нашъ славный, кормить хорошо. Мазаровичъ куда очень милъ, много о насъ заботится; и уважителейъ, и весель.

Нынче мы съ трудомъ проработывались между камней, по гололедицѣ, въ царствѣ Жуковскаго, надъ пропастями: туманы, туманы надъ горами.

Вчера я весь день как сурок проспалъ. Четыре дня, какъ мы изъ Тифлиса, три остается до Эривани; насъ очень пугаютъ Делижанскимъ ущельемъ.

14.

2-го февраля.

Отъ Каравансарая мы отправились по теченію Автафы, встрѣчая теченію, и пошли ущельемъ, гдѣ около насъ повторялись кавказскія мѣста, — скалы лѣсистыя, у ихъ подножія, между ними шумитъ рѣка, то дѣлится на тонкія струи. Только то различіе, что въ прежнихъ ущельяхъ пороховъ и ломомъ боролись съ преградными твержами, а здѣсь руками человѣковъ ничего не приспособлено къ удобному проѣзду. Груды камней на каждомъ шагу какъ будто нарастаютъ; отростки деревьевъ бьютъ въ глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое мѣсто, тутъ сильный вѣтеръ поднялся на встрѣчу и не переставалъ насъ продувать и послѣ, когда уже горы сгузились, и мы возлѣ, въ лѣсу, выбрали себѣ у склона горы, упершись въ рѣчку, мѣстечко для отдыха и ночлега. Тутъ мы расположились на временную пастырскую жизнь, склади себѣ изъ выюковъ булаганы, обвѣшали ихъ коврами, развели огни, около нихъ иные согрѣвались, другіе, насадивъ на лучину куски сыраго мяса, готовили себѣ кебабъ. Лучше всѣхъ курился огонекъ на островѣ, поодаль отъ насъ, около котораго обѣло странствующее купечество; лошади наши паслись на пригоркахъ.

А хорошо было почитать Маусанламъ и Ламехамъ; первый, кто молотомъ сгибалъ желѣзо, первый, кто избобрѣталъ цѣвницу и гусли, — славою и любовью награждался въ обширномъ своемъ семействѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ есть города и граждане, ѣдемъ, ѣдемъ отъ Финскаго залива до тудова, куда сынъ Товитовъ ходилъ за десятью талантами, а все въ надеждѣ добыть похвальную знаменитость, и, можетъ, вѣкъ до нея не доѣдемъ...

15.

Эривань. 4-го февраля.

Вотъ другой день пребываемъ въ армянской столицѣ, любезный другъ. Худо-ли, хорошо-ли мы ѣхали, можешь судить по маршруту, но, для вѣрности, на каждый переходъ прикладывай вереть по пяти, на иной и десять придется лишнихъ, которыя, если не домѣрены межевщиками, то отъ того не менѣе ощутительны для усталыхъ путешественниковъ. Отъ Тифлиса Демунчихассанлу — 42 версты, Инджа — 24, Джогасъ — 24, Караван-

сарай—30, Биваки: Богасъ—42, Каравансарай—36, Эривань—50, =248 верстамъ=41¹/₃ агаламъ.

Не стану утомлять тебя описаніемъ послѣдняго нашего перехода до здѣшняго города; довольно того, что я самъ чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верстъ по глубокимъ снѣгамъ проѣхали мы въ шесть часовъ, — разумѣется, порядочной рысью. Вотъ дѣйствительная служба: сочиненіе канцелярскихъ бумагъ не есть трудъ, особливо для того, кому письмо сдѣлалось любимымъ упражненіемъ. Вамъ, гиперборейцамъ, невѣроятно покажется, что есть другіе края и на югѣ, гдѣ можно себѣ отморозить щеки; однако, это сбилось на одномъ изъ нашихъ людей, и всѣ мы ознобили себѣ лица. Еще теперь слышу, какъ хрупкій снѣгъ хруститъ подъ ногами нашихъ лошадей; во всякое другое время быстрая Занга въ иныхъ мѣстахъ застыла, въ другихъ медленно пробивается сквозь льды и снѣга подъ стѣны Эривани. Земля здѣсь гораздо возвышеннѣй Грузин, и гораздо жарче; одинъ хребетъ горъ, уже отъ Тифлиса, или еще прежде, отдѣлился влѣво, съ другимъ мы разстаемся, — онъ уклоняется къ западу; все вмѣстѣ составляетъ ту цѣпь, которую древніе называли Тавромъ. Но здѣшнія равнины скучнѣе тѣхъ скатовъ и подъемовъ, которые мы позади себя оставили, — пустынное однообразіе. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходилъ изъ головы смѣшной трагической стихъ:

Du centre des deserts de l'antique Arménie.

Въѣхавши на одинъ пригорокъ, надъ мглою, которая носилась по необозримой долинѣ, вдругъ предстали передъ нами въ отдаленіи двѣ горы, — первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефанъ-Циндъ, ни другіе колоссы кавказскіе не поразили меня такою огромностью: обѣ вмѣстѣ завладѣли большею частію горизонта. Это двуххолмный Араратъ, въ семидесяти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ въ первый разъ является такимъ величественнымъ. Еще наканунѣ синѣлись верхи его. Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ передъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ; мой златокопытъ, повидимому, не раздѣлялъ чувствъ своего сѣдока, двинулся, понесся и мигомъ погрузилъ меня съ собою въ влажную стихію; меня всего обдало сыростью, которая до костей проникаетъ. Основаніе Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, какъ туча висѣла надъ нами до Эривани.

Уже въ нѣсколькихъ верстахъ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ

города, догадались мы, что доѣзжаемъ до обѣтованнаго пріюта; туманъ долго застилалъ его отъ нашихъ глазъ, наконецъ, на низкомъ мѣстѣ, между кустами, влѣво отъ дороги, по которой и мы своротили, пояснились двѣ части зданій, одна съ другой вѣтъ не соединенныя. Мы въѣхали въ пригородокъ. Но—представь себѣ ударъ человѣку, который въ жестокую стужу протрясся полъ-дня, въ надеждѣ пріютиться въ укромной горницѣ: навстрѣчу намъ ни души; стало-быть, не радѣли о нашемъ успокоеніи, не отвели еще квартиръ. Я бѣсился; притомъ неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ всякаго на моемъ мѣстѣ, и съ меньшимъ самолюбіемъ, такъ-же бы оскорбило. Миновали сады, высокія трикровныя кладбища, длинныя каменные ограды, за которыми стоятъ дома, башни и куполы мечетей, а навстрѣчу нѣтъ никого! Мазаровичъ кричитъ, что прямо ворвется къ сардарю и сдѣластъ суматоху. Наконецъ, выступаемъ въ поле, что между крѣпостію и городомъ, и тутъ несется къ намъ посланный отъ сардара чиновникъ въ драгоцѣнной шубѣ, на богато-убранномъ конѣ, и проситъ извиненія, что адыбтантъ, посланный насъ принять, не по той поѣхалъ дорогѣ; въ самомъ дѣлѣ, мы избрали путь кратчайшій, но не тотъ, которымъ обыкновенно сюда прибываютъ. Въ ту-же минуту фарашь въ высокой шапкѣ, въ желтомъ чекменѣ, въ синемъ кафтанѣ, съ висячими на спинѣ рукавами, длиннымъ шестомъ своимъ указывалъ намъ путь и билъ безъ милосердія всякаго, кто ему подъ руку попадался, мужчинъ и женщинъ. Женщины становились къ намъ задомъ—это меня огорчало; но впереди хамы несли стулья въ отведенный намъ домъ—это меня веселило. Такое особенное предпочтеніе намъ, русскимъ: между тѣмъ какъ англичане смиренно сгибають колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ и разутые—мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ.

Однако, прежде чѣмъ идти далѣе, позволю сообщить тебѣ замѣчаніе. Для дамской нѣжной разборчивости оно-бы не годилось, но ты, военный человѣкъ, не взыщешь. При первомъ появленіи посланнаго отъ сардара и съ нимъ двухъ фарашей, нашего обонянія коснулся самый чудный, тяжелый, непріятный запахъ. Не повѣришь: избытокъ ассафетиды въ нашихъ аптекахъ—резеда въ сравненіи съ этимъ. Не понимаю, какъ они, три злодѣя, такъ сильно и скоро умѣли заразить собою воздухъ!

Вслѣдъ за дѣйствующимъ посохомъ фараша, за толпою народа, имъ гонимаго, мы въѣхали чрезъ широкія наружныя ворота въ

домъ Мегметъ-бей; въ кругломъ, крытомъ и немощеномъ подъѣздѣ слѣзли съ лошадей, и черезъ другія ворота, надъ которыми вывѣшивается большая надстройка, вступили во внутренній дворъ, обнесенный съ одной стороны теремомъ, съ другой высокой и фигурной стѣною; въ немъ замерзшіе фонтаны и водометы. Взошли на крыльцо, для входа передъ нами отдернули тяжелую занову, которою здѣсь завѣшиваютъ всѣ двери, и впустили въ переднюю комнату. Справа залъ, слѣва залъ; и одинъ, какъ другой; множество впадинъ и простынь, и потолокъ лѣпной всякой всячиной: окна косячатыя съ рѣзбой, тѣмъ симметрически расположенныхъ четверугольниковъ изъ разноцвѣтной слюды; однако свѣту достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились въ обѣихъ залахъ. Въ мигъ запылали каминъ, на небольшихъ амвонахъ разставили жаровни, подали кальяны. Вскорѣ наглянула къ намъ тѣмъ посѣтителей и затерянный адъютантъ. Намъ очень забавляло это европейское наименованіе, которое придаютъ человѣку, тѣмъ только отличающемуся отъ прочихъ, что онъ ближе къ особѣ сардаря и, слѣдовательно, чаще подвергается палочнымъ ударамъ. Хозяинъ нашъ отбылъ на охоту, братъ заступалъ его мѣсто и изыскалъ, что домъ, услуга и даже собственная его особа намъ принадлежатъ. Тутъ-же мы нашли англійскаго указателя, не книжку, а человѣка; во все мѣшается, все указываетъ. Природа, кажется, обрекла его хлопать бичемъ возлѣ кюррикеля или работать веслами въ Темзѣ, — здѣсь онъ переводитъ альбійское строевое ученіе на фарейскій языкъ, который для этого довольно плохо знаетъ; ему ввѣряютъ цѣлый баталіонъ или меньше, по-крайней-мѣрѣ онъ такъ говоритъ. Сарбазы порядочные выйдутъ балансеры, если по немъ образуются. Между тѣмъ, онъ намъ смерть надоѣдаетъ; вотъ другой день не знаемъ, — какъ отъ него отдѣлаться. Вообще, неутомное любопытство и нествязчивость здѣсь въ большомъ употребленіи: каждую минуту незнакомыя лица наполняютъ комнату, смотря въ глаза, въ бумагу, если пишешь, и въ ту самую минуту кака-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась въ мое письмо. Мнѣ страшная охота припадетъ за это прочитъ ее.

Сардаръ прислалъ намъ дикаго барана съ своей охоты: пре-большой звѣрь, рога съ оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучнымъ руномъ. За эти гостинцы надобно отдаривать; Мазаровичъ щедро отплачивается калейдоскопами, которымъ пора прельщать Азію, потому что намъ уже приглядѣлись.

Вечеромъ озарило наши поконъ красное солнышко Эривани — лысый, привѣтливый, веселый старикъ, любитель русскихъ, по-

читатель Ермолова, хозяинъ нашъ Мегмедъ-бекъ, сарангъ, полковникъ, — не въ томъ значеніи, что за этимъ чиномъ слѣдуетъ генераль-маіоръ и проч., а просто военный начальникъ. Передъ нимъ, за нимъ несли увѣсистые подсвѣчники, подносы съ сластями и лакомства, которыми, если-бы ихъ описать, врядь-ли бы я разлакомилъ твое воображеніе. Но, въ какомъ-бы видѣ оно ни было, гостепрѣимство должно притупить стрѣлы насмѣшливыхъ наблюдателей; лучше познакомить тебя съ персидскою учтивостью. Вотъ образчикъ: Мазаровичу сказалъ Мегмедъ-бекъ, что онъ до того обрадованъ его прѣздомъ, что если-бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсѣчь голову всѣмъ его слугамъ и даже брату, онъ бы чрезъ-то великое удовольствіе принесъ хозяину; а мнѣ, первостепенному мирзѣ, когда я просилъ его велѣть унести жаровни, чтобы отъ жару не перемѣнить мѣсто и не отсѣсть отъ него далѣе, объявилъ, что мѣсто мое у него подъ правымъ глазомъ. Карамзинъ-бы заплакалъ, Жуковскій стукнулъ-бы чашей въ чашу, я отблагодарилъ янтарнымъ грознымъ сокомъ, нектаромъ Эривани, и пурпурнымъ кахетинскимъ. Бесѣда наша продолжалась далеко за-полночь. Разгоряченный тѣмъ, что видѣлъ и проглотилъ, я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину: хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго прѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши—его домочадцами, самъ я—Олеарій. Крѣпкіе напитки, сырые овощи и блюда съ сахарными браншами—все это способствовало къ переселенію моихъ мыслей въ нашу сѣдую старину, и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется англичаниномъ, а право, нельзя ручаться, изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, — я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріѣ, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другаго бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвращаясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосолюство. И эриванскій Маржереть или Дурьгильбрედъ язвительно отзывается насчетъ Персіянъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду.

16.

Эриванъ, 5-го февраля.

На утро, послѣ нашей вечерней бесѣды, я всталъ съ жестокою головою болью. Надо было пріодѣться и ѣхать къ сардарю. Въ передней ждалъ насъ асскуль его въ красномъ длинномъ

платѣ, при ужасной палкѣ съ позолоченнымъ набалдашникомъ, для извѣстнаго употребленія.

Сардаръ Гуссейнъ-ханъ (изъ царствующаго нынѣ поколѣнія Каджаровъ) въ здѣшнемъ краю первый по Богѣ, третій чело-вѣкъ въ государствѣ. Власть его надежнѣе, чѣмъ турецкихъ пашей. Онъ давно уже на этомъ мѣстѣ; платитъ ежегодно въ бейрамъ не всегда одинаково, въ видѣ подарка, а не государствен-ныхъ доходовъ, нѣсколько тысячъ червонцевъ, за которые имѣетъ право взимать третью долю со всего, что земля производитъ, а распутится, такъ и всѣ три доли его. Разумѣется, что продавцы ждуть, покуда онъ свою часть не сбудетъ съ рукъ. Не только внутренняя торговля, — имъ часто стѣсняется и внѣшняя, не смотря на трактаты, которые, такъ какъ и Адамъ Смита система, не при немъ писаны. Отъ себя содержитъ войско, но въ военное время требуетъ денегъ отъ двора. Въ судныхъ дѣлахъ его словесное приказаніе — законъ, если истцы или отвѣтчики не отнесутся къ Шаръ, кодексу великаго пророка, котораго уставы неизмѣнны. Одѣвшия, мы отправились къ его высоко-степенству. Намъ предшествовалъ іасскуль и такъ же исправно отправлялъ свою должность, какъ фарашъ наканунѣ. Дома здѣсь испещрены внутри, снаружи удерживаютъ цвѣтъ природы, свой-ственный матеріаламъ, изъ которыхъ выстроены, по большой части дикіе. Въ нашемъ отечествѣ роскошь гостиныя и залы убираетъ съ изящною простотою, а извнѣ любитъ раскрашивать стѣны и приставлять къ нимъ столбики.

Мы доѣхали до зубчатой крѣпостной ограды, потомъ, черезъ нѣсколько скважинъ, которыя называются улицами, протѣснились до послѣдняго двора сардаря. Не знаю — что тебѣ сказать объ его хоромахъ? Нѣтъ ничего цѣлаго, притомъ столько кривизны, поворотовъ, переулковъ, пристроекъ, надстроекъ, входовъ, про-ходовъ, узкихъ, сумрачныхъ и вовсе мрачныхъ, что толку не доберешься. Въ предверіи родъ кануры, и на площадкѣ передъ нимъ толпилась тѣма любопытныхъ; ихъ наружность, ужимки, платья, все это похоже на входъ въ маскарадъ. Вошли въ приемную; она должна быть очень хороша для персидскихъ глазъ: велика, полъ устланъ дорогами, узорчатыми коврами, и потолокъ, и весь залъ расписанъ многими японскими узорами; слѣва ставни занимаютъ всю продолговатую стѣну: въ нихъ цвѣтная слюда перемѣшана съ рѣзбою и съ наклеенными коймами — это окна. Прямо противъ входа каминъ; въ правой, тоже длинной, стѣнѣ выемка въ полукругіе, въ которомъ выпуклый потолокъ пред-ставляетъ хаосъ изъ зеркальных кусковъ, и тамъ каминъ. На вѣхъ стѣнахъ, въ два ряда, одинъ надъ другимъ, картины, —

похожденія Ростома, персидскаго великана сумраковъ, котораго Малькольмъ вклеилъ въ свою исторію. Я имѣлъ время на все это уставить мой лорнетъ, потому что нашего сардаря еще не было. Ханъ, сынъ его, въ красной шубѣ, подогнувшимися колѣнами, сидѣлъ на отцовскомъ особенномъ коврѣ возлѣ камина, что противъ входа. Онъ дѣлалъ намъ обыкновенные вопросы о здоровьи высокихъ особъ. Потомъ всѣ въ поясъ поклонились входящему сардарю. Тѣмъ народу высыпала за нимъ. Онъ, взявши за руку Мазаровича, сказалъ ему, что познакомился съ нами, его мирзами, потомъ съ тремя дѣтками усѣлся въ уголокъ на своемъ мѣстѣ. Сынъ его сталъ у притолки съ прочими приближенными чиновниками, братъ сардаря сидѣлъ по другую сторону камина, мы къ окну на приготовленныхъ для насъ стульяхъ; все прочее благоговѣло, стоя въ глубокомъ молчаніи. Онъ сдѣлалъ тѣ-же вопросы, что сынъ его; подали кальянъ, чай съ кардамономъ. На головахъ несли огромные серебряные подносы съ конфектами; нѣсколько подносовъ со множествомъ сластей поставили передъ нами. Сардарю прислуживали на колѣнахъ. Конфекты совѣмъ для меня новаго рода, однако превкусныя; я около нихъ постарался. Между тѣмъ разговоръ происходилъ о походѣ Алексѣя Петровича въ Чечню и въ Дагестанъ, о путешествіяхъ нашего Государя по Европѣ для утвержденія повсемѣстнаго мира. Не помню, право, при какомъ случаѣ онъ Вѣну перепуталъ съ Венецію...

17.

Нахичевань, 9-го февраля.

Третьяго-дня, 7-го, мы отправились изъ Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133¹/₂ версты. Не усталость меня губить, — свирѣпость зимы нестерпимая; никто здѣсь не запомнитъ такой стужи, всѣ южныя растенія померзли. Притомъ, какъ мнѣ надоѣли всѣ и всѣ! Правъ Шаховской — скука водить моимъ перомъ; не мудрено, что я тебѣ сообщу ее-же. Нѣтъ! нынѣшній день не опасайся ничего: ложусь спать съ однимъ воспоминаніемъ о тебѣ!

18.

10-го—13-го февраля.

Сейчасъ думалъ, что бы со мною было, если-бы я бесѣдой съ тобою не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ, закопѣлыхъ ночлегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ

На другой день, для перемѣны, опять въ полѣ снѣгъ, опять тошное странствіе! Къ счастью, отъѣхавъ съ полъ-агача, поровнялись съ персидскимъ бариномъ, ханомъ какимъ-то, который на поклонъ отправлялся къ шахъ-задъ! За нимъ фараши,—одинъ везъ кальянъ, у другаго къ сѣдлу прикрѣплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьяго огромная кisa съ табакомъ для той-же потребности. Если-бы, вмѣсто этой пустой роскоши, собрать всѣхъ кальянщиковъ, подкальянщиковъ и самихъ страстныхъ курителей кальяна и заставить ихъ расчистить, утоптать, умять снѣгъ на дорогѣ, чтобъ какъ-нибудь можно было ѣхать въ повозкахъ, не гораздо ли бы лучше! Новый нашъ спутникъ въ восхищеніи, что нашелъ случай познакомиться съ російскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, началъ отпускать ужасную нелѣпицу! Что за гиперболы! Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели въ покойныхъ розовыхъ книжечкахъ «для милыхъ»! Любовь будто-бы отъ одного слова, отъ одного взора новаго почтеннаго знакома заронила искру въ сердце его (персидскаго хана) и раздула неугасимый пожаръ, и проч. Во всякое другое время я-бы заткнулъ уши; но теперь этотъ восточный катаклизсъ пришелся очень кстати: едва замѣтно было, какъ мы сѣдали 6 агачей до ночлега. Мнѣ пришло въ голову, — что кабы воскресить древнихъ Спартанцевъ и послать къ нимъ одного нынѣшняго персіянина велерѣчиваго, — какъ-бы они ему внимали, какъ-бы приняли, какъ-бы проводили?..

Ты мнѣ пеняешь, затѣмъ я не увѣдомляю тебя о прострѣленной моей рукѣ. Стоить-ли того, другъ мой! Еще бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое мѣтили! А то я-же заплатилъ за свое дурачество. Судьба... Въ тотъ самый день, въ который... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть стрѣляютъ въ другихъ, моя прошла очередь.

Иные славятъ Александра..
Иныхъ прельщаетъ Геркулесъ,
И храбрость Конона, Лизандра,
Еще другихъ Мильтиадесъ. —
Есть мужества прихвѣръ,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британскій гренадеръ.

Князю напоминай обо мнѣ почаще. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ. Его статура, чтење, сочиненія, горячность въ

безпрерывно восходить до бега, хана, беглерь-бега и каймакама, и такимъ образомъ выше-и-выше. Недавно одного областного начальника, не взирая на его 30-ти-лѣтнюю службу, съдую голову и алкоранъ въ рукахъ, били по пятамъ, — разумѣется, безъ суда. Въ Европѣ, даже и въ тѣхъ народахъ, которые еще не добыли себѣ конституціи, обще мнѣніе по-крайней-мѣрѣ требуетъ суда виноватому, который всегда наряжаютъ. Криво-ли, прямо-ли судятъ, иногда не какъ хотять, а какъ велять, — подсудимый хоть имѣть право предлагать свое оправданіе. Всего нѣсколько сутокъ, какъ я переступилъ границу, и еще не въ настоящей Персіи, а имѣлъ случай видѣть уже не одинъ самовольный поступокъ. Ты это въ свое время узнаешь. Въ заключеніе скажу тебѣ объ эриванскихъ жителей, что они лѣтомъ можетъ-быть очень пріятные люди, а зимой вымораживаютъ своихъ гостей; это никуда не годится; я продрогъ у сардара и окостенѣлъ у Мегмедъ-бега.

День нашего отъѣзда изъ Эривани былъ пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снѣгомъ, я укутался буркою, обвертѣлъ себѣ лицо башлыкомъ, пустилъ коня на-удачу и не принималъ участія ни въ чемъ, что вокругъ меня происходило. Потери не большая; сторона, благословенная лѣтомъ, въ разказахъ и въ описаніяхъ, въ это время и въ эту погоду ничего не представляетъ изящнаго. Араратъ по здѣшней дорогѣ пять дней сряду въ виду у путешественниковъ, но теперь скрылся отъ насъ за снѣгомъ, за облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не смѣть раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простудѣ. И между ногъ безпрестанное движеніе животнаго, которое не даетъ ни о чемъ постоянно задуматься! Часто мы скользимъ по оледенѣлымъ протокамъ; иные живѣе прочихъ; не замерзшіе проѣзжали въ бродъ. Ихъ множество орошаютъ здѣшнія поля; вода нарочно проведена изъ горныхъ источниковъ, и весной, усыряя пшеничныя борозды, долго на нихъ держится, посредствомъ ископанныхъ для этого грядъ, съ которыхъ мы каждый разъ обрывались и вязнули въ зыбучихъ глубяхъ.

Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она рукою желѣзною закинула меня сюда и гонить далѣе; но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда-бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года. Съ такимъ ропотомъ я добрался до Девалу, большого татарскаго селенія, въ 8¹/₄ агача отъ Эривани, бросился къ комельгу, не раздѣвался, не пилъ, не ѣлъ и спать какъ убитый.

На другой день, для перемѣны, опять въ полѣ снѣгъ, опять тошное странствіе! Къ счастью, отбѣжавъ съ поля-агача, поровнялись съ персидскимъ бариномъ, ханомъ какимъ-то, который на поклонъ отправлялся къ шахъ-задѣ! За нимъ фараши, — одинъ везъ кальянъ, у другаго къ сѣдлу прикрѣплена жаровня со всегда готовыми угольями для господской курьбы, у третьяго огромная кisa съ табакомъ для той-же потребности. Если-бы, вмѣсто этой пустой роскоши, собрать всѣхъ кальянщиковъ, подкальянщиковъ и самихъ страстныхъ курителей кальяна и заставить ихъ расчислить, утоптать, умять снѣгъ на дорогѣ, чтобъ какъ-нибудь можно было ѣхать въ повозкахъ, не гораздо ли бы лучше! Новый нашъ спутникъ въ восхищеніи, что нашелъ случай познакомиться съ російскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, началъ отпускать ужасную нелѣпицу! Что за гиперболы! Въ Европѣ, которую моралисты вѣчно упрекаютъ порчею нравовъ, никто не льститъ такъ безстыдно! Слова: *душа, сердце, чувства* повторялись чаще, нежели въ покойныхъ розовыхъ книжечкахъ «для милыхъ»! Любовь будто-бы отъ одного слова, отъ одного взора новаго почтеннаго знакольца заронила искру въ сердце его (персидскаго хана) и раздула неугасимый пожаръ, и проч. Во всякое другое время я-бы заткнулъ уши; но теперь этотъ восточный катаклизсъ пришлось очень кстати: едва замѣтно было, какъ мы сдѣлали 6 агачей до ночлега. Мнѣ пришло въ голову, — что кабы воскресить древнихъ Спартанцевъ и послать къ нимъ одного нынѣшняго персіянина велерѣчиваго, — какъ-бы они ему внимали, какъ-бы приняли, какъ-бы проводили?..

Ты мнѣ пеняешь, зачѣмъ я не увѣдомляю тебя о прострѣленной моей рукѣ. Стоитъ-ли того, другъ мой! Еще бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое мѣтилъ! А то я-же заплатилъ за свое дурачество. Судьба... Въ тотъ самый день, въ который... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть стрѣляютъ въ другихъ, моя прошла очередь.

Иные славятъ Александра...
Иныхъ прельщаетъ Геркулесъ,
И храбрость Конова, Лизандра,
Еще другихъ Мильтиадесъ. —
Есть мужества примѣръ,
Рау, рау, рау, рау,
Рау, рау, рау, рау,
Британскій гренадеръ.

Князю напоминай обо мнѣ почаще. Это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ и къ кому я самъ душевно привязанъ. Его статура, чтенье, сочиненія, горячность въ

спорахъ о стопахъ и рифмахъ, кротость съ Катериною Ивановою, — не повѣришь, какъ память объ этомъ обо всемъ иногда развеселяетъ меня въ одиночествѣ, въ которомъ теперь нахожусь. Досадно, что на этотъ разъ некогда къ нему писать. Матушкѣ сказать два слова я еще не принимался, а Осипъ Мазаровичъ торопитъ; это братъ нашего повѣреннаго отправляется въ Россію. Товарищъ Амбургеръ тоже не выдержалъ, поѣхалъ къ водамъ, а можетъ быть не воротится. Что-же ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здѣсь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вѣчно попрекаешь меня малодушіемъ. Не попрекнешь-же впередъ, право нѣтъ: музамъ я уже не лѣнивый служитель. Пишу, мой другъ, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не разстался бы съ тобой! Обнимаю тебя крѣпко-на-крѣпко. Однако, какъ мнѣ горько бываетъ!..

19. П. А. Катенину.

Тегеранъ, 26 марта 1819 г.

Любезный Павелъ Александровичъ!

Благодарю тебя за письмо и за актъ изъ «Сплетень». Ты мнѣ очень этимъ удружилъ. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду. Смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется.

Прощай! Вѣрный другъ твой Грибоѣдовъ.

Жандра поцѣлуй!

20. Ему же.

Табрисъ, февраля 1820 г.

Любезный Павелъ Александровичъ. Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Не извиняюсь: потому что знаю, какъ это неизвинительно. — Прости, не пеняй въ уваженіе прежней и дасть Богъ всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери! Но можетъ статься ты уже утѣшенъ. До меня извѣстія изъ Россіи доходятъ какъ лучи отъ Сиріуса, черезъ шесть лѣтъ; а потому не сообщу тебѣ своихъ размышленій, какъ бы я на твоемъ мѣстѣ расположился въ качествѣ помѣщика: ты вѣроятно давно уже зажилъ по-своему. Скажу объ моемъ быту: Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, секретарь бродящей Мисси. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца сряду, подъ знойнымъ Персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ, и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на

одномъ мѣстѣ!—И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ, однако, что еще я не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшимъ годомъ какъ я дѣйствовалъ и что со мною судьба шутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли въ Тейранъ. Я не успѣлъ обзрѣться, только что разъ поскитался въ развалинахъ Раговъ Мидійскихъ, раза три въ Касръ-Каджаръ, въ Негаристанъ, и въ другихъ окрестностяхъ Фетали—Шаховой столицы... Жаръ выгналъ насъ въ поле, на лѣтнее кочевье въ Султанейскую равнину, съ Шааенъ-Шаа, Царемъ-Царей и его Дворомъ. Ахъ! Царь Государь! Не по длинной бородѣ, а впрочемъ во всемъ точь-въ-точь Ломоносова Государыня Елисаветъ, Дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вокругъ его! что за нравы! Когда-нибудь отъ меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишкомъ запущено. Начать ихъ обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишкомъ далеко: въ годъ чего не насмотришься! Изъ Султанинъ мы въ концѣ августа попали въ Табрисъ. Не все еще. Передъ Султанией въ Абгаръ, ферсехевъ въ двадцати по сю сторону отъ Казбина, прожили нѣсколько во время Рамазана, смотрѣли Восточную Трилогию: Страсти Господнева угодника Алія, слышали удары дланями въ перси, вопли: Ва Гуссейнъ! О! Фатмѣ! и пр. Я на это глядѣлъ, объ тебѣ думалъ. Въ Ахендъ (за переходъ отъ Римскаго мосту на Кизиль-Озанъ, въ горахъ Кафлангу) тоже на недолго остановились, съ тѣмъ, что дальше ѣхать или на мѣстѣ остановиться казалось одинаково скучнымъ, но послѣднее менѣе тягостнымъ. Изъ Табриса, въ началѣ Сентября, я отправился въ Чечню къ Алексію Петровичу за новыми наставленіями. Нашелъ его какъ прежде необыкновенно умнымъ, хотя недружелюбнымъ. Онъ воюетъ, мы миръ блюдемъ; если однако вездѣ такъ мудро учреждены Посольства отъ Императора, какъ наше здѣсь,—полки Его опаснѣе, чѣмъ умы его дипломатовъ. Я наконецъ опять въ Табризъ. Владѣтельный Ша-Задъ-Наибъ-Султанъ-Абасъ-Мирза, при которомъ мы честь имѣемъ находиться, и, въ скобкахъ сказать, великій мнѣ недоброжелатель, вызвалъ изъ Лондона оружейныхъ мастеровъ, шорниковъ и всякихъ рабочихъ; собирается заводить университеты. И у него есть Министръ Духовныхъ силъ Дервишъ Каймаканъ Мирза Бюзюркъ. Дайте намъ Уварова. Ты видишь, что и здѣсь въ умѣхъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать: провалился онъ совсѣмъ;—такъ точно, иной разъ провалится.

Не воображай меня однако слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлил часы; скучаю попеременно то съ Лутатомъ Персидскимъ, за который не прини-

мался съ Сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ *товарищами*. Веселость утрачена, не пишу стиховъ, можетъ и творилесь бы, да читать некому, сотруженики не Русскіе. О любезномъ моемъ фортепіано, гдѣ оно, я совершенно неизвѣстенъ. Книги, посланныя мною изъ Петербурга тѣмъ же путемъ, теряются. Довольно о себѣ. Вы какъ? Что происходитъ въ вашемъ ученомъ и неученомъ мѣрѣ? Въ мое время, если бы возможность была массу свѣдѣній нашихъ литераторовъ, академиковъ, студіозовъ и профессоровъ раздѣлить поровну нашимъ людямъ съ *талантомъ*, врядъ ли бы на каждого пришлось по-стольку, чему Ланкастеръ учить: читать и писать и то плохо. Ты не въ счету. Играютъ ли твою Андромаху? Напечатана-ли? Какъ ее достать? Коли не *ex dono Auctoris*, намеки по крайней мѣрѣ, куда отнести? Да во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ. Сколько я удовольствія лишаюсь отъ дѣви! Если бы любезные мнѣ люди отъ меня имѣли письма, вѣрно бы отвѣчали. По крайней мѣрѣ я люблю нѣжиться этимъ воображеніемъ.

Князю почтенному низко поклонись за отсутствующаго. Не могу довольно порадоваться, что и онъ въ числѣ тѣхъ, которые хотять, не хотять, а должны меня помнить. Часто бывали вмѣстѣ. Славный человекъ! Броткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ объ стопахъ и римѣ, нашъ цензоръ всегдашній, и самъ подъ цензурою у Катерины Ивановны... Не повѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ! Жандрикъ мой какъ живетъ? въ 1820-мъ году прежнимъ ли святымъ молится? Объ Чепяговѣ ты мнѣ писалъ. Скажи, кто-бы думалъ, что его въ чемъ ни есть *Тону* достанется замѣнить? Однако охота была нашему прозорливому другу пѣть свою Феогонію такому человекъ, который боговъ знать не хочетъ? Чепяговъ и Чебышевъ! Не знаю почему при этихъ схожихъ именахъ мнѣ пришли въ голову два другіе: Гейнзіусъ и Гревіусъ!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крѣпко. Мой Шерасминъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе...

Изъ всего надо пользу получать, и ты изъ моего письма научись чему-нибудь. Вотъ тебѣ арабскій стихъ:

شیرالکمان کان و صوفی

Шаруль-бело изъ вана ла садыкъ ¹⁾.

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'Arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit ²⁾.

21. Князю А. А. Шаховскому(?).

Табрисъ, 17 ноября 1820 г., часть пополуночи.

Вхожу въ домъ, въ немъ праздничный вечеръ; я въ этомъ домъ не бывалъ прежде. Хозяинъ и хозяйка, Поль съ женою, меня принимаютъ въ двери. Пробѣгаю первый залъ и еще нѣсколько другихъ. Вездѣ освѣщеніе; то тѣсно между людьми, то просторно. Попадаются многія лица, одно какъ будто моего дяди, другія тоже знакомыя; дохожу до послѣдней комнаты, толпа народу, кто за ужиномъ, кто за разговоромъ; вы тамъ-же сидѣли въ углу, наклонившись къ кому-то, шептали, и ваша возлѣ васъ. Необыкновенно пріятное чувство и не новое, а по воспоминанію мелькнуло во мнѣ, я повернулся и еще куда-то пошелъ, гдѣ-то былъ, воротился; вы изъ той-же комнаты выходите ко мнѣ навстрѣчу. Первое ваше слово: вы ли это А. С.? Какъ перемѣнились? Узнать нельзя. Пойдемте со мною; увлекли далеко отъ постороннихъ въ уединенную, длинную, боковую комнату, къ широкому окошку, головой приклонились къ моей щекѣ, щека у меня разгорѣлась, и подивитесь! вамъ труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда былъ выше васъ гораздо. Но во снѣ величины искажаются, а все это сонъ — не забудьте.

Тутъ вы долго ко мнѣ приставали съ вопросами, написались ли я что-нибудь для васъ? — Вынудили у меня признаніе, что я давно отшатнулся, отложился отъ всякаго письма, охоты нѣтъ, ума нѣтъ — вы досадовали. — Дайте мнѣ обѣщаніе, что напишете. — Что-же вамъ угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Черезъ годъ непременно. — Обязываюсь. — Черезъ годъ, клятву дайте... И я далъ ее съ трепетомъ. Въ эту минуту малорослый человѣкъ, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, но котораго я, давно слѣпой, не довидѣлъ, внятно произнесъ эти слова: лѣнь губить всякій талантъ... А вы обернясь къ человѣку: посмотрите кто здѣсь?.. Онъ поднялъ голову, ахнулъ, съ визгомъ бросился мнѣ на шею... дружески меня *душитъ*... Катенинъ!.. Я пробудился.

¹⁾ (Величайшее несчастіе, когда нѣтъ истиннаго друга).

²⁾ Это малые плоды пройденнаго курса; такъ какъ я не знаю ни слова по-арабски, и вы не получите перевода этого стиха.

Хотѣлось опять позабыться тѣмъ же пріятнымъ сномъ. Не могъ. Вставъ, вышелъ освѣжиться. Чудное небо! Нигдѣ звѣзды не свѣтятъ такъ ярко, какъ въ этой скучной Персіи! Муэдзинъ съ высоты минара, звонкимъ голосомъ возвѣщалъ ранній часъ молитвы (—ч. пополуночи), ему вторили со всѣхъ мечетей, наконецъ вѣтеръ подулъ сильнѣе, ночная стужа разсѣяла мое безпамятство, затеплилъ свѣчку въ моей хранилѣ, сажусь писать, и живо помню мое обѣщаніе: *во снѣ дано, на яву исполнится.*

«Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: Slavone et Russe; Latine, Française, Anglaise, Allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au Persan et à l'Arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de se qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit ¹⁾.

22. В. К. Кюхельбекеру.

Тифлисъ, 1-го октября 1822 г.

Любезный Вильгельмъ! Пеняй на мою лѣнь, и правъ будешь. Дивлюсь, коли сохранилъ ты ко мнѣ хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойнымъ. Сколько времени утекло! Сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо изъ Харькова, объ которомъ ты упоминаешь, до меня не дошло, следовательно, благодарю не читавши.

Изъ послѣдняго, отъ 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругомъ пошла. На которую намѣтилъ неудачно? Назови. А я, въ отраду, научу тебя преданію изъ книги, прежде всѣхъ вѣкъ изданной. Эругъ и Меруть были два ангела, ниспосланные Богомъ для отвращенія человѣковъ отъ соблазновъ любви. Тогда же

¹⁾ Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезнамъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, какъ говоритъ Ривароль; чѣмъ болѣе мы просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему Отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу объ увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобы выставлять причиной неаудоровье или расстройство домашнихъ дѣлъ — обыкновенныя уловки, которымъ никто не вѣритъ.

долу спустилась планета Венера (*Венера*) въ лицѣ жены престольной. Послы Господни ее увидѣли, смутились въ сердцахъ своихъ, къ ней прилѣпились всею силою чувства... какъ вдругъ взвилась она высоко отъ желателей и воспріяла свое мѣсто въ тѣлахъ небесныхъ. Два ангела — вслѣдъ за нею, но охватили мракъ и пустоту. Вымыселъ стоитъ Иксіонова, а тебѣ дано ихъ обоихъ оправдать своими опытами.

Согласись, мой другъ, что, утративши теплое мѣсто въ Тифлисѣ, гдѣ мы обогрѣвали тебя дружбою, какъ умѣли, ты многого лишился для своего спокойствія. По крайней мѣрѣ, здѣсь не столько было искушеній: женщины у насъ, коли поблаговиднѣе, укрыты плотностію чадера, а нашихъ одноземокъ природа не вооружила черными волшебствами, которыя души губять: любезностію и красотою. Ей Богу, тебѣ здѣсь хорошо было для себя. А для меня?.. Теперь, въ поэтическихъ монхъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка свое, или чужое; а людямъ — ничего; некому. Кабы могъ я предложить тебѣ нелестивыя надежды, силою бы вызвалъ обратно. Этому не сбѣться; хочешь ли покуда слышать о пріятеляхъ обоего пола?

Гр. Симоничъ женился на хорошенькой княгинѣ Аннѣ Атавовнѣ. Грека, рыцаря промышленности, выгнали отъ Ахвердовыхъ, и я при этомъ острацизмѣ былъ очень дѣятеленъ.

Генеральша Крабе попрежнему родить дѣтей, какъ печатаеть. Умерли: Наумъ, Юргенсонъ и Мишхарбатъ Бебутовъ, Шпренгель, etc., etc.

Только что было расписался, повѣстили мнѣ объ отъѣздѣ съ г. Клендсъ въ Кахетію; это третье путешествіе съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались...

Январь 1823 г.

И сколько разъ потомъ я еще куда-то ѣздивъ. Цѣлые мѣсяцы прошли, или, лучше сказать, протянулись въ мучительной долготѣ. Оставляю начатыя строки въ свидѣтельство, что не теперь только ты присутственъ въ моихъ мысляхъ.

Однако, куда дѣвалось то, что мнѣ душу наполняло какою-то спокойною ясностію, когда, напитанный древними сказаніями, я терялся въ развалинахъ Бердъ, Шамхора и въ памятникахъ Арабовъ, въ Шемахѣ? Это было во время рамазана, и послѣ, съ тѣхъ поръ, налегла на меня необъяснимая мрачность. А. П. смѣялся; другіе — тоже, и напрасно. Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ! помани Амлиха, вѣрнаго моего спутника въ теченіе 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ при-

ѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ вложи. Кого еще сослать смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весной, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы, — Коцебу, напримѣръ, — обвиняють меня въ малодушіи, какъ-будто я самъ боюсь въ землю лечь, другихъ жаль сторишно пуще себя! Ахъ, эти, избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кострюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужаго, — страдаетъ болѣзнию ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи: чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!

Сокращу печальныя мои выходы, а все легче, когда этакъ расшпешься.

Объявляю тебѣ отъѣздъ мой за тридевять земель, словно мнѣ отягчѣло пророчество: И будетъ ти всякое мѣсто въ предвиженіе.

Иди ко мнѣ въ Москву, на Новинской площади, въ мой домъ. А тамъ, авось-ли еще хуже будетъ! Давеча, напримѣръ, принесли шубы на выборъ: я, года четыре, совсѣмъ позабылъ объ нихъ. Но какъ же безъ того отважиться въ любезное Отечество! Тяжелыя. Плечи къ землѣ гнетуть. Точно трупы, запахомъ заражаютъ комнату всякія лисицы, чекалки, волки... И вотъ первый искусъ желающимъ въ Россію: надобно непременно растерзать звѣря и окутаться его кожею, чтобъ потомъ роскошно черпать отечественный студеный воздухъ! Прощай мой другъ.

23. Ю. К. Глинкѣ.

Tiflis, 26 janv. 1823.

«Madame. Après avoir tardé un temps infini de répondre à l'obligeante lettre que vous avez bien voulu m'adresser, j'ai beau me creuser le cerveau pour inventer un biais, qui disculpât tant soit peu mon manque de procédé, vous n'en seriez pas dupe. Mais, Madame, veuillez songer aux distances d'abord qui nous séparent, des fréquents voyages qui m'ont absorbé les cinq sixièmes de mon séjour dans ce pays, là dessus les plis de ceux qui me vouèrent quelque souvenir, languissant au bureau de poste un siècle avant que je puisse en accuser la réception. En tout ce qui me rassure, c'est la parfaite connaissance que possède mon ami et le vôtre de ce qui me caractérise personnellement. Il doit vous avoir prévenu que dans toutes mes déviations habituelles des usages et convenances ce n'est jamais mon coeur, ni un défaut de sentiment sur lesquels la faute doit être rejetée sans appel.

En recours à votre indulgence pour ce qui me regarde, je m'en vais

vous entretenir un peu d'un homme qui vaut mieux que moi sous tous les rapports, qui vous est bien cher et qui me l'est également. Que fait-il notre bon Guillaume? en butte à une mauvaise fortune avant qu'il ait pu jouir de ce peu d'agrément réel que nous offre la société, tracassé et mésestimé des hommes, tandis qu'il se livre à tout venant avec un abandon de franchise, de cordialité et d'amour.... cela ne devrait-il pas lui attirer une bienveillance générale? Toujours craignant d'être à charge aux autres et ne l'étant qu'à sa propre sensibilité. Je le présume maintenant avec vous (à la campagne, au Gouvernement de Smolensk) entouré d'aimables parents. Qui l'aurait dit, il y a une demi-année, qui je finirai par lui envier jusqu'à l'inclémence de son étoile! Ah! si une partie de malheur est de quelque soulagement pour les malheureux, répétez lui, Madame, que tel qu'il m'a connu ici—insouciant, joyeux et même folâtre, aujourd'hui je me pèse à moi-même, isolé au milieu d'une population qui m'est parfaitement indifférente; encore quelques jours, et je vais abandonner cette ville, l'ennui et le dégoût qui m'y persécutent, pour les aller trouver ailleurs peut-être. Dites lui qu'un autre nom est venu se placer à côté du sien sur la liste des proscrits, victimes de l'injustice humaine, K***, un des amis dont le souvenir prêtait encore des charmes à mon pays, quand je songeais à y retourner un jour. Guillaume le connaît, il saura de qui il s'agit. Engagez votre excellent frère de se résigner, de considérer nos maux comme un creuset pour le moral, d'où nous sortirons moins agités, plus froids, munis d'une petite morgue bien imposante, comme si l'on avait prospéré toute sa vie; et si le sort accorde un répit au terme de nos jours: une caducité quanteuse, une toux sèche et des éternelles redites à l'édification de la jeunesse,—voilà le bon part, où chacun arrive après tout; moi comme Guillaume, comme les heureux du jour.

Mais pardon, Madame, de vous épisodier ma lettre par un épanchement de mélancolie que j'aurais pu vous sauver: mon intention en prenant la plume était uniquement de me soulager par un sincère aveu du tort que je me sens avoir envers vous et que je ne cesse de me reprocher!

Agréez l'assurance des sentiments de la plus parfaite considération etc., etc., Griboyedof.

Переводъ:

Тифлисъ, 26-го января 1823 г.

Милостивая государыня! Замедля столь долгое время отвѣтомъ на ваше привѣтливое письмо, — ломаю себѣ голову, чтобы придумать хоть что-нибудь въ оправданіе моего поступка; но вѣдь васъ трудно обмануть. Подумайте о пространствахъ, насъ разделяющихъ, о вѣчныхъ моихъ разъѣздахъ, занимающихъ пять-шесть мѣсяцевъ моего пребыванія въ этой странѣ: письма тѣхъ, которые меня помнятъ, томятся цѣлый вѣкъ на почтѣ, пока мнѣ удастся ихъ получить. Одно, что меня успокоиваетъ — это то, что мой, а равно и вашъ достойный другъ ¹⁾ хорошо знаетъ всѣ свойства моего характера. Онъ, вѣроятно, предупредилъ васъ, что во всѣхъ обычныхъ мнѣ уклоненіяхъ отъ обычаевъ и приличій невиновны безусловно ни мое сердце, ни недостатки во мнѣ чувства.

¹⁾ Вильгельмъ Кюхельбереръ.

Разсчитывал на ваше снисхожденіе ко мнѣ и моимъ дѣламъ, я хочу поговорить съ вами о человѣкѣ, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше меня, и который равно дорогъ, какъ вамъ, такъ и мнѣ. Что онъ подѣлываетъ, нашъ добрый Вильгельмъ, подвергшійся несчастію, прежде нежели успѣлъ воспользоваться столь немногими истинными удовольствіями, доставляемыми намъ обществомъ; мучимый, непонятый людьми, между тѣмъ, какъ онъ отдается каждому встрѣчному съ самою искреннею откровенностью, радушіемъ и любовью... не должно-ли было все это привлечь къ нему общее расположеніе? Всегда опасаясь быть въ тягость другимъ, онъ становится въ тягость лишь своей собственной чувствительности! Я полагаю, что онъ теперь съ вами (въ деревнѣ въ Смоленской губерніи), окруженный любезными родными?

Кто-бы сказалъ полгода тому назадъ, что я кончу тѣмъ, что буду завидовать даже злополучной его звѣздѣ! Ахъ! ежели чье-либо несчастье можетъ облегчить другаго несчастнаго, то передайте ему, что если онъ зналъ меня здѣсь прежде — беззаботнымъ, веселымъ и даже шаловливымъ, то за то теперь я въ тягость самому себѣ и одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ; еще нѣсколько дней, и я покидаю этотъ городъ, оставляя здѣсь скуку и разочарованіе, которыя меня преслѣдуютъ здѣсь и которыя, быть можетъ, я обрѣту и въ другомъ мѣстѣ.

Скажите ему, что еще другое имя присоединилось къ его имени въ списокъ изгнанниковъ, этихъ жертвъ человѣческой несправедливости: это К***, одинъ изъ друзей, о которомъ мысль придавала еще прелесть этой странѣ, когда я разсчитывалъ въ нее современемъ возвратиться. Вильгельмъ знаетъ его и пойметъ, о комъ идетъ рѣчь.

Убѣдите вашего брата покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пыльными, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали; если же судьба отдалитъ конецъ нашихъ дней, то — причудливая дряхлость, сухой кашель и вѣчное повтореніе назиданій молодости, — гавань, къ которой послѣ всего пристанетъ каждый изъ насъ: и я, и Вильгельмъ, и всѣ счастливцы сихъ дней.

Виновать, милостивая государыня, что вставилъ въ это письмо меланхолическія изліянія, отъ которыхъ я могъ-бы васъ избавить. Взвѣсивъ за перо, я имѣлъ единственное намѣреніе — облегчить себя искреннимъ признаніемъ вины, которую я чувствую передъ вами и въ которой не перестаю себя упрекать.

Примите увѣреніе въ чувствахъ совершеннаго къ вамъ почтенія.
Гривоздовъ.

24. Князю В. Ѡ. Одоевскому.

(Апрѣль 1823).

Любезнѣйшій князь. Много благодарю васъ за присылку приятныхъ произведеній вашего пера. Знаю, что похвалою не угожу вамъ, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности отъ человѣка прямодушнаго, не кроектея пустыхъ вѣжливостей, и который высоко цѣнитъ свойства ума вашего и да-

рованія. Въ этихъ моихъ чувствахъ надѣюсь еще болѣе утвердиться по вторичномъ прочтеніи вашихъ остроумныхъ памфлетовъ. Вѣрный вашъ А. Грибовъдовъ.

25. Ему же.

Среда (Апрѣль 1823).

Пишу вамъ два слова, любезнѣйшій князь, а не болѣе: потому что нынѣшній день отправляю множество писемъ съ фельд-егеремъ въ Тифлисъ. Самъ у васъ буду, и тогда условимся, когда именно провести у меня день въ дружеской бесѣдѣ, — безъ женщинъ пуще всего. За оду благодарю васъ. Вѣрный вашъ А. Грибовъдовъ.

26. Ему же.

(Послѣ іюля 1823).

Любезный другъ. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ Калайдовича «Памятники Древн. Росс. Словесности», и Арцибашева; да возлѣ тебя въ книжной лавкѣ не найдется ли Гессъ де Кальве, «Теорія музыки», и Успенскій, «Русск. древности изъ частной жизни Россіянь», одна часть? При семъ прилагаю 25 р. Извини, что утруждаю тебя моими порученіями, можетъ быть безвременными. Вѣрный твой Грибовъдовъ.

27. С. Н. Вѣгичеву.

С.-Петербургъ, 10 іюня 1824 года.

Братъ любезный, безцѣнный другъ мой! Ты вѣрно меньше всѣхъ готовъ былъ къ неожиданной тайнѣ моего отъѣзда, но, конечно, лучше всякаго оцѣнилъ его необходимость. Крѣпиться можно до нѣкоторой степени, еще минута и — сдѣлаешься хуже бабы; я зналъ себя, и поступилъ какъ должно, помчался не оглядываясь, и, вплоть до Клипа, каждый толчокъ сдѣлалъ мнѣ лекарствомъ, облегченіемъ отъ бесполезной чувствительности, уныніе превращалось въ досаду на дорогу, а потомъ въ усталость; и пр. На первой станціи нашель я портретъ Дениса В. Давыдова, на второй картинку игрока Реньяра съ подписью различныхъ стиховъ; какое сближеніе обстоятельствъ! Но, будь увѣренъ, что я не улыбнулся, а подумалъ о человѣкѣ, котораго мы всѣ любимъ *). Два раза снѣгъ шелъ на дорогѣ: 29 и 30 мая! Я продрогъ, принужденъ былъ ночевать, на четвертыя сутки посидѣлъ сюда; здѣсь я уже восемь дней гуляю, коли дома, то вѣрно одинъ другаго смѣняетъ въ моей комнатѣ, когда же со двора выхожу, то повсюду разсыпаясь, — досугъ и воля. Всѣ просятъ у меня манускрипта и — надобѣдаютъ. Шаховской, Жандръ,

*) Прошу покорно Льву этого не показывать.

Гречь пристають, чтобъ я у нихъ жилъ, и Паскевичъ въ лагерь тащить, однако учтвериться невозможно. Всѣ трое объ тебѣ часто вспоминаютъ; я обѣщался дать тебѣ знать. А вотъ и Шмидтъ сейчасъ вошелъ ко мнѣ; ты не повѣришь, какъ онъ съ благодарностію относится объ одолженіяхъ, которыя ты ему дѣлалъ. Съ Самойловымъ выдаюсь. Третьяго дня сестры его, графини Бобринской, было рожденіе; я у нихъ пировалъ на дачѣ; музыка, дамы, шампанское, и въ старые годы меня-бы оттуда не скоро вытащили, теперь — другая пора, выдаюсь по необходимости; только не могу еще тебѣ сказать ничего удовлетворительнаго на счетъ моего требованія. Наумовъ каждый день у меня бываетъ. Я черезъ него знаю объ отпускѣ моемъ и позволеніи ѣхать въ чужіе края; все это давно уже послано къ Ермолову, и здѣсь готовъ дублировать; хочу, — завтра на корабль сяду. Другъ сердечный, разрѣши отъ даннаго мною обѣщанія; свидѣться на короткое время, значить, только снова растравить горькое чувство разставанья. Впрочемъ знай, что для меня, во всякомъ случаѣ, что скажешь, то и святое дѣло. Павловъ, Мадатовъ и еще одно лицо, всѣхъ ихъ поважнѣе гораздо чиномъ (съ Трубецкимъ получишь отгадку) — уморительные люди; я столько наглядѣлся смѣшнаго, и сколько низостей!

Теперь объ важныхъ людяхъ кстати: Василій Серг. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго цензура зависитъ, мнѣ по старому знакомству вѣроятно окажется благопріятель. Алекс. Семен. тоже. Частию это зависитъ отъ гр. Милорадовича; на-дняхъ онъ меня угощалъ обѣдомъ въ Екатерингофѣ. Вчера я нашелъ у Паскевича Вел. Князя Никол. Павл.; это до цензуры не касается, но чтобъ дать понятіе, гдѣ бываю, и кого вижу.

Съ Трубецкимъ буду писать тебѣ вторично и много. Анну Ивановну поцѣлуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышника, а прочимъ всѣмъ кланяйся.

Пиши: въ *Военно-Счетную Экспедицію, Андрею Андреевичу Жандру*; онъ уже доставитъ мнѣ. — Чепяговъ здѣсь; однимъ глазомъ ослѣпъ, и другой у него чуть держится, каждый день ждетъ, что вовсе зрѣнія лишится.

Никита, братъ Александра Всеволожскаго, Александръ, братъ Володи Одоевскаго, журналистъ Булгаринъ, Мухановъ и сотни другихъ лицъ — всѣ у меня передъ глазами. Прощай, голова вихремъ идетъ. Съ горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный другъ!

Петербургъ. Живу я у Занцата, но адресъ къ Жандру. Уже ѣду въ Царское.

28. Ему же.

(Августъ 1824 года).

Душа, другъ и братъ!—Слава Богу, нашель случай мимо почты писать къ тебѣ. Чебышевъ взялся доставить. Онъ подговаривалъ меня вмѣстѣ прокатиться въ Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишкомъ скоры, я не поспѣлъ, или, лучше сказать, не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія. Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняя дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работъ конца не будетъ;... будетъ-же, добьюсь до чего-нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершенень, такъ нечистъ; представь себѣ, что я слишкомъ восемьдесятъ стиховъ, или, лучше сказать, рѣшь перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку со свѣчею надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались въ самый день моего приѣзда, и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмѣльницкому, Шаховскому, Гр. и Булг., Колосовой, Каратыгину, дай честь — 8 чтеній, нѣтъ обчелся, — двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховскій рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Вильгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надоѣло все одно и то-же, что во многихъ мѣстахъ импровизирую, — да, это нѣсколько разъ случилось, — потому я самъ себя ловилъ, но другіе не домевались. *Voilà ce qui s'appelle sacrifier à l'intérêt du moment.* Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе несообразной съ ненасытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ, къ перемѣнѣ мѣста и занятій, къ людямъ и дѣламъ необыкновеннымъ. И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ! прилична ли сиѣсь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ ру-

копцесканий? Перебью себя: это выходка не въ пору, будетъ въ пору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, какъ началъ, кратко и складно, и опять объ кулисахъ, и опять объ актрисахъ. Колосова, по личностямъ съ однимъ изъ членовъ Комитета, еще не заключила новаго условія и при мнѣ не выходила на сцену, но у себя читала мнѣ нѣсколько сценъ Мольера и Мариво. Прекрасное дарованье! иногда замѣтно, что копія, но мѣстами забывается и всякаго заставить забыть. Природа свое взяла, пальма въ комедіи принадлежитъ ей неотъемлемо. Разумѣется, что она въ свою очередь плѣнилась моимъ чтеніемъ; не знаю, искренно-ли? Можетъ быть и это — восклицанія изъ Мариво. Но гениальная душа, дарованіе чудное, теперь еще грубое, само себѣ безотчетное, дай Богъ напитаться ему великими образцами, это—Каратыгинъ; онъ часто у меня бываетъ, и какъ всякая сильная черта въ словахъ и въ мысляхъ, въ чтеніи и въ разговорѣ его поражаетъ! Я ему читалъ въ плохомъ французскомъ переводѣ, пятый актъ, и еще нѣсколько мѣстъ изъ Ромео и Юліи Шекспира; онъ было съ ума сошелъ, просить, въ ногахъ валяется, чтобъ перевести, коли полѣнюсь, такъ хоть послѣдній актъ, а прочіе Жандру дать, который впрочемъ нисколько меня не привлекае. Я бы съ нимъ готовъ вмѣстѣ трудиться, но не думаю, чтобъ эти литературныя товарищества могли произвести что-нибудь въ цѣломъ хорошее; притомъ же я стану переводить съ подлинника, а онъ съ дурнаго списка; сладить трудно, перебивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнѣ написалъ собственную трагедію, и лишь-бы отсюда вонъ, напишу непременно.

Однако замѣтъ, что я поглубѣлъ здѣсь: три страницы исписать, а главное, объ чемъ съ первой строки хотѣлъ и теперь хочу навѣдаться, улетѣло на воздухъ за безконечными толками о чтеніи и представленіи, объ шутахъ и шутовствѣ.

Что ты самъ, мой другъ? какъ провелъ время.....? Ты мнѣ объ этомъ скромничаешь; объ Аннѣ Ивановнѣ говоришь только, что на-дняхъ будетъ матерью, что я и безъ тебя знаю, а какова она? терпѣливо ли ждетъ роковой минуты? Боже оборони, не страдаетъ ли попрежнему? не боится ли? Можетъ быть теперь уже все рѣшилось? Пиши мнѣ тотчасъ. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашескія, искреннія желанія и обѣты доходятъ до Господа Бога, такъ никому въ свѣтѣ легче ея не рожать. Я врагъ крикливаго пола, но двѣ женщины не выходятъ у меня изъ головы: твоя жена и моя сестра; я не различаю ихъ ни въ воспоминаніяхъ, ни въ молитвахъ. Да еще скажи ей, коли намъ вчетверомъ съ Соф. Петр. бывало весело, такъ конечно во сто

разъ будетъ веселѣе, когда дитя ея станетъ переходить съ рукъ на руки, отъ матери къ отцу, а отъ отца (потому что не умѣетъ быть нѣжнымъ съ дѣтьми) тотчасъ ко мнѣ. Постой, однако, и пишу, и боюсь; лучше ничего не говори ей до поры до времени, а только кланяйся и поцѣлуй, а также и Соф. Петр. дружеское объятіе и поклонъ нижайшій.

Прощай. Хотѣлъ было еще писать тебѣ о Катенинѣ и объ его Андромахѣ: я лучшія мѣста списалъ для тебя. Но какимъ оно дурнымъ слогомъ въ ухо бьетъ, кромѣ 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И какъ третій актъ превосходенъ, не смотря на дурной слогъ! Впрочемъ я дурное замѣчаю тебѣ для того только, что въ печати это скорѣе всего замѣтять; на сценѣ оно скрадется хорошимъ чтеніемъ; вообще какъ бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать повода къ придиркамъ. Славный человѣкъ, умъ превосходный, высокое дарованье, пламенная душа, и все это гибнетъ вгунѣ. Прощай, пожалуйста отпусти, не могу отвязаться, болтаю какъ 60-лѣтняя старуха. Пуквилло не могъ еще достать, запрещенъ; есть онъ у Столыпина и Дашкова, но, разумѣется, они не продадутъ. Коли увидишь сестру Машу, дай ей мое письмо, пусть начитается до-сыта, а потомъ разорви на клочки. Я ничего объ моихъ не знаю, въ Москвѣ ли они, въ деревнѣ ли? Дмитрія, красоту мою, расцѣлуй, такъ чтобы еще болѣе зардѣлись пухлыя его щечки. Алекс. Васильевну тоже, Дениса и Льва и весь освященный соборъ. Верстовскому напиши обо мнѣ, и пожми за меня руку. — Представь, что я сейчасъ только вспомнилъ объ Маврахъ; бѣгу въ цензуру.

1000 руб. я не получалъ, а нужда смертная. Похвали меня: прѣхалъ сюда ровно съ тысячью рублями, три бѣленькихъ 25-рублевыхъ и нѣсколько синихъ ведутся, живу въ трактирѣ, сперва обѣдалъ каждый день въ клубѣ, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

29. Ему же.

31-го августа 1824 года.

Братъ любезный! не ѣду къ тебѣ, и не пишу тебѣ, совѣсть мучить. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко-накрѣпко мать, отца и весь домъ; право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было не откуда, Левъ и Солнце давно уже покоятся въ ломбардѣ, а Чебышеву задолжать — сохрани меня Боже! Я отъ него сюда бѣ-

жалъ въ Стрѣльну; представь себѣ, что онъ вздумалъ ко мнѣ приписаться въ самые нѣжные друзья, преслѣдовалъ меня экстазами по улицамъ и театрамъ, и наконецъ переѣхалъ въ три номера Демурова трактира и всѣ три возлѣ моей комнаты: два по сторонамъ и одинъ антресоли; каково-же встрѣчать вездѣ Чебышева! По бокамъ Чебышевъ! надъ головой Чебышевъ! Я, не говоря ему ни слова, велѣлъ увязать чемоданы, сѣлъ въ коляску, покатился вдоль поморія, и присталъ у Одоевского, будто на перепутин; много верхомъ ѣзжу, катаюсь по морю; дни прекрасные, жизнь свободная!

Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены, ни дочери. Думую принадлежу тебѣ одному. Прощай.

Стрѣльва.

Вѣрный другъ
А. Г.

30. П. А. Катенину.

17 октября (1824)

Любезный другъ. Положимъ что я уже извинился, какъ слѣдуетъ, и ты мнѣ простилъ 5-ти-лѣтнее молчаніе, А. А. доскажетъ тебѣ остальное. Жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто, и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты незнакомъ, и кто тебя не стоитъ. На-дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой счетъ; стало и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаще прежняго произносить твое имя Андробаха, которая должна явиться въ альманахъ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, исполненные уваженія; въ театрѣ превозносятъ Каратыгина, и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Жюмины и пр. его чрезвычайно хвалятъ, находятъ только, что не должно бы ноги ставить параллельно; *car c'est donner dans le drame*. Было бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глауцновъ тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны. Я по крайней мѣрѣ всё нашель по-старому; у Шаховскаго прежнія погрешки, только имя новое, онъ вообразилъ себѣ, что перешель въ романтики, и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ, все перекраиваетъ въ пользу Дюръ, Брянекаго и пр.; на-дняхъ, кажется соорудилъ трилогію изъ Медвѣди и Пустынника Крылова. Я у него бываю, отъ того, что всѣ другіе его ругаютъ,—это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое досто-

инство. Жандръ пробудился изъ усыпленія, переводить Венцеслава необыкновенно хорошо, безъ ризмъ и тѣмъ лучше выходить. Самъ не отстаю отъ толпы пишущихъ собратій. А. А. везетъ къ тебѣ мои ризмы: прочти, разсмѣйся, замѣть, что не по тебѣ, орвографію отъ себя дополни,—переписывалъ кто-то въ Преображенскомъ полку.

Мы помѣнялись ролями. Бывало получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется, не помню гдѣ, съ кѣмъ, въ Табризѣ вообразу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко, и предаю себя въ волю Божию; но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!... Милый, любезнѣйшій другъ, не тужи, право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно, всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города!—Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе края, попаду ли туда, не ручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: Отсюда въ Парижъ, потомъ въ южную Францію, коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію,—и Фракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды. Кстати о ней. Вчера храпѣлъ я у нѣмцевъ при шумѣ, трескѣ и грохотѣ ямбъ Грильпарцера,—давали его Золотое руно. Главный плачъ соображенъ счастливо. Въ первой части Медея представлена въ отечествѣ, куда прибываютъ Аргонавты, Царь Кольховъ желалъ бы освободиться отъ воинственныхъ иноземцевъ, прибѣгаетъ къ чародѣйству дочери; она въ первый разъ познала, что сверхъ-естественныя силы даны ей на пагубу, въ борьбѣ между долгомъ и любовью, которою наконецъ совершенно побѣждается, и для принельца забываетъ отца и боговъ своихъ. Чудно, что нѣмецъ, и слѣдовательно ученый человекъ, не воспользовался лучше преданіями о звѣрскихъ правахъ древней Колхиды, ни на минуту не переносится туда воображеніемъ; притомъ, если бы повелъ оныя Арна по всѣмъ мытарствамъ, Медея, мужественная его сопутница, гораздо-бы болѣе возбудила въ себѣ соучастія. Французу это невозможно, но Грильпарцеръ—какими стѣсненъ былъ условіями? Вторая часть начинается прекрасно (такъ ли я только помню?). Медея передъ тѣмъ, какъ вступить ей въ Коринѣ, отрекается отъ всѣхъ волшебствъ, хочетъ пожить безропотно съ мужемъ и дѣтьми, зарываетъ въ землю фіалъ съ зеліемъ, руно, жезлъ и покровъ чародѣйный; жаль только, что поэтъ заставляетъ ее всю свою утварь укладывать въ *чемоданъ*, а не прямо въ землю! Во второмъ актѣ превосходное мѣсто, когда посланный отъ Амфиктіоновъ требуетъ ея изгнанія изъ Коринѣа, все прочее глупо до крайности. Авторъ тонетъ въ мелочныхъ семейственныхъ по-

дробностяхъ и трагическія его лица спускаются ниже самыхъ обыкновенныхъ людей. Актриса м-ль Ордерюнь не безъ дарованій, но подрядилась каждому стиху давать отдѣльное выраженіе, и утомляеть, притомъ не имѣеть пламенной души, какъ наша Семенова. Сказать ли тебѣ два слова о Колосовой? въ трагедіи обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей однако не дались, въ комедіи могла бы быть превосходна, она и теперь, разумѣется, лучше Валберховой и тому подобныхъ... только кривляеть свое лицо непомѣрно, передразниваетъ кого-то, думаю, что Мариво; потому что плѣнилась ея игрою, какъ сама мнѣ сказывала, собственную природу выпустила изъ виду, и рѣдко на нее попадаетъ, и какъ однообразна! Шаховской не признаеть въ ней ни искры таланта; я не согласенъ съ нимъ, конечно она еще не дошла и въ половину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. Въ заключеніе скажу тебѣ, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются въ Русскій театр, несмотря на скудность трагическаго репертуара. Пши, ради Бога, долго ли намъ слушать что:

Едва лучъ утренній намъ въ мракъ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи.

Прощай, мое сокровище. Комнатный товарищъ, Одовскій, сейчасъ воротился съ бала и шумить въ передней; два часа ночи; кабы А. А. не завтра отправлялся, я бы не такъ торопился, и многое бы придумалъ, чтобы разбить твои мысли. Еще разъ прощай, и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу! готовъ бы сейчасъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и незаслуженной судьбы.

Вѣрный твой

А. Грибоевъ.

31. Ѳ. В. Булгарину.

Октябрь 1824.

Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны; что же дѣлать? Вы сами тому причиною. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе — объявить вамъ истину, il vaut mieux tard, que jamais. Признаюсь, мнѣ самому жаль, потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почтиаю искреннимъ. Но, несмотря на все это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подѣ

именем Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не позволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предвускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь вѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выклянчиваю ли я еще горсточку ладана!!

Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтятся, то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгому размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе... а можетъ быть и пѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностію. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибовъ до вѣ.

32. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 4-го января 1825 года.

Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія, — что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ вѣкъ мои благородные современники.

Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и вниманія, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ — и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не всесмѣмъ погрязъ въ этомъ трясиномъ государствѣ. Скоро отправлюсь и — надолго. Даже на счетъ любви моей будь беззаботенъ; я расхолодѣлъ, хотя моя Людмила часъ отъ часу болѣе ко мнѣ жметъ. 1 № «Сынъ Отечества» разгадалъ тебѣ загадку. Скажу тебѣ коротко, какъ это все завязалось. Долго я жилъ уединенъ отъ всѣхъ, вдругъ тоска

выѣхала на бѣлый свѣтъ—куда, какъ не къ Шаховскому? Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно гулять смѣлою рукою по лебяжьему пуху милыхъ друзей. Въ три, четыре вечера Телешова меня съ ума свела, и тѣмъ легче, что въ первый разъ и сама свыклась съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго я въ грѣшной моей жизни чернѣе угля выгорѣла.—И что для меня заманчиво было,—что соперникомъ у меня Милорадовичъ,..... идолъ Шаховскаго, который ему подличаетъ. Оба.....! Я этого..... бѣсилъ ежедневно, возбуждалъ противъ себя негодованіе всего дома, потомъ стрѣлялъ какимъ-нибудь тряпичнымъ подаркомъ въ Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тѣмъ Телешова до такой степени въ три недѣли нашей симпатіи успѣла въ танцахъ, что здѣсь не могли ей надивиться; всякій спрашивалъ ее, отъ чего такая прелестная переменна, такое совершенство. А я одинъ, стоя, торжествовалъ; наконецъ я *разразился* ризами, которыя ты вѣроятно читала. Представь себѣ, съ тѣхъ поръ я остылъ, рѣже вижусь, чтобы не разочароваться. Или то меня съ ногъ сшибло, что теперь не такъ закрыто, завѣса отдернута, самъ цѣлому городу пропечатала мою тайну, и съ тѣхъ поръ радость мнѣ не въ радость. Разсмѣйся.

Братъ! ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя пошщу приблжца, не отъ бурей, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!

Прощай, мой другъ; побывай у матушки. Любовь во второй разъ, вмѣсто чужихъ краевъ, опредѣлила мнѣ ксенуть между своими финнами. Въ 15-мъ и 16-мъ году точно то же было. Теперь я пропустилъ славный случай: Жюмини хотѣлъ со мною путешествовать.—*Mais en attendant qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour,*—и онъ укатилъ одинъ.

Получилъ ли ты мое письмо на-дняхъ? и какимъ образомъ не дошла до тебя моя и Шаховскаго эпистола, скорѣ послѣ наводненія? Пиши, братъ, не лѣнись, поправь-ка черный колпакъ на головѣ, да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежитъ дома еще за прошлый годъ; выручи ее, братъ, въ уплату 2,300, или подождешь? Ты вѣдь замыслиаешь о расширеніи своихъ владѣній, такъ монета нужна. Денгса Васильевича обнимай и души отъ моего имени. Нѣтъ, здѣсь нѣтъ такой буйной и умной головы, я это всебъ твержу; все они, сонливые меланхолики, не стоятъ выкурки изъ его трубки. Дмитрію, Александрѣ Васильевцѣ, Аннѣ Ивановнѣ, чадамъ и домочадцамъ многія лѣта.

33. Ему же.

(Январь) 1825 года.

Здравствуй, любезный другъ Степанъ! Не собратся бы мнѣ къ тебѣ писать, если бы не сидѣлъ я у Грибоѣдова, а всякій день было въ головѣ непремѣнно писать къ тебѣ и много; и такъ еще...

Жандръ.

Вотъ тебѣ Жандровы строки, другъ и братъ; онъ у меня нынче объѣдетъ, и я принудилъ его начертить тебѣ нѣсколько каракулей. О себѣ нечего тебѣ сказать, живу и люблю тебя попрежнему; что въ городѣ дѣлается,—не знаю, и знать не хочу. Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ что-нибудь о вашемъ.... Каковъ....? И что онъ проповѣдуетъ? Катенинъ изъ своего уединенія Богъ знаетъ какой бредъ сюда высылаетъ. Напр. разговоръ Булгарина, который ты оцѣнилъ по достоинству, онъ весь на свой счетъ беретъ, какъ самое язвительное злоумышленіе противъ Андрюмахи. О, его и намѣ вообще самолюбіе!

Сюда явился Павловъ изъ Тифлиса, да, жаль,.... и ничего не знаетъ. Прощай.

Обнимаю тебя накрѣпко

Вѣрный твой, у Новосильцова.

А. Г.

Венцеслава велю переписать и пришлю къ тебѣ.

34. П. А. Катенину.

(Январь 1825 года).

Умнѣйшій, любезнѣйшій Павелъ Александровичъ! Вчера я подучилъ твое письмо, и знаешь ли какое оно дѣйствіе произвело на меня? Я заперся на цѣлый день, и у огонька моей печки полсуетки пожилъ съ тобою, почтенный другъ. Прежніе года съ такою полнотою оживились въ моей памяти! Давно я не проводилъ времени такъ уединенно, и между тѣмъ такъ пріятно!... Бритика твоя, хотя жестокая и вовсе не справедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодуя на притворство, чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи? Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: — мнѣ кажется что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка сама не глухая предпочитаетъ дурака умному человѣку (не потому чтобы умъ у насъ грѣшныхъ былъ обыкновенень, нѣтъ! и въ моей комедіи 25 глушцовъ на одного здраво мыслящаго человѣка); и этотъ человѣкъ разумѣется въ противурѣчій съ об-

ществомъ, его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ весель, и это порокъ: «*Шутить и въкъ шутить, какъ васъ на это станеть!*»—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ,—что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки неязвительны, покуда его не взбѣситъ, но все-таки: «*Не человекъ! змѣя!*»—а послѣ, когда вмѣшивается личность «нашихъ затронули», предается анаемѣ: «*Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!*» Не терпитъ подлости: «*ахъ! Боже мой, онъ Карбонарий!*» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? «*Сцены связаны произвольно*». Такъ же какъ въ натурѣ всякихъ событий, мелкихъ и важныхъ: тѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ, а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую: раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «*Характеры портретны*». Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его; портреты, и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а инныя всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человекъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика; ты воленъ просвѣтить меня, и коли лучше что выдумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностью. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ, и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ. Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ во дворянствѣ, Мнимый больной — портреты, и превосходные; Скупецъ: Антропосъ—собственной фабрики, и несносенъ.

«*Дарованія болѣе, нежели искусства*». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытвержденнаго, пріобрѣтеннаго подтомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ: т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять

школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? *nugae difficiles*. Я какъ живу, такъ и пишу: свободно и свободно.

35. Ему же.

14 февраля (1825).

Тѣ двѣ страницы посылаю тебѣ недописанныя. Онѣ уже мѣсяцъ какъ начаты, и что я хотѣлъ прибавить, не помню, но вѣроятно о себѣ: и такъ благодарю мою память, что она мнѣ на сей разъ измѣнила. Ты говоришь, что замѣчанія твои останутся между нами. Нѣтъ, мой другъ, я уже давно отъ всякихъ тайнъ отказался, и письмо твое на другой же день сообщилъ съ кѣмъ только встрѣтился: Дельвигу, между прочимъ, котораго два раза въ жизни видѣлъ, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину, и тогда же вечеромъ Варв. Семен., Жандру и всѣмъ, кто у нихъ на ту пору случился. Вѣроятно еще многимъ, но кто же теперь всѣхъ ихъ упомнить?

Братъ твой былъ у меня и очень обрадовался рассказами о тебѣ, какъ ты веселишься и танцуешь въ Костромѣ.

Слушай, зачѣмъ ты не обратишься съ просьбою прямо къ Государю? вѣрно ему давно уже извѣстно, что ты оклеветанъ, и конечно онъ бы воротилъ тебя изъ ссылки. Попытайся, сдѣлай это для себя и для твоихъ искреннихъ пріятелей.

Отвѣтъ твой подлецу Р. В. Д. напечатанъ. Доволенъ ли ты? Всѣ благомыслящіе люди на твоей сторонѣ, но издателямъ много труда стоило добиться позволенія отъ Министерства къ напечатанію твоего картеля. Какой ты однако вздоръ пишешь Жандру о разговорѣ Булгарина въ Талии. Этотъ человѣкъ подкальвается подъ рухлую славу Лобанова, такъ же врагъ Гнѣдичева перевода Андромахи (сколько я знаю, хотя бы и не хотѣлъ знать литературныхъ подлостей и сплетень), какъ же ты могъ это взять на свой счетъ! На сей разъ я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу изъ того, что было ты поручилъ, и... думается, ты самъ видишь, какъ жестоко обмануло тебя мрачное твое расположеніе... Ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ Сплетняхъ и Сидѣ. Сплетни, сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хоть и есть

пные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная),... которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Диега съ Родригомъ, въ домѣ Химены, не помню въ концѣ ли 3-го или 4-го акта,—е безъ слезъ читать нельзя; вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ), точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи, не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы.—Зачѣмъ ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается, можетъ быть онъ въ чужіе края отправится, и тогда трагедія твоей опять лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Прощай, мой свѣтъ, пиши ко мнѣ скорѣе на имя Жандра, но скорѣе: потому что я здѣсь еще не долго промедлю. А живу я точно, какъ ты въ Кологривѣ, очень уединенно, рѣдко съ кѣмъ вижусь изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, съ большимъ числомъ изъ нихъ не возобновилъ прежнихъ короткихъ связей, вновь ни съ кѣмъ не дружусь, лѣта не тѣ, сердце холоднѣе. Прощай, обнимаю тебя отъ души.

Вѣрный твой А. Г.

НВ. Сдѣлай одолженіе, рѣшися обратиться съ просьбою прямо къ Государю. Кромѣ собственной его души, ни на чью здѣсь не надѣйся, никто за брата роднаго не похлопочетъ. Зачѣмъ ты Телешову дрянью называешь, не имѣя объ ней никакого понятія? Какъ же на другихъ пенять, когда ты такъ рѣзко судишь о томъ, чего не знаешь?

36. С. Н. Бѣгичеву.

С.-Петербургъ, 18 мая 1825 года.

Безцѣнный другъ и братъ! Ты не досадуй, что я до сихъ поръ позамедлил отвѣтомъ на милое твое письмо, съ приложеніемъ антикритики противъ ***. Ты уже вѣрно изъ газетъ знаешь, что Столыпинъ, съ которымъ я въ путь собирался, умеръ. Мы бы его похоронили и все тутъ, но вдова его ангель, а не женщина; одно утѣшеніе находить быть со мною. Это съ ея стороны довольно мечтательно, но ихъ поль не то, что мы; сама она же говорить, что всякая женщина какъ плющъ, должна обвиваться вокругъ кого-нибудь, и безъ опоры погибнетъ. Отъ

меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия въ ту самую минуту, въ которую оно ей необходимо, и я покуда остаюсь. Бѣдное человечество! Что ваши радости и что печали? Какъ бы то ни было, я не долго замѣшкаюсь. Ее со всеѣмъ семействомъ отецъ Н. С. Мордвиновъ перевезетъ къ себѣ на дачу; тогда и я свободно помчусь *наконецъ*.

Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой. Благодарю тебя и за намѣреніе, и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всею ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, такъ конечно не оттого, чтобы въ ней чего-нибудь недоставало. Но слушай. Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждого новаго моего знакома; какъ же ты могъ думать, что допущу тебя до личной и публичной схватки..... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы все на тебя смотрѣли какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ..... моего почитателя. — И такъ илюнь;..... въ одномъ только случаѣ возмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, и кто-нибудь, мой ненавистникъ, вздумаетъ чернить мою душу и поступки. Теперешній твой манускриптъ оставляю себѣ на память.

Вильгельмъ третьяго дня разбудилъ меня въ четвертомъ часу ночи, я уже засыпалъ глубокимъ сномъ; на другой день — поутру, въ седьмомъ; оба раза испугалъ меня до смерти, и извинялся до безконечности. Но дѣло не шуточное: побранился съ Львомъ Пушкинымъ, хочетъ драться; вѣроятно я ихъ примирю, или сами уймутся. Узнаешь ли ты нашего неугомоннаго рыцаря?

Прощай. Нынѣшній вечеръ играютъ въ школѣ, приватно, безъ дозволенія цензуры, мою комедію. Я весь день вѣроятно проведу у Мордвиновыхъ, а часовъ въ девять явлюсь посмотрѣть на мое чудо, какъ его коверкать стануть. — Журналисты повисились въ моихъ глазахъ 5-ю процентами: очень хлопочуть за Кюхельбекера, приняли его въ сотрудники, и, кажется, удастся опредѣлить его къ казенному мѣсту. У Шишкова не удалось, въ Поч-

тамтъ тоже, и въ Горномъ Департаментѣ, но гдѣ-нибудь откроется щелка.

Сейчасъ помирилъ Вильгельма.—Съ той минуты перебивало у меня 20 человѣкъ, голову вскружили.—Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

37. Ему же.

Кіевъ, 4-го іюня 1825 года.

Другъ и братъ! описывать тебѣ Кіева нечего, потому что ты здѣсь бывалъ; другимъ же я передалъ въ Петербургъ первыя мои впечатлѣнія по прїѣздѣ сюда. Тебя увѣдомляю, что я тутъ, и черезъ нѣсколько дней помчусь на югъ далѣе.—Въ Лаврѣ я встрѣтилъ Кологривову Д. А. Отъ нея узналъ, что твоя сестра живетъ въ уединеніи недалеко отъ дому, гдѣ я остановился. Вѣроятно я ее не увижу, потому что несвятостію моего житія бурнаго и безтолковаго не пріобрѣлъ себѣ права быть знакомымъ съ молчаливыми пустынноцами; у меня въ наружности гораздо болѣе свѣтскаго, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, но что же ее объ этомъ увѣдомлять? И такъ врядъ ли я буду къ ней допущенъ.—Прощай покуда; передъ отъѣздомъ можетъ быть еще разъ удастся написать къ тебѣ.—Поцѣлуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Вѣрный другъ твой.

Пиши ко мнѣ въ Тифлисъ, на имя губернат. Романа Ивановича Ховена.

38. В. Ѡ. Одоевскому.

Кіевъ, 10 іюня 1825.

Благодаренъ тебѣ душевно за два письма, любезный другъ... Самъ я въ древнемъ Кіевѣ; надышался здѣшнимъ воздухомъ и скоро ѣду далѣе. Здѣсь я пожилъ съ умершими: Владиміры и Ізяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе; какъ они мыслятъ и что творять—русскіе чиновники и польскіе помѣщики—Богъ ихъ вѣдастъ. Природа великолѣпная; съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагѣ виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники, чего нѣтъ у насъ! Хорошо однако, что побывалъ здѣсь въ началѣ іюня; говорятъ, что зимою немногимъ лучше сѣверной Россіи. Посѣтителей у меня перебивало много, однако скромныхъ, мало мѣшали.

Верстовскаго обними за меня; здѣсь я узналъ, что отецъ его перебрался на житье въ Москву; что же, отъ того лучше или хуже для музыки? Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человекъ безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни, но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе. Какъ ты объ этомъ думаешь?

За статью въ Телеграфѣ приношу тебѣ заранѣе мою благодарность; только вопросъ теперь, гдѣ я наткнусь на нее? Здѣсь не найдешь; въ Крыму, гдѣ буду слоняться недѣли съ три, того менѣе; въ Керчи сяду на корабль и поплыву въ Имеретію, оттуда въ горы къ Ермолову,—и такъ прощайте, журналы, до Тифлиса. Меня приглашаютъ неотступно въ Бердичевъ на ярмарку, которая начнется послѣ-завтра; тамъ хотятъ познакомить съ Ржевцкимъ; притомъ въ Любарѣ семейство Муравьевыхъ устраиваетъ мнѣ самый пріятный пріемъ; боюсь сдать на ихъ вѣру, не скоро вырвешься. Прощай, милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: онѣ всякой жизни придаютъ высокое значеніе, и даже въ Москвѣ (откуда вынеси тебя Богъ поскорѣе). Только я не разумѣю здѣсь полемическихъ памфлетовъ, критикъ и антикритикъ. Виновать, хотя ты за меня подвизаешься, а мнѣ за тебя досадно. Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудять за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенствѣ!!!!

Прощай, люби меня, и пиши прямо въ Тифлисъ на имя военнаго губернатора е. п. Романа Ивановича Ховена. Твой адресъ пребезпутный: что такое вашъ монастырь Георгіевскій и Тверская, безъ означенія дома, чей онъ?..

39. С. Н. Бѣгичеву.

Симферополь, 9 іюля 1825 г.

Братъ и другъ! я объѣхалъ часть южную и восточную полуострова. Очень доволенъ моимъ путешествіемъ, хотя здѣсь природа противъ Кавказа все представляетъ словно въ сокращеніи: нѣтъ такихъ гранитныхъ громадъ, снѣговыхъ вершинъ Эльбруса и Казбека, ни ревущаго Терека или Арагвы, душа не обмираетъ при видѣ бездонныхъ пропастей, какъ тамъ, въ нашихъ краяхъ. За-то предѣсть моря и иныхъ долинъ, Качи, Бельбека, Каспили-

Узена и проч., ни съ чѣмъ сравнить не можно. Я мои записки велъ порядочно; коли не полѣнюсь, перепишу и пришлю тебѣ...

40. Ему же.

Симферополь, 9-го сентября 1825 года.

Другъ и братъ! твои 1,500 руб. я получилъ еще передъ исходомъ прошедшаго мѣсяца. Объяснить тебѣ вполне благодарности не умѣю; безъ тебя мой корабль остался-бы на мелу, пришлось бы зимовать здѣсь.—Еще разъ благодарю тебя и не въ послѣдній; Богъ дастъ свидимся, и тогда сердечное объятіе лучше всякаго письма выразить тебѣ мое чувство.—Я тотчасъ не писалъ къ тебѣ по важной причинѣ: ты хотѣлъ знать, что я съ собою намѣренъ сдѣлать, а я самъ еще не зналъ, чуть было не попалъ въ Одессу, потомъ подумалъ поселиться надолго въ Соблахъ, неподалеку отсюда. — Наконецъ ѣду къ Ермолову послѣ-завтра непременно; все уложено. Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ.—Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать—за это ручаюсь; отъ чего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ. Прїѣзжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далѣе сутокъ, потому ли что фортепіанная репутація моей сестры извѣстна, или чутьемъ открыли, что я умѣю играть вальсы и кадрили; ворвались ко мнѣ, осыпали привѣтствіями, и маленькій городокъ сдѣлался мнѣ тошнѣ Петербурга.— Мало этого. Наѣхали путешественники, которые меня знаютъ по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу, злодѣйство! да мнѣ не весело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои рѣшмы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить; такимъ образомъ я нажилъ кучу новыхъ пріятелей, а время потерялъ, и вообще утратилъ силу характера, которую начинать пріобрѣтать на перекладныхъ. Вѣрь мнѣ, чудесно всю жизнь прокатиться на 4-хъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ; воображенье свѣждо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ..... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чу-

жимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. — Подожду, авось придуть въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности. Сдѣлай одолженіе, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечелъ, но увѣренъ, что тутъ много сумасшествія.

Прошу у тебя какъ милостыни, не прерывай со мною переписки, чтобъ я зналъ гдѣ ты, потому что легко станется, что я по многому странствію прямо къ тебѣ вернусь, и тѣмъ лучше, коли ты въ деревнѣ будешь. — Адресъ мой въ главную квартиру Г. Ермолова.

Отъ чего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Увидишь, что мнѣ тамъ не одобровать: надо мною носятся какіе-то тяжелые пары Кюхельбекеровой атмосферы, тѣ, которые его отовсюду выживали и присунули наконецъ къ печатному станку Греча и Булгарина. — Прощай, поцѣлуй Анну Иван. и ребенка и будущаго на-дняхъ, когда родится.

О Чатырдагъ и южномъ берегу послѣ, со временемъ. Прощай, мой безцѣнный Степанъ.

Володя пишетъ ко мнѣ въ Кіевъ о полемической выходкѣ за мою честь, въ Телеграфѣ, но мнѣ никогда этого не случилось видѣть. — Ты вѣроятно читалъ; какъ находишь? Да получилъ ли ты мое письмо еще изъ Петербурга о твоей тогдашней статьѣ въ мою же защиту, и какъ ты принялъ мое мнѣніе? Правъ ли я былъ? Не слышалъ ли чего-нибудь о Шатиловѣ и Алябьевѣ? Чѣмъ кончилось ихъ дѣло? Пожалуйста, въ первомъ письмѣ ко мнѣ поболтай о чемъ-нибудь, а то скупъ сталъ на слова.

Давыдова памфлета я не получилъ, и нѣтъ его на почтѣ. Ты жалуешься на журналы; стало быть я счастливъ, что съ мая мѣсяца ихъ въ глаза не видалъ.

Александръ Одоевскій будетъ въ Москвѣ; поручаю его твоему дружескому расположенію, какъ самого себя. — Помнишь ли ты меня, каковъ я былъ до отъѣзда въ Персію, таковъ онъ совершенно, — плюсъ множество прекрасныхъ качествъ, которыхъ я никогда не имѣлъ.

Коли зимою ворочусь въ Москву, и ты тамъ будешь, такъ заберусь къ Дмитрію въ Яшкино.

41. Ему же.

Оеодосія, 12 сентября 1825 года.

Третьяго дня я вырвался наконецъ изъ дряннаго городишка, гдѣ однако всякое со мною случалось — и веселое, и грустное. А Брестъ!! Литовскій! вѣроятно нѣтъ хуже мѣстечка на взглядъ, но и тамъ пожилося. Въ нѣсколько часовъ я прокатился по

солнышку до Карасубазара и еще станцію далѣе; справа чернѣли верхи Айлы и Чатырдага, потомъ передовые холмы ихъ заслонили въ виду продолговатый Агермышъ. Мы спустились въ какую-то бесплодную ложбину, и долго тутъ ѣхали; наконецъ, повернули круто отъ селенія Эльбузы въ горныя дикія мѣста, гдѣ дорога просѣчена разными извивами. Густые лѣса, кручи, скалы, хаосъ ужасный, все смѣшано въ этомъ искривленномъ направленіи. (Наконецъ) спустились подъ вечеръ въ роскошную Судацкую долину. Я не видалъ подобной, и она считается первою въ полуостровѣ по изытку виноградниковъ,—сады отъ Таракташа до моря на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, веселые домики помѣщиковъ, странные верхи утесовъ, и къ западу удивительныя развалины Генуэзскаго замка. Я ночевалъ у барона Воде (публициста изъ «Духа Журналовъ» etc., etc.).

На другой день (вчера) рано побрелъ къ мысу, на которомъ разметаны Сольдайскія руины. Я былъ одинъ. Александра отправилъ по колясочной дорогѣ въ Кафу. Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ, не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глуныя, ежедневныя толки спутниковъ часто не давали мнѣ забытья, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно. Не такъ въ Сольдаѣ. Мирно и почтительно взошелъ я на пустырь, обнесенный стѣнами и обломками башенъ, цѣплялся по утесу, нависшему круто въ море, и бережно взобрался до самой вершины, и тамъ башни и сводъ уцѣлѣли. Съ Чатырдага видъ пространнѣе, но нѣтъ признака, чтобы тамъ люди живали, усѣлъ городъ, чтобы стекались въ него купцы и странники изъ всѣхъ частей свѣта, чтобы наконецъ онъ взятъ былъ на щитъ разсвирѣпѣвшимъ непріателемъ, и груды камней однѣ-бы свидѣтельствовали о прежней величавой его жизни. Здѣсь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебиралъ мысленно многое, что слыхалъ и видѣлъ, потомъ вообразилъ себя на одной изъ ростральныхъ колоннъ Петербургской биржи. Оттуда я наканунѣ моего отъѣзда любовался разноцвѣтностью кровель, позолотою главъ церковныхъ, красотою Невы, множествомъ кораблей и мачтъ ихъ. И туда взойдетъ нѣкогда странникъ (когда одинъ столбъ можетъ быть пережить разрушеніе дворцовъ и соборовъ) и посѣтуетъ о прежнемъ блескѣ нашей сѣверной столицы (нашихъ купцовъ, нашихъ Царей и ихъ прислужниковъ).—Когда я сошелъ сверху къ берегу, лошади были приведены съ почты, и я поскакалъ. Скучныя мѣста, безъ зелени, безъ населенія, солонецъ, истресканный палачимъ солн-

цель, мѣстами полынъ растетъ, такъ обр. до Козькой долины, гдѣ природа щедрѣе и разнообразнѣе. То глубокіе спуски въ лѣсную чащу, дубы (осокори), дикія груши, дикій виноградъ, потомъ крутые подъемы, и съ высоты видѣется море, котораго синяя влага въ ведреную пору всегда для глазъ пріятна; мѣстами торчали обрушенныя, ветхія стѣны Итальянцевъ, Грековъ или Готюевъ, смотря по тому, кто какія книги читаетъ и которымъ вѣрить. Самая миловидная полоса этой части Крыма по мнѣ *Оттузы*.— Сюда я прискакалъ поздно ночью, при лунномъ сіяніи.

Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Феодосіи, едва извѣстное изъ описаній древнихъ географовъ, и поглотило наименованіе Кафы, которая громка во столькихъ лѣтописяхъ Европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсю Турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами — духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что-жь? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ Русское племя, какъ имъ поступать съ бранными остатками нашего бытія.

А мнѣ между тѣмъ такъ скучно! такъ грустно! думалъ помочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя, вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. — Пора умереть! Не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучить, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ; пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота. Представь себѣ, что со мною повторилась та ипохондрія, которая выгнала меня изъ Грузіи, но теперь въ такой усиленной степени, какъ еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу объ этомъ: онъ меня страстно любить, и лучше моего будетъ несчастливъ, коли узнаетъ. Ты, мой безцѣнный Степанъ, любишь меня тоже, какъ только братъ можетъ любить брата, но ты меня старѣе, опытнѣе и умнѣе; сдѣлай одолженіе подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

42. А. А. Бестужеву.

Екатериноградская станица. Ноября 22-го 1825 г.

Повѣришь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получилъ письмо твое? А доказательствомъ, что я боюсь остаться въ

долгу, пусть будетъ тебѣ поспѣшность, съ которой отвѣчаю. Ны-
нѣшній день у насъ, линейскихъ, богатъ происшествіями,—сюда
прибылъ Алексѣй Петровичъ; кругомъ меня свисты, висты, бредни,
и проч. Не самая благоприятная пора, чтобы собраться съ мы-
слями, но откладывать до завтра не хочу,—кто знаетъ, гдѣ мы
завтра будемъ, и скоро ли наживешь здѣсь хоть сутки спокой-
ствія? Досугу не имѣю ни на секунду, окруженъ шумнымъ сон-
мищемъ, даже сплю не одинъ, — въ моей комнатѣ находится
Мазаровичъ, съ латинскимъ молитвенникомъ и дипломатиче-
скими замыслами; одно спасеніе—это изъ постели на лошадь
и въ поле. Кавказская цѣпь ни откудова, отъ Тамани до Кас-
пійскаго моря, не представляется такъ, какъ здѣсь; не свожу
глазъ съ нея; при ясной, солнечной погодѣ туда, за свѣжныя
вершины, въ глубь этихъ ущелій погружаюсь воображеніемъ и
выхожу изъ забвенія, покуда облака или мракъ вечерній не
скроютъ совершенно чудснаго, единственнаго вида; тогда только
возвращаюсь домой къ друзьямъ и скоморохамъ. Климатъ не-
обыкновенный. На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по край-
ней мѣрѣ, самому очень нравилось, обстоятельства прервали,
остылъ, но при первой благоприятной перемянѣ снова завьюсь
въ эвиръ. Что ты пишешь? скажи мнѣ; одно знаю, что оргіи
Юсупова срисовалъ мастерскою кистью, сдѣлай одоженіе, внеси
въ повѣсть, [нарочно составь для нихъ какую-нибудь рамку.
Я это еще не разъ перечитаю себѣ и другимъ порядочнымъ
людямъ въ утѣшеніе. Этакій старый придворный п.....!.. Ор-
жицкій передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспо-
мнили о тебѣ и о Рытѣевѣ, котораго обними за меня искренно,
по-республикански. Зовутъ меня. Прощай. Не пеняй, что мало,
не пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня въ вихряхъ
ужасныхъ.

Р. С. Любезнѣйшій Александръ, не полѣнись, напиши мнѣ
еще разъ, и побольше, что въ голову взойдетъ; не повѣришь,
какимъ веселымъ расположеніемъ духа я тебѣ нынче обязанъ,
а со мною это рѣдко случается. Поклонись Булгарину. Ни Пчелы,
ни Сѣвернаго Архива, ни Сына Отечества не могу достать, —
какіе мы здѣсь безграмотные! Мой адресъ: Начальнику Кавказа,
корпуснаго штаба ген.-маіору Вельяминову; не забудь, а то
письмо твое опять прокочуетъ мѣсяцевъ шесть.

Адресъ: въ С.-Петербургъ, Его Высокоблагородію М. Г. Александру
Александровичу Бестужеву. У Синяго моста, въ домѣ Американской
компаніи.

43. В. К. Кюхельбекеру.

Станица Екатериноградская, 27-го ноября 1825 г.

Душа моя, Вильгельмъ. Сѣбѣшю увѣдомить тебя о моемъ житиѣ, покуда не народился новый мѣсяцъ, а съ нимъ и новыя приключенія: еще нѣсколько дней и, кажется, пушусь съ Алексѣемъ Петровичемъ въ Чечню; если тамъ скоро утишатся военныя смуты, перейдемъ въ Дагестанъ, а потомъ возвращусь къ вамъ на Сѣверъ. Здѣсь многіе, или лучше сказать, всѣ о тебѣ вспоминаютъ: Вельяминовъ, съ которымъ я до сихъ поръ слонялся по верхней Кабардѣ, Коцебу 2-й, Цебриковъ, Талызинъ, Устиновичъ, Павловъ etc., etc., и даже старикъ нашъ, несмотря на прежнюю вашу ссору, разспрашивалъ о тебѣ съ большимъ участіемъ. Аттестатъ вышлется къ тебѣ на-дняхъ. Мазаровичъ непремѣнно бы наградилъ тебя длинною эпитемьею, да, по счастью, надумывается для важныхъ депешъ къ Несельроду и Комп.; мы живемъ въ одной комнатѣ, я у него подъ носомъ то курю, то стрѣляю; впрочемъ, скоро разстанемся,—я въ горы, а онъ черезъ, обратно въ Тифлисъ. Ты былъ въ родахъ въ тотъ разъ, какъ приписалъ мнѣ строчки двѣ въ письмѣ Одоевскаго, что-же произвелъ? Пришли прочесть, — дай мнѣ быть воспріемникомъ, несмотря, что мы въ разлукѣ.

Меня слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе; теперь о томъ и помышлять нечего,—развлеченіе безпрестанное. Бѣгичевъ въ послѣднемъ письмѣ утѣшаетъ меня закономъ упругости, что пружина, на время сжатая, воль скоро исчезнетъ препятствіе, съ большимъ порывомъ отпрянетъ и на свободѣ сильнѣе будетъ дѣйствовать; а я полагаю, что у меня дарованіе въ родѣ мельничнаго колеса, и коли дать ему волю, такъ оно вздоръ замелетъ; право, милый мой Вильгельмъ, не знаю, съ кѣмъ я умомъ подѣлился, но на мою долю осталось немного. Помогите тебѣ Богъ, будь меня достойнѣе во мнѣннн друзей и недруговъ. Кстати о достоинствѣ: какой нашъ старикъ чудесный, не взирая на всѣ о немъ кривыя толки; вотъ уже нѣсколько дней, какъ я пристаю къ нему въ родѣ тѣни, но ты не повѣришь, какъ онъ занимателенъ, сколько свѣжихъ мыслей, глубокаго познанія людей всякаго разбора, остроты разсыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патріотъ, высокая душа, замыслы и способности точно государственныя, истинно русская, мудрая голова. По договоренной отлучкѣ я ему еще лучше узналъ цѣну. Это не помѣшаетъ мнѣ когда-нибудь съ нимъ разсориться, но уваженія моего онъ ни въ какомъ случаѣ утратить не можетъ.

Дѣла здѣшнія были довольно плохи, и теперь горизонтъ едва

проясняется. Кабарду Вельяминовъ усмирить, однимъ ударомъ сваливъ двухъ столповъ вольнаго, благороднаго народа. Надолго ли это подбѣтуетъ? Но вотъ какъ происходило. Кучукъ Джанхотовъ въ здѣшнемъ феодализмѣ самый значительный владѣлецъ; отъ Чечни до Абазеховъ никто не коснется ни табуновъ его, ни подвластныхъ ему ясырей, и нами поддержанъ, самъ тоже считается изъ преданныхъ русскимъ. Сынъ его, любимецъ Алексѣя Петровича, былъ при посольствѣ въ Персіи, но, не раздѣляя любви отца къ Россіи, въ послѣднемъ вторженіи закубанцевъ былъ на ихъ сторонѣ, и вообще храбрѣйшій изъ всѣхъ молодыхъ князей, первый стрѣлокъ и наѣздникъ и на все готовый, лишь бы кабардинскія дѣвушки воспѣвали его подвиги по ауламъ. Велѣно его схватить и арестовать. Онъ самъ явился по приглашенію въ Нальчикскую крѣпость, въ сопровожденіи отца и другихъ князей. Имя его Джамбулатъ, въ сокращеніи по-черкески Джамботъ. Я стоялъ у окна, когда они въѣзжали въ крѣпость; старикъ Кучукъ, обвитый чалмою въ знакъ того, что посѣтилъ святые мѣста, Мекку и Медину, другіе, не столько знатные, владѣльцы ѣхали поодаль, впереди уздени и рабы пѣшіе; Джамботъ въ великолѣпномъ уборствѣ, цвѣтной тишлой сверхъ панциря, кинжалъ, шашка, богатое сѣдло и за плечами лукъ съ колчаномъ. Спѣшилися, вошли въ приемную. Тутъ объявлена имъ воля главнокомандующаго. Здѣсь арестъ не то, что у насъ, не скоро дастъ себя лишить оружія человѣкъ, который въ немъ всю честь полагаетъ. Джамботъ рѣшительно отказался повиноваться. Отецъ убѣждалъ его не губить себя и всѣхъ, но онъ былъ непреклоненъ; начались переговоры; старикъ и нѣкоторые съ нимъ пришли къ Вельяминову съ просьбою не употреблять насилія противъ несчастнаго смѣльчака, но уступить въ семь случаевъ было бы несогласно съ пользою правительства. Солдатамъ велѣно окружить ту комнату, гдѣ засѣлъ ослушникъ; съ нимъ былъ другъ его Канамать....., при малѣйшемъ покушеніи къ побѣгу отданъ былъ приказъ, чтобы стрѣлять. Я, зная это, заслонилъ собою окно, въ которое старикъ отецъ могъ бы все видѣть, что происходило въ другомъ домѣ, гдѣ былъ сынъ его. Вдругъ раздался выстрѣлъ. Кучукъ вздрогнулъ и поднялъ глаза къ небу. Я оглянулся. Выстрѣлилъ Джамботъ изъ окна, которое вышибъ ногою, потомъ высунулъ руку съ кинжаломъ, чтобы отклонить окружающихъ, выставилъ голову и грудь, но въ ту же минуту ружейный выстрѣлъ и штыкъ прямо въ шею повергли его на землю, вслѣдъ за этимъ еще нѣсколько пуль не дали ему долго бороться со смертію. Товарищъ его прыгнулъ за нимъ, посреди двора также былъ встрѣченъ въ упоръ нѣсколькими выстрѣлами,

паль на колѣна, но они были раздроблены, оперся на лѣвую руку и правую успѣлъ еще взвести курокъ пистолета, даль промахъ, и тутъ же лишился жизни.

Прощай, мой другъ; мнѣ такъ мѣшали, что не дали порядочно досказать этой кровавой сцены; вотъ уже мѣсяць, какъ она происходила, но у меня изъ головы не выходитъ. Мнѣ было жаль не тѣхъ, которые такъ славно пали, но старца-отца. Впрочемъ, онъ остался неподвиженъ, и до сихъ поръ не видно, чтобы смерть сына на него сильнѣе подѣйствовала, чѣмъ на меня. Прощай еще разъ. Кланяйся Гречу и Булгарину.

44. С. Н. Бѣгичеву.

Станица Еваториноградская, 7-го декабря 1825 г.

На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклонаетъ меня ко мрачности, скукъ, и теперь я тотъ-же, что въ Феодосіи: не знаю чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего,—согласись, что это положеніе незавидно. — Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь ихъ наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? Чтобы дальше не ювничать, пускаюсь въ Чечню: А. П. не хотѣлъ, но я самъ ему навязался. — Теперь это меня нѣсколько занимаетъ, — борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеньемъ, дѣйствіе конгревовъ; будемъ вѣшать и прощать и плюемъ на Исторію. Насчетъ А. П. объявляю тебѣ, что онъ умнѣе и своеобразнѣе, чѣмъ когда либо. Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйти некуда, всѣ стѣнены въ одной комнатѣ; но потомъ за ужиномъ и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно приятенъ. Нынче, съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе дивлюсь его сложенію тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ глупцами и не глупѣетъ. Нужна оговорка: Вельяминовъ, его начальникъ штаба, чрезвычайно неглупый человѣкъ, твердыхъ правилъ, прекраснѣйшихъ свѣдѣній etc. Но онъ не былъ при немъ все время, что я находился въ Россіи, почти 3 года. Съ этимъ я въ нынѣшній пріѣздъ въ короткое время сблизился болѣе, чѣмъ прежде. Глазъ на глазъ, судьба завела меня съ нимъ на Малку, и оттуда къ

разнымъ укрѣпленіямъ новой линіи; все вмѣстѣ, и все одни; я этому случаю благодаренъ за прекраснѣйшее открытіе достойнаго человѣка. Что говорить о немъ Якубовичъ? Коли ругаетъ, такъ вретъ. Вообще многое, что ты слышалъ отъ меня прежде, я нынче перевѣрилъ, во многомъ я самъ ошибался. Напр. насчетъ Давыдова, мнѣ казалось, что Е. не довольно настаивалъ объ его опредѣленіи сюда въ дивизіонные. Теперь имѣю неоспоримыя доказательства, что онъ нѣсколько разъ настоятельно этого требовалъ, получалъ одни и тѣ-же отказы. Зная и Давыдова и здѣшнія дѣла, нахожу, что это немаловажный промахъ Правительства. Сталъ быль безкорыстенъ, а кромѣ того..... Лисаневичъ храбрѣйшій человѣкъ, но опрометчивъ, умеръ геройски, жилъ безъ толку. Горчаковъ....., Шульгинъ и не болѣе. Здѣсь нуженъ военный человѣкъ, рѣшительный и умный, не только исполнитель чужихъ предначертаній,—самъ творецъ своего поведенія, недремлющій наблюдатель всего, что угрожаетъ порядку и спокойствію отъ Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначенія. Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого А. П., который притомъ не можетъ быть самъ повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба отгѣнила характеръ нашего пріятели, привязала бы къ нему Кабардинцевъ. Я теперь лично знаю многихъ князей и узденей. Двухъ при мнѣ застрѣлили, другихъ заключили въ колодки, загнали сквозь строй; на одного я третьяго дня набрелъ за рѣкою,—виситъ, и вѣтеръ его медленно качаетъ. Но дѣйствовать страхомъ и щедротами можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей. Посмотримъ, чѣмъ кончится походъ противъ Чеченцевъ; ихъ взволновалъ не столько Имамъ, пророкъ недавно вдохновенный, какъ покойный Грековъ, способный человѣкъ, но..... Войска точно мало, но хорошихъ начальниковъ вовсе нѣтъ. Съ успѣхами въ Чечнѣ сопряжена тишина здѣсь между Кабардинцевъ, и Закубанцы не посмѣютъ такъ часто вторгаться въ наши границы, какъ прошлою осенью. Имя Е. еще ужасаетъ; дай Богъ, чтобы это очарованіе не разрушилось. Въ Чечню! въ Чечню! Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дебряхъ и ущельяхъ отыскать непріятели; отыскавши, истребить его ничего не значить.

Прощай, я завлекся тѣмъ, что передъ глазами; все это нескладно, но ты добавишь собственнымъ размышленіемъ. Цѣлуй Анну Ивановну и Дмитрія. Мнѣ бы хотѣлось изъ похода, т. е., мѣсяца черезъ два прямо къ вамъ воротиться, а впрочемъ что Богъ на душу положитъ. Пиши въ главную квартиру на имя А. П.

45. А. А. Жандру.

Станція Екатеринбургская, 18 декабря 1825 г.

Андрей, любезнѣйшій, я только нынче получилъ почту твою отъ 19-го окт., а когда моя пойдетъ, и черезъ него доставить въ Георгіевскъ, не знаю, но досугъ есть, и пишу. Философія твоя чуть было меня не прослезилась, милый! Оглянись, съ тобою умнѣйшая, исполненная чувства и вѣрная сопутница въ этой жизни, и какъ разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя я, я и я, а нашъ Александръ Одоевскій?—И когда мы не вмѣстѣ, есть о комъ думать. Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuie pas mon soeur, въ томъ и счастье, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у насъ только и назначенія было, чтобы тебѣ ко мнѣ писать, а мнѣ любоваться твоею эпистолюю, такъ есть за что благодарить Бога. Какъ ты рѣшила? Все равно, а я нынче весь день былъ занятъ твоими портретами. Вижу, что правда, и огорчительная насчетъ Кат. и Кандида. Смерть Государа причиною, что мы здѣсь запризнали, и ни съ мѣста. Мнѣ уже тошно становится, никакого толку. Мазаровичъ съ утра моритъ меня изломаннымъ французскимъ языкомъ.

Снѣгъ Петербургскій, солнца давно нѣтъ, скучно въ полѣ, дома еще скучнѣе, не даютъ призадуматься; все это въ родѣ Арабесковъ, какъ объ нихъ говоритъ Алексѣй Петровичъ, что у человѣка изъ .....цы дубъ растетъ, съ котораго онъ зубами жеуды хватаетъ. Гаупо.

Для развлечения бываю по вечерамъ въ Азіатской дружеской бесѣдѣ Мирза-Джана, а у него швецъ Алаіеръ мурлычитъ татарскія эклоги; коли походъ въ Чечню не состоится, то я долѣе не выдержу; какъ ни люблю А. П., но по совѣсти сказать,—на что я ему надобенъ? Вотъ вамъ, напр., я точно необходимъ, теперь самъ вижу, испыталъ что такое разлука, таять обратно, увѣренъ, что встрѣтить меня съ тою же горячностью, съ которою провожали, а быть кому-нибудь въ утѣшеніе куда пріятно!

Сдѣлай милость, объяви мнѣ искренно, или вы лучше скажите мнѣ, милый другъ Варвара Семеновна, отъ чего нашъ Александръ такъ страстно отзывается мнѣ о В. Н. Т.....

Ночью сидитъ у ней, и отсюда ко мнѣ пишетъ, когда уже всѣ дѣти спать улеглись: не давайте ему сильно увлекаться этому дружбѣ, я по себѣ знаю, какъ оно бываетъ опасно. Но можетъ быть я гадкии мои сомнѣніями оскорблю и ее, и Александра. Виновать, мнѣ простибельно въ другихъ предполагать нѣсколько той слабости, которая испортила мнѣ близкии. Точно это задоръ, она его гораздо старѣе, ни съ чѣмъ несообразно, и

вы утаите эту статью от нашего друга; кстати онъ теперь въ Москвѣ, по возвращеніи ради Бога ему не показывайте. Не хочу отъ васъ скрывать моихъ пятенъ чтобы однимъ махомъ уничтожить всю эту подлость. Прощайте, милыя мои безцѣнные существа. Какое у васъ движеніе въ Петербургѣ!!—А здѣсь... Подождемъ. Варвара Семеновна, понуждайте нашего лѣнивца чтобы не отставать отъ Одоевского, я передъ вами на колѣна становлюсь. Пишите къ дальнему другу и родственнику (вашего избранья). Сто разъ благодарю васъ, что нянчите Вильгельма; чуръ не заглядываться, тотчасъ треснется головою объ полъ. На дняхъ прибылъ сюда фельдшеръ Якунинъ и привезъ мнѣ письмо изъ Театральной школы; стало быть, какъ я ни далеко отъ нея, а все ближе васъ, вы вѣрно съ нею не бываете въ такихъ короткихъ сношеніяхъ. Шаховской таки сосватать сестру за полицейскаго Юпитера, чортъ съ ними со всѣми. Скажите мнѣ два слова объ Аристофанѣ, Фонтанѣ, Колосовой, Каратыгиной, Григорьевѣ. Правда я было позабылъ, что не тѣ времена.

Отъ ужаса вся стынетъ кровь,
Лишь плачетъ тихая любовь.

На чей счетъ Булгаринъ нынче ветошничаетъ, съ кѣмъ въ войнѣ? Прощай, братъ Андрей, когда-нибудь напишу тебѣ умнѣе, а ты все-таки отвѣчай. Коли вы Вариньки не согнали, такъ подѣлуй ее отъ меня; между тѣмъ мой Сашка почтительно вамъ кланяется.

Продолженіе впредь—твоя ли рука ¹⁾.

46. О. В. Булгарину.

(17-го февраля 1826).

Съ дозволенія инквизиціи.

Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ-нибудь и журналовъ, и нѣтъ ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда?» Меня здѣсь заперли, и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го фев. Das Papier in's Feuer.

Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ.

(На оборотѣ:) М. Г. Николаю Ивановичу Гречу или Ѳадею Венедиктовичу Булгарину въ собственныя руки.

¹⁾ Подражаніе рукъ А. А. Жандра.

47. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а ты я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе, не пугайся. Бояться людей значитъ баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть.

(На оборотѣ:) Издателю Сѣверной Пчелы.

48. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Атласъ къ Анахарсису. Вчера я говорилъ Жуковскому, что ты у него былъ; онъ у меня спрашивалъ, видѣлъ-ли ты меня? Нѣтъ. Коли захочешь, онъ доставитъ тебѣ случай у меня побывать.

49. Ему же.

(Безъ даты, 1826).

Благодарю тебя за четвероногіе «Апологи»; на-дняхъ дочитываю «Degerando»; коли еще нѣтъ продолженія, то достань мнѣ старое изданіе, которое мнѣ 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ профессоръ Буле; оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на мѣсто его «Шубертовы календарики». Кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и, вѣроятно, буду отправленъ съ фельдгегеремъ; въ такомъ случаѣ, я матушкѣ дамъ знать о деньгахъ, которыми ты меня одолжилъ.

50. Ему же.

(1826).

Дай, братъ, пожалуйста длинныхъ академическихъ газетъ, да еще какихъ-нибудь журналовъ, я тотчасъ пришлю назадъ. Вѣрный твой другъ.

51. Ему же.

(1826).

Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человекъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ об-

хождение со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совѣмъ не то, которое имѣють съ подсудимыми. Базалось, все кончено. Свѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ Вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Расскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусь, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale. *)

52. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Сдѣлай одолженіе, достань у Греца или у кого-нибудь атласъ «къ Анахарсису», или какую-нибудь карту Греціи, да новыхъ журналовъ пришли. О правосудіе!!

53. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Любезный другъ, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфѣ», не можешь-ли его спросить, какъ онъ ухитрился произнести грозный судъ о ходѣ Катенинской трагедіи по одному только дѣйствию, которое напечатано въ «Талии»? Это или что-нибудь подобное пожалуйста скажи печатно. Коли я напишу, то никого не увѣришь, чтобы тутъ не примѣшалось дружеское пристрастіе; я думаю, лучше, коли-бы ты самъ ветунился.

Прощай, будь здоровъ. Вѣрный твой А. Г.

*) Отвѣтное письмо Ө. В. Булгарина А. С. Грибоѣдову.

(Безъ даты).

Любезный другъ! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невиненъ, следовательно будешь освобожденъ въ самомъ скорѣйшемъ времени, и одна только печальная церемонія могла удержать теченіе дѣлъ. Почтеннѣйшій Михайла Петровичъ расскажетъ тебѣ, что твое освобожденіе — вещь вѣрная. Цѣлый городъ знаетъ, съ какою радостью Государь освобождаетъ невинныхъ; за что-жъ тебя, ангела, стали-бы держать? Пожалуйста успокойся! Умъ и твердость познаются въ противностяхъ судьбы. Ты подвергся только кроткому опыту. Перенеси съ твердостью, и вѣрь, что я въ сердцѣ болѣе мучусь твоею мукою, нежели ты своимъ заключеніемъ. Теперь я успокоился, и ты успокойся. Познай руку Провидѣнія, которое спасло тебя отъ клеветы. Надѣюсь вскорѣ при.....

(На этихъ словахъ письмо разорвано, а на оборотѣ рукою Грибоѣдова написана слѣдующая записка).

54. Ему же.

19-го марта (1826 г.).

Любезный другъ. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нѣтъ, то извѣсти о моемъ голодномъ положеніи Ж** или Петр. Никол. Ч*. Въ случаѣ, что меня отправятъ куда-нибудь подальше, я чрезъ подателя этой же записки передамъ тебѣ мой алмаментый крестъ, а ты его по боку. Прощай.

55. Ему же.

(Мартъ 1826).

Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду»—Боброва, да ежели нельзя имѣть на поддержаніе, то купи мнѣ le Calcul différentiel de Francœur по-французски или по-русски.

(На другой половинѣ этой же записки):

19-го марта получилъ я въ займы отъ Ѳадея Венедиктовича Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ.

56. Ему же.

(1826).

Христось Воскресе, любезный другъ. Жуковскій просилъ меня достать ему точно такое же народное изданіе Крылова, какъ то, которое ты мнѣ прислалъ. Купи у Слѣнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre. Да пришли, братъ, газетъ. Другъ мой, когда мы свидимся!!

НВ. Крылова онъ нынче же долженъ подарить въ именины какой-то ему любезной дамочкѣ.

57. Ему же.

(Іюль 1826).

Любезный другъ, пересмотри все, что я отмѣтилъ на память, потому что у меня никакой нѣтъ книги о Персіи. Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ вдвойнѣ работу? Я сначала не примѣтилъ, что это одно и то же, и писалъ на черномъ спискѣ, потомъ тоже принужденъ былъ перенести въ бѣлую тетрадь!

НВ. При имени Александра Гривсъ, въ Бомбеѣ, нельзя-ли приложить слѣдующее замѣчаніе:

Семейство Гривсъ, дѣти покойнаго Петербургскаго медика, получило наслѣдство послѣ дяди въ Бомбеѣ, съ условіемъ въ немъ поселиться. Тамъ дѣвицы Гривсъ славятся своею красотою и привязанностью къ Россіи, и вообще извѣстны подъ названіемъ гордыхъ Петербургскихъ красавицъ. Многіе знаменитые искатели

домогались ихъ руки, но не были приняты даже въ число ихъ знакомыхъ; между тѣмъ какъ всякій Русскій, или хоть мелькомъ побывавшій въ Россіи находить въ ихъ домѣ самый ласковый и родственный приемъ. Здѣсь новый этому опытъ.

Неужели ты не замѣтишь, что Цикулинъ вретъ объ англійскомъ наказаніи кошками?!

58. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Очень хорошъ и заботливъ ты, Калибанъ Венедиктовичъ! Присылаешь ко мнѣ Муханова, а не могъ мнѣ дать знать объ отпращиваніи въ ночь фельдъегеря; такимъ образомъ, заготовленные мои письма остались въ столѣ и будутъ лежать по твоей милости. Гдѣ ты вчера, моя душа, набрался необыкновеннаго вдохновенія? Эй, берегись. Галича получилъ; насчетъ шейнаго платка успокой Семена, которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

59. Ему же.

(Безъ даты 1826).

Любезный Булгаринъ, какъ тебя Богъ бережетъ? О Гречѣ я слышалъ неприятность, будто его снова-здорово преслѣдуютъ за Госнера; я, между тѣмъ, странствую по берегу морскому и переносюсь то на верхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума; на-дняхъ ворочусь, и прямо въ твою пустыньку. «Bergeron» не нашелся у Майера; Шмидта я прочелъ, и лучше бы не читалъ: безконечное преніе объ уродахъ Уйгурахъ, Турки-ли они, или Тангутцы? Тибетинцы? Столько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говорилъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, и пропалъ, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Временикъ» и «Абуль-Газа», да коли нѣтъ «Бержерона», такъ по-русски «План-Карпина»; вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть. Прощай, поминай добромъ. Греча очень, очень жалю, но увѣренъ что все нападки на него пустыя. Вѣрный твой...

(На оборотѣ): М. Г. Оадею Венедиктовичу Булгарину.

60. С. Н. Вѣгичеву.

9 декабря 1826 г.

Милый другъ мой! Плохое мое житье здѣсь. — На войну не попалъ, потому что и А. П. туда не попалъ. А теперь другаго

рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летять. Съ А. П. у меня роль прохлажденія прежней дружбы. Денисъ Васильевичъ этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человекъ прошедшаго вѣка. Несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ. Вообще война съ персіянами самая несчастная, медленная и безвыходная. Погодимъ и посмотримъ.

Я на досугъ кое-что пишу. Жаль, что не въ силахъ распространиться тебѣ о себѣ и о моихъ созданіяхъ. — Сейчасъ изъ обѣда, а завтра Давыдовъ возвращается. — Я принялъ твой совѣтъ; пересталъ умничать;... со всѣми выдаюсь, слушаю всякій вздоръ, и нахожу, что это очень хорошо. Какъ-нибудь дотяну до смерти, а тамъ увидимъ, больше ли толку, Тифлискаго или Петербургскаго. Тебя не браню за упорное молчаніе, угадываю причины; однако, коли въ Москвѣ будешь, схвати удобный случай, и напиши. Мазаровичева получила нѣжные представленія отъ своей сестры Зыбиной или Зубковой въ пользу Дурнова, и намѣрена передать ихъ моимъ. Что объ этомъ знаешь? Конечно, или вновь завязалось?

Буду-ли я когда-нибудь независимымъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ, и можетъ стать наперекоръ судьбы. Поэзія!! Люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна-ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира... Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ. Холодъ до костей проникаетъ, равнодушіе къ людямъ съ дарованіемъ; но всѣхъ равнодушнѣе наши Сардары; я думаю даже, что они ихъ ненавидятъ. *Voyons se qui en sera.* Если ты будешь имѣть случай достать что-нибудь новое, пришли мнѣ въ рукописи. Не знаешь-ли что-нибудь о судьбѣ Андромахи? напиши мнѣ. Я въ ней также ошибся.

Когда-нибудь, и можетъ быть скоро, свидимся.. Ты удивишься, когда узнаешь, какъ мелки люди. Вспомни нашъ разговоръ въ Екатерининскомъ. — Теперь выкинь себѣ это изъ головы. Читай Плутарха, и будь доволенъ тѣмъ, что было въ древности. Нынѣ эти характеры болѣе не повторятся. — Когда будешь въ Москвѣ, попроси Чаадаева и Каверина, чтобы прислали мнѣ трагедію Пушкина «Ворисъ Годуновъ».

Прощай, цѣлую Анну Ивановну и мою невесту. Тебя, мой милый, люблю съ каждымъ годомъ и мѣсяцемъ болѣе и болѣе. — Но что проку? Мы не вмѣстѣ. — [И жалѣть надобно меня]. Ты не одинъ.

Заставь Ермолова Петра Николаевича возвратитъ мнѣ мой манускриптъ *Горе отъ ума*. Дмитрія и Александру Васильевну обнимаю. Въ перепискѣ-ли ты съ Андреемъ? Онъ отъ меня ни строчки не имѣетъ. Невозможно.

61. Ө. В. Булгарину.

11-го декабря (1826 г.)

Сармать мой любезный. Помнишь-ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки.

Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно жили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась-ли твоя Lenchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl передай исправно. Гречу поклонись. Благодаримъ тебя за присланную Фуссову статью. «Одинъ день изъ жизни Суворова».

Твои прогулки и встрѣчи тоже здѣсь высоко ставятся; за 3,000 в. полагаютъ, что это истинная картина Петербургскихъ нравовъ. Продолжай, будь такъ же плодovitъ въ твоихъ произведеніяхъ, какъ ты милъ и добръ въ обществѣ хорошихъ пріятелей. Прощай, благослови тебя Богъ. Вѣрный твой.

P. S. Не искажай слишкомъ Персидскихъ именъ и нашихъ здѣшнихъ, какъ Шаликовъ въ Московскихъ газетахъ пишетъ Шаманда, вмѣсто Шамшадиль, etc. etc.

Отчего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 Русскихъ разбили 35,000 Персіянъ? Самое дерзкое то, что мы вѣзались и учредили наши батареи за 300 саженьей отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ

обхвачены съ обоихъ фланговъ, а самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія.

62. П. Н. Ахвердовой.

26 Janvier (1827).

Madame!

Je me sens une attaque de nerfs très-forte, après quelques deux heures de frisson. Ce n'est rien du tout, cela m'arrive très-souvent depuis un certain temps; mais je ne voudrais pas que vous me taxiez d'une coupable froideur à l'égard de la proposition qui m'a été faite par Хар. Яковл. en votre nom. Croyez que je ne cesse d'y songer. Je m'étais proposé en sortant de l'église de passer la journée avec vous, mais on m'apprit chez A. A. Weliaminow que vous vous trouviez à dîner chez le g. Krabe. Je m'étais pris à tâche de vous le dire ce soir au Club, mais un paroxisme intempestif est venu au moment que je l'attendais le moins. Cela me pèse. Veuillez excuser maintenant mon impertinence en considération d'un attachement et d'un respect sans bornes que vous porte, madame, votre très-dévoué serviteur.

A. Griboïédow.

Переводъ:

26 января (1827).

Милостивая государыня! У меня сильный нервный припадокъ послѣ почти двухчасоваго озноба. Это пустяки; съ нѣкотораго времени это со мною бываетъ очень часто; но мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы вы винили меня въ непростительномъ равнодушіи относительно предложенія, которое сдѣлалъ мнѣ отъ вашего имени Харитонъ Яковлевичъ. Повѣрьте, что я все время о немъ думаю. Я предполагалъ, выходя изъ церкви, провести день съ вами; но у А. А. Вельяминова мнѣ сообщили, что вы обѣдаете у генерала Краббе. Я хотѣлъ было нынче вечеромъ сообщить вамъ объ этомъ въ клубѣ; но со мной совершенно неожиданно и не кстати сдѣлался припадокъ. Это у меня на совѣсти. Простите, пожалуйста, мою докучливость во вниманіе къ той привязанности и безпредѣльному уваженію, которое къ вамъ питаетъ, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій слуга А. Грибоѣдовъ.

63. Ѡ. В. Булгарину.

16-го апрѣля 1827 г. Тифлисъ.

Любезный другъ Ѡадей Венедиктовичъ. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ свитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ край, наиболѣе воздѣланнаго, благоустроен-

наго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней-мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу.

Стихи Жанра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе — «къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена, и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. [Поощрай, припоощрай его. А я надѣюсь, что воротятся изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишутъ]. Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо и за присылку журналовъ.

Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не привезъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по-непріятельски: велѣлъ принести пистолеты, и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь съ верху до низу, и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.

Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пимень-старецъ, а юноша Григорій говорить, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ.

Не ожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіане, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь,—и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа чертвѣтъ, разсудокъ затмевается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.

Я рожденъ для другаго поприща.

Развѣдай у Петерса, моего портнаго, и Жанра попроси, что онъ пятый мѣсяць не шлетъ мнѣ платья, получивши деньги 600 р. отъ матушки. Скажи ему по-французски, что онъ свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» такъ съ натуры списана, что [прости, душа моя] невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кулашкой. Тѣфу, пропасть! какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо. Я нѣсколько разъ заставлялъ моего Але-

кеандра, когда онъ это читалъ вслухъ своимъ пріятелямъ. Многіе просятъ, чтобы ты непременно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.

Lenchen, meiner liebenswürdigen Freundin, und Tante meinen besten Gruss. Прощай; кланяйся друзьямъ, и помни о добромъ пріятелѣ, который тебя душевно любитъ. А. Г.

(На оборотѣ). Его Высокоблагородію Ѳадею Венедиктовичу Булгарину, издателью «Пчелы» и пр. Въ С.-Петербургѣ, въ типографію Н. И. Греча.

64. П. Н. Ахвердовой.

Нахичевань, 28 июня 1827 г.

передъ разсвѣтомъ.

Ma très-chère et très-estimable madame Akhwerdow. Me voici à passer une nuit blanche en attendant qu'on ait transcrit mes papiers d'office, après quoi je dois aller réveiller le général pour les faire signer. Cela n'est-il pas très-gai pour quelqu'un qui fait cas de son indépendance? Dites-moi, comment on devrait en finir avec toutes ces tracasseries? Par malheur on dirait que l'ennemi est payé pour nous faire le moins de mal possible. Jusqu'ici il ne s'est amusé qu'à harceler une seule fois l'arrière-garde d'Eristow. Quels généraux nous avons ici, grand Dieu! On dirait qu'ils ont été créés pour m'affermir de plus en plus dans le dégoût que je porte aux rangs et aux dignités. — Mourawiew a été reconnaître ce matin la forteresse d'Abbas-Abad. J'étais trop occupé pour me mettre à cheval; mais comme je suis le mieux logé de toute la compagnie et que de mes fenêtres il y a une extension de vue magnifique, je soulevais souvent la tête de dessus mes papiers pour braquer ma lunette d'approche vers l'endroit où se passait l'affaire. Je voyais la cavalerie ennemie qui galopait en tous sens et passait l'Araxe pour couper Mourawiew et ses deux cents cosaques. Il s'est très-bien tiré d'affaire; il n'y a eu aucun engagement sérieux, et il nous est revenu sain et sauf, sans avoir pu rien observer de ce qu'il avait voulu voir. Le général en chef a beaucoup d'estime et de confiance pour lui, mais quelque démon s'en mêle: ils ont souvent des brouilles très-sérieuses. L'un crie, l'autre boude, et moi je suis là pour faire le sot rôle de conciliateur, sans que personne m'en sache gré. Ceci entre nous. Voulez-vous bien me dire merci pour votre beau-fils? Cependant je ne vous garantis pas qu'ils ne se désunissent un jour pour la vie, et cela me rend quelquefois très-mélancolique. Ne lui en dites rien dans vos lettres, n'en parlez pas même à m-e Mourawiew. Le fait est que le général est quelquefois d'une humeur intraitable, et votre beau-fils n'a rien de liant dans son caractère.

Avez-vous reçu une réponse d'Hettier? La poste nous manque depuis quatre semaines; nous ne savons rien de ce qui se passe au-delà de notre horizon actuel. Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarrasse le moins, pas de lecture, pas de piano. Точно до смерти! Bonne nuit! Donnez un baiser bien tendre

de ma part à Dachinka, et un autre à la petite Sophie Orbeliani. Je m'endors, et pourtant il se passera bien une heure avant que j'aille me mettre au lit. Faites-moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez vous à Tiflis. Je vous en serai bien reconnaissant, et songez quelquefois à celui qui vous est si franchement dévoué, et cela depuis bien des années. Окна въ комнатѣ разбитыя, вѣтеръ ужасный, поминутно свѣчи задуваетъ, и я стою пишу въ какой-то стѣнной впадинѣ. Передайте отъ меня цѣлый акаѣистъ привѣтствій и поклоновъ Надеждѣ Аванасьевнѣ, Аннѣ Андреевнѣ, Софѣ Федоровнѣ, Марѣ Ивановнѣ, Катеринѣ Ак. и вѣсьмъ моимъ знакомымъ принцессамъ.

Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ вашъ усердный слуга.

А. Гривоводовъ.

Переводъ:

Дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна. Приходится проводить бессонную ночь, въ ожиданіи окончанія переписки служебныхъ бумагъ, послѣ чего надо идти будить генерала, чтобы онъ ихъ подписать. Не слишкомъ ли это интересно для человѣка, который дорожитъ своею свободою? Скажите мнѣ, какъ покончить со всей этой суетой? Къ несчастію, можно сказать, что непріятелю какъ будто платятъ за то, чтобы онъ какъ можно меньше насъ беспокоилъ. До сихъ поръ онъ только разъ позабавился подразнить аръегардъ Эрстова. Какіе у насъ тутъ генералы, Боже милостивый! Можно сказать, что они на то и созданы только, чтобы усилить отвращеніе, которое я питаю къ чинамъ и званіямъ. Муравьевъ сегодня утромъ былъ на рекогносцировкѣ крѣпости Аббасъ-Абадъ. Я былъ слишкомъ занятъ и не могъ лично ѣхать; но такъ какъ у меня изъ всей нашей компаніи лучшее помѣщеніе, а изъ моихъ оконъ открывается чудный, широкій видъ, то я часто отрывался отъ бумагъ, чтобы наводить зрительную трубу на мѣсто дѣйствія. Я видѣлъ, какъ непріятельская кавалерія галошировала по вѣсьмъ направленіямъ и переправлялась черезъ Араксъ, чтобы отрѣзать Муравьева и двѣ сотни казаковъ. Дѣло кончилось у него благополучно; серьезной стычки не было, и онъ возвратился къ намъ здоровъ и невредимъ, но не успѣлъ осмотрѣть то, что ему хотѣлось видѣть. Главнокомандующій очень его уважаетъ и питаетъ къ нему полное довѣріе, но кака-то дьявольщина мѣшается тутъ: между ними часто бывають серьезные размолвки. Одинъ кричитъ, другой дуется, а я исполняю глупѣйшую роль—примиряю ихъ; но ни тотъ, ни другой за это не благодарятъ меня. Это между нами. Поблагодарите же меня за вашего зятя. Однако я вамъ не поручусь, чтобы они въ одинъ прекрасный день не рассорились на смерть, и это иногда заставляетъ меня вѣсьма призадуматься. Не говорите объ этомъ ни слова въ письмахъ вашихъ къ Муравьеву, да не сообщайте и его женѣ. Дѣло въ томъ, что генералъ иногда бываетъ въ такомъ расположеніи духа, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а зять вашъ по характеру не изъ снисходительныхъ. Полученъ-ли вами отвѣтъ отъ Гетье? Вотъ уже четыре недѣли, какъ почта не приходитъ, и мы ничего не знаемъ, что дѣлается внѣ нашего настоящаго горизонта. Жары удушливныя, по 47° по Реомюру. Худая пища [это мнѣ ни по чѣмъ], нѣтъ ни чтенія, ни фортепьяно. Тошно до смерти. Спокойной ночи. Подѣлуйте нѣжно Дашиньку и маленькую Сою Орбеліани. Я совѣсьмъ сплю, и однако развѣ черезъ часъ придется лечь въ постель. Дружески черкните мнѣ стра-

ничку-другую о тифлискихъ дѣлахъ, за это буду вамъ очень благодаренъ. И подумайте иногда о человѣкѣ, который такъ искренно и уже столько лѣтъ вамъ преданъ. (Далше въ подлинникѣ по-русски).

65. Ей же.

Au quartier-général, sous les murs
d'Abbas-Abad, 3 Juillet 1827.

Veillez remarquer, ma très-chère et très-digne m-me Akhwerdow, que j'ai mes époques pour faire une lettre après l'autre, tout comme pour mes visites, quand je suis sur place. Voici pour vous № 2. Je vous écris en plein air, sous le beau ciel de la Perse; il fait un vent d'enfer, une poussière énorme, et qui plus est, le jour tombe, et on voit à demi; mais je ne veux pas me refuser le plaisir de vous adresser quelques lignes.

L'autre jour quand je vous fermais mon pli, il était 3½ du matin. Là-dessus je fis seller mon cheval et je partis vers Abbas-Abad, sous les murs duquel on avait envoyé 50 cosaques pour harceler la garnison ou plutôt les cavaliers qui se trouvaient dans la forteresse, et les attirer contre une embuscade où était placé un gros de notre cavalerie. Je me joignis à notre petite troupe. Toute la manoeuvre a été manquée, faute de complaisance de la part de l'ennemi, qui n'a pas voulu se laisser duper. Quelques amateurs vinrent pirouetter autour de nous, mais trop loin de l'endroit où on leur en voulait. Nous étions quittes pour quelques balles qui sifflèrent à nos oreilles sans blesser personne.

Cela dura ainsi jusqu'à 10 heures avant-midi, quand le général en chef fit faire une forte reconnaissance par 2 régiments de lanciers, 2 de cosaques, 1 de dragons et 22 pièces d'artillerie volante. Je vins me placer à une portée de fusil d'une des faces de la forteresse, d'où on voyait défiler les nôtres comme si je me fusse trouvé en spectateur au centre même du fort. On se canonna longtemps de part et d'autre. C'était un beau spectacle, assez nul, je crois, comme résultat militaire, mais superbe à être vu, et je ne demande pas mieux, moi qui suis là pour m'amuser. Dans ce même moment le général Benkendorf fit plonger 2,000 cavaliers dans l'Araxe, qui le passèrent en moins de rien et ont chassé l'ennemi de toutes les hauteurs de l'autre côté de la rivière. Vous qui êtes peintre, j'aurais voulu que vous visiez tout cela, et par dessus tout la plaine pittoresque où la scène se passait. De tous côtés nous avons ici des rangées de montagnes les plus bizarres que la nature ait pu former, entre autres le soi-disant rocher de Pompée, qui s'élève en tronc d'arbre qu'on croirait frappé et noirci par la foudre, mais d'une dimension gigantesque. C'est vers notre frontière du Karabagh. Parmi ce dédale des mamelons, des différentes sommités et des chaînes entières de montagnes le plus singulièrement conformées, la vallée riante, laborieusement cultivée qu'arrose l'Araxe, et vers le Nord la cime neigeuse de l'Ararat.—J'ai déjà passé au gué cette fameuse rivière, dont le nom historique dit tant à l'imagination.

Avant-hier nous sommes venus camper auprès d'Abbas-Abad; hier on a ouvert la tranchée; cette nuit je vais un peu suivre le général pour voir ce qui s'y passe. Le matin Wlangali a manqué désertre notre société pour 7 malheureux boulets qui sont venus ébranler l'air audessus de sa tente, ou plutôt par-dessus tout le quartier-général,

où ils sont tombés dans différents endroits, sans tuer personne. Tout cela est fait pour m'égayer la vie. Je commence à y trouver du goût jusqu'à un certain point: c'est mieux que de croupir dans les villes.

Bonsoir! Que vous dirai-je de votre beau-fils? Il est impossible de faire mieux son devoir, selon qu'il entend ses fonctions, et d'être plus mécontent de son chef, qui pourtant est le meilleur des hommes à ses manières près. N'en dites rien à m-e Mourawiew. Peut-être, avec des succès contre l'ennemi, les choses entre amis se concilieront au mieux, et alors je serai le premier à vous en faire part.

Mes hommages à toute votre maison, aux Tchawtchawadzé et à m-e Castello.

Переводъ:

Главная квартира подъ Аббась-Абадомъ, 3-го июля 1827 года

Извольте замѣтить, дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна что у меня бываютъ эпохи, когда я пишу письмо за письмомъ все равно какъ эпохи визитовъ, когда я на мѣстѣ. Вамъ—№ 2-й Пишу на чистомъ воздухѣ, подъ прекраснымъ небомъ Персія; дуетъ адскій вѣтеръ, пыль ужасная, а главное смеркается и плохо видно, но не хочу отказаться отъ удовольствія написать вамъ нѣсколько строчекъ. На-дняхъ, когда я запечатывалъ послѣднее мое письмо къ вамъ, было 3½ часа утра. Затѣмъ я приказалъ осѣлать себѣ лошадь и отправился по направленію къ Аббась-Абаду; подъ его стѣны было послано 50 казаковъ, чтобъ дразнить гарнизонъ или, лучше сказать, кавалерію, которая находилась въ крѣпости, и заманить ее къ засадѣ, гдѣ находились главныя наши кавалерійскія силы. Я присоединился къ нашему маленькому отряду. Весь маневръ этотъ былъ напрасенъ, неприятелю не угодно было даться въ обманъ. Нѣсколько человекъ охотниковъ кружились около насъ, но слишкомъ далеко отъ мѣста, гдѣ-бы мы желали ихъ видѣть. Лишь нѣсколько пуль просвистали мимо нашихъ ушей, никого, однако, не поранили. Это продолжалось до 10 часовъ утра. Въ полдень генераль приказалъ сдѣлать сильную рекогносцировку съ 2 полками уланъ, 2 — казачьими, однимъ драгунскимъ и 22 полевыми орудіями. Я помѣтился на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ одного изъ фасовъ крѣпости; съ этого мѣста было видно, какъ проходили наши, точно я находился зрителемъ въ самой срединѣ крѣпости. Долгое время шла канонада съ обѣихъ сторонъ; зрѣлище было прекрасное. Ничтожное, по моему мнѣнію, въ смыслѣ военного успѣха, оно было неподобнымъ для зрителя, а мнѣ, находившемуся тамъ для собственнаго развлечения, только это и нужно было. Въ извѣстный моментъ генераль Бенкендорфъ приказалъ кавалеріи, въ числѣ двухъ тысячъ, переплыть за Араксъ. Они это мигомъ исполнили и прогнали неприятеля со всѣхъ высотъ противоположнаго берега рѣки. Какъ мнѣ хотѣлось-бы, чтобы вы, будучи живописцемъ, видѣли все это, и сверхъ того ту живописную равнину, гдѣ происходила эта сцена. У насъ здѣсь, со всѣхъ сторонъ, цѣлые ряды горъ, съ самыми странными очертаніями, какія только природа могла создать, между прочимъ такъ называемая Помеева скала, которая высится, словно стволъ гигантскаго дерева, пораженнаго молніею и дочернѣвшаго. Это по направленію къ нашей Карабагской границѣ. Посреди этого лабиринта холмовъ, разнообразныхъ возвышенностей и цѣлыхъ горныхъ цѣпей самой странной формы, улыбающаяся, веселая долина, тщательно воздѣланная, орошаемая Араксомъ, а къ сѣ-

веру снѣжная вершина Арарата. Я уже переправлялся въ бродъ чрезъ эту знаменитую рѣку, историческое имя которой такъ много говорить воображенію. Третьяго дня мы стали лагеремъ близъ Аббасъ-Абада; вчера начали траншею; эту ночь я поѣду за генераломъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Поутру чуть не выбылъ изъ нашего общества Влангали: семь несчастныхъ здеръ потрясли воздухъ надъ его палаткой или, лучше сказать, надъ всею главною квартирою, и упали въ разныхъ мѣстахъ, но никого не убили. Все это меня развлекаетъ, и къ этому я до извѣстной степени начинаю привязываться: все же лучше, чѣмъ плѣснѣть въ городахъ. Добрый вечеръ! Что мнѣ сказать вамъ про вашего зятя? Нельзя лучше его исполнять свой долгъ, сообразно тому, какъ онъ понимаетъ свои служебныя обязанности, и въ то же время нельзя болѣе расхотѣться во взглядахъ со своимъ начальникомъ, который однако человекъ отличнѣйшій во всемъ, кромѣ обращенія. Ничего не говорите объ этомъ madame Муравьевой. Можетъ быть вмѣстѣ съ успѣхомъ въ дѣйствіяхъ противъ враговъ уладятся и отношенія между друзьями, и тогда я первый сообщу вамъ объ этомъ. Поклонитесь отъ меня всей вашей семьѣ, семьѣ Чавчавадзе и г-жѣ Каstellо.

66. Ей же.

14 Juillet (1827). Karabag.

Recevez mes félicitations sur l'arrivée d'Egorouchka, ma très-estimable m-e Akherdow. Voulez-vous avoir de nos bonnes ou mauvaises nouvelles? Je commence par ce qui vous intéresse le plus. Mourawiew se porte comme le pont neuf. Quant à moi, j'ai eu trois commencemens de fièvre chaude et maintenant je souffre de la chaleur jusqu'à avoir des évanouissements: le mercure ne descend jamais audessous de 33° à l'ombre; c'est, je crois, 50° au soleil. Je n'y tiens plus. On me refuse la liberté de me retirer pour toujours de cet étouffoir; il faudra finir par me brouiller avec la grande autorité, sans quoi je cours risque d'être grillé, sans que personne en retire le moindre profit.

Vous savez, je présume, que j'ai été en mission auprès d'Abbas-Mirza. On m'a traité en prince du sang, il ne manqua que très-peu de temps pour faire souscrire à nos conditions cet ennemi plus obstiné à se cacher qu'à se battre. Поддѣцы, а миру нѣтъ! L'on m'appelle. Bonsoir! Demain je vais aux eaux ferrugineuses qu'on a découvertes dans un défilé près d'ici. De là je monte le Salvarti pour rester quelque temps chez Rayewsky, d'où j'envoie une supplique pour être quitte de toutes les tribulations de ce monde. Si l'on me refuse, je crois que j'aurai assez de résolution pour venir vous trouver sans qu'on me le permette. Nous avons été à Garousse, mais avec le général en chef, ce qui m'a bridé ma volonté. Que j'étais content de voir Simonitch; mais le cruel ne m'a pas offert le cher piano. Recevez l'assurance du dévouement sans bornes qui je vous porte, madame.

Votre très-zélé serviteur Griboidew.

Переводъ:

14 июля (1827). Карабагъ.

Поздравляю васъ съ приѣздомъ Егорушки, многоуважаемая Праксovia Николаевна. Хотите имѣть о насъ добрыя или дурныя вѣсти? Начинаю съ тѣхъ, которыя наиболѣе интересны. Муравьевъ здоровъ, какъ быкъ (pont neuf). Что до меня, я три раза забо-

дѣвалъ горячкою, а въ настоящее время до обмороковъ страдаю отъ жары; ртуть въ тѣни не опускается ниже 33°, а на солнцѣ доходить, кажется, до 50°. Я не выдержу. Мнѣ отказываютъ въ желаніи убраться навсегда изъ этого некла. Придется покончить наконецъ ссорой съ главною властью, такъ какъ иначе я подвергаюсь опасности быть изжареннымъ, безъ малѣйшей пользы для кого-бы то ни было. Я полагаю, вы знаете про мое посольство къ Аббасу-Мирзѣ. Со мною обращались какъ съ принцемъ крови, и уже немного времени недоставало, чтобы всѣ наши условія были подписаны этимъ неприятелемъ, рѣшившимъ скорѣе прятаться, нежели драться. Подлецы, а миру нѣтъ! Меня зовутъ. Доброй ночи! Завтра ѣду на желѣзистыя воды, открытыя недалеко отсюда въ ущельѣ; оттуда поднимусь на Сальварти,—пожить у Раевского, и отсюда отправлю прошение объ освобожденіи меня отъ всѣхъ напастей сего міра. Если мнѣ откажутъ, то мнѣ кажется, что найду достаточно рѣшимости, чтобы прѣхать къ вамъ безъ позволенія. Мы были въ Гарусѣ, но съ главнокомандующимъ; стало быть, я былъ связанъ. Какъ я былъ радъ повидаться съ Симоничемъ, но жестокой не предложилъ мнѣ милаго фортепiano. Примите увѣреніе въ моей безграничной преданности. Вашъ усердѣйшій слуга Грибоѣдовъ.

67. Ей же.

(15—19 іюля 1827 г.).

Je suis tout en feu, un commencement de fièvre chaude. C'est Schaumbourg qui tient la plume. L'affaire du 5 et la prise d'Abbas-Abad étaient les derniers de nos beaux jours. Depuis, rien que maladies, soleil, poussière, une souffrance plutôt qu'une existence, et j'y succombe le premier, moi, qui me supposais déjà acclimaté durant cette éternelle mission de Mazarowitch.

Вашъ сынъ доволенъ пріѣздомъ графа Сухтелена, у котораго онъ остается помощникомъ. Я же ничѣмъ не доволенъ. Прощайте! Мое почтеніе вамъ, всему вашему обществу, семейству красавцевъ и красавицъ. Давыда по головкѣ. Представьте, вчера читалъ я письмо лорда Росселя изъ Варшавы; говорится о madame Муравьевой, когда она была еще Сонечкой, про Нину, словомъ про весь кружокъ, про танцы, похвалы, признанія. Чувствуете, что я начинаю бредить?

Переводъ: Я весь горю, это начало горячки. Шаумбургъ пишетъ за меня. Дѣло 5-го числа и взятіе Аббасъ-Абада были нашими послѣдними хорошими днями. Съ тѣхъ поръ только болѣзни, солнечный жаръ, пыль, скорѣе страданіе, чѣмъ жизнь, и я первый изнемогаю отъ всего этого, несмотря на то, что считалъ себя привыкшимъ къ здѣшней погодѣ во время несказанно-долгого посольства Мазаровича. Зять вашъ доволенъ пріѣздомъ графа Сухтелена, у котораго онъ остается помощникомъ. Я же ничѣмъ не доволенъ. Прощайте! Мое почтеніе вамъ, всему вашему обществу, семейству красавцевъ и красавицъ. Давыда по головкѣ. Представьте, вчера читалъ я письмо лорда Росселя изъ Варшавы; говорится о madame Муравьевой, когда она была еще Сонечкой, про Нину, словомъ про весь кружокъ, про танцы, похвалы, признанія. Чувствуете, что я начинаю бредить?

68. Командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералу-отъ-инфантеріи, генераль-адъютанту и кавалеру Паскевичу Иностранной Коллегіи надворнаго совѣтника Грибоѣдова донесеніе.

30-го іюля 1827 г. Лагерь при селеніи Карабабы.

20-го числа іюля я, по приказанію вашего высокопревосходительства, отправился изъ крѣпости Аббасъ-Абадь въ персидскій лагерь, куда въ тотъ же день прибылъ передъ вечеромъ; 7-мь часовъ ѣзды скорой, разстояніе около 49 верстъ отъ Аракса до опустѣлой деревни Каразіадинъ, гдѣ я долженъ былъ ждать, когда позоветъ меня къ себѣ Аббасъ-Мирза. Скучно-разбросанныя палатки не означали присутствія многочисленнаго войска. Вечеромъ прибылъ ко мнѣ Мирза-Измаиль съ привѣтствіями отъ Шахзады, который на ту пору прохладился въ горахъ, и только на другой день намѣренъ былъ спуститься къ Каразіадину, или въ Чорскую долину [такъ называется цѣлый округъ изъ 12-ти деревень]. Къ моей палаткѣ поставленъ почетный карауль, разумѣется, чтобъ имѣть надо мною надзоръ; но всѣ условія вѣжливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го іюля, поутру, подошла горь къ югу, со стороны Хоя, запестрѣла вооруженными конными и сарбазами,—и вскорѣ былъ разбитъ лагерь на большомъ протяженіи.

Въ часъ пополудни за мною прибылъ наиъ Эшинъ-Агаси отъ Аббасъ-Мирзы, къ которому я отправился съ толпою народа; при мнѣ же были Мирза-Измаиль и Мирза-Сале. Я былъ допущенъ къ аудіенціи тотчасъ, безъ предварительныхъ церемоній. Аббасъ-Мирза одинъ былъ въ обширной палаткѣ; со мною взошли нѣсколько человекъ изъ его приближенныхъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ о нашемъ здоровьѣ, обо мнѣ собственно, онъ началъ мнѣ вспоминать о прежнемъ моемъ пребываніи въ Тавризѣ и проч. Потомъ долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, какъ на главныхъ, по его мнѣнію, зачинщиковъ нынѣшней войны. Я ему отвѣчалъ, что неудовольствія были обоюдны, по случаю спора о границахъ, но съ нашей стороны никогда бы не вызвали военныхъ дѣйствій, если бы самъ Шахзади не вторгнулся въ наши области.

— «Мои хъ и шаха послось не допускали до Государя, писемъ не доставляли въ Петербургъ,—сколько я ихъ показывалъ князю Меншикову, мнѣ обратно присланныхъ, даже нераспечатанныхъ,

сколько теперь у меня ихъ сохраняется, въ томъ же видѣ, для оправданія моего передъ Государемъ вашимъ».

Я ему напомнилъ о двукратномъ прїѣздѣ въ Россію Абуль-Гассанъ-хана, о Мекмедъ-Гассанъ-ханѣ-Афшарѣ, о Мирза-Сале, бывшихъ въ Петербургѣ, чрезъ которыхъ всегда можно было представить Императорскому двору жалобы, если бы онѣ основаны были на справедливости. Наконецъ, князь Меншиковъ для того былъ присланъ въ Персію отъ самого Государя, чтобы устранить поспѣшно и навсегда возникшія тогда несогласія. Впрочемъ, когда кто лежитъ боленъ дѣлный годъ, не отыскиваютъ уже первыхъ причинъ его болѣзни, а стараются уврачевать ее, — такъ и съ настоящею войною.

Разговоръ въ этомъ смыслѣ продолжался болѣе часу. Я вынужденъ былъ сказать, что не имѣю порученія разбирать то, что предшествовало войнѣ, что это не мое дѣло...

— «Такъ всё вы говорите: не мое дѣло, — но развѣ нѣтъ суда на этомъ свѣтѣ!»

— Ваше высочество сами поставили себя судьей въ собственномъ дѣлѣ, и предпочли рѣшить его оружіемъ. Не отнимая у васъ ни благоразумія, ни храбрости, ни силы, замѣчу одно только: кто первый начинаетъ войну, никогда не можетъ сказать, чѣмъ она кончится.

— «Правда», отвѣчалъ онъ.

— Прошлаго года персидскія войска внезапно и довольно далеко проникли въ наши владѣнія по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксѣ, овладѣли Аббасъ-Абадомъ, откуда я присланъ...

— «Овладѣли! взяли! Вамъ сдалъ Аббасъ-Абадъ зять мой, трусъ, — онъ женщина, хуже женщины».

— Сдѣлайте то, что мы сдѣлали противъ какой-либо крѣпости, и она сдастся вашему высочеству.

— «Нѣтъ, вы умрете на стѣнѣ, ни одинъ живой не останется; мои не умѣли этого сдѣлать, иначе вамъ никогда бы не овладѣть Аббасъ-Абадомъ».

— Какъ бы то ни было, при настоящемъ положеніи дѣлъ уже три раза, какъ генераль получалъ отъ васъ предложенія о мирѣ, и ни одно изъ вашихъ сообщеній несходно съ условіями, мимо которыхъ съ нашей стороны не приступать ни къ какому переговорамъ. Такова есть воля Государя. Чтобы на этотъ счетъ не было болѣе недоразумѣній, я сюда присланъ. При томъ долженъ объявить вашему высочеству, что посланные ваши, если явятся съ предложеніями другаго рода, несогласными съ нашими, или для преній о томъ, кто первый былъ причиною войны, —

они не только не получают удовлетворительнаго отвѣта, но главноначальствующій не признаетъ себя даже въ правѣ ихъ выслушивать. Условія же, если ваше высочество расположены ихъ выслушать, я сейчасъ буду имѣть честь изложить вамъ,—въ этомъ именно состоитъ мое порученіе.

— «Послушаемъ», сказалъ онъ; «но развѣ должно непременно трактовать, наступая на горло, и нельзя разсуждать о томъ, что было прежде?»

Тутъ онъ опять началъ распространяться о безуспѣшныхъ прежнихъ его усиліяхъ жить съ нами въ мирѣ, подъ сѣнію расположенія къ нему Россійскаго Императора. Обвиненія съ жаромъ противъ пограничныхъ начальниковъ, не щадя и своихъ сардара и брата его; потомъ неистощимыя увѣренія въ преданности Императору,—все это быстро слѣдовало одно за другимъ. Я изъ нѣкоторыхъ словъ могъ, однако, замѣтить, что личный характеръ Государя Императора сильно дѣйствуетъ на него, какъ отпечатокъ твердости и постоянства въ предпріятіяхъ; такъ, онъ отзывался, по свидѣтельству ли англичанъ, или по другимъ до него дошедшимъ свѣдѣніямъ, но повторилъ не разъ, что онъ знаетъ о рѣшительныхъ свойствахъ великаго Императора, что свидѣлствуютъ всѣ сыны и братья европейскихъ царей и послы, пріѣзжавшіе поздравлять его со вступленіемъ на престолъ. То же впечатлѣніе я потомъ замѣтилъ и въ прочихъ лицахъ, въ которыми имѣлъ дѣло въ персидскомъ лагерѣ; они разсказываютъ множество анекдотовъ,—иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющіе Россійскаго государя въ какомъ-то могущественномъ видѣ, страшномъ и для его непріятелей. Я воспользовался этимъ, чтобы обратить вниманіе Шахзады на неприличность прошлогоднихъ поступковъ въ Персіи противъ кн. Меншикова.

— Какъ, съ такими понятіями о могществѣ нашего Государя, вы рѣшились оскорбить его, въ лицѣ посланника Его Величества, котораго задержали противъ самыхъ священныхъ правъ, признанныхъ всеми государствами? Теперь, кромѣ убытковъ, нами понесенныхъ при нашемъ впаденіи въ наши области, кромѣ нарушеній границъ, оскорблена и личность самого Императора, — а у насъ честь Государя есть честь народная!

При этихъ словахъ, онъ какъ-будто пораженъ былъ какою-то мыслью, и такъ непринужденно, громко и краснорѣчиво расказывался въ своемъ проступкѣ, что мнѣ самому ничего не оставалось къ этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это расказаніе смиренно, по извѣстному уже вамъ характеру Персіанъ.

Послѣ того онъ всѣхъ выслалъ; остались: онъ, я и мой переводчикъ; но за занавѣсю выказывался человекъ, въ которомъ я опять узналъ Алаяръ-хана. Аббасъ-Мирза, наконецъ, рѣшился выслушать условія, говоря, однако, что онъ уже ихъ знаетъ отъ Мирзы-Сале.

Переводчикъ мой пространно объяснилъ ему, чего требуетъ наше правительство; по поданнымъ ему отъ меня наставленіямъ, ни разу не уклонялся отъ должной учтивости и уваженія къ тому, съ кѣмъ говорилъ, всячески щадя его самолюбіе. Шахзиди нѣсколько разъ покушался его прервать, но я съ покорностью просилъ его быть терпѣливѣе, иначе мое порученіе останется не довершеннымъ. Когда все съ нашей стороны было объяснено, онъ едва не вскопчилъ съ мѣста.

— «Такъ вотъ ваши условія! Вы ихъ предписываете шаху перанскому, какъ своему подданному! Уступка двухъ областей, дань деньгами! Но когда вы слыхали, чтобы шахъ персидскій сдѣлался подданнымъ другаго государя? Онъ самъ раздавалъ короны. Персія еще не погибла».

— И Персія имѣла свои дни счастья и славы; но я осмѣлюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейнъ-шахѣ-Софій, который лишился престола, побѣжденный авганцами. Предоставляю собственному просвѣщенному уму вашему судить, насколько русскіе сильнѣе авганцевъ.

— «Кто же хвалить за это шаха Гуссейна? онъ поступилъ плохо,—развѣ и намъ слѣдовать его примѣру?»

— Я вамъ назову великаго человека и государя, Наполеона, который внесъ войну въ русскіе предѣлы—и заплатилъ за это утратою престола.

— «И былъ истинный герой: онъ защищался до самой крайности. Но вы, какъ всемірные завоеватели, все хотите захватить,—требуете областей, денегъ, и не принимаете никакихъ отговорокъ».

— При окончаніи каждой войны, несправедливо начатой съ нами, мы отдаляемъ наши предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятеля, который бы отважился переступить ихъ. Вотъ отчего въ настоящихъ обстоятельствахъ требуется уступка областей Эриванской и Нахчеванской. Деньги—также роль оружія, безъ котораго нельзя вести войну. Это не торгъ, ваше высочество, даже не вознагражденіе за претерпѣнные убытки: требуя денегъ, мы лишаемъ непріятеля способовъ вредить намъ на долгое время.

Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень непріятными Аббасъ-Мирзѣ. Можетъ быть, я и

нѣсколько перешель за черту даннаго мнѣ порученія; но смѣю васъ увѣрить, что этимъ не только ничего не испорчено, но при будущихъ переговорахъ уполномоченные Его Императорскаго Величества избавлены будутъ отъ труда исчислять персїанамъ итоги военныхъ издержекъ, которыя они оцѣняютъ, по-своему, довольно дешево, ибо армія ихъ во время войны, даже въ собственномъ краю, кормится сколько можно даромъ, на счетъ поселянъ беззащитныхъ.

Аббасъ-Мирза подозвалъ меня, какъ можно ближе, и почти на ухо началъ меня разспрашивать о степени власти, отъ государя вамъ ввѣренной,—можете ли вы отъ себя убавить нѣкоторую часть своихъ требованій; что есть два рода главнокомандующихъ: одни на все уполномоченные, другіе съ правами ограниченными,—какова, наконецъ, власть генерала Паскевича?

— Большая, отвѣчалъ я;—но чѣмъ она болѣе, тѣмъ болѣе отвѣтственность.

Потомъ я объяснилъ ему, что у насъ одна господствующая воля—самого Государя Императора, отъ которой никто уклониться не можетъ, въ какую бы власть облеченъ ни былъ; условія будущаго мира начертаны по волѣ Государя, и исполнитель—главноначальствующій, и проч. Это завлекло меня въ сравненіе съ Персією, гдѣ единовластіе въ государствѣ нарушается по прихоти частныхъ владѣтелей и разномысліемъ людей, имѣющихъ голосъ въ совѣтъ шахскомъ, даже изступленіемъ пустынника, который изъ Кербелая является съ возмутительными проповѣдями и вовлекаетъ государство въ войну бѣдственную. Аббасъ-Мирза часто оборачивался къ занавѣскѣ, за которой сидѣлъ Алаярханъ, и сказалъ мнѣ:

— «У васъ тоже не одна воля: въ Петербургѣ одно говорить, Ермоловъ—другое; у насъ былъ Муштаидъ для мусульманъ, вы тоже, для возбужденія противъ насъ армянъ, выписали въ Эчмеадзинъ христіанскаго калифа Нерсеса», и такъ далѣе.

Послѣ многихъ отступленій, мы опять обратились къ условіямъ будущаго мира.

— «Итакъ, генераль Паскевичъ не можетъ или не хочетъ сдѣлать никакой отмѣны въ объявленныхъ вами предложеніяхъ? Мы заключимъ перемиріе; это онъ можетъ; тѣмъ временемъ я самъ къ нему прибуду въ лагерь, скажу ему, чтобы онъ указалъ мнѣ путь къ Императору,—самъ отправлюсь въ Петербургъ, или пошлю моего старшаго сына, онъ наслѣдникъ мой, какъ я—шахскій. Будемъ цѣловать руку великаго Государя, престоль Его,—мы Его оскорбили, будемъ просить прощенія, Онъ во всемъ властенъ, но великодушенъ; захочетъ областей, денегъ—и деньги,

и весь Ардэбизамъ, и самого себя отдамъ ему въ жертву; но чистосердечнымъ симъ поступкомъ приобрѣту пріязнь и покровительство Россійскаго Императора».

Эту идею онъ развивалъ мнѣ съ различными измѣненіями, и при каждомъ разѣ я напоминалъ ему, что ваше высокопревосходительство не въ правѣ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дать ему или Эмиръ-зади пропускъ въ С.-Петербургъ; что это намѣреніе гораздо удобнѣе было исполнить прошлаго года, во время коронаціи Императора, — но Шахзади предпочелъ тогда схватиться за оружіе; и я не могу скрыть, что Государь разгнѣванъ именно и лично самимъ Аббасъ-Мирзою.

Онъ снова говорилъ, что знаетъ, чувствуетъ это, — готовъ исправить вину свою, списать утраченное имъ благоволеніе Государя; эти увѣренія онъ повторялъ до безконечности.

— «Скажите, г. Грибоѣдовъ, — вы жили въ Тавризѣ: чего я ни дѣлалъ, чтобы съ вами остаться въ дружбѣ? чѣмъ можете укорить меня, какимъ проступкомъ противъ трактата?»

Я привелъ ему на память разсѣяніе возмутительныхъ фирмановъ въ Дагестанѣ, на которые во все время жаловался генераль Ермоловъ.

— «Видѣли-ли вы ихъ? гдѣ они? Это недѣлости, вымышленныя моими врагами — Ермоловымъ и Мазаровичемъ, также какъ и уши и носы убитыхъ на Кавказѣ русскихъ, которые будто бы привезены были Легинами ко мнѣ въ Тавризъ. Когда же это было? Вы свидѣтель, что это ложь; между тѣмъ, Императоръ Александръ выговаривалъ это Мехмедъ-Гуссейну-хану въ Петербургѣ; такими клеветами возбуждали противъ меня покойнаго вашего Императора и также умѣли лишить меня благосклонности его преемника. Съ кн. Меншиковымъ можно было имѣть дѣло — умный и не коварный человекъ; но онъ всегда отговаривался, что не имѣетъ власти дѣлать мнѣ иныхъ предложеній, кромѣ тѣхъ, которыя мнѣ уже объявлены были генераломъ Ермоловымъ. Теперь, если мы вамъ отдадимъ области, заплатимъ требуемую сумму, — что приобрѣтемъ въ замѣну? Новые предлоги къ будущимъ распрямъ, которые со временемъ созрѣютъ и произведутъ опять войну. При заключеніи прежняго мира, мы отказались въ пользу вашу отъ обширѣйшихъ провинцій, на все согласились, что отъ насъ хотѣли, — англичане тому свидѣтели; и что же приобрѣли, кромѣ новыхъ притязаній съ вашей стороны, обидь нестерпимыхъ! Миръ во сто разъ хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковѣе генераломъ Паскевичемъ, сообщенія его со мною вѣжливыѣе, чѣмъ во время такъ называемаго мира; я перечестъ не могу всѣхъ оскорбленій, мною пре-

терпѣнныхъ въ теченіе десяти лѣтъ. Нѣтъ! Я, или сынъ мой—мы непремѣнно должны ѣхать къ Императору...» и проч.

Я опять представлялъ ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить этого; и въ обыкновенное время приличіе требуетъ писать предварительно въ Петербургъ и просить на то соизволенія Его Императорскаго Величества. Онъ началъ разсчитывать, какъ скоро можетъ прибыть отвѣтъ изъ С.-Петербурга; требовалъ отъ меня ручательства, что Государь допустить его къ себѣ; просилъ меня стараться объ этомъ дружески и усердно при вашемъ высокопревосходительствѣ, а васъ самихъ—ходатайствовать за него въ С.-Петербургѣ, въ то самое время, какъ я неоднократно изъявлялъ ему мое сомнѣніе о томъ, возможно-ли такіа предложенія дѣлать и принимать въ военное время. Способъ трактовать—исключительно свойственный Персіанамъ, которые разговоръ о дѣлѣ государственномъ внезапно обращаютъ въ дружескую гаремную бесѣду, и поручаютъ хлопотать въ ихъ пользу чиновнику воюющей съ ними державы, какъ доброму ихъ пріятелю. Все это,—я замѣтилъ самому Шахзади,—довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемиріи на то время, какъ пошлется донесеніе въ С.-Петербургъ и полученіе желаемый отвѣтъ, т. е., отъ 4-хъ до 5-ти недѣль. Я не призвалъ за нужное оспаривать далѣе надеждъ Аббасъ-Мирзы, не подкрѣпляя ихъ, впрочемъ, ни малѣйшимъ увѣреніемъ, и занялся условіями перемирія, какъ дѣла для насъ полезнаго. Предложеніе о томъ было съ его стороны. Онъ хотѣлъ, чтобы мы отступили въ Кариаду, а онъ—въ Тавризь; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кромѣ Аббасъ-Абада, котораго гарнизонъ онъ на себя бралъ продовольствовать. Во многомъ мы были согласны, я иное отвергалъ, — ни въ чемъ не условились, и я просилъ дать мнѣ нѣсколько часовъ досуга, чтобы обдумать и написать ему проектъ перемирія.

— «Нѣтъ! сейчасъ рѣшить, я не хочу вашего письма. Ради Бога, не пишите, — вы потомъ не отступитесь ни отъ одного слова».

Кончилось, однако, на томъ, что я у себя обдѣлаю и потомъ представлю ему условія. Привѣтствія полились рѣкою, похвалы, лесть, болѣе или менѣе сносныя. Аббасъ-Мирза спрашивалъ, часто-ли обо мнѣ навѣдываются его окружающіе? кто изъ нихъ былъ у меня? чтобы утромъ явились ко мнѣ, не оставляли меня скучать. Въ этомъ туманѣ я откланялся. Шестъ часовъ продолжался разговоръ нашъ. Передъ вечеромъ я прибылъ къ себѣ.

Ночью я написалъ проектъ перемирія по данному наставленію мнѣ отъ вашего высокопревосходительства; потомъ заставилъ его

перевестъ. Случай казался удобнымъ привести къ окончанію это дѣло: Аббазъ-Мирза самъ подалъ тому первый поводъ. Притомъ я, въ трехлѣтнее мое пребываніе въ Тавризѣ, никогда не видѣлъ его въ такомъ расположеніи духа, съ такою готовностію на всякаго рода соглашенія, въ такой горячности раскаянія. Впослѣдствіи, однако, подтвердились наблюденія, не однимъ мною сдѣланныя, что у персіянъ слова съ дѣлами въ вѣчномъ между собою раздорѣ.

22-го іюля 1827 г., рано поутру, я свѣрилъ подлинникъ съ переводомъ бумаги, которую намѣренъ былъ отправить къ Аббасъ-Мирзѣ. Меня посѣтилъ Мирза-Мехмедъ-Али-Мустафа и проговорилъ цѣлое утро. Дѣло шло о невыгодномъ положеніи Шахзади, отца его и вообще всей Персіи въ отношеніи къ намъ. Я изумлялся тому, что слышалъ: персидское высококѣріе исчезло совершенно. Между прочимъ я высказалъ Мирзѣ-Мехмедъ-Али то, чего не договорилъ наканунѣ самому Шахзадѣ, по той причинѣ, что мы ни минуты вдвоемъ не оставались, о будущей незавидной судьбѣ его: когда весь Адзербидзамъ будетъ въ рукахъ нашихъ,—какое лицо представить онъ изъ себя между братьями, лишась удѣла, ему отъ шаха пожалованнаго, и этимъ лишеніемъ обязанный самъ себѣ, своей опрометливости? Всѣ бѣдствія, которыя потому постигнуть Персію, если война продолжится, припишутъ ему же,—и это, конечно, не только не утвердить его наслѣдственного права, но можетъ отдалить его отъ престола.

Мирза-Мехмедъ-Али во всемъ соглашался, и передалъ мои слова Аббасъ-Мирзѣ, потому что онъ самъ мнѣ потомъ говорилъ объ этомъ.

Бумагу мою я къ нему отправилъ и долженъ былъ въ тотъ же день вторично къ нему явиться; но, вмѣсто того, почувствовалъ въ себѣ сильный жаръ во всемъ тѣлѣ, боль головную, и слѣгъ въ постель со всеми признаками горячки,—дѣйствіе губительнаго климата. Ртуть въ полдень, возвысившись до 40 градусовъ теплоты, въ предшествующей ночи понизилась до 8-ми отъ точки замерзанія.

Въ этотъ же день я получилъ отъ Шахзади особеннаго рода лестный знакъ вниманія, который дастъ вѣрное понятіе о персидскомъ исказительствѣ, и до чего они желаютъ вкратъ въ нашу пріязнь, при настоящемъ положеніи ихъ дѣлъ. Главный церемоніймейстеръ Махмедъ-Гуссейнъ-ханъ, съ многочисленною прислугою и съ подносами всякихъ сластей, вручилъ мнѣ поздравительный фирманъ, за печатью Аббасъ-Мирзы, по случаю дня ангела Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы.

И въ самое мирное время нельзя быть внимательнѣе. Причина же, я полагаю,—Мирза-Сале: мы наканунѣ вспоминали съ нимъ о торжествѣ въ Петергофѣ, при которомъ онъ однажды находился.

23-го іюля я чувствовалъ облегченіе, но не могъ еще встать съ постели. Ко мнѣ прибылъ Мирза-Измаилъ съ проектомъ перемирія, сочиненнаго подъ сказаніемъ Шахзади, и уже одобреннаго шахомъ, котораго два феранга сблизили съ Чурсомъ,—курьеры къ нему и отъ него скакали безпрестанно.

Съ персидской стороны требовалось, чтобы мы, кромѣ Аббасъ-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзинъ, въ которомъ для охраненія храма Божія быть двумъ приставамъ: ихъ и нашему, а войскамъ не находиться ни русскимъ, ни персидскимъ. Пренія продолжались съ утра. Въ 3 часа пополудни Мирза-Мехмедъ-Али прибылъ и возобновилъ ихъ, — продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья ихъ объ оставленіи нами Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всѣмъ тѣмъ, ничего не кончено.

24-го іюля я еще былъ слабъ; но, видя бесполезность переговоровъ, отдаляющихъ дѣло отъ истинной цѣли, я просилъ отпуска. Опять прибыли ко мнѣ Мирза-Мехмедъ-Али-Мустафа, Мирза-Измаилъ и Мирза-Сале, — и я въ теченіе цѣлаго дня долженъ былъ выдерживать діалектику XIII столѣтія. Возвращались къ предложеніямъ, въ которыхъ наканунѣ условились. Главное разногласіе состояло въ томъ, что съ персидской стороны требовалось перемиріе на 10 мѣсяцевъ. Мирза-Мехмедъ-Али откровенно мнѣ объявилъ, что это необходимо для отдаленія изъ Хоя шаха, двора его и войска, отъ которыхъ обнищала вся провинція. Я ему далъ почувствовать, что эти причины уважительны только для ихъ пользы; но въ настоящее время, когда мы одержали нѣкоторую поверхность, кажется, можно безпристрастно соблюсти и намъ свои выгоды.

Наконецъ, видя, что разсужденія о перемиріи были только предлогомъ для продержанія меня въ ихъ лагерѣ, я объявилъ, что мы не имѣемъ нужды въ прекращеніи военныхъ дѣйствій; первая мысль объ этомъ принадлежитъ Шахзадѣ. Я представилъ ему условія, на которыхъ оно съ нашей стороны можетъ быть допущено, — вольны принять ихъ, или нѣтъ. Но мой Аббасъ-Мирзѣ усердный совѣтъ, для успокоенія края, особы шаха въ преклонности лѣтъ его и для собственной безопасности своей, принять просто миръ, который даруется ему на извѣстныхъ условіяхъ. Говорили очень долго; я, наконецъ, подѣйствовалъ на воображеніе персидскихъ чиновниковъ тѣмъ, что мы, когда пойдемъ далѣе и завладѣемъ Адзербидзамомъ, то, обезпечивъ неза-

висимость этой обширной области, со стороны Персїи на десять ферсанговъ, никому не позволимъ селиться близъ границы, — сама провинція прокормитъ 20 тысячъ милиціи, образованной изъ народа, извѣстнаго духомъ неудовольствїя противъ нынѣшняго своего правительствѣ; намъ стоить только поддержать ее въ семь расположенїи, и, такимъ образомъ, мы навсегда прекратимъ наши политическія сношенїя съ Персїею, какъ съ народомъ, несоблюдающимъ трактатовъ, — мы также будемъ мало знать ихъ, какъ авганцевъ и проч. отдаленныя государства въ глубинѣ Азіи.

— Этотъ планъ у насъ, говорилъ я, очень извѣстенъ, и полагается весьма сбыточнымъ; но къ исполненію его приступать въ такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условїя, покуда ихъ дѣлають, болѣе нежели угрозы.

Съ вечера и на другой день съ разсвѣтомъ я повторялъ настоятельно требованіе мое объ отпускѣ. 25-го іюля, поутру, за мной прибылъ Гаджи-Мангусъ-Ага, чтобы проводить меня къ Шахзади. При немъ находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казвинскій, Мехмедъ-Канумъ-Мирза Урмійскій и Асифъ-ед-Даулетъ-Алаярханъ, также нѣсколько другихъ, въ числѣ которыхъ, какъ мнѣ потомъ сказали, былъ и Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванскаго, но я не узналъ его. Онъ, во все время пребыванїя моего въ лагерѣ, сильно говорилъ противъ всякаго съ нами сближенїя, ѣздилъ къ шаху и просилъ денегъ и войска для защиты Эриванской области.

Я полагалъ, что наши условїя при послѣдней аудїенціи, при столькихъ значущихъ свидѣтеляхъ, или торжественно будутъ отвергнуты, или стануть разсуждать о нихъ, — вышло ни то, ни другое. Тонъ Шахзади былъ самый униженный: онъ извинялся, что чиновники его столько беспокоили меня дѣлами; сказать, что всѣ мои мысли о немъ, о будущемъ его положенїи ему извѣстны. Но не это его озабочиваетъ, а проступокъ противъ Государя, утрата Его довѣренности, и просилъ перемирїя на десять мѣсяцевъ. Мирза-Мехмедъ-Али донесъ ему, что я не довѣряю ихъ чистосердечїю, Алаярханъ этому чрезвычайно удивился. Но я успѣшилъ объяснить ему, что прошлаго года также рѣшались послать къ Императору Эмиръ-заде, и вмѣсто того войска ихъ напали на наши границы; нѣсколько сорванныхъ головъ у нашихъ фуражировъ возбуждали надежды ихъ до крайней дерзости, — характеръ народа извѣстенъ. Нѣтъ причины думать, чтобы нынче поступили иначе; и тогда русскій главноначальствующій, потерявъ время и остановясь среди успѣховъ нашего ору-

жія, какое оправданіе представитъ Государю Императору въ томъ, что такъ противурѣчить настоящему сношенію между собою двухъ воюющихъ армій? Десятимѣсячное перемиріе — тотъ же миръ, а предполагаемая выгода заключается въ темной надеждѣ, что самъ Шахзади или сынъ его отправится въ Петербургъ, — но тамъ подпишетъ-ли онъ всѣ статьи мира, согласно съ пользою Россіи, или, что гораздо вѣроятнѣе, будетъ стараться объ уменьшеніи нашихъ требованій.

— «Нѣтъ! — сказали съ жаромъ Аббасъ-Мирза, — мы все подпишемъ, если Императоръ лично мнѣ или моему сыну объявитъ свою волю и увѣритъ насъ въ будущемъ его покровительствѣ. Я сына моего сейчасъ представлю генералу Паскевичу въ залогъ, и еще двое изъ моихъ братьевъ къ нему отправятся въ лагерь...» и проч., и проч.

Потомъ опираясь на продолжительное перемиріе, имъ нѣкогда заключенное съ генераломъ Торماسовымъ. Спрашивалъ моего совѣта, и надѣюсь-ли я, что Государь дозволитъ ему или сыну его прибыть къ Высочайшему двору. Такое униженное, убѣдительное настаиваніе отняло у меня возможность отвѣчать ему коротко и рѣзко. Я болѣе всего отговаривался невѣдѣніемъ, сомнѣніемъ и старался избѣгать, чтобъ слова мои не утвердили въ немъ какой-либо надежды по сему предмету. Совѣтъ же подалъ ему чистосердечный, — представлялъ ему разореніе, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройствѣ ихъ нерегулярнаго войска; сравнивалъ характеры двухъ народовъ: персіянъ — смѣлыхъ при счастіи, но теряющихъ бодрость и даже подчиненность при продолжительныхъ неудачахъ, — съ другой стороны указывалъ на нашихъ, которые во всѣхъ обстоятельствахъ одинаковы, повинуются и умираютъ. Наконецъ, съ возможною учтивостію доказывалъ, что лучше разомъ принести жертву необходимости, нежели длить время, и съ тѣмъ вмѣстѣ претерпѣть гораздо важнѣйшія потери. Это не помогло: Шахзади не отступалъ отъ любимой своей мысли — самому или чрезъ сына прибѣгнуть къ великодушію Государя Императора.

Симъ заключается все то, что идетъ къ дѣлу; постороннихъ разговоровъ было много, ибо Шахзади продержалъ еще долѣе, нежели въ первый разъ. Я замѣтилъ, между прочимъ, что переходъ къ намъ Мехти-Кули-хана много озаботилъ персіянъ насчетъ довѣрія, которое это происшествіе внушаетъ всякому, кто пожелаетъ поискать россійскаго покровительства. Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, между прочимъ:

— «Самымъ опаснымъ оружіемъ генерала Паскевича я почитаю то челоуѣколюбіе и справедливость, которыя онъ оказы-

васть мусульманамъ своимъ и нашимъ. Мы все знаемъ, какъ онъ велъ себя противъ кочевыхъ племенъ отъ Эривани до Нахичевана,—солдаты никого не обижали и онъ всѣхъ принималъ дружелюбно. Этотъ способъ приобрести довѣріе въ чужомъ народѣ и мнѣ извѣстенъ, — жаль, что я одинъ это понимаю во всей Персіи; такъ я дѣйствовалъ противъ турокъ, такъ и въ Карабахѣ, и прошлаго года. Съ другой стороны, Гассанъ-ханъ усердствовалъ вамъ, сколько могъ, и ожесточилъ противъ себя всю Грузію. Генераль Ермоловъ, какъ новый Чингисханъ, отомстилъ-бы мнѣ опустошеніемъ несчастныхъ областей, велѣлъ бы умерщвлять всякаго, кто ни попадетя,—и тогда, объ эту пору, у меня двѣ трети Адзербидзанъ стали бы въ ружье, не требуя отъ казны ни жалованья, ни прокормленья».

Я отвѣчалъ ему, что генераль Ермоловъ также, какъ нынѣшній главноначальствующій, наблюдалъ пользу государства; можно одной и той же цѣли домогаться разными путями.

О сраженіи 5-го іюля онъ говоритъ очень откровенно: отдастъ вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, — и онъ видѣлъ себя почти взятаго въ обходъ вашу пѣхотою, когда не полагалъ даже, что она переправится черезъ Араксъ; если бы зналъ, что пойдутъ на него со всеми силами, то не уклонился бы отъ сраженія, но послалъ бы до 5,000 конницы, которая, выше переплывъ черезъ рѣку, очутилась бы у насъ въ тылу и напала на нашъ обозъ. Объ Елисаветполѣ, объ Асландузѣ рассказывалъ мнѣ съ такою же искренностью, или, можетъ быть, взялъ на себя говорить мнѣ только пріятное, и то, что можетъ польстить нашему патріотическому самолюбію.

Быль третій часъ пополудни, какъ я отъ него вышелъ, получая письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмедъ-Али угощалъ меня обѣдомъ противъ ихъ обыкновенія, ибо они обѣдаютъ съ захожденіемъ солнца. Потомъ потчивалъ меня въ своей палаткѣ Мехмедъ-Гуссейнъ-ханъ, Эшикъ-Агаси. Вниманіе, привѣтливость и лесть расточали передо мною съ избыткомъ. Я бывалъ у нихъ, живалъ съ ними въ мирное время въ пріязни, и никогда не видѣлъ подобнаго пріема ни себѣ, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнѣйшему чиновнику союзной съ ними державы.

Чуреккой лагерь обширенъ, но палатки персидскія требуютъ большаго помѣщенія; я полагаю, что у нихъ тутъ отъ 7-ми до 8-ми тысячъ войска, въ томъ числѣ 4 баталіона сарбазовъ неполные; я видѣлъ 10 пушекъ. Долина необширная; при въѣздѣ въ нее влѣво ущелье ведетъ къ Гергерамъ, — его охраняютъ

Гассанъ-ханъ съ курдами, вправо, на Марандской дорогѣ — Али-Наги-Мирза, между ею и Ханскою — лагерь Аббазъ-Мирзы. Возвращаясь отъ Каразіадина до первой воды 1¹/₂ часа, откудова до высоты, опредѣляющей границу Чурси, гдѣ также вода, — 3 часа; откудова — 2¹/₂ часа ѣзды до Аракса, верстахъ въ 4-хъ выше Аббазъ-Абада.

Я оставилъ персидскій лагерь съ ободрительнымъ впечатлѣніемъ, что непріятель войны не хочетъ, что она ему тягостна и страшна; отъ повторенныхъ неудачъ все духомъ упали, все недовольны. Въ день моего прибытія, отъ появленія 10-ти конвойныхъ казаковъ шикеты повсюду разбѣжались, едва могли собрать ихъ. Сарбазы, которые стояли у меня въ караулѣ, жалуются, что ихъ не кормятъ, — Керимъ-Бекъ-Султанъ ихъ просто истязуетъ, — что начальники у нихъ глупцы, и они съ ними пропадутъ. Нѣсколько разъ, несмотря на крѣпкій присмотръ, конные подѣзжали и спрашивали моего переводчика: «скоро-ли миръ? зачѣмъ мы ихъ тревожимъ? и что война имъ ужасно надоѣла». Гаджи-Махметъ-Ага, присланный ко мнѣ отъ Аббазъ-Мирзы, чтобы навѣдаться о моемъ здоровьи, когда я ему сказала, что мы въ немъ уважаемъ человѣка, который служилъ при кн. Циціановѣ, обрадовался, и тотчасъ предложилъ готовность свою служить намъ и много рассказывалъ о недостаткахъ и неустройствѣ въ ихъ войскѣ. Этотъ человѣкъ можетъ намъ быть полезенъ; при томъ онъ не бѣжалъ, а съ позволенія генерала Ермолова удалился въ Персію, и нынѣ находится адъютантомъ при Аббазъ-Мирзѣ. Я поручилъ нашему Аббазъ-Кули вступить въ разговоръ съ курдами (не эриванскими), которые на обратномъ пути были у меня въ конвоѣ. Они тайно просили его, чтобы русскій главноначальствующій написалъ доброе слово ихъ хану, и они тотчасъ перейдутъ все къ намъ. Таковъ духъ войска. О расположеніи управляющихъ государствомъ ваше высокопревосходительство можете заключить изъ объясненія со мною Аббазъ-Мирзы, — все обмануто въ своихъ ожиданіяхъ. «Наши, гдѣ только встрѣтятся, разбиты, и не испытываютъ щедрости шаха, который теперь такъ же мало склоненъ разсѣять казну, какъ и въ прежнее время.» Мирза-Мехмедъ-Али нешуточно увѣрялъ меня, что шахское войско наводитъ гораздо болѣе трепета жителямъ, нежели наше. 12,000 калваровъ хлѣба наложено подати на Хойскую провинцію подъ видомъ покупки. Шахъ насильно велѣлъ брать по туману калваръ, тогда какъ онъ продаетъ по 5-ти между народомъ.

Изъ униженнаго тона, съ которымъ говорили со мною Аббазъ-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослѣпляются насчетъ сравнительнаго положенія ихъ силъ съ нашими. Но ожи-

дать невозможно, чтобы они сейчас купили миръ цѣною предлагаемыхъ имъ условий, и для этого нужна рѣшительность; дѣлать время въ переговорахъ болѣе имъ свойственно. Въ совѣтъ шахскомъ преобладающіе нынѣ голоса Алааръ-хана и сардаря съ братомъ; они еще твердо стоятъ противъ мира и имѣютъ на то личныя свои побудительныя причины: первый поддерживаетъ прежнее свое мнѣніе и боится, что дѣло дойдетъ до расплаты за ту войну, которой онъ главнѣйшій возбудитель; сардаръ и братъ его, съ уступкою намъ Эриванской области, лишаются значительнаго источника ихъ богатства. Тогда только, когда падетъ Эривань и персіане увидятъ себя угрожаемыми въ столицѣ Адзербидзама, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудитъ въ нихъ прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключенія мира на условіяхъ, которыя мы нынѣ имъ предлагаемъ.

Стороною я, однако, узналъ, что они готовятся къ покушенію на Аббасъ-Абадъ. Вѣроятно, что начальники не захотятъ долго держать въ бездѣйствіи войска (которыхъ, по разнымъ слухамъ, у нихъ 65 тысячъ, и можно навѣрное полагать до 45 тысячъ), потому что они тогда непременно разбѣгутся, не вида случая къ грабежу и испытывая всякаго рода недостатки.

Надворный Совѣтникъ Грибоѣдовъ.

69. П. Н. Ахвердовой.

Le 3 d'Octobre, 2 h. du matin (1827).

Le général en chef est encore chez moi et n'a, à ce qu'il semble, nulle envie de se coucher. L'officier qui part en courrier est à attendre quelques minutes avant qu'on ait cacheté les papiers officiels. J'emploie cet intervalle de temps pour me rappeler à vous, ma très-chère et respectable m-e Akhwerdow. Nous sommes ici tous dans les fumées de la victoire, parmi une grande et bruyante population. La prise de Sardarabad dans 4 jours et celle d'Erivan dans 6 a de quoi vous étonner, n'est-ce pas? Qu'en dit Tiflis? Je vous prie de me faire deux mots sur l'arrivée de ma cousine dans votre bonne ville. Comment s'y plaira-t-elle en attendant que son mari remplit la Perse de terreur? J'aurais été curieux de voir les premières impressions de son apparition en deçà des montagnes; les premières, dis-je: car par la suite je n'en jouirai pas, déterminé à m'en aller ou désertir complètement le service, que je hais de tant mon coeur, quelque avenir qu'il me présente. Votre beau-fils a maintenant un prête-nom pour chef. J'aurais bien voulu qu'il fit quelque chose de beau; car la gloire lui en serait accordée de l'aveu de tous ceux qui connaissent l'absence des capacités d'Eristow. Bon jour et bonne nuit, madame. Veuillez vous un léger souvenir à celui qui est de coeur votre très-dévoué serviteur A. G.

Mes hommages à la société. Nous avons eu hier une grande parade hors des murs et un Te-Deum vis-à-vis la brèche (soit dit en pas-

sant, la destruction de la ville a été terrible: un enfer de bombes pendant tout le temps du siège); hé donc, quand on entonna le Господи помилуй, parut, suivi de tous ses officiers et s'appuyant sur ses béquilles, Simonitsch. Je ne sais pourquoi, mais les larmes me vinrent.... Ces cantiques me touchent, et la vue de cette respectable infirmité me saisit l'âme... (He infirmité, а благородно изувѣченный. Какъ это сказать?)

Переводъ:

3 октября, 2 часа утра (1827 г.).

Главнокомандующій у меня еще, и повидимому вовсе не намѣревается ложиться спать. Офицеръ, который ѣдетъ курьеромъ, ждетъ пока запечатаютъ официальные бумаги, и я пользуюсь этими нѣсколькими минутами чтобы напомнить вамъ о себѣ, дорогая и уважаемая Прасковья Николаевна. Мы здѣсь все въ опялнѣннй побѣды, среди многочисленнаго и шумнаго населенія. Взятіе Сардаръ-Абады въ 4 дня и Эривани въ 6 дней: есть вамъ чему подивиться! Не правда-ли? Что говорить объ этомъ въ Тифлисѣ? Напишите мнѣ, пожалуйста, слова два о прибытіи моей двоюродной сестры въ вашъ городъ. Какъ ей тамъ живется въ ожиданіи, пока супругъ ея наполнить страхомъ Персію? Мнѣ любопытно было-бы видѣть первое впечатлѣніе, произведенное на нее переѣздомъ по сю сторону горъ; я говорю первое, потому что послѣдующимъ я не буду радоваться, порѣшивъ уѣхать или и совсѣмъ бросить службу, которую я ненавижу отъ всего сердца, какія бы выгоды она ни обѣщала мнѣ въ будущемъ. Зять вашъ теперь исправляетъ должность начальствующаго. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь хорошее; потому что его прославятъ единодушно все, кто знаетъ отсутствіе способностей въ Эривостѣ. Добраго дня и доброй ночи. Хоть немножко не забывайте иногда вашего преданнѣйшаго слугу А. Г. Поклонъ мой обществу. Вчера у насъ былъ большой парадъ за стѣнами и благодарственное молебствіе передъ проломомъ [сказать мимоходомъ, городъ разрушали ужасно: цѣлый адъ бомбъ во все время осады]. Когда заплѣли «Господи помилуй», появился Симоничъ, окруженный всеми своими офицерами, опираясь на костыли. Не знаю отчего, но у меня выступили слезы. Эти пѣснопѣнія меня трогаютъ, а при видѣ этого почтеннаго увѣчнаго сердце мое сжимается. (He увѣчнаго, а благородно изувѣченнаго. Какъ это сказать по-французски?)

70. П. М. Устимовичу.

13 апрѣля (1828 года изъ Слб.).

Почтенный другъ Петръ Максимовичъ. Два раза для васъ былъ у Дибича, для объясненія ему, что крестъ вамъ слѣдуетъ вопреки ничтожности чина, въ которомъ вы года переслужили; былъ въ Министерствѣ Юстиціи, въ Герольдіи. Теперь о чинѣ вашемъ поступило къ докладу, а о крестѣ все еще ничего нѣтъ.—Извините, что мало пишу,—во-первыхъ, въ департаментѣ Азіатскомъ, а не дома, а второе обстоятельство получите отъ Андронникова...

Вѣрный другъ А. Гривоѣдовъ.

(На оборотѣ): Его Высокоблагородію Петру Максимовичу Устимовичу, при Генералъ-Адъютантѣ Графѣ Эриванскомъ.

71. Князю А. И. Одоевскому.

С.-Петербургъ (апрѣль—май 1828 г.).

Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь меня наградишь щедро за мою службу. Вѣднѣй другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушнѣй, при полученіи этихъ строкъ, и тамъ, вдали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

Осмѣлюсь-ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ, можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимо отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ устахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтациі, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты вѣрно теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ-бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила, довольно объ этомъ.

Слышу, что снисхожденіемъ высшаго начальства тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволится читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины, реэстръ приложу послѣ.

72. Е. И. Булгариной.

5 juny (1828).

Adieu, bestes Lenchen, theure Freundin, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu... Vielleicht werde ich einmal in Karlowo flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundin, und leben Sie glücklich. Ihr theurer Freund A. v. Griboyedof.

Переводъ:

5-го июня (1828).

Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой; отъ всего сердца цѣлую васъ и тетюшку также. Простите! Прощаюсь года на три,

на десять лѣтъ, можетъ быть навсегда. О, Воже мой! неужели проведу я всю мою жизнь тамъ, въ странѣ, чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ... Ничего... Можетъ быть, я когда-нибудь убѣгу въ Карлово отъ всего, что теперь мнѣ противно. Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю васъ, добрый другъ мой, будьте счастливы. Вашъ вѣрный другъ А. Грибовъдовъ.

73. Э. В. Булгарину.

Москва, 12-го іюня (1828).

Любезнѣйшій другъ Гадей Венедиктовичъ. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности пріобрѣтаетъ мое павлинное званіе. Здѣсь я нѣсколькими часами промедлил долѣе, чѣмъ рассчитывалъ. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно въ обществѣ съ матерью и съ миленькими полукунзиками; *jolies comme des anges*, и этотъ домъ родимый, въ которомъ я вѣчно, какъ на станціи!!! Пробѣду, переночую, исчезну!!! *Une f... e existence*.

Скажи Ордынскому, что я былъ здѣсь опечаленъ чрезвычайно, именно на его счетъ. Похвисневъ, котораго я полагалъ сдѣлать предателемъ у Вельяминава за его братьевъ, умеръ. И жалъ собственно за этого молодаго человѣка и за братьевъ нашего пріятеля. Но въ Тулѣ думаю найти истиннаго ко мнѣ дружески расположеннаго А. А., брата Вельяминава, а коли нѣтъ, буду писать къ нему.

Сходи къ пикуло человѣкудо. Онъ у меня ускромилъ мѣсяцъ жалованья. Но со мною нѣтъ полномочія, письма Государева къ тому государю, къ которому я ѣду. Подстрекни, чтобы скорѣе прислали, иначе какъ же я являюсь къ моему назначенію? Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ либо ему не усердствовать. Его именемъ мнѣ объявлено, чтобы я скорѣе ѣхалъ; я уже на пути, но въ томъ не моя вина, коли не снабдили меня всѣмъ нужнымъ для скорѣйшаго исполненія Высочайшей воли. Здѣсь я слышу, стороною, вещи, оттудова, которыя принуждаютъ меня торопиться. Приторопи же и ты мое азійское начальство, его превосходительство пикуло..... дерикую.

На первый случай пришли мнѣ Іордена атласъ всеобщій и карту войны, непременно и скорѣе, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новѣйшее сочиненіе о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ, двойную или десятирную бухгалтерію тоже пришли, въ руководство мнѣ и моему Амбургеру.

Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры. Разсуди и,

если можно, спшиись съ ней и помощи. Адресъ ея: Марья Сергѣевнѣ Дурновой, Тульской губерніи, въ городѣ Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произволь, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу = 5,000 рублей. Можетъ ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)? Она совѣстлива, больна и безнадежна. Александръ меня любить и честенъ. Поговори ему, и понудь его непременно сдѣлать мнѣ пріятное.

Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одоужай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ.

Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня. Звонять здѣсь безъ милосердія, — оглушили. Коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночкѣ и Тантѣ поклонъ.

(На оборотѣ): Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ, узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онѣрами!

74. Ему же.

Тула, 13-го іюня (1828 г.).

Вчера я позабылъ еще объ одномъ для меня важномъ предметѣ: «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; всѣ четыре тома пришли поскорѣе въ Тифлисъ. Греть ея при мнѣ ожидать. Аделунгъ обѣщаль купить мнѣ.

Прощай, Тула, Воронежъ! Что за гочки на семь свѣтъ, и почему надобно по нѣскольку часовъ ими заниматься. Какъ выѣдешь? Какъ выѣдешь? Вѣрный твой другъ А. Г.

[Адресъ]: Въ С.-Петербургѣ. Его Высокоблагородію М. Г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину. Г. издателю «Сѣверной Пчелы».

75. А. А. Жандру.

24 іюня. Новочеркасскъ. [1828].

Любезный Андрей. Мухи, пыль и жара, одурь беретъ на этой проклятой дорогѣ, по которой я въ 20-ый разъ проѣзжаю безъ удовольствія, безъ желанія, потому что противъ воли. Двое сутокъ пробылъ я у матушки, двое у Степана, съ которымъ много о тебѣ толковали. Онъ надѣялся, что ты вмѣстѣ со мною его посѣтишь. Но вышло иначе, я и самъ блеснулъ, какъ зарница

передъ ночью, посадилъ съ собою Степана, и покатишь къ сестрѣ. Она съ мужемъ Богъ знаетъ въ какой глуши, капусту садить, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великій химикъ, садовникъ, музыкантъ, успѣшно дѣтей дѣлаетъ и сахаръ изъ свеклы. Сашку я наконецъ всполоснулъ торжественно, похристіански. Что за фигура! точно лягушка. И все это происходитъ въ Чернскомъ уѣздѣ, неподалеку отъ Скуратова имѣнія бывшаго, и слышшаго, которое они между прочимъ продали. И тамъ я пробылъ двое сутокъ, разстались друзьями, расстаюсь и съ тобою, мой другъ, знай, что я живъ.

Варварѣ Сем. поклонъ, поцѣлуй и почтеніе.

Скажи Фадѣю Булгарину, чтобы онъ прислалъ фасады Степану, да попроси его, чтобы онъ отъ себя или чрезъ Малиновскаго написалъ къ Семашкѣ въ Астрахань и пригласилъ бы его ко мнѣ опредѣлиться. Гдѣ-то по дорогѣ въ церкви, и именно въ селѣ Кривцовомъ, еще о сю пору читаютъ только декларацію о Турецкой войнѣ, и ругаютъ наповаль Персіанъ, полагая, что Персіане и Турки одно и то же.

Прощай, братъ.

76. О. В. Булгарину.

Ставрополь, 27-го іюня 1828 г.

Любезнѣйшая Пчела. Вчера я сюда прибылъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dandy петербургскаго Bonds-street — Невскаго проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.

Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожить безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши, пошедшіе къ нимъ на перерѣзъ съ 1,000 конными и съ 4-мя орудіями, по обыкновенію оттянули, не успѣли. Пѣхота вздумала дѣйствовать отдѣльно, растянулася длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятели, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но, замѣтивъ несовершенство нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были,

опрокинули его вверх колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Родіоновъ удержалъ ихъ 4-мя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками—линейными и донскими—но, не бывъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ съ горстью донцовъ своихъ и заплатилъ жизнью за великодушную смѣлость. Ему пашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею, онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако, отпоръ этотъ заставилъ закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которыми они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова, жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на Воды.

Посѣтителѣ сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы.

Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбой и грабительства утихли, и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генераль Эммануель отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ съ той стороны Кубани толпами къ нему выходили навстрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностью и подданствомъ.

Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы. Бѣснѣ меня только этотъ пѣхотный маіоръ, который не соединился съ Родіоновымъ и — причиною его безвременной смерти. Онъ 20-й крымской дивизіи. Нашего кавказскаго корпуса штабъ-офицеръ никогда бы этой глупости не сдѣлалъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода. Въ 1825 году, я былъ свидѣтелемъ глупости Булгакова, который также пропустилъ закубанцевъ и къ намъ, и отъ насъ.

Прощай. Лошади готовы.

Коли къ моему пріѣзду гр. Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже къ его услугамъ; всѣ меня привѣтствуютъ съ необычайною перемѣною его характера. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники — народъ добрый, собачья натура, всѣ забыли прошедшее, полюбили его и стали передъ нимъ на заднія лапки. Но жребій людей всегда одинъ и тотъ же. О дурномъ его нравѣ всѣ прокричали въ Петербургѣ и, вѣрно, умолчать о перемѣнѣ, потому что она въ его пользу.

Прощай еще разъ, любезный другъ. Пришли мнѣ отъ Винтера стекла три-четыре отъ карманныхъ часовъ, которыя я у него купилъ. Я забылъ записать ими, а стекло въ дорогѣ расшиблосъ и я принужденъ руководствоваться свѣтлами небесными.

Владикавказъ, 30 іюня 1828 г.

Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись: Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приносить войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всё отъ славы съ ума сходятъ. Вѣрный другъ твой А. Гр.

Порадуй отъ меня этимъ его превосходительство Константина Константиновича Родофинкина. Я оттого не доношу ему официально, что не имѣю мѣста, гдѣ бы прислониться съ перомъ и бумагой для чистописанія, а служба требуетъ наблюденія различныхъ формъ бюрократіи, не совмѣстныхъ съ дорожною ѣздой.

77. Ему же.

Бивакъ при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24 іюля 1828 г.

Любезный другъ, пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водить моимъ перомъ, — иначе ни какъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!!

Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ Паскевича ни слова, и я пустился къ нему наудачу. Въ душной долинь, гдѣ протекаетъ Араксъ и Алгелла, лошади мои стали дѣлать, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти въ гору; я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердился, побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь; а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу, чтобы онъ мнѣ далъ способы къ нему пробраться; увѣдомилъ его обо всемъ, о чемъ мнѣ крайне нужно имѣть отъ него свѣдѣнія, если уже нельзя намъ соединиться, и между тѣмъ просилъ его удержать до моего приѣзда Мирзу Джафара, о которомъ я слышалъ, что къ нему посланъ изъ Табриза. Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевои (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилося, не знаю, безпокойство-ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу

за фортепiano; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Прас. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нея на губахъ во всю ночь, и весь день, отправилъ курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, выюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано, графъ оставилъ Карскій пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего прѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человекъ выздоровѣвшихъ, — все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ.

Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзе-отца, изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ вообразить себѣ, что любовь заглушить во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе, за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить.

78. П. Н. Ахвердовой.

Goumri le 29 Juillet (1828).

Ma chère, ma très-aimable m-e Akhwerdow! Figurez-vous mon désappointement! On marche à Ahalkalaki. Il n'y a plus de communication avec Kars; je suis le torrent, et je jette tous mes effets pour la centième fois, je pense. Comme s'est embarrassant, comme s'est dispendieux! Et tout ce train, pourquoi? Dites à Nina que cela ne du-

vera pas, et bientôt, dans deux ans tout-au-plus, je deviendrai l'hermite de Zinondal. Mon courrier n'arrive pas, et quand et où me trouvera-t-il? Je suis abrité sous une tente, le vent souffle avec force, et je crois qu'il nous enlevera tous. Malzow et moi, nous avons fait crever quelques chevaux de ceux que j'ai achetés à Tiflis. Et pourquoi nous sommes nous dépêchés. — Mon excellente amie, parlez à Nina de moi, beaucoup, toujours, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Rappelez-vous que nous vous chérissons tous les deux comme une tendre mère. Votre couple d'adoption, vos enfants: c'est elle et moi.

Гумры 29 июля (1828).

Переводъ: Дорогая и любезнѣйшая Прасковья Николаевна! Представьте себѣ мое положеніе. Идутъ на Ахалкалаки, больше сообщеній съ Карсомъ нѣтъ. Я слѣдую за общимъ потокомъ и, должно быть, въ сотый разъ покидаю все мои пожитки. Какъ это стѣснительно, какъ это убыточно! И для чего вся эта гонка? Скажите Нинѣ, что такъ продолжаться не будетъ и что скоро, не больше какъ черезъ два года, я сбѣгаюсь отшельникомъ въ Циюндалахъ. Курьеръ мой не является, и когда и гдѣ онъ меня найдетъ? Я приютился въ палаткѣ: дуетъ сильный вѣтеръ, и я полагаю, что онъ всѣхъ насъ унесетъ. Мальцовъ и я загнали нѣсколькихъ лошадей изъ тѣхъ, которыхъ я купилъ въ Тифлисѣ. И для чего мы торопились! Добрѣйшій другъ мой, говорите обо мнѣ побольше Нинѣ, постоянно, когда не находите ничего лучшаго. Помните, что и я, и она любимъ васъ, какъ нѣжную мать. Мы ваши приемныя дѣтки, и я, и она.

79. Ей же.

(Около 11 августа 1828 г.).

Ma très-chère amie. Vous m'avez vu au commencement de mon raxuisme. Il a été des plus forts, et a duré jusqu'aujourd'hui matin. Pribel m'a donné une médecine qui n'a pas opéré. Comme il est tout-à-fait improbable que Nina croie aussi longtemps aux mauvaises raisons que je lui ai fait imaginer de ma disparition, veuillez lui dire que j'ai été mal, il est vrai, mais que maintenant je suis beaucoup mieux, quoique je ne puisse encore quitter ma chambre. Et embrassez-la bien tendrement.

Переводъ: Любезный другъ. Вы видѣли меня при началѣ моего припадка. Это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ и продолжался до сегодняшняго утра. Прибель далъ мнѣ лѣкарство, которое не подѣйствовало. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы Нина долго вѣрила тому, что я ей наговорилъ относительно моего исчезновенія, то прошу васъ сказать ей, что мнѣ было конечно худо, но теперь много лучше, хотя я не могу еще выходить изъ комнаты. Подѣлуйте ее поцѣлуйте.

80. Письмо къ издателю „Сѣверной Пчелы“ о взятіи Баязета.

31 августа 1828 г.

Баязеть. Уже четвертый день, что русскіе вошли съ побѣдоноснымъ оружіемъ своимъ въ неприступную отъ природы турецкую крѣпость Баязеть. Малочисленный отрядъ войскъ, назначенный, подъ командою исправляющаго должность армянскаго област-

наго начальника, генераль-маіора князя А. Г. Чавчавадзе, къ занятію сей крѣпости, двинувшись 25 сего августа изъ лагеря при селеніи Хошнабарѣ, находящемся въ армянской области, недалеко отъ границъ нашихъ съ турецкими владѣніями, перешедъ по весьма трудной дорогѣ ночью чрезъ горы Агаджигъ, 27-го числа явился уже близъ Баязета, и послѣ сраженія съ турецкою конницею, спасеніемъ бѣгствомъ въ крѣпость и увезшею съ собою раненое знамя¹⁾, занялъ находящееся въ двухъ верстахъ отъ города укрѣпленіе Зангезоръ. На другой день часть отряда нашего пошла для занятія города, несмотря на пушечную пальбу, производимую довольно удачно изъ крѣпости, и двухъ-бунчужной Баязетскій Балюль-паша, видя таковую рѣшительность русскихъ, вынужденъ былъ, по стремительномъ обращеніи въ бѣгство турецкой конницы, сдать крѣпость и участь свою намъ, приславъ для сего къ отрядному начальнику парламентера. Нельзя описать восторга здѣшнихъ жителей, большую частію армянъ, вышедшихъ навстрѣчу побѣдителямъ, и благословлявшихъ неліцемерными привѣтствіями Русскаго Царя, оружіемъ котораго исторгнуты они отъ столь долгаго томленія подъ игомъ мусульманъ. Паша, родомъ Куртинець, весьма извѣстной и древней фамиліи, владѣвшій Баязетскимъ пашалыкомъ, какъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, весьма высокаго роста, еще довольно молодой человекъ привлекательной фізіономіи, на которой рѣзкими чертами изображалось уничтоженіе его и скорбь душевная, выѣхавъ навстрѣчу генералу, и съ покорностію вручилъ ему судьбу свою.

Два дворца его, или, лучше сказать, двѣ крѣпости, находящіяся въ городѣ, весьма примѣчательны по своему устройенію: старая крѣпость, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщались его семейство, приближенные чиновники и стража, приклеена, говоря безъ фигуръ, на ужасной высотѣ къ огромнымъ скаламъ, воздымающимся надъ городомъ; новую крѣпость составляетъ отличный, чисто арабской или готической архитектуры, изъ бѣлаго, высѣченнаго съ различными украшеніями, камня, дворець, строившійся, по словамъ здѣшнихъ жителей, около сорока лѣтъ, и теперь еще не совсѣмъ оконченный, начатый дѣдомъ нынѣшняго паши, продолжаемый отцомъ его, и теперь оставленный пашею по предубѣжденію, что въ ономъ

¹⁾ Байрақшаръ (знаменосецъ), несмотря на картечный огонь, производимый изъ орудій, командуемыхъ артиллеріи штабсъ-капитаномъ Рюминимъ, ѣхалъ спокойно и важно на своей лошади, и когда лошадь была убита и древно знамени подбито, онъ, поднявъ переломленное знамя, ушелъ въ виду артиллеріи, при которой, по малому числу кавалеріи, не было, кромѣ пѣхоты, другаго прикрытія.

умерли дѣдъ и отецъ его, которымъ воздвигнутые великолѣпнѣйшіе мавзолеи тутъ же находятся. Сооруженіе сего дворца стоило нѣсколькихъ милліоновъ, тѣмъ болѣе, что, по неизбѣжно по близости матеріала къ строенію, каждый кусокъ бѣлаго камня съ работою приходился по червонцу, какъ увѣряютъ приближенные пашы. Сколько же таковыхъ камней потребно было на построеніе огромнѣйшаго дворца! Видъ изъ сего дворца на городъ, построенный амфитеатромъ на горахъ, представляетъ несравненную картину.

День 30-го августа останется достопамятнымъ у жителей Баязета: поутру, на довольно обширной площади (что составляетъ не послѣднюю рѣдкость въ здѣшнемъ нагорномъ городѣ), совершенъ былъ церковный военный парадъ, приводившій въ восхищеніе здѣшнихъ жителей и самого пашу, не видавшихъ прежде ничего подобнаго. Собравшееся на площади все здѣшнее армянское духовенство участвовало при отправленіи панхиды о блаженной памяти покойномъ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ и благодарственнаго молебствія за взятіе города. Потомъ генераль угощалъ въ новомъ дворцѣ пашу, приближенныхъ его и почетнѣйшихъ изъ здѣшнихъ жителей вмѣстѣ со своими военными офицерами нашего отряда великолѣпнымъ обѣдомъ, и при питіи за здоровье Государя Императора, при громѣ пушекъ, паша и приближенные его, по обычаю мусульманъ, запивали шербетомъ. Послѣ обѣда веселіе сдѣлалось общимъ и, казалось, не было различія между радостію побѣдителей и побѣжденныхъ. Прекрасная музыка Нотебургскаго полка, пѣсенники изъ казаковъ, и турецкая музыка, состоящая изъ множества литавровъ, барабановъ и рожковъ, попеременно возбуждали общее веселіе, и танцы національные и русскіе заключили сей военный праздникъ.

Въ крѣпости найдено 12 орудій, два бунчука, три знамени, большой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, ружей, провіанта и проч. Съ непріятельской стороны убито до 10 человекъ, съ нашей двое и ранено шестеро. Впрочемъ въ семь сраженій какъ съ непріятельской, такъ и съ нашей стороны наибольшая потеря была въ лошадяхъ; ибо дѣло 27-го августа можно скорѣе почесть кавалерійскимъ. Плѣнныхъ въ городѣ осталось до 200 человекъ, которыхъ, опасаясь заразы, прежде всего свирѣпствовавшей въ городѣ, генераль не почелъ безопаснымъ отыскивать по домамъ, тѣмъ болѣе, что по занятіи города отданъ былъ приказъ отряду не входить въ дома жителей, что со стороны нижнихъ воинскихъ чиновъ, отличавшихъ себя во все время похода строгимъ соблюденіемъ дисциплины, исполнено во всей точности.

А. Г....

81. О. В. Булгарину.

(Августа 22—8 сентября 1828).

Строфы XIII, XIV, XV.

Промежутокъ 1^{1/2} мѣсяца.

Дорогой мой Оадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ желтою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе, Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже, опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю капли крови здоровой во мнѣ не осталось.

Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ или векорѣ послѣ, ты получишь отъ дяди Мальцева 15,000 руб. и слѣдовательно до 1-го января со всѣми расквитаешься.

Изрѣдка до меня доходитъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ», «Сѣверная Пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочихъ журналовъ ты мнѣ не присылаешь? А объ иностранныхъ и въ поминѣ нѣтъ. Сдѣлай одолженіе, позаботься и объ этомъ.

Прощай. Прими поцѣлуй отъ меня и отъ жены.

82. В. С. Миклашевичъ.

Эчміадзинъ, 17 сентября 1828 г.

Другъ мой, Варвара Семеновна! Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать. Знаетъ, что пишу къ женщинѣ, и ревнуетъ. Не пеняйте-же на долгое мое молчаніе, милый другъ; видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ,—110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Ниночка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для переменъ бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылить, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc.; и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андрѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.

«Какъ это все случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда». Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ

сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, исчезла, можетъ быть навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлать все съ прекраснымъ, воздушнымъ созданиемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Всегда ли такъ будетъ? Бросьте вашего Тросеѣра и Куперову Prairie—мой романъ живой у васъ передъ глазами, и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похиженіяхъ не похожій на себя прежняго, на прошлогдняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ.

83. Гр. И. Ѳ. Паскевичу.

30-го октября 1828 г.—Тавризь.

Тестъ мой завоевалъ въ Баязетѣ нѣсколько восточныхъ манускриптовъ; сдѣлайте милость, не посылайте ихъ въ Императорскую бібліотеку, гдѣ никто почти грамотѣ не знаетъ, а въ Академію Наукъ, гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего приобрѣтенія возможную пользу для ученаго свѣта.

84. П. М. Устимовичу.

Тавризь, 30 октября 1828 г.

Почтеннѣйшій мой Петръ Максимовичъ. Ваше письмо меня чрезмѣрно порадовало: слава Богу, хоть одинъ изъ тѣхъ людей, которые мною искренно любимы и уважаемы, доволенъ своею судьбою. Но для этого мало стеченія счастливыхъ обстоятельствъ, и даже истинныхъ заслугъ, надобно еще имѣть характеръ, сказать себѣ, вотъ это мнѣ надобно, вотъ цѣль, дойду и успокоюсь. Судя по вашимъ словамъ, вы стали на эту точку, и ничего болѣе не хотите, а какъ я еще далекъ отъ конца моихъ желаній! Или лучше сказать, чего желаю! Nescio! Какъ тошно въ этой Персїи, съ этими Джафарханами, или, какъ моя жена ихъ называетъ, Чепарханами.—По ключкамъ выманиваю отъ нихъ слѣдующую намъ уплату. Какъ у насъ мало знаютъ обращеніе въ дѣлахъ съ этимъ народомъ! Родофиникинъ только что не плачетъ, зачѣмъ я до сихъ поръ не въ Тегеранѣ. Напротивъ, я слишкомъ рано сюда прибылъ; по перепискѣ изъ Тифлиса я бы лучше, скорѣе съ нимъ кончилъ, угрожалъ бы имъ, даже раз-

рывомъ; издали все страшнѣе. А теперь они меня почитаютъ залогомъ будущей своей безопасности съ нашей стороны. Гр. желалъ, чтобы нашимъ зимовать въ Хояхъ, и это завлекло меня въ самое трудное положеніе—согласить наши денежные требованія съ дальнѣйшимъ удерживаніемъ ихъ провинціи. Кажется, однако, что я довольно успѣшно въ этомъ оборотился,—и войска будутъ зимовать въ Хояхъ, и деньги получимъ. Вы знаете, что по полученіи 400 т. мы должны выступать, а за остальные 100 т. удержимъ алмазы въ залогъ. 50 т. сверхъ 300 я уже ихъ заставилъ послать въ Хои, теперь насчетъ другихъ 50 отдалить нарочно срокъ, т. е. черезъ 20 дней отъ 26 октября. Это повидимому величайшее снисхожденіе съ моей стороны. Но съ тѣмъ условіемъ, что если сумма сія къ означенному сроку не уплатится, то Хои не опорожняются. Вамъ слишкомъ извѣстна неустойка персидская, любезный другъ, и вы можете навѣрно угадать, что они по крайней мѣрѣ 10-тью днями позже выполнить свою обязанность, тогда мы будемъ имѣть 400 т. чистыми деньгами, и Хои все-таки не будутъ очищены *по праву*. Потрудитесь это объяснить Ф. С. Хомякову; я надѣюсь, что онъ не обидится, зачѣмъ не ему пишу объ этомъ, какъ-бы и слѣдовало, но вѣдь это все равно, коли я васъ прошу ему показать. Помилуйте однако: какіе вы всѣ чудные, начиная съ моего благодѣтеля графа. Никто мнѣ не пишетъ о его награжденіи, о полученіи имъ Андреевской ленты, и если бы я не нашелъ этого ночью въ какомъ-то лоскуткѣ Сѣверной Пчелы, то такъ-бы и осталось. Не хочу же ему болѣе ни слова приписывать. А вотъ вы что сдѣлайте, милый мой Петръ Максимовичъ, да непременно. Надѣньте мундиръ, облекитесь въ ваши регалии, и съ торжественнымъ видомъ принесите графу усерднѣйше поздравленіе отъ лица всего Персидскаго посольства, и жены моей включительно. Пожалуйста сдѣлайте. Прощайте, любезнѣйшій прежній сотрудникъ... и сострадалецъ. Помните меня, и пожалуйста иногда о преданномъ сердечно вамъ

А. Грибовдовъ.

85. Ө. В. Булгарину.

(Ноябрь 1828 г.).

Напечатанъ, любезный другъ Өадей, это блестящее описаніе, которое очень удачно вышло изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки.

Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. ⁴/₅ слѣдующихъ намъ денегъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ ско-

ромъ времени возвращается. Коли все еще меня будутъ ругать пріятели, nos amis les ennemis, то объяви имъ, что я на нихъ шлюю. Ты, въ своихъ письмахъ, крѣпко настаивашь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турокъ. Любезный другъ, знаешь-ли ты, имѣю-ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говорить, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то, прежде всего, слѣдуй буквально испосылаемымъ свыше инструкціямъ, а если, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно пожить и для газетъ,—и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобрѣтать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покуда мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрный твой
А. Грибовдовъ.

86. П. Н. Ахвердовой.

(Ноябрь 1828 года).

Recevez mes sincères hommages, ma très-chère et très-estimable amie. J'ai fait depuis longtemps ce qu'il fallait pour votre neveu; mais si le comte ne le voit pas de très-bon oeil, qui sait si on ne lui aura pas rapporté quelques plaisanteries innocentes qu'il aura débitées sur son compte, et que des insinuations, comme on en fait ordinairement aux chefs, auront grossi et envenimé des propos tout au plus indiscrets. O, это водится! Tout ce que vous me dites d'ailleurs au sujet du comte d'Erivan me fait le plus grand plaisir. C'est mon ami et mon bienfaiteur, et j'aurais naturellement désiré que tout le monde lui fût dévoué autant que je le suis. Les conseils que vous me donnez pour que je soigne les occupations de ma femme sont très-sages et très-salutaires; mais tout mon temps est pris par cette maudite contribution que je ne puis encore parvenir de tirer en entier des Persans. C'est la mer à boire. Il me semble que je ne suis pas assez bon pour ma place: il faudrait plus de savoir-faire, plus de sang-froid. Les affaires me donnent de l'humeur. Je deviens morose; quelquefois l'envie me prend de faire la fin, et c'est alors que je deviens réellement bête. Non, je ne vauх rien pour le service. C'est une destination manquée que la mienne. Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé; bien d'autres auraient fait cent mille fois mieux. Mais il me reste encore un espoir: c'est mon Dieu. Que je sers encore plus mal que l'Empereur et Qui m'a toujours et efficacement protégé. Vous allez voir qu'on finira par me savoir gré de tout ce qui se sera fait de bon, sans que j'y aie participé en rien, comme pour cette campagne de Perse où tant d'autres ont bien plus mérité du gouvernement, que moi; et c'est pourtant moi qu'on a le mieux récompensé. Embrassez Dachinka, bien, bien tendrement. Comme nous l'aimons, ma femme et moi; je parle qu'elle ne se doute pas de toutes les conversations que nous avons à Tauris, et c'est toujours d'elle et Katinka qu'il s'agit. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся! За кого ихъ выдадутъ? Маленькія ихъ кокетства въ клубѣ etc. etc. Bonjour, mon estimable madame Akhwerdow. Pensez bien à nous, aimez-nous autant que nous vous sommes sincèrement dévoués, votre Nina et votre fidèle ami A. Griboïédow.

Переводъ: Примите мои искреннія привѣтствія, дорогой и глубоко-уважаемый другъ мой. Я давно уже сдѣлалъ все, что было нужно для вашего племянника; но графъ не особенно расположенъ къ нему. Кто знаетъ? быть-можетъ ему переданы нѣкоторые невинныя шутки, которыя тотъ позволилъ себѣ на его счетъ; а инсинуаціи, обыкновенно дѣлаемыя всякому начальнику, раздули и придали злой характеръ этимъ отзывамъ, во всякомъ случаѣ только нескромнымъ. О, это водится! Впрочемъ то, что вы мнѣ говорите о графѣ Эриванскомъ, доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе. Это мой другъ и благодѣтель, и я конечно желалъ бы, чтобы всѣ были ему такъ же преданы, какъ я. Совѣты ваши, чтобы я позаботился о доставленіи занятій женѣ моей, очень разумны и полезны. Но у меня все время отнято проклятою контрибуціею, которой я еще не могу взыскать съ Персіянъ сполна. Это египетская работа. Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота оспениться, и тутъ ужъ я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не годюсь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить какъ слѣдуетъ служебныя обязанности; многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше. Но мнѣ остается одна надежда: Богъ, Которому я служу еще хуже, нежели Государю, и Который всегда и дѣйствительно мнѣ покровительствовалъ. Вы увидите, что меня же въ концѣ-концовъ станутъ восхвалять за все, что сдѣлано будетъ хорошаго, тогда какъ участія моего тутъ вовсе не было, точно также какъ въ эту Персидскую кампанію: сколько другихъ гораздо больше меня заслужили награды отъ правительства, а вышло, что я награжденъ всѣхъ больше.—Подѣлуйте Дашеньку нѣжно, нѣжно. Какъ мы любимъ ее съ женою. Держу пари, что она и не догадывается о всѣхъ тѣхъ разговорахъ, которые мы ведемъ въ Тавризѣ, а мы только и говоримъ, что о Катенькѣ и о ней. Какъ-то найдемъ ихъ, когда воротимся. За кого ихъ выдадутъ? Маленькія ихъ кокетства въ клубѣ, etc. etc. Прощайте, уважаемая госпожа Ахвердова. Вспоминайте о насъ, любите насъ такъ же, какъ мы чистосердечно вамъ преданы. Ваша Нина и вашъ вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ.

87. Н. Ф. Калачевскому.

29 ноября (1828). Тавризъ.

Любезный Калачевскій. Что вы все ратуете съ персіянами. Уже давно миръ, пора и вамъ угомониться. Впрочемъ это не значитъ, чтобы я удерживалъ васъ отъ исполненія вашей должности. Прилежите къ вашимъ дѣламъ со всею ровностью, только удержитесь отъ переписки съ Персидскимъ дворемъ, которая нашимъ пограничнымъ начальникамъ строго воспрещается Государемъ Императоромъ! Адресуйте ко мнѣ или въ отсутствіи моемъ къ Амбургеру, ваши требованія всегда будутъ исполнены. Бѣдный Лукинскій. Вѣрно и вамъ его жаль. Въ тотъ же день, какъ ему умереть, говорилъ мнѣ поутру, что намъ брѣнь быть жениться. Пожалуйста, любезный Николай Федоровичъ, кромѣ вашихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, пишите ко мнѣ иногда

по-дружески. Жена моя вамъ кланяется. Вы отчего не приступите также какъ я къ торжественному браку. Это право очень умно наконецъ, послѣ всѣхъ тревогъ. Поклонитесь отъ меня почтенному Карлу Карловичу и всему его милому семейству.

Весь вашъ А. Грибовдовъ.

88. П. М. Устимовичу.

2 декабря (1828 г.).

Любезнѣйшій другъ Петръ Максимовичъ. Посылаю къ вамъ аттестаты находящагося при мнѣ К. Семена Кобулова. Сипягинъ общалъ мнѣ его считать въ дѣйствительной службѣ, но въ откомандировкѣ при мнѣ. Справьтесь пожалуйста, и коли ничего.... не донесено графу, то прошу васъ для меня постараться объ этомъ молодомъ человѣкѣ, о чемъ я вмѣстѣ съ нимъ прошу и нашего графа Ивана Федоровича. Когда сдѣлаете изъ аттестатовъ надлежащее употребленіе, то пришлите мнѣ ихъ назадъ.

У насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! уже не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня. Я и здѣсь вижушаю доверменно всѣ прелести тьмы кромѣшной. Прощайте, любезный другъ.

Весь вашъ Грибовдовъ.

89. Ему же.

Почтеннѣйшій другъ Петръ Максимовичъ. Найди пожалуйста въ бумагахъ отъ Нессельроде у Камардина двѣ касающіяся до дѣлъ Мирза-Сале въ Астрахани секретно и переведи ему ихъ, и потомъ донеси отъ имени генерала въ Петербургъ объ исполненіи по нимъ. Прощай, душенька, будь здоровъ и люби меня такъ же, какъ я тебѣ всѣмъ сердцемъ принадлежу и душевно уважаю твой умъ и правила.

90. В. С. Миклашевичъ.

Тавризь, 3 декабря 1828.

Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться: Андрей, ты помоги мнѣ умиловить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ тѣ же чувства, ту же любовь, которыя отъ васъ, моихъ милыхъ нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, и какъ нѣжно—и какъ безкорыстно.

Вѣрно, сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются...

Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притомъ), за невниманіе, за эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ бы охотно жизнь отдать. Александръ нашъ что долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое теперь отдалось мнѣ на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію! Кто знаетъ: можетъ быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ-время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать... Что проку, что чувства мои во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всё его отличія, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго,—и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!

Сказать-ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ турками. Взяю контрибуцію довольно успешно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали *сагитуръ*, *соеиг диг*. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; рассказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки Murillo,—вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите вѣрнаго вамъ—А. Г.

91. П. Я. Ренненкампу.

5-го декабря (1828).—Тавризъ.

...Завтра я ѣду въ Тегеранъ; Амбургеръ остается моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Когда кончите разграниченіе, пошлите

ему краткое описаніе вашихъ работъ, съ означеніемъ сомнительныхъ и спорныхъ пунктовъ, а я постараюсь поддержать наши справедливыя требованія передъ шахомъ, какъ скоро графъ Эриванскій дастъ мнѣ на то приказаніе. Здѣсь придираются къ каждой пяди земли, тогда какъ шахъ всячески избѣгаетъ споровъ и несогласія съ такою державою, какъ Россія. Я пишу вамъ въ качествѣ частнаго лица и совѣтую какъ другъ. Отступитесь отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора; въ Петербургѣ этого не хотятъ, и графъ Эриванскій не желаетъ, чтобы дѣло такого рода тянулось и пр. и пр.

92. Н. А. Грибоѣдовой.

Казбинь, 24-го декабря, Сочельникъ 1828 г.

Душенька. Завтра мы отправляемся въ Тейранъ, до котораго отсюда четыре дня ѣзды. Вчера я къ тебѣ писалъ съ нашимъ однимъ подданнымъ, но потомъ расчелъ, что онъ не доѣдетъ до тебя прежде двѣнадцати дней, такъ же къ m-me Macdonald, — вы вмѣстѣ получите мои конверты. Безцѣнный другъ мой, жаль мнѣ тебя, грустно безъ тебя какъ нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значить любить. Прежде расставался со многими, къ которымъ тоже крѣпко былъ привязанъ, но день, два, недѣля — и тоска исчезала; теперь чѣмъ далѣе отъ тебя, тѣмъ хуже. Потерпимъ еще нѣсколько, ангелъ мой, и будемъ молиться Богу, чтобы намъ послѣ того никогда болѣе не разлучаться.

Плѣнные здѣсь меня съ ума свели. Однихъ не выдаютъ, другіе сами не хотятъ возвратиться. Для нихъ я здѣсь даромъ прожилъ, и совершенно даромъ.

Домъ у насъ великолѣпный, и холодный, каминовъ нѣтъ, и отъ мангаловъ у нашихъ у всѣхъ головы переболѣли.

Вчера меня угощали здѣшній визирь, Мирза Неби. Братъ его женился на дочери здѣшняго Шахзады, и свадебный пиръ продолжается четырнадцать дней, на огромномъ дворѣ нѣсколько комнатъ, въ которыхъ угощеніе, лакомство, ужинъ, весь дворъ покрытъ обширнѣйшимъ полотнянымъ навѣсомъ, въ родѣ палатки, и богато освѣщенъ, въ серединѣ театр, разныя представленія, какъ тѣ, которыя мы съ тобою видѣли въ Табризѣ, кругомъ гостей человекъ до пяти сотъ, самъ молодой ко мнѣ являлся въ богатомъ убранствѣ. Однако, душа, свадьба наша была веселѣе, хотя ты не Шахзадинская дочь, и я не знатный человекъ. Помнишь, другъ мой неоцѣненный, какъ я за тебя сватался, безъ посредниковъ, тутъ не было третьяго. Помнишь, какъ я тебя въ первый разъ поцѣловалъ, скоро и искренно мы съ тобой

сошлись, и навѣки. Помнишь первый вечеръ, какъ маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидѣли на крыльцѣ, а мы съ тобою въ глубинѣ окошка, какъ я тебя прижималъ, а ты, душка, раскраснѣлась, я училъ тебя, какъ надобно цѣловаться крѣпче и крѣпче. А какъ я потомъ воротился изъ лагеря, заболѣлъ, и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я къ тебѣ ворочусь! Знаешь, какъ мнѣ за тебя страшно; все мнѣ кажется, что опять съ тобою то же случится, какъ за двѣ недѣли передъ моимъ отъѣздомъ. Только и надежды, что на Дереджану,—она чутко спитъ по ночамъ, и отъ тебя не будетъ отходить. Поцѣлуй ее, душка, и Филиппу и Захарію скажи, что я ихъ по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду умѣть и ихъ сдѣлать довольными.

Давеча я осматривалъ здѣшній городъ, богатыя мечети, базаръ, каравансарай, но все въ развалинахъ, какъ вообще здѣшнее государство. На будущій годъ вѣроятно мы эти мѣста вмѣстѣ будемъ проѣзжать, и тогда все мнѣ покажется въ лучшемъ видѣ.

Прощай, Ниночка, ангельчикъ мой. Теперь 9 часовъ вечера, ты вѣрно спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, какъ вовсе бессонница. Докторъ говоритъ отъ кофею. А я думаю совсѣмъ отъ другой причины. Дворъ, въ которомъ свадьбу справляютъ, недалекъ отъ моей спальни, поютъ, шумятъ, и мнѣ не только не противно, а даже кстати, по крайней мѣрѣ не чувствую себя совсѣмъ одинокимъ. Прощай, безцѣнный другъ мой, еще разъ, поклонись Агалобеку, Монтису и прочимъ. Цѣлую тебя въ губки, въ грудку, ручки, ножки и всю тебя отъ головы до ногъ.

Грустно. Весь твой А. Гр.

Поклонись Ваценкѣ, я къ нему вчера писалъ; приѣхалъ ли Андрей Карловичъ, *dis-lui que je lui en veux un peu, с. а. d. amicalement, il est resté trop longtems dehors, et cela dans un temps où sa présence à Tauris est de la plus grande urgence*¹⁾. Впрочемъ je lui en veux, покудава его нѣтъ, а коли воротился, такъ и дѣло въ шляпѣ. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя душка. Я виноватъ (самъ виноватъ и тѣломъ), что ты большой этотъ праздникъ проводишь такъ скучно; въ Тифлисѣ ты бы веселилась. Прощай, мой всё тебѣ кланяются.

(Сбоку приписка:) Коли будешь имѣть оказію къ лапенькѣ и въ Тифлисѣ къ бабушкѣ и маменькѣ, пошли имъ всѣмъ поклонъ отъ меня, и Катенькѣ и Давыдчику; я скоро самъ буду ко всѣмъ писать.

¹⁾ Скажи ему, что я на него немножко сердить, т. е. по-дружески, онъ долго былъ въ отсутствіи и въ такое именно время, когда его присутствіе въ Тавриѣ было настоятельно необходимо.

Изъ замѣтокъ историческихъ.

I.

О Петрѣ Великомъ.

Никакъ незамѣтно, чтобы Софїино властолюбїе много вредило Петру и такъ было опасно, какъ намъ внушить стараются. У нея была тоже своя партїя, (какъ) у Нарышкиныхъ; послѣдняя восторжествовала, — ей въ пользу пишутъ. Мѣшала-ли Софїя набранїю войска въ Преображенскомъ и Семеновскомъ? (300 съ Соколиного двора, 15 барабанщиковъ бутырскаго полка). Не могла-же она почитать это шуткою, какъ сїяются насъ увѣрить писатели, придающіе ей свою глупость. — Явная немилость Петра къ любимцу Софїи Голицыну, такъ-что она принуждена была за него ходатайствовать. — Наконецъ, гнѣвъ Софїи на Петра, а Петровъ — во время крестнаго хода, что и приблизило разрывъ; все это свидѣтельствуеть превосходство силы, власти Петровой, а не Софїиной.

Древн. Вѣд., часть 20, стр. 164. — Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ половину противъ иностранныхъ офицеровъ. Минихъ одну службу служившихъ жалованьемъ сравнилъ. *Ibid. стр. 238.* Говоря о стрѣльцахъ: «такое войско, въ коемъ презрительно было быть полковникомъ, заслуживало, чтобы Государь Петръ В. оное уничтожилъ». Ни чуть не заслуживало, если хотѣлъ онъ имѣть регулярное войско. Наше отечество въ концѣ XVII столѣтія было болѣе предано восточнымъ обычаямъ, а я по опыту знаю, какъ въ азіатскихъ государствахъ презираютъ войско постоянное, содержимое, нераспусное. Сарбазы въ Персіи новоустроенный регулярный корпусъ, и въ укору ему нечего замѣтить. Я, думавши сдѣлать привѣтствіе молодому Ахметъ-Хану, сыну табризскаго беглербега, сказалъ ему, что онъ, конечно, носить свою службу Сергенгомъ, полковникъ, въ сарбазахъ. Онъ обидѣлся и отвѣчалъ мнѣ: «я ханъ и сынъ хана». Такъ думаетъ всякій писецъ при дворѣ персидскомъ. Всегда предпочтеть на войну вести съ собою безпорядочное скопище людей, ему преданныхъ, и, по окончанїи кампанїи или войны, быть съ ними отпущеннымъ во-своися, либо продолжать придворную службу. Вѣроятно и Петровы регулярные полки не менѣе сарбазовъ были ненавистны дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч., но *кнутъ...*

II.

Различныя.

1) Въ историческомъ изслѣдованїи о мѣстоположенїи древняго *Тмутараканя* говорятъ подъ статью: *Суздаль* (стр. VIII) о замѣчательной надписи, которая находится въ храмѣ Успенїя Богородицы. Эта надпись существуетъ-ли еще? — Имѣетъ-ли она признаки древности?

2) Мы мало знаемъ исторїю *Муромскихъ* князей. Едва извѣстенъ князь Федоръ Глѣбовичъ, о которомъ исторїя упоминаетъ подъ г. 1355, и князь Андрей, бывшїй на Донской битвѣ въ 1380, и только въ нѣсколькихъ словахъ объявляютъ въ 1392, что великій князь завладѣлъ

ихъ княжествомъ. Стоило-бы потрудиться надъ поясненіемъ этого историческаго мрака и опредѣлить разысканіями родословными послѣдованіе владѣтелей и пространство области, которая вначалѣ составляла часть Рязанскаго княжества.

3) Правда-ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понинѣ удержала названіе «*Мещерской стороны*» (словарь Геогр. подъ статью: «Мещерская сторона»).—Откуда это наименованіе? Сохранились-ли слѣды *народа*, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подъ именемъ *Мещеры*?

4) *Въ сорочинскомъ монастырѣ*, въ 15 верстахъ отъ Рязани, находятся гробницы нѣкоторыхъ князей Рязанскихъ. Но—имена князей и княгинь, тамъ похороненныхъ?

5) Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ исчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. летопись, стр. 22), нныя намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много-бы свѣту приобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Н. пр., гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешиловъ*, *Крылатескъ*, *Неринскъ*, *Кулатенскъ* [Кумтескъ], и тотъ *Рославль* или лучше *Ярославль Польскій*, который, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *степи Ярославской, большой и малой*, въ южной части Тамбовской губерніи.—Послѣднее имя *Оурютискъ* показано *Юрютискъ* въ Шлецеровомъ спискѣ.

6) Герберштейнъ говоритъ, что въ (древней) Рязани была крѣпость Ярославль, которой только слѣды остались. Можно-ли ихъ еще распознать? И какой это островъ *Струбъ*, о которомъ онъ упоминаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: «*Rezan, provincia inter Occam et Tanaim sita, civitatem ligneam non longe a ripa Occae habet. Erat in ea castrum quod Jaroslav vocabatur, cujus nunc praeter vestigia (nihil) existat. Haud procul ab ea civitate Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur*»¹⁾.

7) Гдѣ отыскивать этотъ уѣздъ *Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничъ*, которыхъ имена приводятся въ Древ. Росс. Вѣд., изд. второе, часть I, стр. 92?

8) Договоръ между двухъ братьевъ князей Рязанскихъ, а не такъ какъ его ложно называлъ г. Новиковъ—договоромъ великаго князя Московскаго съ Рязанскимъ (Древн. Росс. Вѣд. II, стр. 263). Сей договоръ наполненъ географическими подробностями, но наши карты недостаточны для ихъ изслѣдованія.

9) Имя *Гремячи* часто встрѣчается на нашихъ картахъ, но который «Гремячи», во время Петра I-го, почитался уѣзднымъ городомъ—на коломенской дорогѣ, въ 230 верстѣ отъ Москвы?

10) Много-ли *Мордовцевъ* въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ? Какія ихъ *деревни* и *волости*? Смѣшаны-ли они гдѣ-нибудь съ Русскими? Различаются-ли они также въ сихъ губерніяхъ въ духъ народовъ *Мокшанцевъ* и *Ерзанцевъ*? *Пурасова* Мордва, которая въ 1228 году нападала на Нижний-Новгородъ, конечно въ этой губерніи должна быть отыскиваема? Нельзя-ли имѣть точнѣйшаго свѣдѣнія о жилыхъ деревняхъ и волостяхъ мордовскихъ въ этой губерніи?

¹⁾ Рязань, область, лежащая между Окой и Танансомъ (Дономъ), имѣетъ деревянную столицу, недалеко отъ берега Оки. Въ ней было укрѣпленіе, которое называлось Ярославль, отъ котораго теперь остались только слѣды. Недалеко отъ города рѣка Ова образуетъ островъ, который называется Струбъ.

11) Любопытное известіе въ нашихъ лѣтописяхъ есть описаніе путешествія (плаванія) по Дону митрополита *Пимена*, въ 1389 г. Тамъ, между прочимъ, сказано, что въ пятое воскресенье (мая 16) они прошли рѣку *Медвѣдицу* и горы *высокія* и *Бѣлый-Яръ* рѣку. Эта рѣка, кажется, должна быть *Перекопка*. Но какъ велико разстояніе между Медвѣдицею и Перекопкою? Можно-ли туда поспѣть въ одинъ день? — Въ понедѣльникъ они прошли горы *каменныя красныя* и, коли не ошибаюсь, прибыли къ Иловѣ. — Во вторникъ они видѣли развалины *Теркляю-града*, которыя, вѣроятно, находились между *Качалинскою* и *Трехъ-Островянскою* станицею. (Рѣчка, которая ниже Трехъ-Островянской станицы вливается слѣва въ Донъ, называется въ подробн. картѣ, № 54, *Сакарка*. Не *Саркелъ*-ли?) При Петрѣ еще тутъ не подалеку находился высокій и круглой валь, будто-бы изъ глины (*terre glaise*). Существуетъ-ли онъ еще? И какъ называется? Какая его фигура? Точно-ли онъ сдѣланъ просто изъ глины, или можетъ быть изъ кирпичей? Не находится-ли здѣсь, какъ обыкновенно на правомъ берегу Дона, известковая земля? (Сличить Stritt. Мем. III р. 567). — Потомъ странствователи въ тотъ-же день прошли *перевозъ*; не тамъ-ли лѣтомъ Донъ спадаеть до 4-хъ фут. глубины, нѣскольکو повыше рѣки *Голубенки*? Но во сколькихъ отъ нея верстахъ? Не худо-бы знать замѣчательные броды и перевозы рѣки Дона.

12) Какія есть развалины возлѣ *Глазуновской*, на Медвѣдицѣ, выше ея устья?

13) Упоминають еще о замѣчательныхъ *могилахъ* на берегахъ Медвѣдицы и Дона въ окрестностяхъ Перекопской и Сиротинской. Имѣють-ли онѣ отличные признаки?

14) Академикъ Фалькъ (*Beiträge zur topographisch. Kennt. des Russ. Reichs*) говоритъ о *двухъ городищахъ значительныхъ* возлѣ *Цимлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видаль, но что казачій атаманъ ему объ нихъ рассказывалъ, всемирно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдованія имени, фигуры и вещества этихъ развалинъ. Не видать-ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали-ли земли и что въ ней найдено?

15) Герберштейнъ говоритъ о городѣ *Ахасъ* въ разстояніи 4-хъ дневномъ или также, по его словамъ, въ 12 миляхъ [нѣмецкихъ?] выше Азова, на берегу Дона. — Въ его время *Ахасъ* и *Азовъ* были тамъ единственные города. Отъ Азова считалось до Перекопа пять дней ѣзды, до Астрахани семь, до Шамахи двѣнадцать. — По сему показанію, на которое нельзя, впрочемъ, очень полагаться, Ахасъ должно отыскивать въ Цимлянской, а коли вѣрить 12 милямъ, то въ окрестностяхъ Черкаска. — Есть еще *слобода Городище* на *Самѣ*, а можетъ быть и другіе *городища*, которые вовсе неизвѣстны.

16) *Донецъ*, или *Самъ* — которая изъ этихъ двухъ рѣкъ *Бузукъ* въ путешествіи митрополита Пимена?

17) *Самъница*, которая по кн. больш. чертежа впадаетъ въ Донецъ выше Изюма, известна-ли еще подъ симъ именемъ?

18) Направо отъ устій Дона, между *Недвиговскою* и *Синявскою* есть *идущіе*, гдѣ будто-бы находили монеты, серебряныя и золотыя, довольно отдаленныхъ временъ. Можно-ли ихъ имѣть или видѣть?

19) Въ Азовѣ, конечно, такія найдутся. *Саркелъ* стоялъ на Дону, ниже Черкаска, между нимъ и устьемъ Дона, притомъ на восточной сторонѣ.

20) Нельзя-ли достать словарь языка *Закубанскихъ Черкесовъ*? Въ

Гильденштедт есть словарь кабардинскій; такимъ образомъ можно было-бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

21) Палласъ въ описаніи острова Тамана (Reise in die südl. Strathalter d. R. R., II, p. 294, 296) говоритъ о разныхъ нефтяныхъ ключахъ. Ихъ еще болѣе должно находитья во внутренности того края. Сличить Stritt. Mem. pop. IV, 249, 250. Мѣсто, приведенное изъ Константина Порфиророднаго, заслуживаетъ всячески вниманіе путешественника.

22) Палласъ слишкомъ мало говоритъ о гробницахъ близъ селенія Торкрукъ (R. in d. südl. Stratt. II. 231). Нельзя-ли открыть одну изъ нихъ? Можетъ быть онѣ готическія.

23) Тотъ-же авторъ далъ намъ (ibid. II. 44, 54. etc.) прекрасное описаніе окрестностей Севастополя, но, чтобы его совершенно уразумѣть и распознать три бухты Страбона, нужна подробнѣйшая карта сей части Крыма. Говорятъ, что гр. Воронцовымъ это поручено Севастополю.

24) Какой это Каменный мостъ, на Каланчикѣ, въ 35 в. отъ Перекопа, когда къ нему ѣдешь изъ Крыма? (См. геогр. Каланчикъ).

Есть въ Крыму множество надписей временъ Генуэзскихъ, но никто до-сихъ-поръ не обращалъ на нихъ вниманія.

25) Березовскій островъ, въ концѣ Днѣпровскаго лимана, также называется Гата (Hata). Какое это слово—греческое или турецкое? И что оно значитъ?

26) Сто-Могилы, при устьѣ Буга, остатки Ольги или Борисовна, весьма замѣчательны для путешественника (см. Муравьева).

27) Можно-ли объяснить имена Инуль, Бузулукъ?

28) Есть-ли заливъ (или заводъ) Двѣпра, бухта, ниже пороговъ известная Перуия река? (Несторъ, лѣта 988).

29) Въ какомъ состояніи теперь островъ Хортицы? Есть-ли тамъ еще Меннониты, поселенные кн. Потемкинымъ? Покрѣпи-ли островъ дубнякомъ?

30) Водяная, въ описаніи Украины, говоритъ о Таволианскомъ островѣ возлѣ Таволшанскаго порога: «Cette île a bien près de 2000 pas de long et 150 de large; elle est toute de roches, mais sans précipices. Ce lieu est fort de nature et beau pour habiter. Il croit en cette île force de Tavala, qui est bois rouge dur comme buis et qui a la vertu de faire uriner les chevaux». Это описаніе острова справедливо-ли? И какое дерево, о которомъ Водяная говоритъ? Нельзя-ли достать нѣсколько вѣтвей съ листьями, цвѣтами и сѣменами? Растеніе, известное подъ именемъ Таволи, обыкновенно не имѣетъ никакого дерева (Spirea, Linn.).

31) Будилевскій-Будильскій-Будинскій порогъ Зуевымъ причисляется къ большимъ порогамъ (Пут. Зап., стр. 254). Онъ его самъ не посѣщалъ. Правъ-ли онъ?

32) Водяная говоритъ объ островѣ: «Au travers du quatrième saut appelé Стрѣльчій, une île toute de roche, haute de trente pieds et faite en précipices tout autour; elle est environ de 500 pas de long et de 70 ou 80 de large. Je ne sais si elle a quelques eaux de dedans,

4) Поперекъ четвертаго порога, называемаго Стрѣльчій, лежитъ утесистый островъ въ 30 футовъ высоты, обрывистый со всѣхъ сторонъ. Онъ—около 500 шаговъ въ длину и 70—80 въ ширину. Не знаю, есть-ли на немъ вода, потому что его посѣщаютъ только птицы. Кругомъ онъ обросъ дикимъ виноградомъ.

car personne n'en aborde que les oiseaux; au reste tout le tour de cette isle est fort ombragé de vigne sauvage» ⁴⁾. Лучшія наши карты не показываютъ никакого острова поперекъ *Стрѣльчаго порога*, и кажется, что по ошибкѣ Бопланъ относить къ сему порогу утесистые острова, которые находятся на *Лоханскомъ пороѣ*. Но сіи имѣють-ли 30 футовъ вышины? Или это мѣра возвышенія праваго днѣпровскаго берега? Есть-ли тамъ дикій виноградъ?

33) Какой величины разстояніе между первымъ или Кайдацкимъ и послѣднимъ или Вольнымъ порогомъ?

34) Въ судоходствѣ по Днѣпру употребляются-ли парусы?

35) Во сколько времени барки и суда проходятъ разстояніе, занимаемое порогами?

36) Во сколько времени ѣздить водою отъ Хортиць въ Херсонъ? Будетъ-ли тугъ 270—280 верстъ?

37) Книга Больш. Чертеж. говорить о рѣкѣ *Овечи-Воды*, которая ниже *Быка* впадаетъ въ Самару, и въ исторіи о ней упоминается, но не нашихъ картахъ она не означена.

38) Рѣка *Орель* еще-ли извѣстна подъ названіемъ *Уль*? (Татищ. ист. I. 379, примѣч. 98). Составляла-ли она природную границу между земель по-сю и по-ту сторону ея теченія?

39) Есть-ли островъ на Днѣпрѣ, противъ впаденія Трубежа, подъ названіемъ *Варяжскій островъ*? (см. годъ 1224).

40) Какъ объяснить себѣ сіе мѣсто въ Татищевской исторіи (II. 344): «Изяславъ съ братією, перешедъ *Лощицу*, ста позади града по Трубежу, а Юрій, стоя у Стрякова три дня, въ четвертый, на утренней зорѣ, пошелъ мимо Переяслава и сталъ между валомъ и по оной странѣ Трубежа за *звирницею* у *Рошени*»?

41) Кіевъ! Прочеть въ Гюльденштедтѣ описаніе сего города.

42) Извѣстны-ли еще Дорогожичъ и Капичъ? (годъ 980).

43) Рѣки Сетомль и Сутень (года 1036, 1064 или 1065)?

44) Озеро Дулевское или Бузское и рѣка Солоча [Золоча] 1151 г. замѣчательны по ратнымъ движеніямъ к. Юрія Володиміровича.

45) Звенигородъ (г. 1151 и Татищ. II. 138).

46) Паросѣгъ (г. 1160 и Татищ. III. 131).

47) Олжичи (г. 947, 1147, 1182, 1214 и Татищ. II. 390. Примѣч. 129).

48) *Была Везжа* при верховіи *Осестра* слишкомъ древна, чтобы на ней не остановить вниманіе. Гюльденштедтъ говорить о ней, но плана не снялъ.

49) Надгробные камни въ церквахъ въ Черниговѣ, Глуховѣ, Рыльскѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Трубчевскѣ, Карачевѣ, Новосилѣ, Оболенскѣ и Тарусѣ и въ близъ-лежащихъ монастыряхъ, выведутъ можетъ-быть хоть нѣсколько изъ мрака родословную Черниговскихъ князей, которымъ она покрыта по Бархатной книгѣ и по таблицамъ Стриттера, особенно въ 13 и 14 столѣтіи.—Намъ неизвѣстны потомки Романа Михайловича, князя черниговскаго и брянскаго съ 1246 года (Барх. кн. I. 180), въ которомъ отецъ его былъ убитъ. Можно-ли, чтобы *Семень*, *Юрій* и *Мстиславъ* были его братья, когда ихъ дѣти являются въ исторіи позже 1365 года.—Въ 1286 г. упоминають о Романѣ Брянскомъ.—1319 г. о Романѣ Михайловичѣ Брянскомъ.—1330. Прежде сего года построены монастырь Успенскій Свенскій, въ 4 верстахъ отъ Брянска, тоже Романомъ Михайловичемъ (Зуевъ, Пут. Зап., стр. 128).—1375. Еще какой-то Романъ Михайловичъ Брянскій является подъ Тверью.—1401. Того-же имени князь въ

Смоленскѣ. — Подъ статью *Горчаковы князя* въ Бархатной книгѣ II. 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣ Карачевскихъ. Стоило бы справиться въ Разрядномъ Архивѣ подѣ № 202, а для князей Совицкихъ или Осовяцкихъ подѣ № 207.

50) Извѣстны-ли еще въ окрестностяхъ Чернигова мѣста, упоминаемыя въ исторіи при осадѣ сего города въ 1152 году? То, что Татищевъ (III. 69) говоритъ о Березовѣ и Свинѣ, должно быть ошибочно.

51) Извѣстно-ли селеніе подѣ названіемъ *Мерликово* близъ Новгородъ-Сѣверска?

52) И волость карачевская подѣ именовъ *Хороборъ* или *Хоборъ*.

53) Рѣка *Щижъ*, о которой упоминается въ книгѣ Больш. Чертежа, не находится на нашихъ картахъ.—Какое ея теченіе? Нѣтъ-ли на берегахъ ея городища? Не придали-ли она своего названія какой-либо волости?

54) Мезецкъ, Мезеческъ и Мещовскъ—одно-ли это и то же?

55) Въ слов. Георг. подѣ статью *Шитино* сказано, что деревня сего имени находилась въ Бежецкомъ уѣздѣ.—Какъ же ее обозначить на нашихъ картахъ?

56) Вообще отличительныя черты мѣстныя (physionomies) насчетъ равнинъ, долинъ, лѣсовъ и проч. Можно-ли опредѣлять границы краю лѣсному, покрытому кустами и степному?

57) Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда—гдѣ и какъ перемѣняются?

58) Варяги-франги. Ф. нѣтъ въ русскомъ языкѣ и *an* назальнаго германскаго звука.

59) *Русы*—отъ цвѣта волосъ.

60) Я думаю, что *Россы*, которые подходили въ 866 году подѣ Царьградъ и отъ которыхъ греки избавились посредствомъ ризы Влахернской Божіей Матери, были *Иры-Оссы*. Патриархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи говоритъ, что они потомъ сдѣлались кроткими христіанами, а осетины около этого времени точно приняли христіанскую вѣру, которую потомъ утратили. Церкви того времени въ ущелии Оссы-рѣки и близъ каменнаго моста на Кубани, также и въ иныхъ мѣстахъ о томъ свидѣлствуютъ. Извѣстно, что осетинское племя, нынѣ заключенное въ среднемъ Кавказѣ, прежде далеко по плоскости простиралось до Таврии и Понта-Эвксинскаго.

61) Не Славяне, а Словене,—въ противоположность нѣмцамъ....

62) Татищ. въ г. 964.—Ольга уничтожила *Князее* (Droit du seigneur) и замѣнила поборомъ черной куницы отъ жениха, поданнаго князю или боярину. Елагинъ замѣчаетъ, что поборъ свадебный и повинъ называется *куничнымъ*.

63) Кѣметъ, кѣмети (сподвижники, слуги, дружины). Не то-ли, что *соте*, въ первоначальномъ значеніи? «А мои кураны свѣдоми кѣмети». (См. «Слов. о пол. Игоревѣ»).

Краткія примѣчанія.

1) Горе отъ ума (стр. 17—99). По свидѣтельству многихъ лицъ, комедія задумана Грибоедовымъ въ ранней молодости, но планъ ея постепенно измѣнялся съ лѣтами автора, дѣйствующія лица — одни (какъ жена Фамусова) исключались, другія, вѣроятно, вводились. Слѣды всей этой работы утрачены, и только въ изданномъ въ Москвѣ, въ 1891 г., редакціею «Рус. Вѣд.» сборникѣ «Помощь голодающимъ» появился слѣдующій «Прологъ» къ «Горю отъ ума», случайно найденный г. Городецкимъ:

ПРОЛОГЪ. Чацкій и Лиза.

Чацкій. Я ѣду, и сейчасъ: заѣхалъ я проститься...
Лиза. Какъ такъ? Вы ѣдете? Надолго ли? Куда?
Чацкій. Подальше отъ Москвы; быть-можетъ, навсегда.
Лиза. Раздумали жениться?
Чацкій. На комъ!
Лиза. На нашей барышнѣ-съ?! она...
Чацкій. Какая ты плутовка!
Пусть скажетъ мнѣ сама
Что мнѣ я ей, желаетъ, чувствуетъ, готова,
Составитъ счастье мое...
Лиза. Скавать-то ей неловко
Самой такое слово!
Чацкій. Вѣдь для невѣсты нѣтъ отрады никакой,
Когда ведутъ ее немилою рукою
Къ вѣнцу... Къ тому же —
Въ какомъ есть надобность ей мужъ?
Лиза. О комъ же барышня твердить, какъ не о васъ!
Чацкій. Какъ? Обо мнѣ?! Я думаю, что каждый часъ
Она толкуетъ о знакомыхъ,
О суженыхъ и о влюбленныхъ,
Объ острыхъ по уму, о милыхъ на паркетѣ,
О фракѣ щегольскомъ, о форменномъ колетѣ.
Лиза (*прерывая*).
Помилуйте: она васъ любитъ, обожаетъ:
Весь вѣкъ желаетъ съ вами проводить.
Чацкій. Такъ что-жъ она молчитъ о томъ, скрываетъ?
Вѣдь я не чуждый ей, —
И не злодѣй...
Родные наши всѣ другъ друга не чуждались, —
Быть-можетъ, упрекнуть за то, что мы разстались,
Среди взаимныхъ чувствъ борьбы
Не сочетавъ счастливѣйшей судьбы...
Дней на пятокъ
Я остаюсь въ Москвѣ... Здѣсь буду въ четвертокъ
На будущей недѣлѣ, —
И всѣ слова ея повѣрю я на дѣлѣ...

О, сердце жалкое; о, какъ оно страдаетъ! (*Уходитъ*).
 Лиза. Да, да: ужъ барышня комедію сыграетъ..
 И съ вашимъ сердцемъ и съ умомъ:
 Они, давно уже, вдвоемъ!..

Что касается до извѣстныхъ «первоначальныхъ» списковъ, то они отличаются отъ всѣмъ извѣстныхъ послѣднихъ редакцій почти только стихами, менѣе обработанными, но не смысломъ ихъ. Исключеніе составляютъ явленія XII и XIII послѣдняго дѣйствія, показывающія, что Грибоѣдовъ первоначально иначе представлялъ себѣ развязку комедіи. Вотъ ихъ текстъ (см. П. Собр. Соч. Гриб. подъ ред. Шляпкина):

ЯВЛЕНИЕ XII.

Чацкій, за колонной; Лиза, Молчаливъ, потягивается и вѣваетъ.
 Софья, крадется сверху.

Лиза. Скорѣй пойдите же! Боюсь, не въ добрый часъ
 Изъ дворни кто-нибудь тутъ выскочитъ на насъ.
 Ну вотъ и барышня.

Софья. Какъ я перепугалась,
 Мой другъ! Шла давича съ свѣчей сюда въ рукахъ,
 И что-то двигалось... Мнѣ показалось,
 Что Чацкій здѣсь.

Чацкій (*бросается между ними*).

Я здѣсь, притворщица! Да!..*

Софья. Ахъ!

Лиза *ронлетъ свѣчу съ испуга. Молчаливъ скрывается къ себѣ въ комнату.*

ЯВЛЕНИЕ XIII. Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій. И зналъ ужъ разъ, а вѣрить усомнился!
 Сходиѣ-бъ, кажется, сквозь землю провалился.

Софья. Какая низость! Подстеречь,
 Подкрасться — и потомъ, конечно, обезславить!
 Что? Этимъ думали къ себѣ меня привлечь,
 И страхомъ, ужасомъ любить себя воставить?
 Отчетомъ я себѣ обязана самой.

Однако, вамъ поступокъ мой
 Чѣмъ кажется такъ золь и такъ коваренъ?
 Не лицемѣрла и права я кругомъ...

Ахъ, Боже мой! Стукъ, шумъ! Сюда бѣжитъ весь домъ... и т. д.

Диалогъ Лизы съ Молчалинымъ, обнаружившимъ здѣсь всю низость своей души, и измѣненія въ дальнѣйшемъ текстѣ, имъ обусловленныя, написаны уже въ 1824 году, какъ это ясно изъ августовскаго письма къ Бѣгичеву (см. стр. 310). Что касается до длиннаго «первоначальнаго текста» послѣдняго монолога Чацкаго въ изд. Шляпкина, то онъ представляетъ только очевидную смѣсь необработанныхъ и обработанныхъ стиховъ. Такъ, въ немъ есть стихъ: «Вы помиритеся съ нимъ...», хотя по первоначальному тексту явл. XII и XIII Софья не ссорилась съ Молчалинымъ и потому мириться съ нимъ ей не представлялось надобности... Явл. VII—X д. 1-го и явл. I—XXII д. 3-го появились въ «Рус. Тали» 1825 г. Вся комедія первымъ изданіемъ вышла въ 1833 году.

2) Относительно остальныхъ произведеній Грибоѣдова, сверхъ того, что сказано въ предисловіи къ нашему изданію, и примѣчаній, ко-

торыя сдѣланы подъ текстомъ, ограничиваемся указаніями появленія ихъ въ печати.

Грузинская ночь (стр. 100) — «Рус. Слово» 1859, № 5; «Рус. Вѣстн.» 1873, IX; «Русс. Библ.», V.

Молодые супруги (106—122) есть передѣлка комедіи «Le secret du ménage», соч. Creuzé de Lesser (см. изд. Шляпкина). Отд. изд. 1815 г. СПб. Тип. Императ. театр. Затѣмъ въ разныхъ изданіяхъ сочиненій.

Лубочный театръ (122—123). «Сборникъ студентовъ СПб. универс.» 1860, т. II.

Своя семья (124—130). «Сынъ Отеч.» 1817, ч. 42. Затѣмъ въ отд. изд. комедіи, СПб. 1818. Мы приняли, въ противоположность изд. Шляпкина, текстъ отдѣльнаго изданія, какъ болѣе обработанный, и, очевидно, самимъ Грибоѣдовымъ.

Притворная невѣрность (130—148). Отд. изданіе въ СПб. 1818 г. Тип. Греча.

Проба интермедіи (149—151). «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.

Кто братъ, кто сестра (152—172). Въ первый разъ въ Под. Собр. соч. Г. подъ ред. Шляпкина, СПб. 1889.

Студентъ (173—211). П. Собр. Соч. Г. подъ ред. Шляпкина.

Драматич. отрывки и планы (212—218). «Русск. Слово» 1859, № 5.

Стихотворенія (219—234)—«Отъ Аполлона» въ «С. Отеч.» 1815, т. 25.—«Прологъ Фауста» въ «Полярн. Звѣздѣ» 1825 (отрывокъ изъ Гете).—«Романсъ» въ изд. «Горя отъ ума» 1839 года, въ статьѣ К. Полеваго.—«Крылами паря» въ «Оберт. Лист.» 1860, № 2, и «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.—«Давидъ» въ «Мнемозина» 1824, I, и въ «Моск. Вѣд.» 1858, № 89.—«Телешовой» въ «С. Отеч.» 1823, кн. 99.—«Эпиграмма» въ изд. «Горя отъ ума» 1839, въ ст. Полеваго.—«Хищники на Чегемѣ» въ «Сѣв. Пчелѣ» 1826, № 143; «Рус. Слово» 1859, № 5; «Рус. Стар.» 1874, № 6.—«Экспромтъ» въ «Рус. Вѣстн.» 1873, IX.—«Освобожденный», «Посл. Одоевскому», «Прости отечество» и «Три монолога» въ «Рус. Словѣ» 1859, № 5.—«Кальянчи» въ «С. Отеч.» 1838 г. № 1.—«Душа» въ «Б. д. Ч.» 1835, № 11.—«Элегія» въ «Радугѣ» 1830.—«Востокъ» въ «Б. д. Ч.» 1836, № 1.—«Домовой» въ «Рус. Сл.», 1859, № 5.

3) Прозаическія произведенія — появились: «Письмо изъ Бреста» (235) въ «Вѣст. Евр.» 1814, ч. 76.—«О кавалер. резервахъ» (240) ib. ч. 78.—«О Гилани» (244) въ «Сѣв. Пчелѣ» 1826, № 76.—«Случай Петерб. наводненія» (246) и «Загороди. повѣдка» (250) въ «Рус. Сл.» 1859, № 5.—«О разборѣ перевода Леноры» (252) въ «С. Отеч.» 1816, ч. 30.—«По поводу «Горя отъ ума» (261) въ «Рус. Арх.» 1875 т. II.—«Замѣчанія на грамматику Греча» (262) въ П. Собр. Соч. подъ ред. Шляпкина.—«Характеръ моего дяди» (266) въ «Рус. Арх.» 1874, т. II. Письма Грибоѣдова, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ и хранившіяся въ автографахъ, собраны въ изд. Шляпкина. Мы включили въ нихъ и «Путевыя письма», такъ какъ можно сказать съ положительной увѣренностью, что они послышались дѣйствительно Бѣгичеву и только утрачены; въ тетради же Грибоѣдова остались черновики. Въ этомъ изданіи подробнѣйшія библиографическія данныя о сочиненіяхъ Грибоѣдова и по литературѣ о нихъ.

Изъ замѣтокъ историческихъ (382) появились въ «Рус. Сл.» 1859, № 5.

Оглавление.

	стр.
Предисловіе	3
А. С. Грибоѣдовъ. (Біографическій очеркъ)	5
Горе отъ ума. Комедія. (1823)	17
Грузинская ночь. Отрывки изъ трагедіи. (1828)	100
Молодые супруги. Комедія. (1815)	106
Лубочный театр. (Памфлетъ). (1817)	122
Пять сценъ изъ комедіи „Своя семья“. (1817)	124
Притворная невѣрность. Комедія. (1818)	130
Проба интермедіи. (1819)	149
Кто братъ, кто сестра. Опера-водевиль. (1824)	152
Студентъ. Комедія. (1817)	173
Драматическіе отрывки и планы:	
Родамистъ и Зенобія.	212
1812 годъ. (1822)	215
Юность въщяго. (1823)	218
Стихотворенія:	
Отъ Аполлона. Эпиграмма. (1815)	219
Прологъ Фауста. (Изъ Гёте). (1824)	—
Романсъ: «Ахъ, точно-ль никогда» (1824)	223
(Задача Эрота). «Крылами паря, стрѣлами звеня». (1824)	—
Давидъ. (1824)	—
Телешовой. (1824)	224
Эпиграмма: «И сочиняють—врутъ...»	225
Хищники на Чегемѣ. (1825)	—
Экспромтъ: «По духу времени и вкусу» (1826)	227
Освобожденный. (1826)	228
Посланіе кн. А. И. Одоевскому. (1828)	—
«Прости, отечество»	—
Три монолога	229
Кальянчи. (Отрывокъ изъ поэмы)	230
Душа	232
Элегія. (Изъ Леонара). «Покоясь на берегу крутомъ»	—
Востокъ	233
Дождь	234
ПРОЗА: Разныя статьи:	
1) Письмо изъ Бреста-Литовска. (1814)	235
2) О кавалерійскихъ резервахъ. (1814)	240
3) О Гиляни. (1822—1823)	244
4) Частные случаи Петербургскаго наводненія. (1824)	246
5) Загородная повѣдка	250
Статьи и замѣтки критическія:	
1) О разборѣ перевода «Леноры». (1816)	252
2) По поводу «Горя отъ ума»	261
3) Замѣчанія на грамматику Греча. (1824)	262
4) Характеръ моего дяди	266
Письма Грибоѣдова:	
1816. 1—3. С. Н. Бѣгичеву	—
1817. 4. П. А. Катенину	269
1818. 5. С. Н. Бѣгичеву	271

	стр.
1818.	6. А. В. Всеволожскому 272
	7—10. С. Н. Бѣгичеву 273
1819.	11. Къ изд. «Сына Отеч.» 277
	12—18. Путевыя письма (С. Н. Бѣгичеву) 280
	19—20. » » (П. А. Катенину) 297
1820.	21. Кн. А. А. Шаховскому 300
1822.	22. В. К. Кюхельбекеру 301
1823.	23. Ю. К. Глинкѣ 303
	24—26. Кн. В. Ѳ. Одоевскому 305
1824.	27—29. С. Н. Бѣгичеву 306
	30. П. А. Катенину 311
	31. Ѳ. В. Булгарину 313
1825.	32—33. С. Н. Бѣгичеву 314
	34—35. П. А. Катенину 316
	36—37. С. Н. Бѣгичеву 319
	38. В. Ѳ. Одоевскому 321
	39—41. С. Н. Бѣгичеву 322
	42. А. А. Бестужеву 326
	43. В. К. Кюхельбекеру 328
	44. С. Н. Бѣгичеву 330
	45. А. А. Жаңдру 332
1826.	46—59. Ѳ. В. Булгарину 333
	60. С. Н. Бѣгичеву 337
	61. Ѳ. В. Булгарину 339
1827.	62. П. Н. Ахвердовой 340
	63. Ѳ. В. Булгарину . . . . . —
	64—67. П. Н. Ахвердовой 342
	68. Паскевичу (донесеніе) 348
	69. П. Н. Ахвердовой 361
1828.	70. П. М. Устимовичу 362
	71. Кн. А. И. Одоевскому 363
	72. Е. И. Булгариной . . . . . —
	73—74. Ѳ. В. Булгарину 364
	75. А. А. Жаңдру 365
	76—77. Ѳ. В. Булгарину 366
	78—79. П. Н. Ахвердовой 369
	80. Къ изд. «Сѣв. Пчелы» (о вятѣи Баязета) 370
	81. Ѳ. В. Булгарину 373
	82. В. С. Миклашевичъ . . . . . —
	83. Гр. И. Ѳ. Паскевичу 374
	84. П. М. Устимовичу . . . . . —
	85. Ѳ. В. Булгарину 375
	86. П. Н. Ахвердовой 376
	87. Н. Ф. Калачевскому 377
	88—89. П. М. Устимовичу 378
	90. В. С. Миклашевичъ . . . . . —
	91. П. Я. Ренненкампфу 379
	92. Н. А. Грибоѣдовой 380
	Изъ замѣтокъ историческихъ 382
	Краткія примѣчанія 388

RY

d on

891.72 .G841
Polnoe sobranie sochineAJA9820
Stanford University Libraries

3 6105 045 013 468

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
Stanford, California

SEP 4 '64

JUN 16 '68

SEP 17 '64

FEB 23 '68

ИЗДАНИЕ
А. С. МАРЦА
С. П.